

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Т.Н.ПАХАЛИНА

Сравнительно-
историческая
морфология
памирских
языков

· НАУКА ·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Т.Н. ПАХАЛИНА

СРАВНИТЕЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКАЯ
МОРФОЛОГИЯ
ПАМИРСКИХ
ЯЗЫКОВ

Ответственный редактор
доктор филологических наук
В.И. АБАЕВ

МОСКВА
"НАУКА"
1989

Рецензенты:

доктор филологических наук М.И.Исаев,
кандидат филологических наук Х.К.Курбанов

Научное издание

ПАХАЛИНА Татьяна Николаевна
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ
ПАМИРСКИХ ЯЗЫКОВ

Утверждено к печати Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства Е.В. Фурманова
ИБ № 39020

Подписано к печати 15.08.89. Формат 60х90/16
Бумага офсетная №1. Печать офсетная
Усл. печ. л. 16,5. Усл. кр.-отт. 16,9. Уч.-изд. л. 18,9
Тираж 600 экз. Тип. зак. 1862. Цена 4 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
П17864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени I-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

Отпечатано с оригинал-макета, подготовленного Институтом
языкознания АН СССР

Пахалина Т.Н.

П12 Сравнительно-историческая морфология памирских языков. - М.:
Наука, 1989. - 264 с.

ISBN 5-02-010936-3

Книга представляет собой первый опыт (как в советской, так и в зарубежной иранистике) исследования морфологии всей группы памирских языков в сравнительно-историческом плане. В ней описываются морфологические категории ваханского, ишкашимского, язгулямского и шугнанского языков и дается их общий сравнительно-исторический анализ. В основу работы положены этимологические изыскания, в большинстве своем впервые вводимые в научный обиход.

Для специалистов по иранским и индоевропейским языкам.

П 4602020000-270 209-89 доп. к ТП
042(02)-89

ББК 81.2-2

ВВЕДЕНИЕ

I.O. Настоящая работа является первым опытом (как в советской так и зарубежной иранистике) сравнительно-исторического исследования морфологии памирских языков. Она представляет собой продолжение нашей предшествующей книги, посвященной сравнительно-историческому анализу фонетики и фонологии этих языков (Пахалина, 1983). Несмотря на то, что попытки исторического осмысления отдельных фактов памирских языков относятся еще к концу прошлого века (GIPh, 1895 - 1901), сравнительно-исторического исследования морфологии этой группы языков в целом до сих пор нет.

I.I. Если говорить об основных вехах в историческом изучении отдельных фактов морфологии памирских языков, то они следующие. В 1915-1916 годах были опубликованы три работы французского ученого Р.Готье. Первая содержала отдельные заметки по фонетике мунджанского языка (Gauthiot, 1915), вторая - отдельные наблюдения по язгулямскому языку (Gauthiot, 1916), в третьей - вкратце рассматривались рефлексны древнеиранской именной флексии в иранских языках вообще и в памирских, в частности (Gauthiot, 1916). Вопросу именной флексии в восточноиранских языках была посвящена, как известно, и работа П.Тедеско (Tedesco, 1926). В этих работах наряду с целым рядом интересных наблюдений было высказано и предположение о том, что суффиксы мн. числа в иранских языках "гласный + n" являются продолжением древнеиранской именной флексии род. падежа мн. числа на *-ānām, а суффиксы мн. числа в памирских языках на -ē/īf, -ē/īv - рефлексами древнеиранской именной флексии отл.-дат. падежа мн. числа на *-byaṇ или твор. мн. на *-biš. Сразу же заметим, что проведенный нами сравнительно-исторический анализ морфологии памирских языков показал, что это, по-видимому, не совсем так.

Большое значение сохраняет до сих пор работа И.И.Зарубина по исторической фонетике и морфологии мунджанского языка (Зарубин, 1927). Несмотря на то, что материал был записан им от выходцев из Мунджана, проживающих в пределах СССР (Ишкашим), языковые данные, содержащиеся в его работе, отличаются большой точностью. Остается сожалеть, что этот очерк мунджанского языка слишком краткий.

Значительным шагом вперед в изучении памирских языков явилась работа норвежского ираниста Г.Моргенстьерне (Morgenstierne, 1938). В

ней представлено описание трех памирских языков: мунджанского, ваханского и сангличского. Описание дано не только в синхронном плане, но и в историческом. Слабая степень изученности памирских языков того периода не позволила автору дать более подробное описание этих языков. Главный же недостаток этой работы состоял в том, что автором не был установлен фонологический состав вокализма этих языков и по сути отсутствовала надежная этимологическая база. А сравнительно-исторического анализа языков в этой работе вообще нет.

В 50-е годы в нашей стране началось интенсивное изучение памирских языков. Этому способствовало, с одной стороны, то, что почти все памирские языки представлены на территории Советского Союза (Горно-Бадахшанская автономная область Тадж. ССР), с другой - достаточно высокий уровень, которого достигло изучение иранских языков вообще в тот период. Результатом многолетнего изучения памирских языков в синхронном и историческом плане явились работы В.С.Соколовой (1953; 1959; 1960; 1967; 1973). Историческому изучению посвящены две ее последние работы. В одной из них (1967) рассматриваются генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Основное внимание здесь уделено исторической фонетике. Грамматические заметки очень фрагментарны и посвящены в основном предлогам, инфинитиву и некоторым суффиксам мн. числа. Другая ее работа (1973) посвящена анализу генетических отношений мунджанского языка и шугнано-язгулямской группы. В ней наряду с исторической фонетикой представлено синхронное описание глагола мунджанского языка, а также отдельные наблюдения, касающиеся генетических отношений мунджанского языка и шугнано-язгулямской группы в области глагола, числа и рода имени, а также некоторых местоимений.

Основной недостаток этих двух работ В.С.Соколовой заключается в очень усложненной и непоследовательной интерпретации явления умлаута и отсюда - противоречивость суждений относительно развития того или иного языкового явления. Чтобы не быть голословными, приведем некоторые примеры. Так, желая во что бы ни стало связать язгулямскую причастную форму на *-ag* с древнеиранским отглагольным именем на **-ti*, В.С.Соколова пишет: "В язгулямском языке отглагольное имя на **-ti* отражено в причастной форме с суффиксом *-ag*, во всяком случае в части глаголов" (1967, с. 107). А несколькими строками ниже она замечает: "Скорее всего в современной язгулямской форме на *-ag* объединились старые образования на **-aka*-от имен на **-ta* и имена на **-ti*, получившие по аналогии с образованиями на **-aka* то же суффиксальное оформление, ср. язг. *žadag*" (там же). Или, говоря о роде, В.С.Соколова пишет: "Так, гласные *ā*, *a*, *i*, составляющие в шугнанской группе примету жен. рода, слились в язгулямском в одну фонему *a*. А гласные приметы муж. рода тоже в ряде случаев смешались в язгулямском между собой" (1973, с. 183). И в этом она видит причину исчезновения грамматического рода в язгулямском языке.

Рассатривая все исторические явления в мунджанском глаголе только через призму переходности – **непереходности**, В.С.Соколова, например, замечает: "Окончание **-t** в 3 л.ед.ч. характеризует переходные глаголы, а окончание **-i** непереходные" (1973, с. 66). Но это не соответствует действительности, ср., м. *ɔkani* 'копает' (переходный глагол), *ɔiɔi* 'падает' (непереходный глагол). Или, например, она отмечает: "Непереходные глаголы образуют повелительное наклонение в ед. числе с суффиксом **-o**" (с. 66–67), а на стр. 86 В.С.Соколова приводит целый ряд переходных глаголов в повелительном наклонении с тем же окончанием **-o**: *ɔurvo!* 'возьми!', *ɔurɔo!* 'спроси!', *ɔɔyo!* '(с)шей!' и др. В заключении же этого фрагмента работы она пишет: "В целом окончание повелительного наклонения **-o** может быть характеризовано следующим образом: оно не употребляется при глаголах с сильной **a**-огласовой" (1973, с. 89). Но и это не соответствует действительности, ср. м. *f(ɔ)ɔato!* 'согласись!'.

К сожалению, такие противоречивые и несоответствующие действительности высказывания имеют место в работе В.С.Соколовой и в отношении других фактов. Так, например, она пишет: "i-умлаутную огласовку в сохранившихся старых основах прошедшего времени мы находим в мунджанском языке главным образом именно у непереходных глаголов" (1983, с. 100). Но можно привести очень много основ прош. времени переходных глаголов именно с i-умлаутной огласовкой, ср. м. *wɛft-* 'ткать', *kevd-* 'жевать', *ɔeft-* 'послать', *niŋg-* 'вытаскивать' и др. И на подобном рода довольно многочисленных высказываниях строятся ею далеко идущие выводы.

В этих двух работах В.С.Соколовой мы не находим системного историко-морфологического анализа не только отдельных памирских языков, но и сравнительно-исторического их исследования в целом. Материал ваханского и ишкашимского языков вообще привлекается от случая к случаю. Не на должном уровне представлена в этих работах и этимологическая база.

Отдельные попытки сравнительно-исторического исследования памирских языков предпринимались и другими исследователями. Так, автором настоящей работы, начиная с 1975 года, было опубликовано несколько работ, в которых в той или иной степени затрагивались вопросы исторической фонетики и морфологии этих языков (Пахалина, 1975а; 1975б; 1976а; 1976б; 1977а; 1977б; 1982; 1983в). Результатом же многолетней работы в этом направлении явилось сравнительно-историческое исследование фонетики и фонологии памирских языков (Пахалина, 1983). В этой работе на основе переосмысленного нами явления умлаута устанавливаются определенные фонетические закономерности, свойственные не только памирским, но и иранским языкам вообще. В ней предпринята также попытка реконструкции прапамирского вокализма и консонантизма. В основу работы были положены этимологические изыскания, в большинстве своем впервые введенные в научный обиход. Эта работа послужила базой

для написания очерков по исторической фонетике и морфологии ваханского и ишкашимского языков (Пахалина, 1987).

Историческому исследованию отдельных морфологических явлений некоторых памирских языков были посвящены работы Д.И.Эдельман. Развивая отдельные положения В.С.Сяколовой, Д.И.Эдельман в одной из своих статей предпринимает попытку установления относительной хронологии в развитии основы прош. времени, совершенного причастия и инфинитива в язгулямском языке и в языках шугнано-рушанской группы (Эдельман, 1973а). В ряде других ее работ рассматриваются вопросы исторического развития местоимений в язгулямском и в шугнано-рушанской группе языков (1970; 1971; 1976). Ареальным чертам в северо-памирской морфологии посвящена статья Д.И.Эдельман, опубликованная в 1981 году в сборнике "Иранское языкознание" (1981).

Несколько статей по различным вопросам исторической морфологии ваханского языка опубликованы Б.Лашкарбековым (1976, 1982б; 1983) и одна статья И.М.Стеблин-Каменским (1981а).

Исследованию глагольных основ шугнанского языка в историческом плане посвящены работы Л.Р.Додыхудоевой (1982; 1985).

Мы не упоминаем здесь целый ряд работ советских иранистов, посвященных синхронному описанию отдельных памирских языков (см. библиографию).

Из зарубежных ученых исследованию памирских языков в последнее время посвятили свои работы Ч.М.Кишфер (Kieffer, 1978), Г.Буддрусс (Buddruss, 1986) и Е.Р.Пейн (Payne, 1980). Очень активно в последние годы занимается сарыкольским и ваханским языками китайский иранист Гао Эрчан (Gao Erqiang, 1985; 1986а,; 1987; 1989).

Заканчивая краткий обзор литературы по историческому изучению памирских языков, необходимо указать еще об одной работе. В 1987 году (уже через год после завершения и утверждения на Ученом совете данной нашей работы) вышел из печати 4-ый том коллективного труда "Основы иранского языкознания", в котором кроме наших двух очерков по ишкашимскому и ваханскому языкам, содержатся также очерки Д.И.Эдельман по шугнано-рушанской группе и язгулямскому языку, а также очерк А.Л.Гронберга по мунджанскому языку.

1,2. Настоящая работа построена по следующему плану. Сравнительно-историческому анализу морфологических явлений памирских языков в целом предшествует историческое описание морфологии каждого из следующих памирских языков: ваханского, ишкашимского, мунджанского, язгулямского и шугнанского. В очерке, посвященном шугнанскому языку, в той степени, в какой это было необходимо, привлекались также данные по морфологии других диалектов шугнано-рушанской группы.

Все морфологические явления рассматриваются в данной работе через призму умлаута, сыгравшего весьма существенную роль в истории не толь-

ко фонетического, но и морфологического развития иранских языков. Благодаря умлауту удалось выявить в памирских языках настолько много следов прошлого, что, сравнивая, например, древнеиранскую именную систему с памирской, нетрудно заметить довольно большую их морфологическую близость. Более того, сравнительно-исторический анализ морфологических явлений памирских языков позволил восстановить на древнеиранскую почву ряд таких праформ, которые не засвидетельствованы ни в одном из известных нам древнеиранских языков. Особенно это относится к местоимениям и глаголу (основы, подвижные показатели лица и числа, инфинитив, причастие).

Нам уже приходилось писать о том, что в глагольных основах умлаут особенно четко дает себя знать. Чередование гласных в основах, образованных от одного и того же корня, — довольно частое явление в памирских языках. И по качеству корневого гласного современной основы можно безошибочно восстановить ее древнеиранский прототип, т.е. если речь идет об основе настоящего времени, то — либо основу индикатива, либо основу конъюнктива, либо основу оптатива, если же речь идет об основе прошедшего времени, — ее родовую и числовую принадлежность.

1.3. Но следует сказать, что не менее важное значение для исторической морфологии имеет и консонантизм. К сожалению, длительная лингвистическая традиция в объяснении исторического развития иранского консонантизма, в особенности смычных согласных, увела исследователей далеко в сторону. Долгое время не замеченными или не осмысленными оставались очень существенные явления. Это, прежде всего, различные чередования согласных в одном и том же корнеслове (в одной и той же позиции и независимо от ударения), уходящие своим происхождением в далекое прошлое. Это такие чередования, как: глухого и звонкого согласного, смычного и щелевого согласного, чередования гуттуральных (смычных, щелевых, смычного со щелевым), также многочисленные чередования согласного с консонантным сочетанием, первым элементом которого является тот же согласный. Поясним это на некоторых примерах. Как известно, ав. *bağa-* 'бог' (и.-е. *bhag-*) чередовалось с *baṅa-*, а в надписях северо-западной Индии сакского и кушанского периодов (письменами кхарошти и брахми) эта основа имела также и такие варианты, как *vağa-*, *vaḡa-*, *vaḡa-*, *ṅaṅo-* (Оранский, 1979, с. 132–133). В новоперсидском представлены следующие рефлексy этого корня: *baḡ*/*z* 'дань, подать', *bāxt* 'доля, судьба', *bāxš* 'доля, часть', *bāhre* 'доля, пай, удел, участь', *bāyestan* 'кумирня, храм', *fāy* 'кумир, идол', *fāyestan* 'кумирня, языческий храм', возможно, сюда же *vāx* в *vāx-sūr* 'пророк' (у зороастрийцев), букв. 'бого-люб'.

Или возьмем другие примеры: ав. *nabā-* в *nabā-nazdišta-* 'близкий по родству', но *nāfō* 'пупок' (и.-е. *nōbh-*), н.-перс. *naf* 'пуп(ок)'; ав. *pad*/*v-* 'двигаться вниз' (и.-е. *pād-*), но *pat-* 'падать, летать' (и.-е. *pet-*); ав. *tapta-* 'согревшийся', но *tafnu-* 'лихорадка,

озноб' (и.-э. *ter-*); ав. *pad/da-* 'нога', ав. *ēt/vr-* 'огонь', ав. *akā-*, *aṣā-* 'плохой' и др. Такого же типа чередования можно наблюдать, например, и в новоперсидском: *-dan* 'вместилще' в *gol-dan* 'ваза для роз', но *-tane* в *kār-tane* 'куратник' и *-san* (из **-ṣan*) в *kār-san* 'вместилще для хранения съестных припасов' (и.-э. *dhā-no-*, др.-инд. *dhāna-*); *toxme* 'семя', *tokme* 'клубень растения', но *sume* (из **ṣume*), *sux* (из **ṣux*) 'клубень, луковица растения' (и.-э. *teuk-*, др.-инд. *tōkman*, ав. *taoxman-*); *diba-ruy* // *ziba-ruy* 'с красивым лицом' (и.-э. *dei-* в др.-в.-н. *zeri* 'прекрасный'); тадж. (вандж.) *d/zam* 'мгновение', тадж. *dam*, *zum* в выражении *dar yak dam* // *dar yak zum* 'в один миг' (и.-э. *dhem-*); н.-перс. *-ruz* в *rāk(-o-)ruz* и *-fuz* в *rāt-fuz* 'морда, рыло', но *buse-* в *buse-gah* 'губы, лицо возлюбленной' (и.-э. *b(h)u-*) и др.

Большой интерес с этой точки зрения представляют рефлексy и.-э. корня *g^heb(h)-* и его вариантов со значением 'слизь, мокрота, сылять, тина, топь' в арийских языках: др.-инд. *karha-* 'мокрота, слизь', пракр. *karha-*, **kabha-*, *kaḥa-* то же, дард. (шина) *kaḥa* 'выделения из глаза', хов. *korik* 'отхаркиваться'; ав. *kafa-* 'пена, накипь'; ш. *ṣōb* 'тина', *ṣubau* 'пенки', *xīf* 'пена', *šāf* 'слюна'; язг. *ṣob* 'типа', *ṣevj* 'гной в глазу'; ишк. *ṣūr/b* 'тина', *šūv* 'слюна', хар- 'пениться', *xūf* 'пена'; м. *k/хар* 'пена', *kaḥ* 'отхаркивание', *ṣōwika* 'тина', *kašra* 'слюна'; ос. *xāf* 'гной', *xārpār* 'мокрота (при кашле)', *kombyl* 'слонявый', *s'uf* 'слякоть, топь, грязь', *k'ourx* // *k'urxā* 'осадоk', возможно сюда же ос. *q'oua* 'тина' (ср. пуш. *kuvani* 'осадоk'); н.-перс. *kāf* 'пена, накипь', *xiv* 'слюна', *gav-* в *gav-ab* 'тина', *zāfk* 'ушная сера', *hābār* 'гной', *abāk* 'ртуть'; тал. *ka* 'пена'; сорани *kef*, курм. *k'ef* 'пена, накипь', курм. *k'erenek* 'болезнь легких, сопровождающаяся выделением мокроты', *k'ev/ʔz* 'водоросли на камнях', *k'em* 'гной', сорани *-xem* // *-xem* в сочетании с *peh-* 'мокрота, слизь'.

Аналогичных примеров очень много в иранских языках, да и не только в иранских. Эти чередования своими корнями уходят в индоевропейское прошлое (ср. и.-э. *keu-*, *geu-* 'гнуть', *b/plou-* 'блоха', *k^hvei-* // *g^hdei(b)-* 'уничтожать') и др. Приведенные выше рефлексy и.-э. корня *g^heb(h)-* в иранских языках указывают не только на существование чередования звонкого и глухого согласного, они также свидетельствуют о том, что в древнеиранском, вопреки установившемуся мнению, каждый смьчлный, в том числе и звонкий, имел свой целевой коррелят, т.е. *p - *f, *b - *v/w; *t - *ʔ, *d - *δ; *k - *x, *g - *γ.

1.4. Кроме этих чередований согласных в иранских языках (как впрочем и в других языках) широко представлены чередования согласного с консонантным сочетанием, первым компонентом которого является тот же самый согласный (а при ослаблении его - со вторым элементом этого консонантного сочетания). Сюда относятся такие чередования, как: 1) согласного с сочетанием "согласный + v/w", т.е. с лабиализованным сочетанием, причем не только с начальным гуттуральным; 2) согласного

с сочетанием "согласный + у", т.е. с палатализованным сочетанием (не с палатальным!); 3) согласного с сочетанием "согласный + фарингальный", т.е. с фарингализованным сочетанием; 4) согласного с сочетанием "согласный + глоттальный", т.е. с глоттализированным сочетанием, и др. Кроме того, широко были представлены чередования типа *k - *kə, *t - *tə, *p - *pə, *k - *kt, *p - *pt и др. Особенностью всех консонантных сочетаний являлось то, что один из компонентов мог быть слабее и тогда фактически чередовались уже два простых согласных.

Анализ материала иранских языков показывает, что в консонантных сочетаниях, одним из компонентов которых является смычный, более сильным оказывается смычный, а щелевой согласный может варьировать от самостоятельного звука до призвука. Таковыми являются, например, сочетания "смычный + фарингальный" или "смычный + v/w". В том же случае, если в сочетание входят два щелевых, то второй щелевой, как правило, оказывается сильнее. Именно этим, по-видимому, можно объяснить чередование типа инд.-ир. *ph - *h, где *h скорее всего из *fh, ср. др.-инд. kapha-, пракр. kaḥa- 'мокрота, слизь'; или чередование инд.-ир. *dh - *h, где *h скорее всего из *ḍh, ср. др.-инд. dhar- и har- 'держат' и др. Приведем примеры:

I. Чередование согласного с лабиализованным сочетанием:

и.-в. k^he-, др.-инд. kva, ав. ka- // kva- 'где';

и.-в. keu-b/p(h)-, kue-b/p(h)- 'гнуть(ся)', пуш. kub, kvab 'горб', ос. k'urr // k'°urr то же, язг. k'of // qef 'гора';

и.-в. s^hel- 'кушать, есть', ос. -xwal в kon-xwal 'малоежка', но -xāl в g'ux-xāl то же;

и.-в. g^helbh- 'молодое животное', др.-инд. gār̥bha-, ав. gərəbūš 'молодое животное', сар. γερν 'козленок', язг. γ'ērf-eg 'козленок', но -γερw- в ret-γερw-āg 'хозяйева скота';

и.-в. g^her-, др.-инд. guru-, garima-, ав. gouru- 'тяжелый'; н.-перс. giran 'тяжелый', но vāram (из *γwāram) 'легкий' (но ср. лабиализованное сочетание в н.-перс. āsp 'лошадь', и.-в. ek^ho-s-);

и.-в. g^her- 'теплый, горячий', н.-перс. gārm (из ир. *garmya-) и γorm (из ир. *γwarm-) то же;

и.-в. t^her^hk- 'резать', ав. t^hwarēs- 'резать', н.-перс. tārašidan 'резать', но torša 'изжога, резь' (из ир. *twarša-).

Аналогичные чередования наблюдаются и в древнеиндийском и в индоевропейском, ср., например, и.-в. k^hat(h)- 'киснуть, кваситься', др.-инд. kvāthati 'бродит', но и.-в. k^helək- // kelək- 'пучок, охапка', др.-инд. kūrca- то же. О чередовании в индоевропейском простого согласного с лабиализованным сочетанием свидетельствует, как нам представляется, одинаковое отражение и.-в. g^h- и gu- в латинском, ср. и.-в. g^het- 'вздутость', лат. botulus 'кишка' и и.-в. g^het- 'смола, камедь' в лат. bitumen то же.

2. Чередование согласного с палатализованным сочетанием:

и.-в. kei-, k^hie-, k^hi-, k^hiē-мо- 'темносерый', k^hi-uo- 'краска',

англ.-сакс. *hiev* 'красота', ав. *ә(i)yāva-*, н.-перс. *siyah* 'черный', но н.-перс. *šiva* 'красивый', *sim-* в *sim-āndam* 'с белым телом';

и.-е. *kē(i)-*, *kīeu-* 'приходить в движение', ав. *šyav-*, *šav-* то же;

и.-е. *rei-*, *riē-*, *riū-* в др.-инд. *piruyāsi* 'богатая молоком', ав. *a-piruyāsi-* 'не имеющая молока в грудях';

и.-е. *g^hei-*, *g^hiō-* 'жить', ав. *gauō*, но *-jūāiti* 'жизнь', ав. *gaēva-* 'бытие', н.-перс. *giti*, *jā/ehan*, *k/geuhan* 'мир, вселенная', сюда же, возможно, и н.-перс. *jou* 'ячмень' (из ир. **jūawa-*, ср. рус. *жито*).

Особый интерес представляют чередования а) согласного с фарингализованным сочетанием, первым компонентом которого является тот же согласный, и б) согласного с глотализованным сочетанием, первым компонентом которого является тот же согласный. До сих пор считалось, что из современных иранских языков только в курманджи и в белуджском имеются так называемые придыхательные согласные (и то только глухие), а что касается смычно-гортанных, то они, считалось, представлены только в осетинском языке, где их происхождение связывается с кавказским субстратом. Более глубокий анализ материала иранских языков показал, что так называемые придыхательные согласные представлены во всех иранских языках, только, если так можно сказать, проявление придыхательности неодинаково по языкам: оно может варьировать от самостоятельного звука (в виде *h* иногда также *x*) до легкого призвука, не обозначаемого графически в этих языках, но достаточно четко выраженного на кимограмме. Более того, фарингализованное сочетание может выступать в виде расщепленной группы, т.е. "согласный + гласный + *h*". Все эти разновидности фарингализованного сочетания могут быть представлены в одном и том же языке и даже в одном и том же слове с одним и тем же значением. В тех случаях, когда придыхательный элемент выступает в виде призвука, оппозиция "придыхательность - непредыхательность" обычно не имеет фонологического значения (см., например, кимограммы ишкашимских согласных в нашей работе "Ишкашимский язык" (Пахалина, 1959). Но это, разумеется, не относится к расщепленной группе со вторым придыхательным согласным *h*, где все три компонента являются самостоятельными фонемами. Анализ материала иранских языков, кроме того, показал, что в них представлены не только глухие придыхательные, но и звонкие. Приведем несколько примеров:

и.-е. *ost(h)-*, *ost(h)i-*, *ost(h)-(e)n-*, др.-инд. *asthi-* 'кость', сар. *sytxun*, н.-перс. *ost(o)han*, тадж. (вандж.) *astah/yun*, исфаг. *ossuxun*, тал. *ase*, вах. *yahč* 'кость';

и.-е. *dhel-*, *dholo-* 'что-либо выпуклое или вогнутое' в др.-в.-нем. *tal* 'долина, низина', рус. дол(ина), по-дол : др.-инд. *-dhara* в *adhara*, ав. *-dairi* в *adairi* 'внизу' (инд.-ир. **dhara/i* 'внизу', др.-в.-нем. *untar* то же), др.-инд. *dara/i-* 'пещера, яма', *tal/ra-* 'долина, низина' (ср. также и.-е. *tel-*), возможно, сюда же др.-инд. *dharaṇa-* 'женская грудь' (как нечто выпуклое); н.-перс. *d(ā)har //*

t(ä)hal 'пещера, грот', но ср. tal- в tal-ab 'низинная вода (после дождя), лужа', tar(äk)' 'верхушка, макушка', taräm, tarom 'купол, деревянный свод', tol (исф.) 'улей (как выпуклоеместище пчел)', dulä 'возвышенность, холм', hal (из *d/t(ä)hal) 'спортивные ворота', hale (из *d/t(ä)hale) 'ореол, нимб'; курд. der 'долина', -tar в bin-a-tar 'подножие', dähl (из *dhäl) 'долина, лесная чаша', tol-ik 'яма, ров', hel (из *d/thel) преве́р со значением 'вверх, вверху', hel (из *d/thel) 'возвышенность', сор. doi 'ложбина', der 'долина'; ш. ðir 'нижний', tîr 'верхний', tôr 'верхушка', ar (из *har) предлог 'внизу'; пуш. täl 'яма', tälä 'ложбина', tal 'впадина, русло реки'; ос. дәл-'под' (ср. дәл-fad 'подошва', дәл-хox 'подножие горы'), дәлä 'внизу' (Абаев, 1958, с. 352), сюда же, возможно, не имеющие этимологии ос. tol 'землянка, подвал, погреб', tärf 'долина, впадина, котловина, русло реки, лесная чаша';

Другие примеры: курм. p'ars 'попрошайство', но ср. pъrs 'вопрос' (и.-е. perk-, ав. pars-), курм. s̄rphi 'блестящий' (и.-е. (s)rhei- 'блестеть', арм. p'aıl 'блеск'); бел. tarag // tharay 'поворачиваться' (и.-е. ter-, ав. tar-); пуш. k(h)oṭ 'крепость, форт', н.-перс. kut то же (и.-е. (s)k(h)eu- 'укрывать, укрытие') и др. Приведем также несколько примеров на фарингализованные сочетания со звонким смычным согласным: курм. b(ḅ)hök 'пугало' (и.-е. bhōi-, ав. bau- 'пугать(ся)', н.-перс. bak 'страх'), курм. b(ḅ)hōr 'переправа, брод' (и.-е. bher- и и.-е. per- 'переходить, переправляться', ав. par-), курм. g(ḅ)hiž- 'доходить, доезжать' (и.-е. g/ghēi- 'идти'); пуш. dhund 'туман' (и.-е. dhucen-, ав. dunman- 'туман') и др.

Следует сказать, что в отличие от других иранских языков в курдском (курманджи) отмечено фарингализованное консонантное сочетание и с верхнефарингальным h', ср., например, b(ḅ)h'ök 'насекомое' (и.-е. bhōuk^uos- 'насекомое'; возможно, сюда же и сар. bawg 'паук').

Все выше сказанное касательно фарингализованных сочетаний полностью относится и к глотталлизированным сочетаниям. Из современных иранских языков так называемые смычно-гортанные согласные имеют фонологическое значение, как известно, в осетинском и в курдском языках. Анализ материала других иранских языков показал, что следы глотталлизованного сочетания имеются и в них, но они не всегда распознаваемы, ср., например, вах. t'az 'лысый'¹, но taḅ 'обивка'; вне сочетания: вах. 'nyng // /nyng 'дикий чеснок, черемша'. А в н.-перс. ost(u)han 'кость' и hāstā 'косточка плодовая' можно усматривать историческое чередование начального щелевого глоттального (т.е. ноль звука) и

¹ Любопытна передача соответствующего слова в новоперсидском в виде طاس в сочетании كله طاس 'лысый', хотя слово не арабского происхождения.

нижефарингального *h*. Приведем все же несколько примеров на несомненные глоттализированные сочетания: курм. *t'a* 'лихорадка' (но ср. *ta* 'нитка'), курм. *də'n* (из **d'ən*, по аналогии с курд. *dāhl* из **dhāl* 'долина') 'зерно', курм. *ta'l* (из **t'al*), но *-tal* в *tirə-o-tal* и *tehl* (из **the1*) 'кислый, горький, терпкий'; ос. *p'a* // *ba* 'поцелуй', *p'ärtt* 'удар' (но *pärtt* 'хныкание') и др.

Если принять во внимание характеристику В.И.Абаева так называемых геминированных согласных в осетинском языке, т.е. согласных *pp*, *tt*, *kk*, которые, по его мнению, представляют соответствующих звонких смычных (Абаев, 1962, с. 499), то, думается, что в них можно было бы видеть звонкие корреляты глухих смычно-гортанных (ср. ос. *lǎppū* 'мальчик' < **l/rabya-* + суф., др.-инд. *árgha-* 'ребенок', и.-э. *orbho-*, **robh-* 'ребенок', рус. паробок, ребенок), хотя и считается, что смычно-гортанными могут быть только глухие смычные, так как сомкнутое положение голосовых связок исключает голос (Матусевич, 1959).

1.5. Подводя итог всему вышесказанному относительно чередований согласных, а также согласного с консонантным сочетанием, мы должны признать, что традиционные, установленные почти сто лет назад, древнеиндийско-иранские соответствия смычных согласных нуждаются в пересмотре. Так называемые четыре ряда смычных в древнеиндийском — не что иное как два простых смычных (звонкий и глухой) и два консонантных фарингализованных сочетания (или, как принято их называть, аспирированных согласных) и тоже с глухим и со звонким первым компонентом. Древнеиндийские простые смычные дали в иранском соответственно простые смычные, а древнеиндийские фарингализованные сочетания согласных дали в иранском соответствующие фарингализованные сочетания. Очень хорошо это видно на примере следующих слов: др.-инд. *dāna-* 'дар, одаривание' — н.-перс. *da-* в *dadān* 'давать', а др.-инд. *dhāna-* 'дар, подарок' — н.-перс. *d(ā)nan* 'взятка'.

Следы фарингализованных (возможно и глоттализированных) консонантных сочетаний можно обнаружить и в авестийском, ср. *banha-* // *bangha-* 'наркотическое растение' (н.-перс. *bang*); ав. *haēna-* 'стрела' из ир. **phaina-* или **fhaina-* (и.-э. (*s*)*p(h)ēi-nā-* 'острие', др.-инд. *sr̥yá-*); ав. *kaofa-* 'горб верблюда', др.-перс. *kaufa-* 'гора' (и.-э. *keu-p(h)-*) и ав. *hūkairya-* название мифической горы из ир. **khūkarya-* (и.-э. *keu-k-* в ср.-в.-нем. *hocker* 'холм, горб', лит. *kaukarā* 'горка, холм'); ав. *berēzi-* 'высокий' и ав. *erēzi-* 'ступень в высоту, крутой, обрывистый' из ир. **bhr̥zi-* (// **vr̥zi-*) или из ир. **b/v'r̥zi-* (и.-э. *bherēgh-* 'высокий'; в новоперсидском рефlekсами этой оппозиции могут служить *borz*, *fāraz* 'высота' и *ārgīn* 'ступень', а с переносным значением *ārgī*/*z* 'достоинство, почет').

Что же касается происхождения древнеиранских шелевых согласных (глухих и звонких), то они, не имея, по-видимому, соответствий на

древнеиндийской почве, имеют параллели в современных индоарийских языках и в какой-то степени в индоевропейском (см. выше). Таким образом, для одних согласных и их сочетаний можно проследить историческую преемственность в развитии, для других же это проследить невозможно из-за выпадения каких-то промежуточных звеньев.

I.6. Изложенное выше касательно различного рода исторических чередований согласных имеет прямое отношение к ряду морфологических явлений в памирских языках. Возьмем, к примеру, такую морфему, как суффикс основы прошедшего времени, т.е. основы, продолжающей историческое причастие прошедшего времени. В древнеиранских языках известны такие его варианты, как: *-tā-* (ср. ав. *kereta-* 'сделанный'), *-t(i)-yā-* (ср. др.-перс. *martiya-* 'смертный'), *-va-* (ср. ав. *aḥvah-*, *aḥva-* 'бывший'), *-ya-* (ср. др.-перс. *a-bariya-* 'принесенный'), *-ka-* (ср. ав. *huṣka-* 'высохий'), *-ša-* (ср. ав. *aša-* 'смолотый' из ир. **rša-*), *maša-* 'мертвый' из ир. **mrša-*, *kaša-* 'сделанный' из ир. **krša-* и др.). Учет чередований, о которых говорилось выше, во-первых, дает возможность восстановить еще некоторые варианты этих суффиксов, а именно **-vā-* // **yā-* (ср. др.-инд. *riktha-* 'оставленный'), **-hā-* // **-hyā-*, **-g/yā-*, **-śī-* и др. А, во-вторых, знание этих чередований помогает осмыслить такие суффиксы, как **-ka-* и **-ša-*. Исторически эти два суффикса являются вариантами, поскольку они отражают инд.-ир. **-ka-* и **-śa-* (и.-е. **-ke-* и *-ke-*). Многие из отмеченных выше древнеиранских суффиксов причастия прошедшего времени нашли отражение и в памирских языках, ср., например, основу прошедшего времени глагола 'делать' в этих языках: вах. *kert-* < **krtyā-*, ишк. *kūl-* < **krwa-*, м. *ker-* < **krūā-* или **krwūā-*, руш. *čūg-* < **krk/ga-*, ш. *čūd-* < **krta-*, но ш. *čūy-* в *čūy-* < **krša-*.

А о том, что учет этих исторических чередований согласных (как и согласного с консонантным сочетанием) существенно облегчает этимологические изыскания, говорить вообще не приходится. Выше мы уже привели ряд примеров. Именно этим объясняется такое разнообразие рефлексов в иранских языках и таких индоевропейских корней, как:

1) и.-е. **d/t(h)āiuēr-* // **d/ǵ(h)āiuēr-* 'деверь', др.-инд. *dēvár-* то же: курд. *tī*, ишк. *sew*, санг. *tew*, ос. *tī/ew* (Абаев, 1979, с. 296), ягн. *se/iwir*, тал. *hiv*, тадж. (диал.) *(h)ēwar*;

2) и.-е. **p/b(h)eig/k-* // **f/v(h)eig/k-*, **p/b(h)eig/k'-* // **f/v(h)eig/k'-* 'красить, раскрашенный, пестрый', имеющий много пятен', лит. *piešti* 'малевать, писать', *pieša* 'сажа'; др.-инд. *piṣkte* 'маллет', *rēša-* 'образ, форма, фигура'; 'краска'; ав. *raša-* 'малевать, красить, украшать', *fra-piṣta-* 'разукрашенный', др.-перс. *ni-pišta-* 'написанный', н.-перс. *-viš-* в *nāviš-* 'писать', *piš* 'пятнистый', *piše* 'пестрый', *reikār* 'рисунки, изображение', *heukāl* 'фигура, статуя', сюда же, по-видимому, и н.-перс. *reiyam* 'письмо', *reik/g* 'письмоносец'; сар. *biš* 'пятнистый', сар. и тадж. (диал.) *iš* 'сажа,

копоть'; ос. *fyawun* 'писать' и, по-видимому, *risi* 'смола' (хотя ср. Абаев, 1973, с. 242).

1.7. Основными источниками материала послужили как наши опубликованные работы, так и работы других исследователей, в которых представлено синхронное описание того или иного памирского языка (см. библиографию). Весь материал приводится в международной иранской транскрипции, основанной на латинской графике. В настоящей работе в этом отношении имеется одно отступление: вместо обычно использовавшегося знака \bar{e} в шугнанском мы в целях облегчения набора ввели знак \hat{e} .

В заключение хотелось бы сказать следующее. Хотя работа посвящена морфологии памирских языков, в ней можно найти исторические экскурсы относительно некоторых грамматических явлений, характерных и для других иранских языков, в частности, например, происхождения некоторых суффиксов мн. числа, возможных путей развития спряжения переходных и непереходных глаголов и др.

При подготовке настоящей работы большой труд взяла на себя Валентина Николаевна Трунова. Считаю для себя приятным долгом выразить ей глубочайшую признательность.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ

ВАХАНСКИЙ ЯЗЫК

Имя существительное

Основы

1.0. Ваханские именные основы не имеют каких-либо специальных внешних показателей. С точки зрения структуры их можно разделить на: а) неосложненные основы; б) основы, осложненные суффиксом или префиксом (или тем и другим одновременно); в) основы-компози́ты. Исторический анализ ваханских производных основ показал, что деривативные элементы, входящие в их состав, как правило, вторичного происхождения. То же самое можно сказать и об основах-компози́тах. Все они за немногим исключением (например, основы, исторически редуцированные и некоторые др.) представляют собой позднейшие образования.

Сравнительно-исторический анализ ваханских неосложненных основ (а также неосложненной части производных основ), которые, как правило, являются односложными, позволили установить следующее, Древнеиранские показатели классов основ, отпавшие, как известно, в процессе исторического развития в результате своей безударности, оставили след в виде умлаута в корневом гласном ваханской именной основы. Таким образом, корневой гласный неосложненной основы является своего рода показателем того или иного типа исторической основы. Наблюдающиеся в этом случае фонетические закономерности следующие: 1) признаком исторической основы на -а- или "-а- плюс согласный" (а также основы на и-, которая выступала и в виде -aw-), т.е. основы с а/и-умлаутом, являются следующие корневые гласные: а) \ddot{a} (или $\ddot{ä}$); б) \ddot{e} при историческом корневом гласном $*\ddot{a}$ (или $*\ddot{ä}$); в) \ddot{y} при историческом корневом дифтонге $*aw$ (или, возможно, $*\ddot{e}$); г) \ddot{u} при исторических корневых гласных $*\ddot{u}$, $*\ddot{i}$; д) \ddot{e} при историческом корневом дифтонге $*ai$; е) при историческом корневом гласном $*\ddot{i}$; 2) признаком исторической основы на -ā- или "-ā- плюс согласный", т.е. основы с ā-умлаутом, является гласный $\ddot{ā}$

при любом историческом корневом гласном; 3) признаком исторических основ на -ī-, -au-, -uā-, т.е. основ с i-умлаутом, являются следующие корневые гласные: а) ī, ē при историческом корневом гласном *ā (или *ā̄); б) ī, ū при исторических корневых гласных *ū, *au; в) ī при исторических корневых гласных *ī, *ai; г) u, i, u/e при историческом корневом гласном *u; д) ē, ō при историческом корневом гласном *ō; е) i при историческом корневом гласном *i. Примеры:

1. Ваханские именны основы - рефлекс исторических именных основ на -a- или "-a+согласный" (а также основ на -ū-// -aw-) : wōd/d 'канал, арик' < *wād/dā- (и.-е. aqed- в qedor- 'вода', ав. vaidi- 'канал', aoda- 'источник, родник'); s(ə)tōr 'звезда' < *stāra- (и.-е. stēr-, ав. star-); škor 'бык холощенный' < *s/škara- (и.-е. (s)kēr- 'резать' в чешск. skor 'баран', рус. скопять, оскопять); xura 'тесть, свекор' < *(k)šwas(u)ra- (др.-инд. śvaśuṣa-, ав. xvasura-); xur 'осел' < *xara- (ав. xara-; ср. вах. -xar в moč-xar 'осипа' < *xarā-); rud 'след' < *pada- (ав. pada-); pñd/d 'ступня, стопа' (центр., вост.), 'нога' (зап.) < *pād/dā- (ав. pād-; ср. вах. pād 'нога' < *pādā- и rud 'след' < *pada-); -ot в (y)inōt 'сновидение' < *ūta- (и.-е. ū- в рус. явь, лит. óvutis 'видеться во сне', ав. āviš 'явный', р. ōt 'явный'); bnc 'малютка, маленький' < *puta-+-ōt- (и.-е. pu-t- 'маленький', вах. put- в put-gaš 'малые нары', ш. buc, bic 'детеныш, малыш, маленький'); mēy 'мгла, туман' < *maiyu- (ав. mašyu-); zom 'снег' < *z/žīma- (и.-е. ghei-, ghi- 'зима, снег', др.-инд. hima- 'снег', ав. zyam- 'зима').

К основам с a/u-умлаутом относятся также несколько ваханских имен, обозначающих живые существа женского пола. Такого типа имена продолжают исторические имена ср. рода. Явление перехода исторических имен ср. рода в разряд имен жен. рода хорошо известно, ср., например, ишк. žonj 'женщина' < *gana-+-ka-. В ваханском такими именами являются: ūnw 'корова' < *gāwa- (ав. gav- 'корова, бык'); nyjūm 'арка' < *ni-jāma- (и.-е. g^hem- 'появляться на свет, рождаться', ав. ni-jāma- 'новорожденный'); gyūm 'телка 2-3-х лет' < *p^hawa-yāma-, т.е. 'первородка' (и.-е. p^hō-цо- в ав. paucva- 'первый' и и.-е. g^hem- 'рождать(ся)', ш. farūms 'телка 2-3-х лет', м. frauōmēy 'коза до 2-х лет'); xəyup (центр.) 'племянница' < *xwaryana- (ср. и.-е. uellio(n)- 'своjak', ишк. xir 'племянник, -ца'); pəōō(d) 'девочка, девушка' < *p^ha-kā(n)ta- (и.-е. ken- 'молодой, юный', др.-инд. kanuā-, ав. kainī- 'девочка, девушка').

К основам с a/u-умлаутом относятся также, как уже было отмечено, и те слова, которые продолжают древнеиранские основы на *-āṛ-, *-ah- и т.п. (т.е. "-a + согласный"), например: v(ū)gūt 'брат' < *brātar- (ав. brātar-); xnu 'сестра' < *k^hwānar- (ав. xwānar-); p^hgə 'ребро' < *p^harsu- (др.-инд. p^harśuḥ, ав. p^harsu-) и др.

2. Ваханские именны основы - рефлексн исторических именных основ на =а= (или "-ā-+ согласный"), т.е. основы с ā=умлаутом: хаа (центр.), хаа (зап.) 'теща, свекровь' < *k̄hwaagwā- (др. =инд. swagū-; для конечного гласного ср. модель ав. hizu- 'язык' м.р. - hizvā- ж.р.); жашап 'детеныш, птенец, ребенок, мальчик' < *z/zašmañā-, т.е. либо основа на *-а-, либо твор. ед. от основы *janmañ- (др.=инд. janmañ- 'новорожденный'); -уапз в mid-уапз 'невеста' < *g/уапā-+-kā- (ав. gəpa-); уа̄ 'лошадь' < āwa- (и.=е. ekuo, др.=инд. aśvā-, ав. ašvā-, др.=перс. aša-); а̄а 'собака' < *āwā(nā)-+-kā- (и.=е. kyon-, др.=инд. svā(ka)-, ав. sran-, н.=перс. sag); ма̄у 'овца' < *mā-уā- (и.=е. mei- 'блеять', ав. ahu- шауа- 'блещая овца').

Несколько ваханских ā-умлаутных именных основ обозначают живое существо мужского пола. Эти слова можно рассматривать либо как рефлексн др.-ир. формы твор. ед. от основы на -а-, либо считать, что их современная родовая принадлежность - явление сравнительно позднее, ср.: wār 'баран' < *war(n)ā- (и.=е. цеген-, др.-инд. ugarā-); dāу 'человек, муж(чина)' < *d/dāуā- (и.=е. dhē- 'умирать' в бретонск. den 'человек'; ср. модель н.-перс. mārδ 'человек, мужчина' < *mar-туā- от др.-ир. *mar-, ав. mar- 'умирать') и др.

3. Ваханские именны основы - рефлексн исторических именных основ на -ī-, -ау-, -уā-, т.е. основы с i-умлаутом: kənd 'женщина, жена' < *kantī- (ср. скр. kāntī- 'жена, супруга'); sken 'щенок' < *skanуā-, *skanī- (и.=е. ken- 'молодой (о животном), рус. щенок, ишк. skəñk 'щенок'); f(ə)lənз 'дикий голубь' < *fl/gānya-+-ī- (и.=е. bhīlē-до-с 'голубой, сизый', ос. ир. bālon, д. bālu 'голубь'); ðēn (зап.) 'зад, седалище' < *srauni-, *srūni-, ðēn < *srōni- (ав. sraonay-); kəbit 'голубь' < *kəpūtī-, *kəpūtī- (др.-инд. kəpōta-, н.-перс. kəbutār); kim (вост.) 'сова' < *kūmī- (и.=е. kū- 'выть' в др.-инд. kōka 'сова', с. kym 'сова'); ŷədīm 'шеница' < *ŷantuma- (ав. gantuma; ср. модель др.-инд. uāva- 'зерно' - uāvaуа- 'зерновой запас'); nūn 'сестра мужа, жена брата' < *(s)nūnī (ср. и.=е. (s)nū- 'соединять, связывать' в и.=е. vnušo-с 'сноха'; ишк. unen 'золотка'); wnȳēn 'кровь' < *wakūnī- (ав. vohuni-).

1.1. Ряд ваханских именных основ с исторической точки зрения могут быть интерпретированы либо как рефлексн древнеиранских флективных форм, либо как рефлексн древнеиранских основ. Примеры: pətr 'сын' < *putrai, т.е. дат. ед. от putra- (ав. puvra-) или < *putrī- (др.-инд. putrī- 'ребенок, дочь'); pəlingeōt 'перстень' < *upari-angūštai, т.е. местн. ед. от *angūšta- (ав. angūšta- 'палец'); ðūñ 'легкие' < *k̄būk̄sī, т.е. им.-вин. дв. ср. р. (ав. suñ); çəžm 'глаз(а)' < *çak̄məi, т.е. им.-вин. дв. от *çāsmā- (др.-инд. çāk̄ma-, ав. çāšman-, др.-перс. çāšma-); ŷīñ 'ухо, уши' < *gau(k)šai им.-вин. дв. от *ḡyau(k)šā- (ав. gaōša-); wəltk 'почка, и-' (анат.) < *wrtai-+-ka- им.-вин. дв. от *wrtā- (ав. vərəōka-, vərəōka-); pād/d 'бедренная часть ноги' < *pad/dā им.-вин. дв. от

*pāda- (ав. pād-); бар 'дверь, =и' < *dwāgā им.-вин. дв. от *dwāga- (др.-инд. dvār-, скр. dvār-, dvāga-, ав. dvar-); yangl 'палец, -и' < *ang(a)l/rā- или ang(a)l/rāh им. мн. от *ang(a)l/ra- (и.-э. ang-, др.-инд. angūri-); за 'дети' < *z/zāvāh им. мн. м.р. от *z/zāv/ha- (ав. zaḥa- 'новорожденный'); также в композитах: berin 'колени', beret 'локоть' < *dwi+arat/ṽni, где -arat/ṽni им.-вин. дв. от *arat/ṽni- (др.-инд. aratnaу- 'локоть', ав. areṽna- 'локоть', frāgāṽni-drāḥjah 'длиной в один локоть', ишк. arinj 'локоть, колени', ср. ос. ālmārin 'локоть, как мера длины').

1.2. Среди сложных по составу имен можно выделить: 1) имена, исторически представляющие собой удвоенную основу, и 2) имена, исторически представляющие сочетание двух разных основ. Примеры: čekāl (зап.) 'участок земли, поле' < *ka(r)-kaḡā-. или *kṛ-kaḡā- (и.-э. k^hel- в ав. čagāna- 'поле'); čeker 'куропатка серая, кеклик' < *ka(r)-kāḡī-, *kṛ-kāḡī- (ср. др.-инд. kṛkara- 'вид куропатки', kṛkālīkā- назв. птицы); kekəng 'комар' < *ka-kāmī-+-ka- (и.-э. kem- в рус. комар, др.-инд. sa-maga-, лит. kamlne 'полевая пчела'); bež-bež 'затылочная впадина', где bež- < *br̥ji-, *barji- (ср. и.-э. bhorg- в др.-исл. barki 'шея', ав. bareḡa- 'шея, спина'; с. bygēwn, ос. bērzāj, пуш. vōža); mīd-ṽanz/с 'невеста', где mīd- < *mādyā- (ср. и.-э. mād- в др.-в.-н. gi-mahala 'невеста'), а -ṽanz < *g/ṽanā-+-ḡī- (ав. gənā- 'женщина'); zerič 'ледник', где zer- < *z/zaga- или z/zaruā- (и.-э. gel- 'покрываться льдом', лат. glacies 'глетчер'), а -ič < *aikēī- (ав. aēxa- 'лед'; ср. аналогичную модель в тадж. pir-uax 'ледник', т.е. 'смерзшийся лед'); xedōrg 'водяная мельница', где xed- < *xūta- (ср. и.-э. veu-, sū- 'течь, литься, жидкость'), а -ōrg < *ā(r)nā-+-ka- (и.-э. al- 'молоть', дард. uāl 'мельница'; ср. модель н./перс. ab-dāng 'водяная мельница', где ab- < *ārā-, ав. āp-, 'вода', а -dāng < *danuа-+-ka-, и.-э. dek/k'- 'раздроблять'); (y)i/ynōt 'сновидение' (ср. вах. yi/ынык 'сон'), где (y)i/yn- < *hupruа-, *hupri- (и.-э. supno-s-, суорниом 'сон', ав. xvafrua-), а -ōt < *ūtā- (и.-э. au- в рус. явь, лит. óvutis 'видеться во сне', ав. āviš 'явный', р. ōt 'явный'); berin 'колени', beret 'локоть' < *dwi-arat/ṽni, т.е. 'величиной в два локтя' (ср. др.-инд. aratnaу- 'локоть', ав. areṽna- 'локоть', frāgāṽni-drāḥjah 'длиной в один локоть', ишк. arinj 'колени, локоть', ср. ос. ālmārin 'локоть как мера длины').

Род

1.3. Грамматическая категория рода в ваханском отсутствует. Но на существование ее в недалеком прошлом указывают такие пары слов, как: xəguṽn 'племянник, -ца' xəguan 'племянник, -ца'; wur-k 'ягненок' - war 'баран'; xur 'осел' - -xar в moč-xar 'ослица'; žow (зап.) - žaw (центр., вост.) 'зерно, злак'; čāwn (центр.) - čōwn (зап.) 'ножницы

для стрижки овец'; й̄ну (вост.) - й̄ау (центр., зап.) 'куча камней'.

Зная исторические соответствия ваханских гласных (с учетом умлаута), можно определить историческую родовую принадлежность того или иного ваханского слова. Примеры:

1) Ваханские именные основы - рефлекс исторической основы жен. рода: й̄ар 'камень' < *ḡarā- (ав. garay- 'гора') или < *ḡ/yaḡān им. мн. от *ḡ/yaḡa-; was 'стропило' < *wasā- (др.-инд. vāśā-); х̄ар- в х̄ар-дерп 'пригревание солнца, время дня от 10 часов до 12 часов' < *k̄sawā- (ав. hvare-); на̄й̄д 'ночь' < *naktā(-), т.е. либо основа на -ā-, либо им. ед. от *naktar- (др.-инд. naktā-, ав. naktar-); bart 'навоз крупного рогатого скота' < *d/ḡrtā-, *d/ḡartā- (и.-е. dher- 'эзокременты'); га̄й̄/з̄ 'место, где спят, в виде глинобитного возвышения над полом' < *ragā- (и.-е. lēgh- 'лежать', лат. lectus 'постель', рус. логово); кар̄с̄ 'ложка' < *karā-+-kā- (ср. и.-е. kar- 'брать, хватать', ишк. kofč 'ложка'); га̄ēt 'рассвет' < *ḡūš/ḡtā- (и.-е. leuk/k- 'светить, светать', др.-инд. rūśant- 'светлый, белый', дард. luṣṭiko 'утренний'); sic 'иголка' < *sūcī- (др.-инд. śūcī-, ав. sūkā-).

К историческим основам жен. или ср. рода могут относиться также рефлекс флективных форм, как: çēḡm 'глаз(а)' < *çāḡmai им.-вин. дв. либо от *çāḡmā-, либо от *çāḡma-, ср. р. (ав. çāḡman-, др.-перс. çāḡma-); v̄ngēw 'бровь, -и' < *br(a)wī им.-вин. дв. от *br(a)wī- (др.-инд. bhrū-, скр. bhrūva-, ав. brvat); й̄ew 'рог(а)' < *sḡwī им.-вин. дв. от *sḡwī- (ав. sḡvā-, sḡvī-) и др.

2) Ваханские именные основы - рефлекс исторических основ муж. рода: s(e)tōr 'звезда' < *stāra- (скр. tāḡā, ав. star-); vorzik 'изголовье, подушка' < *barz/za-+-ika- (и.-е. bhelgh-, др.-инд. barhiḡ, ав. bareziš, р. vawz, ор. vēwz); wōd/ḡ 'арык' < *wād/ḡa- (и.-е. aqued- в рус. вода, ав. vaḡay- 'канал', aoba- 'источник, родник'); pōd/ḡ 'западня, силос' < *pād/ḡa- (ав. -bda- в bi-bda- 'двойная западня'); pōz 'место у груди, пазуха' < *pāz/za- (и.-е. pōk/g, *pōg-, др.-инд. pāja-, с. ruз, язг. rez); nod/ḡ 'камень' < *nad/ḡa- (и.-е. nado-, др.-инд. nada-, р. nāḡ, н.-перс. nau); nūng 'имя' < *nāma(n)-+-ka- (ав. nāman-); pud 'след' < *pada- (ав. paḡa-); uiḡm 'предплечье' < *arma- (ав. arema- 'рука', ос. arm 'рука'); yūm̄ 'мука' < *āma-+-ka- (сак. hāmai 'ячменная мука'); wūndr 'земля, участок земли, поле' < *āndra- (и.-е. andh- в арм. and 'поле'); p̄nā/ḡ 'стопа, ступня' < *pād/ḡa- (ав. pād-); w̄ḡ 'трава, сено' < *wākā- (ав. vaḡā- 'расти'); ḡitr 'серп' < *d/ḡatra(m)- (др.-инд. dātram); n̄yḡ/ḡn 'ножны, футляр' < *ni-d/ḡna- (др.-инд. nidhāna-); zem 'снег' < *zima- (др.-инд. hima-); mēḡ 'мгла, туман' < *maiya- (ав. maḡya- 'облако').

К именам исторически муж. рода могут относиться также такие ваханские рефлекс флективных форм как: p̄ad/ḡ 'бедренная часть ноги' <

*pād/da им.-вин. дв. от *pād/da- (ав. pād-); var. 'дверь, двери' < *dwāgā им.-вин. дв. от *dwāga- (ор. dwār-, dwāga-, ав. dvar-); за 'дети' < *z/zāyāh им. мн. от z/zāv/ha- (ав. zaṣa- '(ново)рожденный') и др.

3) Ваханские именные основы - рефлекс флективных форм ср. рода: suṣ 'легкое, -е' < *kūṣi им.-вин. дв. (ав. suṣi 'легкие'); угу 'ярмо (в упряжке двух рабочих волов)' < *yuga им.-вин. дв. от *yuga(m) (др.-инд. yugam).

Для ваханских имен, представляющих собой рефлекс древнеиранских i-умлаутных основ, установить историческую родовую принадлежность довольно трудно, поскольку, во-первых, на древнеиранской почве долгота или краткость конечного гласного основы -ī- не была сама по себе различительным родовым признаком, а, во-вторых, основа на -uā-, независимо от того, была ли она муж. или жен. рода, давала один и тот же рефлекс корневого гласного. Примеры: kēz 'нож' < *kārjī-, *kṛjī- (ср. и.-э. (в)kblō- 'острие', язг. kāg 'меч'); yez 'вчера' < *ā-z/ziya (ав. zuṣ, др.-перс. diya-); (y)īṣn 'железо, железный' < *w/iṣwanya- (х.-сакс. hīssana-); s(ə)preṣ (центр., вост.) 'цветок' < *spṛyūā- (ср. ав. spraga- 'побег, росток'); neb/revn 'расческа, гребень' < *ni-rasnī- (и.-э. rek- в rk-t-en 'гребень', ягн. nīṣa 'гребень', инк. ḡfun); (y)i/ner 'плечо' < *suptī- (ав. supṭay-); mest 'кулак' < *mūš/sti- (ав. mūšṭay- ж.р.); gi 'экскременты' < *gūvī-, *gūvā- (ав. gūva-); (y)ir 'солнце' < *nṛyā- (др.-инд. sūrya- ав. nīrō-); rūn 'масло, жир' < *rauyūā-, *rūyūā- (ав. raḡyūā-); rist 'кожа, шкура' < *rūstī-, *rūstyā- (ср.-перс. rōst 'кожа, шкура'), но rustek 'овчина' < *rūstī-, *rūstyā-+-ka-.

Число

1.4. Имя в ед. числе не имеет каких-либо специальных показателей. Во мн. числе имя имеет два показателя: -īš(t) (для прямой падежной формы) и -ev (для косвенной падежной формы), например: ṣm vṛtīšt-(ev) ṛyūdeu 'мои братья уехали'; kaḡirīšt-ev vitk eṭ 'мулы были отвязаны'; a-yā ṣm zemānev rōv mōl ne lōsert 'она не заставляет своих детей пасти скот'; wuz de ti ḡyūdev-en ne pōzdem 'я не стану жить с твоими дочерьми'; deḡaktev-i palčīš zart ṣirdeu 'листья деревьев пожелтели'.

Показатель мн. числа прямой формы -īš(t) представляет собой рефлекс древнеиранского суффикса (точнее - суффиксов) собирательной множественности, т.е. *hā-šwī-+-ta-. Для элемента *hā- ср. и.-э. seh-, sm- 'воедино, вместе', др.-инд. śa- из *sa- в śa-śvant- 'весь, все', ав. ham-, ha-; н.-перс. hāmā 'весь, все', для элемента *-šwī- ср. и.-э. kūā-, kūā-nt- 'весь, все', др.-инд. -śvant- в śa-śvant- 'весь, полностью' (этот же элемент представлен в др.-инд. vīśva-, ав. vīspā-, др.-перс. vīsa- 'весь, все'). Конечный смычный суффикса -t < *-tā-.

Аналогичное наращение подобного рода суффиксов представлено, по-видимому, и в согдийском -yšt, который Готье связывал с вах. -īšt (Gauthiot, 1916, с. 75), и в парфянском -ift, ср. bag-ift 'боги' (ор. -If, вах. -if, -ev).

Что касается ваханского показателя мн. числа косвенной формы -ev, то он скорее всего представляет собой рефлекс древнеиранской основы *abi-, *ap/fi- со значением 'в союзе с', т.е. совокупности чего-либо, (ср. и.-э. ebhi, obhi, др.-инд. abhi-, ав. aibi; aiwi, avi 'у, при', рус. об- в общий; и и.-э. ēri-, др.-инд. ēri- 'союз, объединение'), чем рефлекс древнеиранской именной флексии. Значение собирательной множественности имеет и аналогичный элемент в курдском языке, ср. meṛbû/f 'люди' при meṛ 'мужчина, человек'. На это же указывает и парф. -ift в bag-ift 'боги'.

Помимо этих двух широко употребляемых суффиксов мн. числа в ваханском сохраняются также другие показатели мн. числа. Они следующие:

1) -If в словах: рыг-wāš-If 'одежды, набрасываемые сверху', podk-If 'место, изобилующее камнями', гəš-If 'место, изобилующее лугами' и др. Этот показатель представляет собой рефлекс др.-ир. *ap/fi- (ср. и.-э. ēri-, др.-инд. ēri- 'союз, объединение'; ср. вах. -ev. см. выше);

2) -ōn, -ūn в словах lup-ōn 'взрослые', līs-ūn 'приставная лестница' (букв. 'приставные ступеньки'), yix-ūn 'узды, поводья', где -ōn, -ūn < *hā-na- (и.-э. sem-, ср. 'воедино, вместе' в др.-инд. sāmanā- 'вместе с'); более подробный исторический комментарий для показателя множественности "гласный +n" см. в описании соответствующего ишканинского показателя -n;

3) -In в слове vrāt-In-īšt 'братья', где -In- < *hā-nī- т.е. та же др.-ир. основа с наращением *-nī- (ср. предыдущий суффикс);

4) -ūrg в yed-ūrg 'стадо яков', где yed- < *g/γāta- (и.-э. g^uō(u)-to-m 'стадо крупного рогатого скота'), а -ūrg из *hā-vra-+-ka- (и.-э. sem-, ср. в др.-инд. satrē, ав. haṽrā 'вместе с') или *hāra-+-ka- (ср. и.-э. solo-, др.-инд. sārgva-, ав. haurgva- 'весь, все');

5) -ōrč в lewōrč 'речной нанос, песок, гравий, галька', где lew- < *rīwā- или *rīwāh, т.е. им. мн. от *rīwa- (ср. и.-э. erei- 'течь', др.-инд. gēru- 'пыль, прах', ст.-слав. riń 'песок, галька'), а -ōrč (ср. и. -ōrč в abIn-ōrč 'жены многоженца') также либо из *hā-vra-+-ka-, либо из *hāra-+-ka-;

6) -āl, -ōl в send-āl 'опорки, изодранная обувь', s(e)rāl 'копыто (у парнокопытных)', čangōl (зап.) 'коготь, когти', по-видимому, из *hā/lā- (и.-э. solo-, др.-инд. sārgva-, ав. haurgva- 'весь, всё');

7) -č в uor-č 'овцы (собирательно)' < *ka- (ср. и.-э. kom-, кп. 'вместе с, при' в курд. k'om 'группа, толпа', тадж. qat-i 'вместе с' из инд.-ир. *kātā- суф., ср. хет. kat-ta 'вместе').

Таким образом, почти все рассмотренные выше ваханские показатели мн. числа с исторической точки зрения представляют собой рефлекс древнеиранских именных основ со значением собирательной множественности: 1) основы *ha- 'совместно, воедино, вместе с' (и.-э. *sem-*, *sm-* 'воедино, вместе с', др.-инд. *sama-*, ав. *hama-* 'вместе с, союз, объединение', тадж. *hama* 'весь, все'; и.-э. *sm̥-nā-*, *sm̥-tra-*, *sm̥-k/ko-* и т.д.); 2) основы *abi-, *ap/fi-* (и.-э. *ébhi*, *obhi*, др.-инд. *abhi-*, ав. *sibi*, *aiwi*, *avi* 'при, у', рус. об- в общий; и и.-э. *ēri-*, др.-инд. *ēri-* 'объединение, союз'); 3) основы *hāñā- (и.-э. *valo-* 'весь, все') и 4) основы *ka- (и.-э. *kom-*, *kñ-* 'вместе с'). Показатели мн. числа -*īš-t*, -*ūr-g*, -*ōr-č* являются сложными, поскольку они состоят из двух суффиксальных элементов, каждый из которых в настоящее время отдельно не употребляется (кроме -*īš-* в -*īšt*).

Ряд ваханских имен (в основном, обозначающих части тела) представляют собой рефлекс древнеиранской формы дв. или мн. числа: *šūš* 'легкие' < **kšukšai* им.-вин. дв. (ав. *suši*), *čəžm* (центр., вост.), *čəm* (зап.) 'глаз(а)' < **šāšmai* им.-вин. дв. либо от **šāšmā-*, либо от **šāšma-* ср.р. (ав. *šāšman-*, др.-перс. *šāšma-*); *v(ū)rew* 'бровь' < **br(a)wī* им.-вин. дв. от **br(a)wī-* (др.-инд. *bhrū-*, скр. *bhruva-*, ав. *brvat*); *šew* (центр., вост.) 'рог(а)' < **srwī* им.-вин. дв. от **srwī-* (ав. *srwā-*, *srwī-*); *šūš* 'ухо, уши' < **g/yaušai* им.-вин. дв. либо от **g/hausā-*, либо от **g/yausā-* ср. р. (ав. *gao/uša-*); *yangl* 'палец, -н' < **ang(u)rā-* или **ang(u)rāh* им. мн. от **ang(u)ra-* (др.-инд. *angūri-*); *beret* 'локоть', *berin* 'колесо' < **dwi-arat/vni*, где **arat/vni* им.-вин. дв. от **arat/vni-* (др.-инд. *aratnay-*, ав. *arevna-* 'локоть', ав. *frāgrāvni-drañjah-* 'длиной в один локоть'); *bār* 'дверь, -н' < **dwāgā* им.-вин. дв. от **dwāga-* (др.-инд. *dvār-*, скр. *dvār(a)-*, ав. *dvār-*); *zē* 'дети' < **z/zāv/hān* им. мн. от **z/zāv/ha-* (ав. *zaṣa-* '(ново)рожденный').

Падеж

1.5. В ваханском различаются две падежные формы, причем только во мн. числе: прямая и косвенная. Показателем прямой формы является элемент -*īš(t)*, представляющий собой исторически, как уже было отмечено, соединение двух суффиксов собирательной множественности, т. е. **hāwī-+tā-*. Показателем косвенной формы является элемент -*ev*, представляющий собой, как также уже было отмечено выше, рефлекс древнеиранской основы **abi-* со значением собирательной множественности. Функция косвенной падежной формы во фразе обычно уточняется каким-либо предложным или послеложным элементом. Примеры: *yet mingásīš yā-rək réčən p(ū)gūt* 'птицы летят ему навстречу'; *šə stéšev-ek šand ki...* 'она говорит своим снохам...'; *šm rétev-en kend nast* 'у моих сыновей нет жен'; *wīg azī-š-be dəyti ki, se télév-en-əp yurk se fāzden* 'дождь так полил, словно из ведер воду лили'; *luq-luq bétév-i pumust* 'она надевает рваную-прерванную одежду'.

Имя существительное в ед. числе в прямой и в косвенной падежной форме равно основе, например: уеш каѣ wézgi piyúž-erk 'этот мальчик пришел за луком'; piš nišiv! 'выпусти кошку!'; i bekalek uyrk se wóð-en durz! 'зачерпни немного воды из арка!'.
К имени существительному как в ед., так и во мн. числе, употребленному в косвенной синтаксической позиции, могут присоединяться различного рода служебные элементы, конкретизирующие его функцию. Этими служебными элементами могут быть как именные предлоги и послелоги, так и префиксально-суффиксальные элементы, утратившие связь с полнозначным именем. Отметим некоторые из них.

Имя существительное в функции прямого дополнения обычно принимает суффиксальный элемент -I // -ey, например: ya žy yaš-i wázmev! 'приведите моего коня!'; a-ya msh a-ya tšyev-I dešk 'бабушка подоила тех коз'. Для показателя -I// -ey ср. тадж. диал. ay в сочетании ay мьвместо литературного аз мьв 'от меня, меня'. В ваханском возможен и такой способ передачи прямого объекта, при котором имя (или словосочетание) принимает предлог се (< *haša) и послелог -en (< *hani-), например: a-ca (где са из се+а) vērk-en deždey 'она насобирала веток'. Учитывая возможность передачи прямого дополнения с предлогом тадж. (диал.) аз 'из, от' (ср. vau az man na didast 'он не видел меня'), ш. ав 'из, от' (ср. av wi yida qiw! 'позови того мальчика!'), ваханский показатель прямого дополнения -I// -ey (как впрочем и соответствующие показатели ишк., м. -i) можно было бы восстановить в *auī, что представляет собой форму местного падежа ед. числа от основы *а- 'из, от' (ар. *ā-, и.-е. an, ŋ- 'из, от'). Но возможна также связь вах. -I// -ey с ир. *hā(y)- 'соединять, связывать' (ср. семантическую ассоциацию н.-перс. -ra < *rāyā-, и.-е. ar-, rē-dh- в др.-перс. rādiy, рус. ради). В этом случае вах. -I// -ey < *haya-.

При указании на назначение, цель, адресат к имени присоединяется суффиксальный элемент -er(k)//-(r)ek, например: že dešdāv-erk tyša ras! 'приготовь дорожный провиант моим дочерям!'; šatev-er-šē rēšēm 'я схожу за скотом'; enu rist vyrjū-er tšqat cart 'зайчья шкура выдерживает холод'. С исторической точки зрения элемент -er(k) представляет собой, как считают исследователи (Morgenstierne, 1938; Buddruss, 1986), рефлекс древнеиранской именной основы *rāya- (или *rāda-)+-ka- (и.-е. ar-, rē-, (a)ri-, rēi- 'соединять' в др.-инд. ṛta- 'подходящий, годный, прямой, правый', rādhyati 'делает подходящим,готавливает', ав. rāda- 'попечитель', др.-перс. rādiy 'ради', рус. ради). В других иранских языках ему соответствуют: ср.-перс. -rāy, н.-перс. -ra, ш. -(a)rā, -ra(d), язг. ra(g).

При указании на принадлежность к имени обычно присоединяется суффиксальный элемент -en, например: ya dāy-en tu bu petr 'у того человека было два сына'; ya kūt-en yi maydak serv tu 'в крыше была одна маленькая дырка'; также при принадлежностном определении: tát-en

(уав) хūп 'дом отца', 𐎧𐎺𐎠𐎫𐎡𐎹𐎠𐎥𐎢𐎽𐎠𐎥 (уав) хūп 'дом моих братьев'. Ваханскому элементу -ен соответствуют элементы инк. -но, ш. -an(d) , с. -inder. Этот элемент может быть восстановлен в *antar- (и.-е. enter-, др.-инд. antar-, ав. antare, др.-перс. antar 'между, внутри'; ср. аналогичное чередование значений в и.-е. ме-, ме-та, ме-dhi, ме-ghri-s 'среди, внутри' в гот. miw 'с, вместе с', др.-исл. með(r) 'с, между', арм. meɹj 'у, при, вблизи'). Думается, что связь ваханского элемента -ен с древнеиранской флексией аблатива *-aina менее вероятна (Buddruss, 1986).

Сочетание суффиксального элемента -ен с предлогом de (< *hada) при имени передает совместность, совокупность, например: talxčbu de qánd-ən rúven 'черный чай пьют с сахаром'. Сочетание элемента -ен с предлогом pe при имени указывает на способ совершения действия, например: pe kárč-ən uawem 'я ем ложкой'.

Кроме суффиксального элемента -ен на принадлежность может указывать также суффиксальный элемент -ī // -əy. В отличие от -ен он употребляется только при принадлежностном определении, например: 𐎧𐎺𐎠𐎫𐎡𐎹𐎠𐎥𐎢𐎽𐎠𐎥 tāt-ī xūп 'дом моего отца'; 𐎧𐎺𐎠𐎫𐎡𐎹𐎠𐎥𐎢𐎽𐎠𐎥 𐎧𐎺𐎠𐎫𐎡𐎹𐎠𐎥𐎢𐎽𐎠𐎥 xūп 'дом моих братьев'; dərāxtev-ī rāčšiš zart 𐎧𐎺𐎠𐎫𐎡𐎹𐎠𐎥𐎢𐎽𐎠𐎥 𐎧𐎺𐎠𐎫𐎡𐎹𐎠𐎥𐎢𐎽𐎠𐎥 𐎧𐎺𐎠𐎫𐎡𐎹𐎠𐎥𐎢𐎽𐎠𐎥 'листья деревьев пожелтели'. Следует сказать, что этот показатель определения по принадлежности более употребителен при имени во мн. числе. А вообще же употребление его факультативно, например: a-yá zā-v nān 'мать тех детей'; a-yá tūy-əv zārš kāt-er nefoqat gōxtey 'она питалась молоком тех коз'. С исторической точки зрения элемент -ī // -əy, как и элемент -ən, мы склонны считать рефлексом древнеиранской основы *an- 'у, при, вблизи, в(нутри)', но на нулевой ступени, т.е. *a плюс флексия локатива -i (и.-е. en, eni, n, ni, ар. *ni). Усматривать в элементе -ī // -əy рефлекс древнеиранской именной флексии ед. числа род. падежа, как это делает Г.Буддрус (Buddruss, 1986), вряд ли возможно, поскольку этот элемент может присоединяться в равной степени как имени в ед. числе, так и к имени во мн. числе. А кроме того, он может относиться не только к слову, но и к целому словосочетанию.

1.7. Ряд ваханских именных основ могут быть истолкованы либо как рефлекс исторических основ, либо как рефлекс флексивных форм. Они следующие: petr 'сын' < *putrai дат. ед. от *putra- (ав. puṭra-); andarč 'ятровь' < *yant(a)rā+-āka-, т.е. твор. ед. от *yantar- (и.-е. ieneter-, др.-инд. yātar-; ср. инк. yud, с. yud < *yātar-); dāy 'муж(чина), человек' < *dāyā твор. ед. от *dāya- (и.-е. dhē- 'умирать', бретонск. den 'человек'; ср. модель н.-перс. mārd 'муж(чина), человек' < *martya-, ав. mar- 'умирать'); war 'баран' < *warnā твор. ед. от warnā- или основа на -ā- (и.-е. ueren-, др.-инд. uraṇā-); pər-səng 'браслет' < *upari-čangai местн. ед. от *čanga- (ос. song 'рука'); pōlīz 'приусадебный участок, огород' < *upara-daiz/zai местн. ед. от *daiz/za- (ав. pairi-daēza-, др.-перс. paridaida-); zā 'дети' < *z/zāv/hān им. мн. от *z/zāv/ha- (ав.

zāṣa- '(ново)рожденный'); bār 'дверь, -и < *dwārā, т.е. им.-вин. дв. от *dwār(a)- (др.-инд. dvār-, скр. dvār(a)-, ав. dvar- или основа на -ā-.

Сюда же можно отнести и слова, обозначающие части тела, которые могут быть истолкованы либо как рефлексы древнеиранских основ, либо как рефлексы древнеиранских флективных форм: pād/d 'обдеренная часть ноги' < *pād/da им.-вин. дв. от *pād/da- или основа на -ā- (ав. pād-); ṣuṣ 'легкие' < *kṣuṣi им.-вин. дв. (ав. suṣi); ṣeṣm 'глаз(а)' < *ṣaṣmai им.-вин. дв. либо от *ṣaṣma- ср.-п., либо от *ṣaṣmā-и.р. (ав. ṣaṣman-, др.-перс. ṣaṣma-) и др.

Имя прилагательное

Основы

2.0. Как и основы имен существительных, основы прилагательных не имеют каких-либо специальных внешних показателей. С точки зрения структуры основы прилагательных делятся на: а) неосложненные основы; в) основы, осложненные суффиксом; б) основы-композицы.

Основы прилагательных, как и основы имен существительных, в зависимости от корневого гласного могут быть разделены на: 1) основы, продолжающие исторические основы на -a- (или "-a + согласный"), т.е. основы с a/u-умлаутом; 2) основы, продолжающие исторические основы на -ā- (или "-ā + согласный"), т.е. ā-умлаутные основы, и 3) основы, продолжающие исторические основы на -ī-, -yā-, т.е. i-умлаутные основы. Примеры.

1) Ваханские основы - рефлексы исторических основ на -ā- (или "-a + согласный"): s(ṣ)ṇṇr 'тонкий, хрупкий' < *snara- (ср. и.-е. (s)ner- в англ. narrow 'узкий'; язг. ṣṇir 'редкий'); ṣ(i)lot (центр.) 'рыхлый, мягкий' < *ṣr/lat(r)a- (скр. ślatha- 'рыхлый'); suq 'остроконечный' < *ṣaka- (ср. и.-е. kek- 'быть острым'); ṣundr 'жаркий, горячий' < *ṣandra- (ср. и.-е. (s)kand- 'гореть', др.-инд. sandrā- 'горящий, светящийся'); skurf 'заскорузлый, грубый, шершавый' < *skarfa- (и.-е. (s)kerbh- 'шершавая кожа'); lup 'большой' < *gara- (ср. и.-е. lebh- в др.-инд. gabhasa- 'сильный', сюда же ишк. lip 'много', ш., язг. lar 'очень'); xūṣg 'сладкий' либо из *xwarga- (//xwrga-+ka- (ср. и.-е. w̥-ro-, s̥e-ro- 'соленый, острый' ав. xwarezista- 'наисладчайший'), либо из *xarga- (//xrga-+ka- (и.-е. sal- 'соль', лит. s̥alti 'становиться сладким', рус. соль, сладкий; ишк. xāṣṣk, ш. xīṣ m.p., xāṣ ж.р. 'сладкий'); ṣṇw 'черный' < *ṣ(y)āwa- (ав. suava-); bet 'другой, еще' < *dwita- (ав. dūvitīya-, bitya-, др.-инд. dvitā-); teṣd (зап.) 'острый (не тупой)' < *tīgtā- (ав. taṣya-; ср. вах. вост. taṣd < *tīgtā-).

2) Ваханские основы - рефлексы исторических основ на -ā- (или "-ā + согласный"): zart/d 'желтый' < *z/zartā- (и.-е. ḡhel-, ав.

zairita-); taḥā (вост.) 'острый (не тупой)' < *tīgta- (ав. taḥya-); gand 'зловонный' < *gantā- (ав. gantay- 'зловоние', с. žit 'плохой'); ranjg 'легкий, нетяжелый' < *rangā-+-kā- (ав. rang-); vart 'цветущий (о внешности)' < *bartā- или *brtā- (и.-е. bhel- 'цветсти'); ḥ(i)laṭ (центр.) 'тепловатый' < *ḥr/ltā-, *ḥar/ltā- (и.-е. k/kel- в кимр. clyd < *kī-to- 'тепловатый'); palm (центр.) 'мягкий, нежный' < *pɾ/lmā-, *paɾ/lmā- (ср. и.-е. pel-(en)- 'пыль, мука', ос. fālmās 'мягкий, нежный', fālmān 'мягкий'); ḥ(ə)lak 'мокрый, влажный' < *ḥlakā- (и.-е. sklāk- 'мокрый, влажный', рус. слякоть); ḥrāg 'долговязый' < *ḥrāgā- (ср. др.-инд. sṛhāgā- 'вытянутый, большой').

3) Ваханские основы - рефлексy основ на -ī-, -yā-, т.е. 1-умлаутные основы: ḥin 'теплый' < *ḥarṇyā- (ав. tar- 'быть теплым'); pitk 'гнилой, тухлый' < *pūtī-, *pūtyā-+-kā- (ав. pūtay- 'становиться гнилым, гнилость', инк. pūcak 'гнилой'); t(ə)gēp 'кислый' < *tṛpūyā- (ср. и.-е. (s)terp- в рус. терпкий); vεz 'длинный' < *brz/zyā- (ав. bεrez-, bεrez- 'высокий'); mεz 'голодный' < *mz/zyā- (и.-е. mer-g-, *mer-g-, mer-d- в лтн. mērdēt. 'оставаться голодным', англ.-сакс. murg 'страдающий от голода', ш. mōy 'голод'); ḥin 'голубой, сизый' < *akḥainyā- (ав. akḥāna-); ruḥn 'белый' < *rauknyā-, *rūknyā- (ав. raḥāna-); ḥir 'далекий, далеко' < *d/ḥiray- (ав. ḥiray-); sekr 'красный' < *sukrī-, *sukra- (др.-инд. śukra- 'белый', скр. śukra- 'светлый', śuklī bhū- 'становиться белым, ав. sukra- 'красный'); put- в put-gaḥ 'малые нарн' < *pūtī-, *pūtyā- (и.-е. pū- 'маленький'); (y)īḥ 'белесый, сизый, неспелый' < *uḥī-, *uḥyā- (и.-е. aḥes- 'светить, светать', ав. vah- 'светать, расцветать', uḥā- 'рассвет', сюда же вах. (y)īḥy 'рассвет, раннее утро').

2.1. Большинство суффиксальных элементов, отмеченных при именах прилагательных, свойственны и именам существительным. Исключение составляют суффиксы, образующие относительные прилагательные: -īn < *-ainī- (ср. ав. zaḡanaḥī- ж.р. 'золотая' к zaḡanaḥna- м.р.), -éng (зап.) < *-aina-+-ka-, -úng, -íng < *-ana-+-ka-, -áng < *-ānā-+-kā-, напр.: īḥn-īn 'железный', ḥung-īn 'деревянный', yεz-ýng (центр.), yεz-éng (зап.) 'вчерашний', sebas-ýng (центр.), sebas-éng (зап.) 'последующий, последний', mel-ung 'средний', yεg-ýng 'тяжелый' (ср. и.-е. g^her- 'тяжелый'), mɪz-ang 'жадный' (ср. вах. mεz 'голодный'). Из других суффиксов можно отметить: 1) -k/č, -g/č < *-kā-: pit-k 'гнилой' (ав. pūtay-); tṛg-g 'густой (не жидкообразный)' < *(s)tīra-+-ka- (и.-е. stīro- 'густой', иш. tṛyūk, ос. sutur); (y)īn-g (центр., вост.) 'недоваренный, сырой, неспелый' < *āpī-, *āpūyā-+-kā- (и.-е. om-, др.-инд. āma-, пуш. ūm, ōm); ḥar-č 'шершавый, заскорузлый' < *skarā-+-kā- (и.-е. (s)ker- 'шершавая кожа', kar- 'шершавый'); 2) -c < *-čī-: pī-c-(əк) 'малосенный' < *pū-čī- (и.-е. pū- 'маленький'), by-c 'маленький (о плодах)' <

*bu-šī- (тот же корень); 3) -īš/š. < *-īka- : mel-ung-īš (центр.) 'средний (по возрасту)', lənd-īš 'пригоревший', хор-мər-īš 'презренный'; 4) -əc < *-āšī- в слове gəl-əc 'глубокий' (ср. язг. yeł 'глубокий') и др.

2.2. Из прилагательных, представляющих собой сочетание двух основ, можно указать на следующие: 1) šəžm-окы 'глазастый', где šəžm < *šəšmaī им.-вин. дв. от *šəšmā- или *šəšma- ср. р. 'глаз', ok- < *akañ- 'глаз' (и.-е. ok^u(e)s- 'глаз'), а конечный гласный -и из -иң < *-ana-+ka-, т.е. суффикс прилагательного; 2) lar-yaš 'большеротный' (lar 'большой', yaš 'рот'); 3) lup-dūr 'толстопузый' (lup 'большой', dūr 'живот'); 4) pi/nyš-rīšg (центр.), biš-rīšg (вост.) 'босой' (букв. 'босоногий'), ср. ш. -vi(y)- в rōbviyūš 'босой'; 5) lem-šəfk 'обитый, плотный (о человеке)', ср. вах. lembar 'толстый, упитанный,); 6) suqmis 'остроносый' (suq 'острый', mis 'нос') и др.

Род, число, падеж

Категория грамматического рода в имени прилагательном, так же как и в имени существительном, утрачена. О том, что эта категория существовала в ваханском в недалеком прошлом, свидетельствуют такие пары слов, как: lup 'большой' - lar- в lar-yaš 'большеротный', tešd (зап.) 'острый' (< *tīgta-, ав. taēya-) - tašd (центр., вост.) 'острый' (< *tīgtā-).

Остальные прилагательные, хотя и не имеют родовых пар, все же благодаря закономерностям, связанным с умлаутом, могут быть соотносены с той или иной исторической основой, характеризующей род. Наблюдающиеся в этом случае фонетические закономерности те же, что и у имени существительного (см. раздел "Имя существительное").

Прилагательное как таковое, т.е. несубстантивированное, в отличие от имени существительного не изменяется ни по числам, ни по падежным формам, напр.: šəšd pirañ 'новое платье' - šəšd maāliš(t) 'новое строение'; lup xūn 'большой дом' - lup xūniš(t) 'большие дома'; lup šəš mar gand 'дай мне большую лепешку!'; i rewōr rōtšō xū lup rōtrev-ey qw cart 'однажды царь зовет к себе старших сыновей'.

Степени сравнения

2.3. От качественных прилагательных может быть образована сравнительная степень путем присоединения к основе суффикса -ter < *-tarš- (др.-инд.-tara-, н.-перс. -tar, ишк. -tar, ш. -p. -di, с. -der, язг.-dūr), например: baf-ter 'лучше', šak-ter 'хуже', fəter '(по)позже' и др. Следует, однако, заметить, что суффикс -ter при выражении сравнения чаще отсутствует, например: Zūng se Kīkn-ən past 'Зунг (находится) ниже, чем Кипн'; yaw tyxmyng se kėrk-ən lup 'у нее (т.е. у утки) яйца крупнее, чем у курицы'.

В некоторых ваханских прилагательных можно видеть рефлекс древнеиранской корневой степени сравнения, например: $\delta\epsilon\tilde{\eta}$ 'поздний, поздно' < * $\delta r\tilde{y}ah-$ (ав. $\delta r\tilde{y}u\tilde{o}$ сравн. степень от $\delta arga-$), $verz$ 'длинный' < * $barz/zyah-$, * $brz/zyah-$ (ав. $barczyah$, т.е. сравн. степень от * $barza-$).

Наивысшая степень качества (превосходная степень) передается путем повтора прилагательного; $luq-luq\ b\acute{e}\acute{t}ev-I\ r\acute{u}m\acute{u}at$ 'она надевает рваную-прерваную одежду'; $yaw\ dast\ r\acute{e}\acute{t}-r\acute{e}\acute{t}$ 'у нее руки грязные-прегрязные'.

Числительное

3.0. Количественные числительные по своему составу делятся на простые и сложные. К простым относятся числительные первого десятка, числительное 'двадцать' и 'сто' (последнее, однако, наряду со сложным числительным). Эти числительные следующие:

(y)Iw 'один' < * $aiwa/\acute{t}-$ или * $aiwai$ (др.-инд. $\acute{e}v\acute{a}$ -, $\acute{e}vai$ (усиленный вариант) 'прямо, только', $\acute{e}k$ 'один', ав. $a\acute{e}v\acute{a}$ -);

bu(y) 'два' < * $dwa\ya-$ (ср. др.-инд. собирательное $dvaya-$, ав. $dw\acute{a}$ -); в сложении вах. $be-$ в $ber\acute{e}n$ 'колени' и в $ber\acute{e}t$ 'локоть' < * $\acute{d}wi-arat/\acute{v}n\acute{I}-$ (др.-инд. $\acute{d}vi-$ и $arat\acute{n}a\ya-$ 'локоть', ав. $bi-$ 'два' и $are\acute{v}na-$ 'локоть'); также в наречном слове bet 'еще, опять' < * $\acute{d}wita-$ (др.-инд. $\acute{d}vita\acute{t}$ 'вторично', ав. гат. $daibit\acute{a}$ 'снова');

tru(y) 'три' < * $traya-$ (основа) или * $trayah$ им. мн. (ав. $\acute{v}tray-$); в сложении, возможно, в вах, $t(\acute{e})l\acute{e}sa$ 'треугольный мешочек' < * $tri-aka-+-ka-$ (ав. $\acute{v}tri$ и и.-е. $aka-$ в арм. $ankiun$ 'угол'; ср. также скр. $trikona$ 'треугольник');

сыв\г 'четыре' < * $\acute{c}at/\acute{v}w\acute{a}ra-$ или * $\acute{c}atb\acute{a}ra-$ (основа), либо * $\acute{c}at/\acute{v}w\acute{a}rah$ или * $\acute{c}atb\acute{a}rah$ им. мн. (др.-инд. $catv\acute{a}rah$, ав. $\acute{c}av\acute{v}\acute{a}r\acute{o}$, х.-сакс. $tcaha\acute{u}ra$, $tcahora$, н.-перс. $\acute{c}\acute{a}har$);

$r\acute{a}n\acute{z}$ 'пять' < * $ran\acute{c}\acute{a}-$ основа (ср. ав. $ran\acute{c}\acute{a}-$) или * $ran\acute{c}\acute{a}h$ им. мн. от * $ran\acute{c}\acute{a}-$;

$\acute{h}ad/\acute{o}$ 'шесть' < * $\acute{h}(w)a\acute{s}t\acute{a}-$, т.е. порядковое числительное от * $\acute{h}(w)a\acute{s}-$ (др.-инд. $\acute{s}at/\acute{d}$, $\acute{s}as$, $\acute{s}as\acute{t}ha$, ав. $\acute{h}ava\acute{s}$, сакс. $k\acute{s}\acute{a}ta$; ср. масарми $\acute{s}\acute{i}\acute{s}t$ 'шесть' < * $\acute{h}(w)a\acute{s}ti-$, др.-инд. $\acute{s}asti-$ 'шестой', рус. шесть); вост.-вах. $\acute{h}al$ 'шесть' либо < * $\acute{h}(w)a\acute{s}\acute{h}am$, т.е. род. мн. от * $\acute{h}(w)a\acute{s}-$, либо $\acute{h}a-+-l-$ (суффикс), ср. н.-перс. $se-lu$ 'тройка';

nb 'семь' < * $hapta$ (ав. $hapta$);

at 'восемь' < * $a\acute{s}t\acute{a}$ им.-вин. дв. от * $a\acute{s}ta-$ (др.-инд. $a\acute{s}\acute{t}\acute{a}$, ав. $a\acute{s}ta$);

naw 'девять' < * $naw\acute{e}$ -или * $naw\acute{a}h$, т.е. им. мн. от * $nawa-$ (ав. $nava$);

$\acute{o}as$ 'десять' < * $\acute{o}asa\acute{h}$ (ав. $das\acute{h}$);

$b/w\acute{e}st$ 'двадцать' < * $wisati$ (ав. $\acute{v}isaiti$);

sad 'сто' < * $sat\acute{e}$ им. мн. ср. р. от * $sata(m)-$.

Название чисел от одиннадцати до двадцати девяти образуется сложением названия десятка (das или b/wist) с названием единицы (либо непосредственно, либо с помощью союза -(et) 'и'), например: das-(et)-(y)iw '11', das-(et)-buy '12', das-(et)-truy '13', b/wist-e(t)-nb '27', b/wist-c(t) naw '29'.

Для выражения десятков, начиная от тридцати, используется вигезимальный счет; (y)i b'ist-e(t) das '30', bu b'ist '40', bu b'ist-e(t) das '50', tru b'ist '60', rang b'ist '100' (наряду с sad).

3.1. Порядковые числительные образуются от количественных прибавлением суффикса -im < *-ama (ср. ав. dasema- 'десятый'), например: buyim 'второй', rangim 'пятый', dasim 'десятый'.

В центральном и восточном говорах порядковые числительные могут быть образованы также с помощью суффикса -ing < *ama-+-ka- (ср. модель вах. n'ing 'имя' < *n'ama(n)-+-ka-), например: Iwing 'первый', buyung 'второй', syb'ing 'четвертый'.

Местоимение

Личные местоимения

4.0. Личные местоимения могут быть представлены следующей таблицей:

Лицо	Ед. число			Мн. число		
	Прям.	Объектн.	Посесс.	Прям.	Объектн.	Посесс.
1-е	wuz wez (з.)	maž ma-	žy/e	sak		s(e)po
2-е	tu	taw, tow(з.) ta-	tI	sá(y)išt	sav	

Как можно видеть, местоимения 1-го и 2-го лица ед. числа имеют четыре падежные формы: прямую, две объектные (форма ma- и ta- употребляются только с послелогом -re(k): má-rek 'мне', tá-rek 'тебе'; maž и ta/ow - во всех остальных случаях) и посессивную. Местоимения 1-го и 2-го лица мн. числа представлены двумя падежными формами: местоимение 1-го лица - объектно-прямой и посессивной, а местоимение 2-го лица - прямой и объектно-посессивной. Для 3-го лица используются указательные местоимения-существительные (см. дальше). Примеры: sak buzikí xánen 'мы на двух языках говорим'; tu maž yund! 'ты возьми меня (с собой)!'; uem sak asbūIš ne lecert 'он не оставит нас в покое'; se maž kerpa gñw! 'накинь на меня одеяло!'; se sáv-en kuy

duxtur? 'кто из вас доктор?'; wuz-em sav tat 'я - ваш отец'.

Исторические соответствия для ваханских личных местоимений следующие. Местоимения I-го лица ед. числа: прямая форма wuz, wez < *az/zam (и.-э. eg(h)om, ав. azēm, др.-перс. adam); объектно-дательная форма ma- < *mañ (ав. mana, др.-перс. mañ). Что касается происхождения объектной формы maž, то возможны следующие ее толкования: 1) maž < *ma-gā- (ср. и.-э. *me-ge-, арм. is < *eme-ge-, греч. ἔμέγεγε, гот. mik 'меня', ишк. mak, лар. maz; ср. также суффикс -gha в др.-инд. vauam-gha 'мы', uḅ-gha-, uḅ-ha релятивное местоимение, также в пуш. dáya 'этот' < *aitā-gā-+ākā-); 2) maž < *māt +gā-, т.е. отл. падеж или < *mām+gā-, т.е. вин. падеж. Посессивная форма žn/e 'мой, моя, мой' является усеченным вариантом от вах. maž плюс суффиксальный элемент *-na/i- (ср. и.-э. mo-iō- в рус. мой, вторичное образование в гот. meins, др.-в.-н. mīn < *mei-no-; тох. ав. hi < *māni).

Местоимения 2-го лица ед. числа: прямая форма tu < *tawam или *tuwam (др.-инд. tvam, ав. tvem, tūm 'ты'); объектно-дательная форма ta- и объектная форма ta/ow < *tawā(ав. tavā); посессивная форма tī 'твой, твоя, твои' < *taya- (ср. и.-э. посессивную форму I-го л. ед. ч. mo-iō в рус. мой и вторичное образование в гот. meins, др.-в.-н. mīn < *mei-no-; для ир. *taya- ср. и.-э. основу te-).

Местоимение I-го лица мн. числа объектно-прямой формы sak 'мы, нас' либо из *aswākā(m) (др.-инд. aswākam, ав. ahmākem род. мн., ав. ahmāka- 'наш'), либо из др.-ир. *uswākā- (ср. и.-э. *r̥sme-, где *r̥s- слабая форма энклитического местоимения I-го л. мн. ч., представленного в др.-в.-н. uns, англ.-сакс. ūs, др.-норв. oss 'нас, нам', плюс местоименный суффикс мн. числа *-sme-). Для того чтобы принять последнее толкование, нужно признать, что индоевропейский слогъвой *r̥(как, вероятно, и *r̥) давал на древнеиранской почве не только *a, как это до сих пор считалось, но также и *u, т.е. в зависимости от исторической фонетической позиции. В авестийском можно найти такие примеры, которые в какой-то степени могут подтверждать такое предположение. Так, например, и.-э. *dekm̥to-s, др.-инд. daśamañ, ав. dasetō- 'десятый'. Качество авестийского гласного, скрытое за графемой e, остается не вполне ясным. Посессивная форма местоимения I-го лица мн. числа s-(e)po(-c-) 'наш(а), наши' < *asma-(+ -šī-) или *usma-(+ -šī-), ср. и.-э. *r̥sme- с суффиксом *-ge- в англ.-сакс. usc < *r̥-ge 'нас, нам'. В авестийском представлены как сильные формы этого энклитического местоимения (ав. nā, nō, nē), так и слабая форма, осложненная местоименным суффиксом мн. числа *-hm-, т.е. ahmāka- 'наш'.

Местоимение 2-го лица мн. числа прямой формы sa-(y)īš(t)'вы' состоит из sa + (y)īš(t). Второй элемент -īš(t)- именной показатель мн. числа прямой формы имен, ср. xūn-īš(t) 'дома'. А местоименная

основа *sa-* может иметь два объяснения: 1) < **u(s)-smā-hām*, т.е. род. мн. от **u(s)l- 'вн'* (ср. ав. *yūšmākem*, *xšmākem*); 2) < **tu-smā-hām* или **ta-smā-hām*, т.е. род. мн. от **tu-smā-* или **ta-smā-* (пуш. *tās-i 'вн'*, дард. *tsə, tva, tus, sã*; ср. также модель ишк. *тьмх, ш.-р. tamã(š)*, язг. *temox 'вн'* < **tahmākām*). Объектно-посессивная форма *sav 'вас, ваш(а)'* также может быть истолкована двояко: 1) из *sa + -v*, где *sa-* либо < **u(s)smāhā(m)*, либо **tusmāhā(m)* или **tasmāhā(m)*, а *-v* именной показатель мн. числа косвенной формы; 2) < **(u)smabya*, т.е. дат. мн. от основы **u(s)-* (ср. ав. *yūšmai-byā*) или **ta/usmabyā*, т.е. дат. мн. от основы **ta/u-*.

Указательные местоимения

4.1. Как и в других памирских языках, эти местоимения имеют три ряда: 1) для указания на ближний объект: *uəm 'этот, эта', uəm-līs(t) 'эти', uəm-əv 'этих, этим'*; 2) для указания на несколько отдаленный объект: *yet 'этот, эта', yet-līs(t) 'эти', yet-əv 'этим, этих'*; 3) для указания на дальний или отсутствующий объект: *yaw* (центр., вост.), *yow* (зап.) 'тот, та', *yaw-līs(t), yow-līs(t) 'те', ya-v 'тем, тех'*.

Все местоимения, кроме того, делятся на две группы: указательно-личные (или субстантивные местоимения) и указательные местоимения-прилагательные (или адъективные местоимения). Разница между ними состоит в том, что первые имеют два числа (ед. и мн.) и две падежные формы (прямую и косвенную), которые различаются только во мн. числе. К субстантивным местоимениям относятся все приведенные выше указательные местоимения.

В отличие от субстантивных адъективные указательные местоимения не изменяются ни по числам, ни по падежным формам, так что в каждом ряду представлено по одной форме: *uəm, yet, ya*. Все указательные местоимения могут быть представлены следующей таблицей:

Местоимения-существительные						
Степень удаленности	Ближняя		Средняя		Дальняя	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
Форма						
Прямая	<i>uəm</i>	<i>yəm-līs(t)</i>	<i>yet</i>	<i>yət-līs(t)</i>	<i>yaw, yow</i>	<i>yá(w)-līs(t)</i>
Косвенная		<i>yəm-əv</i>		<i>yət-əv</i>		<i>yav</i>
Местоимения-прилагательные						
Прямая	<i>uəm</i>		<i>yət</i>		<i>ya</i>	
Косвенная						

Примеры: *yaw máž-ī dūst dārd* 'она меня любит'; *yāwīš nést-ēv* 'они легли спать'; *yāv-ī yund!* 'уведи их!'; *kīnem yāv-ēv* 'выкопаю-ка я его (т.е. лук)'; *yāv-ēn tru wešk tywétk* 'у них было три таленка'; *se yāv-ēn dārz!* 'возьми у нее (свою книгу)!'; *ya šāy ya xur dəytey* 'тот парень шул того ослы'; *a-yā tšyev-ī-šē šéšpney* 'она все время доила тех коз'; *yem šēš xošk* 'эта лепешка мягкая'; *mi-yēm enfrá-y kat!* 'расстели вот эту скатерть!'; *yem kelāv-ī tárek kūy gáti?* 'кто дал тебе этих овец и коз?'

В основе местоимений каждого из трех рядов лежат три различных древнеиранских местоименных элемента: для местоимений дальнего ряда -ир. **awā-* (ав. *avā-*), для местоимений ближнего ряда -ир. **imā-* (ав. *imā-*), для местоимений среднего ряда -ир. **aitā-* (ав. *aētā-*). Каждое из ваханских указательных местоимений представляет собой рефлекс той или иной флективной формы, образованной от одной из этих трех древнеиранских местоименных основ.

Косвенно-прямые формы субстантивных местоимений ед. числа *yow* (зап.), *yem, yet* являются закономерным отражением следующих древнеиранских форм муж./ср. рода: 1) *yow* < **awam* им.-вин. м.р. (ав. *aom*) или **awat* вин. ср. р. (ав. *avat*); 2) *yem* < **imah* им. м.р., либо **imam* вин. м.р. (ав. *imem*) или **imat* им.-вин. ср. р. (ав. *imat*); 3) *yet* < **aitah* им. м.р., либо **aitam* вин. м.р. (ав. *aētem*) или **aitam*, **aitat* им.-вин. ср. р. (ав. *aētem*, *aētāt*). Центральное-восточный вариант косвенно-прямой формы для дальнего ряда *yaw*, судя по гласному этой формы, представляет собой *ā-умлаутиный* рефлекс, т.е. рефлекс древнеиранской формы вин. ед. ж.р. **awām* (ав. *avam*).

Прямые формы субстантивных местоимений мн. числа *yāv-īš(t)*, *yōw-īst(t)* 'те', *yēm-īš(t)* 'эти', *yēt-īš(t)* 'эти' состоят из местоименного элемента и именного показателя множественного числа для прямой формы *-īš(t)*. Соответствующие косвенные формы *ya-v*, *yēm-ēv*, *yēt-ēv* также состоят из аналогичного местоименного элемента и именного показателя мн. числа для косвенной формы *-(ē)v* (см. "Имя существительное"). Местоименные элементы форм мн. числа *ya(w)-//yo(w)-*, *yem-*, *yēt-*, как можно видеть, внешне совпадают с местоимениями ед. числа *yaw* // *yow*, *yem, yet*. Отсюда можно предположить, что местоименные формы мн. числа являются результатом сочетания местоимения ед. числа с именным показателем мн. числа, т.е. так же как это имеет место в именах существительных, ср., напр., *xūn* 'дом' - *xūn-īš(t)* 'дома', *xūn-ēv* 'домов' и т.д.

Подтверждением именно такого толкования происхождения этих форм служит местоименная форма *yō(w)-īš(t)*, где *yo(w)-* может быть истолковано только как рефлекс древнеиранской формы ед. ч., т.е. **awam* им.-вин. м.р. (ав. *aom*) или **awat* вин. ср. р. (ав. *avat*), на что указывает гласный этой формы *o*, являющийся закономерным отражением др.-ир. **a* в нейтральной позиции.

Что касается адъективных местоимений всех трех рядов, т.е. уа, уеш, ует, которые, как уже было сказано, не изменяются ни по числам, ни по падежным формам, то каждое из них в отдельности совмещает в себе ряд рефлексов древнеиранских флективных форм, причем как ед., так и мн. чисел. Так, местоимение уа может быть рефлексом: 1) формы вин. ед. ж.р. *awāh (ав. awam); 2) формы им.-вин. мн. ж.р. *awāh (ав. awā); 3) формы им.-вин. мн. ср. р. *awā (ав. awā). Местоимение уеш может быть рефлексом: 1) формы им. ед. м.р. *imah; 2) формы вин. ед. м.р. *imat (ав. imem); 3) формы им.-вин. ед. ср. р. *imat (ав. imat); 4) формы вин. мн. м.р. *imans (ав. ima). Местоимение ует может быть рефлексом: 1) формы им. ед. м.р. *aitah; 2) формы вин. ед. м.р. *aitam (ав. aētem); 3) формы им.-вин. ед. ср. р. *aitat (ав. aētāt); 4) формы вин. мн. м.р. *aitans. Фонетическое совпадение рефлексов ряда древнеиранских флективных форм в одной ваханской форме и делает эту форму нейтральной в морфологическом отношении.

Итак, подводя итог всему вышеизложенному относительно указательных местоимений, мы могли бы представить древнеиранско-ваханские соответствия этих местоимений в виде следующей схемы:

Др.-ир.

Вах.

I. О т о с н о в н *awā-

Ед. число

Им.-вин. *awam	м. р. (ав. aom)		
	*awat	ср.р. (ав. avat)	— уow (зап.)
Вин. *awāh	ж.р. (ав. awam)	—	уaw(=), уa

Мн. число

Им.-вин. *awāh	ж.р. (ав. awā)	—	уa (адъект)
	*awā	ср.р. (ав. awā)	

II. О т о с н о в н *aitā-

Ед. число

Им. *aitah	м.р.		
Вин. *aitam	м.р. (ав. aētem)	—	ует
Им.-вин. *aitat	ср.р. (ав. aētāt)		

Мн. число

Вин. *aitans	м.р.	—	ует (адъект.)
--------------	------	---	---------------

III. О т о с н о в н *imā-

Ед. число

Им. *imah	м.р.		
Вин. *imat	м.р. (ав. imem)	—	уеш
Им.-вин. *imat	ср.р. (ав. imat)		

Вопросительные местоимения

4.2. В ваханском представлены следующие вопросительные местоимения: kūy 'кто?', (объектно-прямая форма), kī 'чей?' (посессивная форма), č/ciz 'что?', kūm 'какой, который'. Примеры: kūy táw-I wózomdī? 'кто привел тебя?'; tu-t de kūy-en ayloq tū? 'ты с кем была на летовье?'; tu kī petr? 'ты чей сын?'; уэм skīd kī-n-en? 'эта тубетейка чья?'; уaw čiz xátey? 'что он сказал?'; kūm kī хяггū нмыт, а-уaw randem 'которая покрасивее, ту я и отдам'.

В основе всех этих местоимений лежит один из двух древнеиранских местоименных элементов: *kǎ- (ав. kǎ-) или *kai- (ав. čai-, čī-). Местоимение kūy может быть восстановлено в *kaуah, т.е. род. ед. от *kaу-. Посессивная форма этого местоимения kī по аналогии с местоимением tī 'твой' представляет собой рефлекс адъективной основы *ka-ya или *kaу-a-. В основе местоимения č/ciz 'что' лежит элемент *čī-. Местоимение kūm 'какой, который' < *katāma- (др.-инд. katāma-, тадж. kadom).

К вопросительным относятся также местоимения сum 'сколько' и tum 'столько'. В ишкашимском им соответствуют сьмнд и дунд, dum.

Возвратно-определятельное местоимение

4.3. Это местоимение имеет две формы: xat- объектно-прямая и xə/ы - посессивная. Примеры: wúz-əm xat goxtey 'я сам (это) сделал'; уэм-I xát-er dygz! 'возьми ее себе!'; žы čbqyw de xát-en wúzym! 'захвати с собой мой перочинный нож!'; žhrt хы daftár-əy 'собери свои тетради!'. Исторически форма xat 'сам(а)' продолжает др.-ир. *(k)wātā- (ср. и.-е. wē-ti- в алб. ve-të 'сам'; ср. также ав. хватō 'от себя'). Посессивная форма xə/ы представляет собой рефлекс древнеиранской адъективной основы *(k)wāya- (ср. и.-е. wē-ia по аналогии с мо-ia 'мой').

Глагол

5.0. Глагольная система в ваханском по сравнению с древнеиранской претерпела значительные изменения, что связано с общим для всех иранских языков развитием от флективности к аналитизму. От трех видо-временных систем, существовавших в древнеиранском, в ваханском в сильно измененном виде сохранилась (и то только типологически) система презенса. Два ряда личных окончаний утратились. Выработался один ряд личных окончаний, употребляющихся при образовании формы настоящего времени и представляющих собой колгаминацию рефлексов древне-

иранских окончаний различных наклонов и залогов. Система прошедших времен в ваханском полностью является новообразованием. В ее основу легло древнеиранское пассивное причастие прошедшего времени. Лицо и число в глагольных формах, образованных от основы прошедшего времени (=др.-ир. пассивное причастие прош. вр.) выражается подвижными энклитическими показателями, имеющими различное происхождение в зависимости от переходности-непереходности глагола.

Основы

Основа настоящего времени

5.1. Ядро всей глагольной системы ваханского языка составляют две основы: основа наст. времени и основа прош. времени. Основа наст. времени у большинства глаголов не имеет каких-либо специальных признаков, напр.: *nyw-* 'терять', *vand-* 'связывать', *reš-* 'идти, уходить'. Лишь несколько глаголов сохранили в качестве показателя основы суффиксальные элементы, характеризующие определенный тип исторической основы. Это - основы на *-ey-* (< **aya-*) и *-s-* (< **-s-*), напр.: *mérey-* 'умирать' < **maraya-* (ав. *mar-*), *nedəfs-* 'лишнуть, лнуть, ластиться, приставать' < **ni-dab/psai-* (*dhebh-* 'причинять вред, обманывать', ав. *dab-* 'лишать кого-нибудь чего-либо, обманывать'; ср. аналогичную семантическую связь в др.-инд. *r/īp-* 'обманывать, лишнуть', тадж. *fi-reb* 'обман'; сюда же ирк. *nyd̥fs-*, ш. *niəfs-*, язг. *raəəfs-* 'лишнуть').

Но исторический анализ (с учетом умлаута) ваханских основ наст. времени дает возможность выявить рефлексы древнеиранских основ индикатива, конъюнктива и оптатива. Примеры.

I. Ваханские основы, продолжающие древнеиранские основы индикатива:

а) рефлексы древнеиранских основ на **-a-* : *dyw-* 'иметь' (только в сочетаниях) < **daṛa-* (ав. *dar-*); *wydyw-* 'хватать, держать' < **awa-daṛa-* (ав. *dar-*); *byw-* 'бросать, везть' < **dwana-* (ав. *dvan-*); *mygw-* 'шупать' < **mywa-* (др.-инд. *mṛś-*, ср. ав. *magəz-* 'шупать'); *ryw-* 'пить' < **r̥ba-* (и.-э. *rō(i)-*, др.-инд. *rā-*, но *ribati* 'пьёт'); *gyw-* 'спать' < **p/ra-ṣwara-* (ав. *xwar-*); *d(e)gyw-* 'чесать, царапать' < **daṛa-* (и.-э. *drep-*); *nyw-* 'терять, уничтожать' < **naṣa-* (ав. *naš-*); *gywyz-* 'летать, падать' < **p/ra-waza-* (ав. *vaz-*); *byw-* 'обманывать' < **d(a)wawa-* (и.-э. *dhehneu-*, ав. *dab-*); *ryu-* 'пасти' < **r̥ya-* (ав. *rā(y)-*); *rewey-* 'приказывать' < **p/ra-ṣaya-* (ав. *mā(y)-*); *rewey-* 'проявляться, обнаруживаться' < **pari-baya-* (ав. *bā-*); *newey-* 'ложиться спать, спать' < **nī-saya-* (ав. *sāy-*); *di(y)-* 'бить, ударять' < **daya-* (и.-э. *dhen-*); *mēy-* (зап.) 'облеять' < **maig/ya-* (и.-э. *mei-*); *stow-* 'хвалить' < **stawa-* (ав. *stav-*); *mōd/δ-* 'хиснуть, прокисать' < **mād/da-* (и.-э. *mad-* в н.-перс. *māst* 'кислое молоко' с. *памч* - 'кис-

нуть, прокисать');

б) рефлексн др.-ир. основ на *-ya- : реф- 'вариться' < *paṣya- (ав. rak-); bad/d- 'обваливаться' < *p/bad/dya- (ав. rad-); ḡkad/d- 'ломаться' < *s/ḡkad/dya- (ав. skand-); wəser- 'стынуть' < *awa-wərua- (ср. ав. wəreta- 'холодный'); ḡer(ə)ṣ- 'входить' < *kṛṣua- (др.-инд. kṛṣati 'вышагивает, идет', тадж. xīromidan 'важно идти'); v(ə)reḡ- 'прести' < *vr̥ḡya- (ср. ав. vrapərua- 'росток, побег'); ḡi(y)- 'рождаться' < *g/ḡya- (ср. и.-е. ḡen-, др.-инд. jan-, ав. zan-); liv- 'скользить' < *rīḡya- (и.-е. (s)leib-);

в) рефлексн древнеиранских основ на *-aya- : бычу- 'красть' < *daba-ya- (и.-е. dhebh-, ав. dab-, ос. davyu 'красть'); tənəy- 'загонять скот, заключать в тюрьму' < *tanaya- (и.-е. (s)ten- 'стеснять, суживать', греч. τὸ βίαιος 'тюрьма'); mərəy- 'умирать' < *maraya- (ав. mar-); zəbyu- 'разевать рот, зевать' < *zambaya- (и.-е. ḡhebh-); vidny- 'казаться, виднеться' < *sada-ya- (ав. vand-, осн. sada-ya-); mnyu- 'быть' < *ama-ya- или *ama-ya- (и.-е. em-, *mē- в рус. иметь, сакс. hām- 'становиться', язг. m- : mad- 'становиться');

г) рефлексн древнеиранских основ на *-a- с носовым индексом -n- : rignand- 'продавать' < *para-randa- (и.-е. rē-, ав. rā- 'давать'); ḡkend/d- 'ломать' < *s/ḡkanda- (ав. skand-); zignand- 'стругать, тесать' < *us-randa- (и.-е. rēd-, др.-инд. rad-);

д) рефлексн древнеиранских тематизированных основ от основ сигматического аориста: vñ- 'тереть' < *vñ-a- (и.-е. keu- ш. sēw- р. sēw-, язг. saw-, н.-перс. sūdan 'тереть'); bñ- 'молоть, толочь' < *dñ-a- (ав. dav-; ср. модель ав. bñ- "в- аорист" от bav- 'становиться');

е) рефлексн древнеиранских корневых основ: i- в it глагольная связка 3 л. ед. ч. < *as-ti (ав. asti-); uḡd- 'класть, помещать' < *ā-dā- (ав. dā-); uḡ- 'рожать' < *ñ-gan- (ср. и.-е. ḡen-, др.-инд. jan-, ав. zan-);

ж) рефлексн древнеиранских редуцированных основ: rəy- 'протягивать, вытягивать, распрямлять' < *raḡaz- (ср. и.-е. rēḡ-, ав. raz-).

2. Ваханские основы, продолжающие древнеиранские основы конъюнктива:

1) от древнеиранских основ на *-a- : paṣ- 'печь, варить' < *paṣā- (ав. rak-); xəḡ- 'тащить, волочить' < *k/xəḡā- (ав. karḡ-); ḡa(w)- 'уходить' < *ḡ(y)awā- (и.-е. kī-eu-, др.-инд. suāv-, но ав. ḡ(y)av-); waz- 'падать' < *wazā- (ав. vaz-); ḡan- 'говорить' < *ḡwanā- (и.-е. vyeu-, др.-инд. svan-, н.-перс. ḡān-); kand- 'смешаться' < *kantā- (сакс. khan-, н.-перс. ḡand-); vand- 'связывать' < *bandā- (ав. band-); p(н)ḡad/d- 'трогать, касаться' < *pḡat/d/dā- (и.-е. psā(i)-, ишк. pḡat-); d(ə)raḡ- 'шить' < *dṛbā-, *darbā- (др.-инд. dṛbh- 'связывать', ав. dərəwda- 'мышечная связка', х.-сакс

ham-dru- 'платать', курд. dur- 'шить'); zeway- 'мотать, наматывать'
< *us-wayā- (и.-э. uel- 'крутить, вертеть'); deraw- 'жать, косить'
< *d(a)rawā- (и.-э. dreu- в ср.-перс. drūn; ср. вах. deraw-n 'жат-
ва' < *d(a)rawna-);

б) от древнеиранских тематических основ с инфиксом *-n- : rand- 'да-
вать' < *randā- (ав. rā-); pland- 'сваливаться, опадать, капать'
< *plandā- (ср. и.-э. phōl- 'падать', пуш. plenavel 'повалить ко-
го-либо');

в) от древнеиранских нетематических основ: -as-t в nāst 'не есть,
не имеется' < *na-astēm, т.е. 3 л. ед. ч. императива от *ah-
'быть' (ав. ah-); naš- 'теряться' < *našā- конъюнктив от сигмати-
ческого аориста (ав. naš-); -kaš- в ke(r)-kašt 'сможет (сделать)'
< *kašā, *kašā- конъюнктив от сигматического аориста (ав. kar-);
tēu 'есть, имеется' < *stāyat, т.е. 3 л. ед. ч. конъюнктива от ос-
новы *stāy- (ав. stā(y)- 'стоять, ставить'; для семантики ср. ав.
stāy- 'бытие, существование', тох. ste 'есть').

3. Ваханские основы, продолжающие древнеиранские основы опатива:

а) от древнеиранских основ на *-a- : ser- 'делать' < *sarai-
(ав. kar-); škand- 'ломать, разбивать' < *s/škandai- (ав. skand-);
-wer- в uerwer- 'выбирать, отделять' < *warai- (ав. var-); -yer- в
nēžyer- 'плотать' < *g/yarai- (ав. gar-); sel- 'ухаживать, забо-
титься' < *salai- (ср. и.-э. ser- 'заботиться'; ав. nar- 'оказывать
внимание'); vezem- 'сжимать, давить' < *abi-zam(b)ai- (и.-э.
śambh-, др.-инд. jambh-, ав. zamb-); xenz- 'наливать, насыпать' <
*hinšai- (ав. hinša-); gow- 'закрывать, покрывать' < *gawai- и
wešjin- 'покрывать, крыть крышу' < *awa-gūnai- (ср. сакс. hamgun-,
ш. agān-); dim- 'бить, ударять' < *danrai- (и.-э. dhen-p-); win-
'видеть' < *wainai- (ав. vaēn-); pirwic- 'просеивать' < *(u)-
pari-waišai- (ав. vaēk-); riz- 'распарывать' < *raizai- (и.-э.
reiš/g- 'разрывать'); diš- 'доить' < *daušai- (др.-инд. dogdhi
'докт'), und- 'уносить, увозить' < *undai- (ав. vad-); pumuc- 'оде-
вать(ся)' < *pati-mišai- (ср.-перс. pat-mōhtan-); šex- 'колоть, ре-
зать животное' < *kūšai- (ав. kaš-);

б) от древнеиранских основ на *-sa- : šex(ə)s- 'проходить, переход-
ить' < *s/šak/xsai- (ав. sak-); werefs- 'стоять, останавливаться'
< *awa-rab/fsai- (и.-э. rembh-, др.-инд. ram-, ав. ram-);
nedefs- 'лигнуть, лгнуть' < *ni-dab/fsai- (и.-э. dhe(m)bh-, ишк.
nīdāfs-, ш. nīdāfs-, nīdāmb-, язг. rābāfs-);

в) от древнеиранских тематизированных или нетематических основ:
vrin- 'стричь овец' < *brīnai- или *brīni- (ав. основа brīn-);
liš- 'лизать' < *laišī- (и.-э. leiš-, ав. raēz-); didi- 'смот-
реть' < *didišī- (ав. основа didī-, diday-).

5.2. Признаком основы прошедшего времени сравнительно с основой настоящего времени большинства глаголов является конечный смычный -t- или элемент -tey-// -ti- (обычно после глухого исхода основы наст. времени), либо -d или -dey-// -di- (после звонкого исхода основы наст. времени), например: *nost(ey)* от *nyš-* 'терять', *vast(ey)-* от *vand-* 'связывать', *kert-(ey)-* от *car-* 'делать', *pit(ey)-* от *ryv-* 'пить', *stowd(ey)-* от *stow-* 'хвалить'.

В речи зарубежных ваханцев чаще употребляется распространенный вариант основы прош. времени на -et (независимо от конечного согласного основы наст. времени), например: *serbret-* от *serbr-* 'поручать', *pařet-* от *pař-* 'пропадать', *walamet-* от *walam-* 'распространяться, опухать'. В речи советских ваханцев этот вариант основы прош. времени самостоятельно почти не употребляется, но входит в состав перфектного причастия, например: *reset-k* от *ras-* 'варить, печь', *kyret-k* от *kyr-* 'копать', *ħexet-k* от *ħex-* 'переправляться'.

Небольшая группа глаголов имеет в качестве показателя основы прош. времени сонант -n- или элемент -ney-// -ni-, например: *deñn(ey)-* от *dic-* 'дойти', *ben(ey)-* от *bed/d-* 'обвалиться', *neyn(ey)-* от *nezd-* 'сидеть' и др.

Большинство ваханских основ прош. времени являются прямым продолжением древнеиранского причастия прош. времени, например: *oft-* от *ɲf-* 'ткать' < *uftā- (др.-инд. *vah-*), *kat-* от *kyr-* 'копать' < *ka(n)ta- (ав. *kan-*), *rat-* от *rānd-* 'давать' < *rātā- (ав. *rā-*), *tāñd-* от супплетивной основы наст. времени *čā(w)-* 'уходить, отправляться' < *taktā- (ав. *tak-*), *vast-* от *vand-* 'связывать' < *bastā- (ав. *band-*). Но есть и явно вторичные основы, например: *čowd-* от *čyw-* 'жечь', *bond-* от *byr-* 'бросать, везть', *ryud-* от *ryu-* 'пасты (скот)' и др.

Исторический анализ ваханских основ прош. времени с учетом умлаута позволил прийти к выводу о том, что в древнеиранском в образовании так называемого пассивного причастия прош. времени участвовал не только суффиксальный элемент *-tā-, но и другие суффиксальные элементы, и не только с конечным гласным *-ā-, но и с гласным -ī (или сочетанием *-yā-).

Так, например, если ваханская основа прош. времени *rat-* от *rānd-* 'давать' отражает древнеиранское причастие прошедшего времени на *-tā, т.е. *rātā-, на что указывает корневой гласный а в ваханской основе, то другой вариант основы прош. времени от этого же глагола, т.к. *ret-*, должен быть восстановлен только в *rātī- или в *rātyā-. Точно так же следует восстановить и вах. *kert-* от *car-* 'делать' < *krtī-*, < *kṛtyā- (ав. *kar-*), *pit-* от *ryv-* 'пить' < *pitī-, *pityā-, *vit-* от супплетивной основы наст. времени *woc-* 'становить-

ся' < *būti-, *būtyā-. Существование в древности суффикса причастия прош. времени *-tī-, *-tūyā- не только наше предположение. Он имеет длительную историю. Этот суффикс зафиксирован, например, еще в индоевропейском, ср. и.-е. *mor-tjo- наряду с *mr̥-tó- 'умерший, смертный', др.-инд. martya-, ав. maŋya-, др.-перс. martiya- 'смертный, человек', или и.-е. *цек-ti- 'сделанное, дело, вещь', вах. goxt- 'сделанный, созданный' < *ǵwaŋta-, ишк. goxt- то же < *ǵwak/xta-.

В ваханском параллельно с основами прош. времени на -t/d < * -tā/i- широко употребляются, как это уже было отмечено, основы прошедшего времени с другим вариантом этого суффикса, т.е. с -t/dey-, // -t/dī-, например: kert- // kertey-, kerti- от car-'делать', ra/et- // ra/stey-, ra/eti- от rānd- 'давать', taŋd- // taŋdey-, taŋdi- от ǰa(w)- 'уходить', vast- // vastey-, vasti- от vand- 'связывать' и др. Этот суффикс имеет соответствие в языке пашай, где основа прош. времени ряда глаголов имеет исход на -t(e) (Morgenstierne, 1973, с. 173). Этот суффиксальный элемент может быть восстановлен в *-taya- или в *-tiya-. Возможно, в др.-перс. martiya- 'смертный человек' представлен именно этот суффиксальный элемент. Большинство ваханских основ прош. времени с этим суффиксом - вторичные. Об этом свидетельствуют корневые гласные этих основ. Но такие основы, как kertey-, kerti- < *krtaya-, krtiya-; mertey-, merti- < *mr̥taya-, mr̥tiya- скорее все же являются первичными.

Как уже было отмечено выше, в речи зарубежных ваханцев очень употребительны основы прош. времени на -et, например, p̄eset- от рас- 'варить, печь'. В древнеиндийском и авестийском зафиксированы основы прош. времени на *-ata-, например: др.-инд. рас-ata- 'сваренный', ав. ūmata- 'ушедший', ав. huŋata- 'высохший'. Не исключено, что ваханские основы прош. времени на -et продолжают именно такого типа исторические основы. Но в то же время следует сказать, что подобная основа ряда глаголов явно вторичного происхождения, ср. например: ǰexset- от ǰexs- 'переходить, переправляться' (ав. ǰak-).

Наконец, в ваханском ряд глаголов имеет основу прош. времени с исходом на -n- или -ney-, -ni-, например: deŋn(ey)- от di- 'дойти' < *d̥d̥ŋ/yna(ya)- (и.-е. d̥neugh- 'дойти'), ben(ey)- от bed/d- 'обваливаться' < *baḍ/dni(ya)- (и.-е. rēd-, др.-инд. pad-, ав. pad- 'падать'). Суффиксальный элемент -n- в причастии прош. времени также имеет свою историю. Он зафиксирован еще в индоевропейском, ср., например, и.-е. *kū-nó-в от корня *keu-, *kū- 'вздутый, опухший' (Pokorny, 1959, с. 592). Представлен он и в древнеиндийском, например, bhug-na- 'сломанный' (Brandenstein und Mauryhofer, 1964, с. 82), а также, возможно, в древнеперсидских именах Bagā-bigna- и Vidarna- (Kent, 1953, с. 79).

Таким образом, в ваханских основах прош. времени нашли отражение древнеиранские причастия прош. времени со следующими суффиксальными

элементами: *-tā-, *-tī- или *-tuā-; *-taya- или *-tīya-; *-ata/i; *-nā-; *-nī- или -nuā-, *-naya, *-nīya-.

Древнеиранские причастия прош. времени, как известно, различались по роду (муж./ср. - жен.), числу (ед., дв., мн.) и падежу. Следы этого различия также нашли отражение в ваханских основах прош. времени, точнее - в корневых гласных этих основ, Приводим примеры на каждый из отмеченных типов основ прош. времени.

1) Ваханские основы прош. времени - рефлексн древнеиранских причастий прош. времени муж./ср. рода на *-ta-; kot- от kyp- 'копать' < *ka(n)ta- (ав. kan-); goxt-от gox- 'делать, создавать' < *šwa(k)šta- (и.-е. uk- в uk-ti- 'сделанное дело'); ro-xopt- от rñ-xyp- 'спать' < *p/fra-šwapta- (ав. xvar-); d(ə)ret- от d(ə)raw- 'жать, косить' < *d(ə)rūta- (ср.-перс. drūn); vet- от vaw- 'гореть' < *vūta- (ср. и.-е. dāu-, ш. vāw-, ишк. saw- 'гореть').

2) Ваханские основы прош. времени - рефлексн древнеиранских причастий прош. времени жен. рода на *-tā- : tāyd от ſa(w)- 'уходить' < *taktā- (ав. tak-); vast- от vand- 'связывать' < *bastā- (ав. band-); xat- от xan- 'говорить' < *šwa(n)tā- (ав. xvan-); p(ə)lat- от p(ə)band- 'выпадать (об осадках), осыпаться' < *plātā- (и.-е. pñl- 'падать'); rat- от rānd- 'давать' < *rātā- (ав. rā-).

Следует заметить, что рефлексн древнеиранских причастий прош. времени жен. рода совпадают с рефлексами древнеиранских причастий прош. времени мн. числа, поскольку и в том и в другом случае имела место историческая фонетическая позиция ā-умлаута, т.е. *-tā ед. ч. жен. р., *-tāh мн. ч. м./ср., ж.р. Но поскольку современные ваханские основы прош. времени нейтральны в отношении как рода, так и числа, то это замечание для ваханского не актуально.

3) Ваханские основы прошедшего времени - рефлексн древнеиранских причастий прош. времени на *-tī- или *tuā- : kert- от car- 'делать' < *krtī- (ав. kar-); ret- от rānd- 'давать' < *rātī- (ав. rā-); pit от rñv- 'пить' < *pitī- (др.-инд. pibhati 'пьёт'); vit- от woc- 'становиться' < *būtī- (ав. bav-); yut- от yūd- 'уносить, увозить' < *ustī- (ав. vad-).

4) Ваханские основы прошедшего времени - рефлексн древнеиранских причастий прош. времени на *-tīya- или *-taya- : kertī-//kerteу от car- 'делать' < *krtīya-; mertī-//merteу от mereу- 'умирать' < *mrtīya- (др.-перс. martiya-); pitī, piteу от rñv- 'пить' < *pitīya-.

5) Ваханские основы прош. времени - рефлексн древнеиранских причастий прош. времени на *atī-: peset- от pac- 'варить, печь' < *pačatī- (др.-инд. pac-atā- 'сваренный'); nysēt- от nys- 'терять, уничтожать' < *nasatī- (ав. nas-).

6) Ваханские основы прошедшего времени - рефлексн древнеиранских причастий прош. времени на *-nā-, *-nī-, *-nuā-, а также на *-naya-, *-nīya-: ben- от bed/δ- 'обваливаться' < *bad/δnī- или *bad/δnuā-, а

benev//beni- < *bad/ḡnaya- или *bad/ḡniya- (ав. pad-); ḡēḡn- от
 ḡic- 'дойть' < *ḡ/dug/ḡni-или *ḡ/dug/ḡnyā-, а ḡēḡney-//ḡēḡni- <
 *ḡ/dug/ḡnaya- или *ḡ/dug/ḡnyā- (др.-инд. dogdhi 'дойт'); ḡēḡn- от
 ḡenz- 'наливать' < *ḡig/ḡna-, а ḡēḡney- // ḡēḡni- < *ḡig/ḡnaya-
 или *ḡig/ḡniya- (и.-е. seik^u 'лить', ав. haēk-, hinc-); pir-vaḡn-
 от pir-vic- 'просеивать' < *pari-wig/ḡnā-, -keḡn- в ker-keḡn- от
 ker-cer- 'уметь делать' < *krg/ḡni- или *krg/ḡnyā-, а keḡney-//
 -keḡni- < *krg/ḡnaya- или *krg/ḡniya- (ав. kar- 'делать').

Древнеиранское причастие прош. времени, как известно, имело пас-
 сивное значение при переходном глаголе и активное значение при непе-
 реходном глаголе. Ваханские основы прош. времени, продолжающие эти
 древнеиранские причастия прош. времени, нейтральны в отношении "пас-
 сивности-активности". То есть сама по себе основа прош. времени пере-
 ходного глагола может иметь как активное, так и пассивное значение,
 ср., например, kert(eu) 'сделанный, сделанный'. Во фразе wūz-em kért-
 (eu) 'я сделал' (букв. 'я емь сделанный') основа имеет активное
 значение, а во фразе maḡ kértēy 'много сделано' – пассивное. Модель
 типа maḡ kértēy как бы продолжает древнеиранское *mana kartam. Но
 этот тип спряжения ваханских переходных глаголов в настоящее время
 не всегда выдерживается, т.е. допускается по аналогии с wūz-em kértēy
 модель типа maḡ-em kértēy.

В свете изложенного не исключено, что древнеиранское причастие
 прош. времени также само по себе, вне фразы, могло иметь как актив-
 ное, так и пассивное значение, а конкретизация значения происходила
 в зависимости от построения или типа спряжения. Вот что пишет т.Бар-
 роу по этому поводу: "Исходное значение слова klutó-, как и любой
 другой формы прилагательного того же типа, не более чем связанный со
 слушанием, имеющий отношение к слушанию. В греческом языке специали-
 зация значения не пошла так далеко и наряду с пассивным значением
 мы часто встречаем и активное: δυνατός 'возможный' и 'способный',
 δυνατός 'понятный' и 'понятливый' и т.д. В санскрите активное зна-
 чение видно в слове sūtá- 'возница' ('погонщик', т.е. тот, кто свя-
 зан с *sū-t- (букв. 'погоняние'), от sū-, suvāti), а также в nāpita-
 'цирюльник'". (Барроу, 1976, с. 159). Об этом же говорит и др.-инд.
 prāptas (из pra-ār-tas) 'он достиг' наряду с gatas 'он ушел' (Семе-
 реньи, 1980, с. 337).

Но мы все же склонны думать, что исходным в древнеиранском причас-
 тии прош. времени переходного глагола было пассивное значение, а на-
 блюдающиеся в ваханском языке отклонения – вторичны.

5.3. Исторически производной от основы прош. времени является
 краткая форма причастия прош. времени на -k/g, не осмысляющаяся в на-
 стоящее время носителями языка как причастие и служащая своего рода
 основой для образования формы перфекта и сложных глагольных форм
 (плюсквамперфекта, преждепрошедшего перфекта и прошедшего предполо-
 жительного времени). Примеры: pit-k от pny- 'пить', vet-k от vaw-

'гореть', ben-g от bed/d- 'обваливаться', reset-k от res- 'спрашивать', vynet-k от vyn- 'бросать, везть'.

Исходное сочетание согласных -ŷn основы прош. времени при образовании перфектной основы переходит в -ĭk, например: deĭk- (основа прош. вр. deŷn- от dic- 'дойти'), pirvaĭk- (основа прош. вр. pirvaŷn от pirvic- 'просеивать'), wereĭk- (основа прош. вр. wereŷn от wereĭ- 'оставаться, уставать'). Аналогичный способ образования перфектной основы свойствен и небольшой группе глаголов с основой прош. времени на -t/d, напр.: gezg- (основа прош. вр. gezd- от gĭz- 'вставать'), wezg- (основа прош. вр. wezd- от wezeu- 'приходить'), reĭk- (основа прош. вр. reŷd- от reĭ- 'идти'), waĭk- (основа прош. вр. waĭt- от wāz- 'падать'), sefk- основа прош. вр. sopt-//savd- от syr- 'собирать'.

Таким образом, краткая причастная форма прош. времени (или перфектная основа) является отражением древнеиранского причастия прош. времени с одним из следующих сложных суффиксов: *-tā-kā-, *-tī-kā-, *-atī-kā-, *-nā-kā-, *-nī-ākā-.

В ваханском имеются случаи субстантивации этого причастия, например: benġetk (центр.) 'тюря (из лепешек с маслом)' от основы наст. вр. benġ- 'крошить'; beng 'парапина', букв. 'опарапанное (место)'.

Выражение лица и числа

5.4. В глагольных формах, образованных от основы наст. времени (настояще-будущее время, повелительное наклонение), лицо и число выражается личным окончанием. В глагольных формах, образованных от основы прош. времени (прош. время, перфект, плюсквамперфект и др.), лицо и число выражается особыми подвижными показателями энклитического типа.

Личные окончания

5.5. В ваханском представлены следующие личные окончания: ед. ч. I л. -em, 2 л. -i (зап.), ноль звука (в остальных говорах), 3 л. -t/d; мн. ч. I л. -en, 2 л. -ev, -it (последнее только в вост. и центр. говорах наряду с -ev), 3 л. -en.

Историческими соответствиями для них являются: ед. ч. I л. -em < *-āmi (ав. -āmi, -mi), 2 л. -i < *-āhi (ав. -āhi, -hi), а нулевое окончание может соответствовать либо вторичному активному окончанию -h, либо окончанию императива -a, 3 л. -t/d может восходить к *-ti, *-tai, *-ta, *-tu; мн. ч. I л. -en < *-āmi, *-āmani (ор. хорезм. окончание I л. мн. ч. -āmi, х.-сакс. -āmane, согд. -'um, хет. -meni) или < *-awani (хет. -weni, лувийское -āni); 2 л. -ev < *ad/twai, а -it < *-ita; 3 л. -en < *-antī или *-antai.

5.6. В глагольных формах, образованных от основы прош. времени, лицо и число выражается энклитическими подвижными показателями. Они следующие: ед. ч. I л. -(ə)m, 2 л. -(ə)t, 3 л. -(i); мн. ч. I л. -(ə)n, 2 л. -(ə)v, 3 л. -(ə)v. Подвижные показатели лица и числа в отличие от личных окончаний могут присоединяться к любой синтагме во фразе, но чаще - к первой, напр.: wéz-əm yáw-I got 'я нашел его'; wéšk-et wózomd-ā? 'ты пригнала теленка?'; tu sereng Jald pēēt-et! 'как ты быстро вернулся!'; baf bē yá-r-əv-ēe détey 'ему давали вкусную еду'.

Что касается происхождения этих показателей лица и числа, то в них можно усматривать два исторических ряда омонимичных элементов. Показатели лица и числа, употреблявшиеся при непереходном глаголе, являются рефлексам личных форм древнеиранского глагола *ah-, *h-, *aḥ- 'быть', т.е.: ед. ч. I л. -əm < *ahmi, 2 л. -ət < *hatāh, т.е. конъюнктив мед. залога (ср. др.-инд. окончание 2 л. ед. ч. -thās), 3 л. -i < *ahyāt, т.е. опротив акт. залога, в нулевой вариант < *hat, т.е. конъюнктив акт. залога; мн. ч. I л. -ən < *aḥma или *ham (a)ni, т.е. конъюнктив акт. залога (окончание *-mana образовано по аналогии с хет. wana - окончанием I л. дв. ч.), 2 л. -əv < *hatwaī, т.е. конъюнктив мед. залога, 3 л. -əv?.

Показатели же лица и числа, употребляющиеся при переходном глаголе, представляют собой рефлекс сочетаний древнеиранского глагола *ah-, *h- 'быть' в форме 3 л. ед. ч. того или иного наклонения с энклитическим местоимением, т.е.: ед. ч. I л. -əm < *ahyāt + mai, 2 л. -ət < *ahyāt + tai, 3 л. -i < *ahyāt + hi, а нулевой вариант < *hat + hi; мн. ч. I л. -ən < *ahyāt + nāh, 2 л. -əv < *ahyāt + vāh, 3 л. -əv < *ahyāt + ābiš, где ābiš твор. мн. от указательной местоименной основы *ā-.

Думается, что именно звуковое совпадение двух рядов разных по происхождению элементов и имело место в истории развития ваханских показателей лица и числа, да и не только ваханских. Типология этого развития хорошо прослеживается на следующем примере: др.-перс. maīy kartam astiy 'мною (// мое) сделанное есть' - ср.-перс. i-m kart 'есть мною (// мое) сделанное' - ягн. kartam 'сделанное мною (// мое) есть'. Элементы ср.-перс. i- и ягн. -x представляют собой не что иное как рефлекс древнеиранского глагола *ah-, *h- 'быть' в 3 л. ед. ч., но только не в индикативе, как в древнеперсидском, а в конъюнктиве.

Личные формы глагола

5.7. В ваханском имеются следующие глагольные формы: настоящее-будущее время, форма повелительного наклонения, прошедшее время, перфект, плюсквамперфект, преждепрошедший перфект и прошедшее предполо-

жительное время. Из всех современных глагольных форм лишь две типологически продолжают древнеиранские. Это - форма повелительного наклонения и форма настоящего-будущего времени. Остальные глагольные формы - результат позднейших разновременных образований.

Но в ваханском, как и в других памирских языках, сохраняются застывшие личные глагольные формы, продолжающие древнеиранские. Это - *t̪u* 'есть, имеется', *it* глагол-связка 3 л. ед.ч. и *n̪ast* 'не есть, не имеется'. Глагол-связка 3 л. ед. ч. *it* закономерно отражает глагольную форму индикатива 3 л. ед. ч. от глагола **ah* 'быть', т.е. **asti* (ав. **asti*). Форма *t̪u* может быть восстановлена в **st̪uāt* 3 л. ед. ч. опатива акт. залога от основы **st̪ā(y)*- (ав. *st̪ā(y)*- 'стоять, становиться'). Соответствующая отрицательная форма *n̪ast* < **na-astām* 3 л. ед. ч. императива мед. залога от корневой основы **ah*- 'быть' (ср. язг. *past* < **na-astām*, ш.-р. *nist*, ишк. *n̪ast* < **na-asti*).

Форма повелительного наклонения употребляется только во 2-ом лице и имеет два числа: единственное и множественное. В ед. числе форма повелительного наклонения внешне совпадает с основой настоящего времени, например: *ɨf!* 'сотки!'. Нулевая флексия в этой форме явилась результатом отпадения древнего безударного окончания 2 л. ед. ч. императива *-а, ср. ав. *bara!* 'неси!'. Во мн. числе форма повелительного наклонения совпадает с формой настоящего-будущего времени 2 л. мн. числа, напр: *ɨf-əv!*, вост. также *ɨfit!* 'сотките!'.
Форма настоящего-будущего времени образуется прибавлением к основе наст. времени безударных личных окончаний.

Приведем парадигму спряжения глагола *ɨf*:-*oft* 'ткать' в этой форме:

Н а с т о я щ е - б у д у щ е е в р е м я		
	Ед. ч.	Мн. ч.
I л.	<i>ɨf-əm</i>	<i>ɨf-ən</i>
2 л.	<i>ɨf(-i)</i>	<i>ɨf-əv, ɨf-It</i>
3 л.	<i>ɨft</i>	<i>ɨf-ən</i>

Форма настоящего-будущего времени употребляется для выражения всякого непрошедшего действия, напр.: *t̪u k̪um-ǰəu-əf̪ g̪əʕi?* 'ты куда идешь?'; *uǰn uəm-i uəwəm* 'я потом это съем'; *k̪inəm uəw-əu, ɨnɨg uəw-əu m̪ə dəut* '(пожалуй) выкопай-ка я его (т.е. табак), а то как бы морозом его не прихватило'.

Форма прошедшего времени образуется путем сочетания основы прош. времени с подвижными показателями лица и числа. Парадигма спряжения.

П р о ш е д ш е е в р е м я		
	Ед. ч.	Мн. ч.
I л.	<i>wúz-əm óft(əu)</i>	<i>sák-ən óft(əu)</i>

2 л.	tú-(e)t óft(ey)	sá(y)Išt-ev óft(ey)
3 л.	yáw(-i) óft(ey)	yá(w)Išt-ev óft(ey)

Форма прошедшего времени употребляется для выражения действия, имевшего место в прошлом, независимо от его длительности и кратности, а также для выражения упущенной возможности в прошлом. Примеры: wúdg-ét wínd(ey) yaw? 'ты сегодня видела его?'; a-yá msh a-yá tšŷev-i-še déŷney 'бабушка (всегда) доила тех коз'; ba mág-ek ne šát-et-ā, wéz-éš šoy déžd-əm 'что же ты мне не сказала, я бы купил чай'.

Форма перфекта образуется сочетанием краткого причастия прош. времени (или основы перфекта) с подвижными показателями лица и числа. Парадигма спряжения того же глагола *yf-* : *oft* 'ткать'.

П е р ф е к т

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	wúz-əm yfétk	sák-ən yfétk
2 л.	tú-(e)-t yfétk	sá(y)Išt-ev yfétk
3 л.	yáw(-i) yfétk	yá(w)Išt-ev yfétk

В говоре афганских ваханцев форма перфекта 3 л. ед. ч. чаще имеет вид *yfétk-it*. Элемент *-it* является глаголом-связкой 3 л. ед. ч. и может быть восстановлен в **asti* (ав. *asti*).

Форма перфекта употребляется для выражения результата действия, имевшего место в прошлом, а также при логическом выводе. В связи с этим употребление перфекта часто наблюдается при рассказе. Примеры: yem ywzengí žārž rešeng 'вчерашнее молоко прокисло'; alba kush dnyšman má-gək reydb vtk 'должно быть, какой-то недруг у меня появился'; tuwétk ne tuwétk yiw óbu tuwétk 'было ли не было, (жил) был один человек'.

Форма плюсквамперфекта образуется сочетанием перфектной основы с вспомогательным глаголом *ymey-* : *tš//tyw* 'быть' в форме прошедшего времени. При сочетании перфектной основы с этим вспомогательным глаголом конечный элемент перфектной основы *-tk* (или только *-k*), как правило, выпадает, т.е. получается *yfet(t)íw*, а конечный элемент *-ng* обычно сохраняется (с.р. *niyeng tyw* от глагола *nezd-* 'сидеть'). При конечном элементе перфектной основы *-z/žd* происходит не только выпадение смычного, но и оглушение предшествующего согласного (ср. *wəstyw* от глагола *wəzeu-* 'приходить', основа перфекта *wəzg-*). Парадигма спряжения:

П л ю с к в а м п е р ф е к т

1 л.	wúz-əm yfetíw	sák-ən yfetíw
2 л.	tú-(e)t yfetíw	sá(y)Išt-ev yfetíw
3 л.	yáw(-i) yfetíw	yá(w)Išt-ev yfetíw

Форма плюсквамперфекта употребляется для выражения давнопрошедшего действия или действия, совершившегося ранее какого-либо другого прошедшего действия, а также при выражении ирреального условия. Примеры: *dəg wəxt-i uəm zindagī wəz-əm uəm-rək ya ryl qarz gātu-m* 'когда он был жив, я дал ему займы много денег'; *a-yét yaš də bét-ən wíz-əm ta-r stətw-əm* 'я давно уже послал тебе этого коня вместе с одеждой'; *wíz-əm-šə tywətyw, tá-r-əm-šə yōrdam kətyw* 'если бы я был (там), я бы помог тебе'.

Ваханский язык является единственным из памирских языков, в котором для образования формы плюсквамперфекта используется основа прош. времени вспомогательного глагола *tu-//tyw-* (ср. ишк. *vəd-* < **būta-*, язг. *vad-* < **būtā-*, ш.р. *-at, -it* - рефлексы др.-др. причастия прош. времени от глагола **ah, *h-* 'быть'). Основа наст. времени от этого глагола (не супплетивная) в языке не засвидетельствована. Но она может быть восстановлена, это **taw-* // **tū-*. Историческим соответствием для нее является и.-э. *tēu-*, *tū-* 'пuffнуть, разбухать, вздуваться', др.-инд. *tav-* 'становиться сильным', ав. *tav-* 'мочь' (ср. аналогичное семантическое развитие в и.-э. *bheu-*, *bhū-* первоначально - 'расти, развиваться, разбухать, затем - 'появляться, становиться, быть', др.-инд. *bhav-*, ав. *bav-* 'становиться', н.-перс. *baš-* 'быть' и, по-видимому, ш. *bāf-* 'мочь' как результат редупликации).

Что касается основы прош. времени ваханского глагола **taw-*, то у этого глагола их две, и в каждом из этих двух типов основ имеется по два варианта. Они следующие: 1-ый тип *tūt-* (перфектная основа *tūt-k*), и *tywət-* (перфектная основа *tywət-k*), ср. вах. *tūt-k nə tūt-k yī šay tūt-k* 'было или не было, (жил-) был один человек'; 2-ой тип *tū-* и *tyw-*, ср. вах. *yī šay tū* '(жил-) был один человек'. Все эти варианты отражают следующие древнеиранские причастия прош. времени: *tūt-* < **tūtī-* или **tūtyā-*, *tywət-* < **tawati-* (вторичная), *tū-* < **tūwī-*, *tyw-* < **tūwa-*.

Для варианта *tūt-* ср. вах. *vit-* < **būtī-*, **būtyā-* (ав. *bav-* 'быть'). Для вариантов с историческим суффиксом **wā/ī-* ср. др.-инд. *raḥ-vā-*, язг. *riḥ^o-*, ишк. *ryx-* (в перфектной основе *ryx-ūk*) 'сваренный, испеченный'. Этот тип основы прош. времени представлен также в шугнанском, ср. *šū* < **krwa-* наряду с *šūd-* < **krta-* (ав. *kar-* 'делать'). Широкого распространения эти основы не получили в памирских языках, но отдельные современные глаголы сохраняют следы этих основ.

Форма преждепрошедшего перфекта образуется сочетанием основы перфекта смыслового глагола с вспомогательным глаголом *шəу-:tū* 'быть' в форме перфекта. Парадигма спряжения:

П р е ж д е п р о ш е д ш и й п е р ф е к т

Ед. ч.

Мн. ч.

1 л. wúz-(ə)m nífətk tɨwétk

sák-en nífətk tɨwétk

2 л. tú-(ə)t nífətk tɨwétk

sá(y)íšt-ev nífətk tɨwétk

3 л. yáw(-i) nífətk tɨwétk

yá(w)íšt-ev nífətk tɨwétk

Эта форма употребляется для выражения результата давно совершившегося действия, например: kǒkí tu mē reǰk tɨwətk 'если бы ты (тогда) не уехала!'; yúkkē-í a-yá xalg deyt kí, yaw tat diyétk tɨwétk 'горного козла убьет тот, чей отец убил (когда-то) такого же'.

Форма прошедшего предположительного времени образуется сочетанием перфектной основы смыслового глагола с вспомогательным глаголом ышеу- : tú 'быть' в форме настояще-будущего времени.

Парадигма спряжения:

П р о ш е д ш е е п р е д п о л о ж и т е л ь н о е в р е м я

Ед. ч.

Мн. ч.

1 л. wuz nífətk ышеу

sak nífətk ышеу

2 л. tu nífətk ышеу (//ыни)

sáwíšt nífətk ышеу (//ышут)

3 л. yaw nífətk ышт

yáwíšt nífətk ышеу

Эта глагольная форма употребляется для выражения предположения, возможности, допущения совершения действия в прошлом, а также в значении настояще-будущего времени в условном предложении, например: yaw uǰz alba reǰk ышт 'она, должно быть, вчера уехала'; ar gǒn kí tu yet ǰə ayt ǰətk ne ышеу, wuz 'taw se ǰáw-en gízn ne léserəm 'если ты не выполнишь мое условие, я не дам тебе сойти с места'.

5.8. О т р и ц а т е л ь н ы е ф о р м ы глагола образуются с помощью одной из двух частиц: не и мē. Частица не (ав. nǒit) употребляется при всех глагольных формах и указывает на изъявительный характер действия, например: не ыфem 'я не сотку', wúz-em ne ófteu 'я не соткала', wúz-em ne nífətk 'я не соткала' и т.д. Частица отрицания мē (ав. mǎ) указывает на неизъявительный характер действия и употребляется со всеми глагольными формами, кроме формы прош. времени, например: мē ыфem 'пусть я не сотку', me mǐ! 'не тки!', wúz-em mǎ nífətk 'не соткала бы она' и т.д.

5.9. В р е м я , н а к л о н е н и е. Как и в других намирских языках основным в глагольной системе ваханского языка является противоположение глагольных форм во временном аспекте: настояще-будущее время (wuz ыf-em 'я (со)тку') – прошедшее время (wúz-əm óft(əy/i) 'я (со)тк(а)') – преждепрошедшее время (wúz-əm nífəttú//nífəttɨw); или перфект (wúz-əm nífətk) – преждепрошедший перфект (wúz-əm nífətk tɨwətk).

В модальном плане противопоставляются две формы: прошедшее время (*wúz-əm oftəy*) – прошедшее предположительное время (*wúz wífetk ́mjuəm*). В западном говоре формально выделяется повелительное наклонение, отличительным признаком которого является отсутствие личного окончания во 2 л. ед. числа в противоположность повелительной форме, имеющей во 2 л. ед. числа окончание +I, напр.: *wf '(so)tki!*, но *́fí 'ty (so)tkəš'*.

На модальный оттенок высказывания указывают, как уже отмечалось, глагольные частицы отрицания *ne* (ав. *lbit*) и *mə* (ав. *mā*). Глагольная форма, употребленная с частицей *ne*, передает изъявительный характер действия, но та же глагольная форма, употребленная с частицей *mə*, передает неизъявительный характер действия. Лишь форма прошедшего времени не может быть употреблена с частицей *mə*. Поэтому ее модальным коррелятом является сложная, аналитически образованная, глагольная форма прошедшего предположительного времени, например: *ne ́ftəy 'ne (so)tkala' – ne//mə wífetk ́mwt 'она, должно быть, не соткала'*.

Если сама по себе частица *mə* указывает на неизъявительный характер действия, то ее место по отношению к глаголу конкретизирует эту неизъявительность. В случае прямого повеления (т.е. повелительного наклонения) частица *mə* всегда препозитивна и неотделима от глагола, например, *bə wđd mə ́mju!* 'не забывай (нас)!'; *yét-I mə pəsew!* 'не спрашивайте ее!'. При выражении же других модальных оттенков, таких, например, как косвенное повеление, просьба, (по)желание, возможность, необходимость, предосторожность и т.п., частица *mə* подвижна, т.е. она

может быть и постпозитивной (*məy*), причем в случае препозиции может употребляться как непосредственно перед глаголом, так и отделяться от него другими словами, например: *šür mə sərem!* 'как бы мне не пересолить (ош)!'; *lba-I te ́m dəst kəten zənistbn, sak mə-škávan'* 'зимой мы стали солому под себя, чтобы не замерзнуть'; *pastér yáw-I go, ́it məy!* 'убавь (огонь), чтобы она (т.е. каша) не подгорела!'; *šac táw-əy deyt məy!* 'как бы собака не укусила тебя!'

Таким образом, почти все глагольные формы сами по себе, т.е. без каких-либо дополнительных частиц, противопоставляются только по временному признаку, в модальном аспекте они нейтральны. Исключение составляет форма прошедшего предположительного времени, которая совмещает в себе и временной и модальный признаки, т.е. по времени является прошедшей, а по модальности – неизъявительной. В западном говоре формально выделяется сверх того форма повелительного наклонения. Ее признаком, как уже отмечалось, является отсутствие окончания во 2-ом л. ед. числа.

5.10. В и д, з а л о г. Категорий вида и залога в ваханском языке нет. Такие видовые оттенки, как длительность, многократность, передаются факультативной частицей *-əḥ(k)// -ḥə(k)*, категоричность – факультативной частицей *-əp// -pə*, а результативность, законченность действия – формами перфекта.

Что касается залоговых оттенков, таких, например, как пассивность (то, что в русском языке передается страдательным залогом), то она может быть передана аналитическим образованием с вспомогательным глаголом *wos-* : *vit* 'становиться'. Возвратность передается также аналитически с помощью возвратного местоимения *Ĥat* 'сам(а)', оформленного показателем прямого объекта *-eу// -Ī*, напр.: *Ĥāt-eу bōndey* '(он) бросился'.

Н е л и ч н ы е ф о р м ы г л а г о л а

Инфинитив

5. II. Ваханский инфинитив представляет собой отглагольное имя действия. Почти все глаголы имеют две формы инфинитива, образующиеся от основы наст. времени: 1) с суффиксом *-ak* (зап., центр.) < **ākā-* ж.р., или *-yk* (вост.) < **-aka-* м.р.; 2) с суффиксом *-n* < **-nā/ī-* или **-nai* (ср. скр. *kerñā* 'делать', *kerñī* 'действие'). Примеры: *mf-ak*, *mf-yk//mf-n* 'ткать', *dyrz-ak*, *dyrz-yk//dyrz-n* 'брать', *stow-ak*, *stow-yk//stow-n* 'хвалить'.

Глаголы, имеющие в исходе основы наст. времени сонант *-n*, вторую форму инфинитива (кроме инфинитива на *-a/yk*), образуют не с суффиксом *-n*, а с суффиксом *-g*, напр., *win-ak //win-g* 'видеть', *kn-p-ak //kn-p-g* 'копать'.

Несколько глаголов имеют особые суффиксы инфинитива: 1) суффикс *-tn* < **-tana(i)* (ср. др.-перс. *čar-tanaīy* 'делать') в глаголах *pī-tn* 'пить' и *yī-tn* 'кушать'; 2) суффикс *-tak* < **tak* в тех же двух глаголах *pī-tak* 'пить' и *yī-tak* 'кушать'; 3) суффикс *-d/dōw(n)* < **-tāwa-+na-* (ср. ш. *čī-dōw* 'делать') в ваханских глаголах *ge-d/dōw(n)* 'давать' и *šī-dōw(n)* 'убивать'; 4) суффикс *-tōr* < **-tāra* (ср. лув. *-del* в *pē-del* 'ткать', дари *-tār* в *pawēš-tār* 'написание') в одном ваханском глаголе *šī-tōr* 'убивать'.

Как отглагольное имя, инфинитив может употребляться с предлогом, послелогом, быть определением и определяемым, т.е. выступать в любой именной функции. Примеры: *yeš aždar šītōr ičky ne kēr-keŋeу* 'этого дракона никто не мог убить'; *de martab šōyuk šy nān-erk yōrdam kert-esh* 'во время учебы в школе я (всегда) помогала матери'; *yaw wezyuk bešōbar der yark serak vīteу* 'как только ему придет, она принялась работать'.

Инфинитив употребляется также для выражения намерения, необходимости совершения действия, напр.: *šy dix wšyerd Moskwa rečak-erk* 'я собираюсь в этом году поехать в Москву'; *te qušxōna ya yašd, vīšvak-er* 'в комнате очень грязно, надо подмести' (ср. ишк. *da qušxōna šay yašd, starūk-bo* 'в доме очень грязно, надо подмести').

Причастие

5.12. В ваханском имеются два типа причастий: причастия настоящего времени и причастия прошедшего времени.

Основным типом причастия наст. времени является причастие, образующееся от инфинитива прибавлением суффикса $-k\ddot{u}zg$, напр.: $\acute{d}ica(k)-k\ddot{u}zg$ // $\acute{d}iscn-k\ddot{u}zg$ 'доярка', $\acute{x}ena(k)-k\ddot{u}zg$ 'могущий, желающий сказать', $woscn-k\ddot{u}zg$ 'могущий стать (кем-либо)'. Суффиксальный элемент $-k\ddot{u}z-g$ может быть восстановлен в $*-k\ddot{a}za-+-ka-$, что представляет собой причастие наст. времени от корня $*k\ddot{a}z-$, $*k\ddot{a}z-$ 'мочь, быть в состоянии' (ср. и.-е. $*kak-$, $*kak-$, $*kag(h)-$ 'мочь, быть способным', др.-инд. $\acute{s}\ddot{a}k\acute{a}-$ 'могущий, способный на что-либо', ав. $wa\acute{s}aiti$ 'знает толк в ...', ос. $aqa\acute{s}$ 'помогающий'). Причастие этого типа имеется также в ишкашимском (ср. $de\acute{b}\acute{u}(k)-k\ddot{u}z$ 'доярка'), сарыкольском (ср. $wazond-(i)\ddot{u}z$ 'знающий, знаток') и частично сохраняется в шугнанском (ср. $wiz\acute{e}n-\acute{s}\ddot{b}z$ 'знающий, знаток'). Таким образом, первоначально причастия этого типа имели значение 'способный, могущий что-либо (с)делать'.

От инфинитива глагола $tukn$ 'уходить, уезжать' зафиксировано причастие с элементом $-m\acute{i}\ddot{z}$, т.е. $tuk(n)-m\acute{i}\ddot{z}$ 'собирающийся уходить, уезжать', например: $\acute{a}lak\ddot{u}zg\acute{i}\ddot{s} \acute{y}\acute{a}rk-\acute{n}\acute{e} \acute{s}\acute{a}r\acute{e}n$, $tukm\acute{i}\ddot{z}\acute{i}\ddot{s} \acute{y}\acute{a}rk-\acute{s}\acute{e} \acute{n}\acute{e} \acute{s}\acute{a}r\acute{e}n$ 'те, кто тут могут остаться, работают, а те, кто собираются уезжать, не работают'. Аналогичное причастие имеется в сарыкольском (ср. $t\acute{i}d-m\acute{e}\acute{u}\ddot{z}$ 'собирающийся уходить'), в рушанском (ср. $t\acute{a}y-m\acute{i}\ddot{z}$ то же), в шугнанском (ср. $nivi\acute{s}t-m\acute{e}\acute{s}\ddot{z}$ 'собирающийся писать'). Суффиксальный элемент $-m\acute{i}\ddot{z}$ представляет собой рефлекс древнеиранского причастия наст. времени $*mai-ka-$ со значением 'думающий, намеревающийся' (ср. и.-е. $mei-$, $mei-no-$ 'мнение', нем. $meinen$ 'думать').

Наконец, в одном слове $n\acute{w}w-\acute{b}nc$ 'плакса' мы имеем причастие наст. времени, образованное от основы наст. времени $n\acute{w}w-$ 'плакать' (ср. б. ор. $n\acute{a}w-\acute{b}n$ м.р., $n\acute{a}w-\acute{b}n$ ж.р. 'плакса').

Из причастий прош. времени наиболее употребительным является причастие, образующееся от основы перфекта (исторически тоже причастие) прибавлением суффикса $-\acute{u}ng$, $-\acute{o}ng$ (зап.) или $-In$ (центр. зап.), например: $w\acute{y}zdi\acute{y}etk\acute{a}ng \acute{b}\acute{e}\acute{t}\acute{e}v-I \acute{m}\acute{a}-r\acute{e}k \acute{r}and!$ 'подай мне выстиранное белье!'; $I\acute{m} tuwetk\acute{a}ng w\acute{a}\ddot{z} \acute{n}\acute{i}\acute{x}t\acute{e}y$, $\acute{s}\acute{e}k \acute{b}\acute{b}z\acute{b}r \acute{k}\acute{a}r\acute{t}\acute{e}y$ 'он вынес имевшееся у него имущество, отнес на базар'; $y\acute{e}m \acute{s}\acute{e}l\acute{g}etk\acute{i}n$ 'она (уже) по-сватана'.

Ваханским суффиксам причастия прош. времени $-u\acute{n}g$, $-o\acute{u}g$, $-In$ соответствуют следующие суффиксы других памирских языков: ш. $-in$, р.б. $-In$, с. $-en\ddot{z}$, язг. $-in$, ишк. $-i$. Исторически эти суффиксы отражают древнеиранские суффиксы прилагательных: $-un-g$ < $*-ana-+-ka-$ или $*-Ina-+-ka-$, $-o\acute{u}g$ < $*-Ina-+-ka-$ или $*-anya-+-ka-$, $-In$ < $*-aina/i-$ или $*-any\acute{a}-$ (ср. ав. $z\acute{a}gana\acute{e}na-$, $z\acute{a}r\acute{e}na\acute{e}na$, а также $z\acute{a}gan\acute{u}\acute{e}-$ 'золотой', н.-перс. $z\acute{a}rin$).

В ваханском сохраняется также более архаичное причастие прош. времени, равное основе перфекта (исторически также причастие), например: waʃk 'упавший', ʃkəng 'сломанный', gətʃk 'закрытый, запечатый', dəraʃk 'вышитый'.

В западном говоре ваханского языка форма причастия прош. времени (полная или краткая) служит одновременно и деепречастием, например: nowyzdiyətkin ʃbu mɛ ruv! 'не умывшись, не пей чай!'.

В центральном и восточном говорах остаточно сохраняется особая деепричастная форма прош. времени с суффиксом -əg/ʃ (в вост. также -əug(ʃ)), например: nowyzdəʃ ʃbu mɛ ruv! 'не умывшись, не пей чай!'.

ИШКАШИМСКИЙ ЯЗЫК

Имя существительное

Основы

1.0. Большинство ишкашимских имен существительных представляют собой либо несложненную основу, либо основу с суффиксальным элементом -к, -ĕ (после звонких согласных -г, -ĵ) или -с в различной степени их сращенности с основой.

Несложненная основа продолжает, как правило, тот или иной тип исторической основы, реже - застывшую флективную форму. Соотнесенность ишкашимской основы с тем или иным типом исторической основы может быть установлена по качеству корневого гласного ишкашимской основы, т.е. по умлауту. Для ишкашимского языка в этом отношении наблюдаются следующие закономерности.

Ишкашимский корневой гласный а указывает на то, что основы с этим гласным продолжают либо древнеиранскую основу на *-ā, либо древнеиранскую основу на *-ā + согласный, т.е. основу с ā-умлаутом. Примеры: yaw 'зерно, злак' < *yawā- (ав. yawā-); kaĵ 'подмышка, пазуха' < *ka(k)ā- (др.-инд. kakṣā-, ав. kaḥa-); var 'дверь, двери' < *dwārā(-), т.е. либо основа на *-ā, либо им.-вин. дв. от *dwār- (др.-инд. dvār-, ав. dvar-); xara (санг.) 'медведь' < *ḡā- (др.-инд. ḡkṣa-, ав. arāa-), ср. ишк. xāra 'медведь' < *ḡsa-); yāt-ik 'мост' < *haitwā- или *haitāy, т.е. мест. ед. от *haitu- (ав. haītav-); raĵt 'рассвет' < *ḡṣtā- или *ḡauṣtā-(и.-е. leuk- в др.-инд. rūśant- 'светлый, белый', вах. raĵt 'рассвет').

Ишкашимские корневые гласные о (< *ā, *ā̄, *au, *ū), ъ (< *a, *au, *ū), и (< *ā, *ā̄), е (< *ai, *i), ь (< *ā, *ā̄, *ū, *ī) указывают на то, что основы с этими гласными продолжают либо древнеиранскую основу на *-a, либо древнеиранскую основу на *-a + согласный, т.е. основу с а/и-умлаутом. Примеры: dond 'зуб(н)' < *danta(n)-

(ав. dantan-, datā-); сом 'глаз(а)' < *šāma(n)- (ав. šāman-, др.-перс. šāma-); štok 'девочка, девушка' < *štuka-, *štūka-(ср. и.-е. steu- в др.-инд. stuka- 'ребенок'); xūr 'осёл' < *xara- (ав. xarā-); rūy 'род кислого молока' < *rauh-(ав. ruah-); ru(d) 'нога' < *rāda- (ав. rād-, др.-перс. rāda-); yud 'ятровь' < *yā(n)tar- (и.-е. ieneter- 'жена брата мужа', др.-инд. yātar-, вак. andarč 'ятровь'); lew 'сумасбродный' < *daiwa-(ав. daŋva-); пьвьс 'внук, внучка' < *paraŋa- (ав. parāt-); хьрс 'медведь' < *r(k)sa- (др.-инд. r̥ksa-, ав. arša-), въз 'роза' < *būza-(ав. būza-); шьрл'вешь' < *šwīša- (ав. spīš-, вак. šīš).

Ишкашимские корневые гласные u (< *ū), i (< *ai, *ī, *ū, *au, *ā) e (< *ē, *ō, u), ь (< *ū) указывают на то, что основы с этим корневым гласным продолжают древнеиранские i-умлаутные основы, т.е. основы на *-ī-, *-au-, *-ya- и т.п. Примеры: gu 'экскременты' < *gūhī-, *gūhya- (ав. gūva-, вак. gi); šin 'голубой, синий' < *akšaiŋuš- (ав. akšāna-, вак. šīn); did 'дым' < *dūti- (и.-е. dhū- в др.-инд. dhūma- 'дым', вак. dit, талж. dud 'дым'); wid 'канал, арык' < *wādi- (ав. vaiđi-, ш. wēđ); med 'поясница, талия' < *madya- (ав. maidya-); keļ 'нож' < *kārti-, *kṛti- (др.-инд. kṛti- 'нож'); reuŋ 'масло, жир' < *rōyūš- (ав. raouyūš-), šen 'седилице, зад' < *srōni- (ав. sraouay-), šēš 'легкие' < *swēi (ав. swēi, дв. ч.), švd 'плечо' < *supti- (ав. supray-).

I.1. Некоторые ишкашимские основы с исторической точки зрения могут быть интерпретированы не только как рефлексы того или иного типа исторической основы, но и как рефлексы той или иной флективной формы. Примеры:

1) пьвьс 'внук, -ка': а) < *paraŋa-, т.е. тематизированная основа от *paraŋ (ав. parāt-), б) < *paraŋar-, т.е. вариант к основе *parāgar- (ав. partar-), в) < *parāŋam (вин. ед.), *parāŋah (род. ед.), *parāŋat (отл. ед.) от основы *parāŋ-;

2) yu 'корова': а) < *g/yāwa-, т.е. тематизированная основа от *g/yāu- (ав. gav-); б) < *g/yāwan (вин. ед.), *g/yāwah (род. ед.), *g/yāwat (отл. ед.) от основы *g/yāu-;

3) stin 'столб, колонна': а) < *stūnī-, т.е. основа на *-ī-; б) < *stūnai, т.е. дат.-мест. ед. от основы *stūna-, ав. stūnā-);

4) nim 'имя': а) < *nāmi-, т.е. основа на *-i- (ср. модель др.-инд. bhūman- и bhūmi- 'земля'); б) < *nāmpai, т.е. дат.-мест. ед. от основы *nāman-; в) < *nāmai, т.е. дат.-мест. ед. от основы *nāma- (др.-инд. nāma-, ав. nāma-);

5) var 'дверь': а) < *dwarā-, т.е. тематизированная основа ж.р.; б) < *dwarā, т.е. им.-вин. дв. от основы *dwar- (ав. dvar-, др.-перс. duvara-);

6) som 'глаз': а) < *šāma-, т.е. тематизированная основа м.р.; б) < *šāman-, т.е. основа ср. р. (ав. šāman-, др.-перс. šāma-).

1.2. Несколько ишканимских основ с исторической точки зрения представляют собой словосочетания, в которых первая часть является определением:

1) ré-mozd 'солнце' < *ahuraha-mazdah- (ав. ahurahe mazdāh- 'Ахурамазда, ахуровское божество');

2) ĩ(ь)-kū(ā) 'хлеб', где ĩ(ь)- допускает следующие толкования:

а) < *ukñah или *ukñāh, т.е. род. ед. или род. мн. от основы *ukñāh- (ав. ukñāh-); б) < *ukñaha, т.е. род. ед. от основы *ukñā- (?) + *kata-;

3) sūyānd 'волосы на голове' < *sāyā-gaun(a)-tā- (ср. ав. sāra- 'голова' и gaona- 'волос(ы)').

Из деривативных элементов наиболее распространенными являются суффиксы: 1) -k // -č (после звонких согласных -g // -ǰ) или более поздний хронологически вариант этого суффикса в виде "гласный + k/č" < *-kǎ-; 2) -с < *-čī- или -ic < *-īčī-.

Анализ слов с этими суффиксами (точнее анализ корневых гласных этих слов), показывает, что присоединение суффиксов к большинству из них произошло в период после отпадения конечного гласного безударного слога, т.е. не на древнеиранской почве, а позже. Суффикс же "гласный +k" является еще более поздним хронологически вариантом суффикса *-kǎ-. Примеры слов с этими суффиксами: dārk 'дерево, древесина' < *dāru- + -ka- (ав. dāru-); kofč 'лотка' < *kar/fa- + -ka- (ср. и.-е. кар- 'хватать, брать', др.-инд. karati 'две пригоршни', ш. čib, вах. karč 'ложка'); nis 'нос' < *nāhi- + -čī- (др.-инд. nāsikā, nāsya-, ав. nāh-, naḥan-, согд. нус); wüstuk 'кость' < *asta- + -aka- (ав. ast-, astay-).

В ряде ишканимских слов произошло двойное наращение суффиксов: užin-ǰ-ok 'женщина' < *ǰana- + -ka- + -aka- (ав. ǰana-); kь-č-ик 'щенок' < *kuti- + -ka- + -aka- (ш. kud 'собака'); ré-č-ык 'кишка, кишки' < *rōtay- или *rōti- + -ka- + -aka- (ср.-перс. rōt, н.-перс. rudā 'кишка, кишки').

Некоторые ишканимские именны основы представляют собой реликтовые префиксальные образования: ro-liz 'огород, сад, приусадебный участок' < *pari-daizi-, *pari-daiza-i (ав. pairi-+daēza-); ry-žin 'подошник' < *pati-gana- (ср. ишк. žin 'маслобойка'); kь-sku(d) 'крыша' < *u(d)skat- + -kūta-i, т.е. 'над-домье'; vo-sin 'точильный камень, оселок' < *upa-sāni- (др.-инд. sāna-); čьроџт 'позади' < *nača-ra(k)āta- (и.-е. pos- в лат. post 'позади').

Небольшое число именных основ представляет собой префиксально-суффиксальные образования: áv-z-úk 'сердце' < *upa-zrd- + -aka- (ав. zərəd-, др.-инд. hrd-, hārdi- 'сердце'), f-rev-úk 'мусор, отбросы' < *apa-rōb/vay-, *rōb/vi-+ -aka- (вах. rərk 'мусор'), nú-du-k 'пахтанье' < *nawa-dūya- +ka- (вах. dūy, н.-перс. dūy).

1.3. Хотя в ишкашимском языке грамматическая категория рода утрачена, но следы исторической родовой оппозиции (мужской // средний род - женский род) сохраняются. Это проявляется в следующем. Во-первых, в ишкашимском сохраняются следующие родовые пары: *nъvъ* 'внук' - *nevava* 'внучка', *uъtъk* 'младенец' (исторически - муж. род) - *ѣtok* 'девочка, девушка', *v(ъ)ruk* 'конь' - *verak* 'кобыла', *wuruk* 'ягненок' - *werak* 'ярка', *wusuk* 'теленок' - *wonic* 'телка', *ѣtъnik* 'козленок' - *ѣta/ъnak* 'козочка', *xъgъ* 'медведь' - *хагъ* 'медведица', *сиx* 'заяц' - *си* 'зайчиха'.

Кроме того, родовая принадлежность той или иной именной основы может быть восстановлена благодаря умлауту. Это относится прежде всего к тем именным основам, которые продолжают тематический (или тематизированный) тип древнеиранской основы, а также к основам с суффиксальным элементом, историческая родовая принадлежность которого достаточно прозрачна. Фонетические закономерности, наблюдаемые при этом, те же, что и в случае с именными основами (см. Основы). Приведем примеры.

1) Ишкашимские основы, отражающие исторические основы муж. или ср. рода: *nъvъ* 'внук' < **nar̥va-* (ав. *narāt-*, *partar-* м.р.); *dъmb* 'хвост' < **dumba-* (ав. *duma-* м.р.); *dond* 'зуб(ы)' < **danta(n)-* (ав. *data-* ж.р., *dantan-* м.р.); *xur* 'осал' < **xara-* (ав. *xara-* м.р.); *vru(d)* 'брат' < **br̥tar-* (ав. *br̥tar-*); *xuf* 'пена' < **k/xafa-* (ав. *kafa-* м.р.); *yuy* 'ярмо' < **yaug/ya-* (др.-инд. *yugam* ср.р.); *dur* 'серп' < **dāvra-* или **dāhra-* (др.-инд. *dātram* ср.р.).

2) Ишкашимские основы, отражающие исторические основы жен. рода: *kaѣ* 'подмышка' < **ka(k)hā-* (др.-инд. *kakṣā-* ж.р., но ав. *kaḥa-* м.р.); *yaw* 'зерно, злак' < **yawā-* (ав. *yaḥā-* ж.р.); *vaud* < **bahtā-*); *var* 'дверь' < **dwārā-* (др.-инд. *dvār-* ж.р., но скр. *dvāra-* ср.р., ав. *dvar-* м.р., др.-перс. *duvara-* ср.р.); *хагъ* 'медведица' < **ḡsā-* (но др.-инд. *ḡksa-*, ав. *arḥa-* м.р.); *yat* в *yatik* 'мост' < **haētivā-* (ав. *haētav-* м.р.; ср. ав. *hizvā-* ж.р. 'язык'); *raēt* 'рассвет' < **rauētā-* или **ruētā-* (ср. и.-е. *leuk/k-* в др.-инд. *ruśant-* 'светлый, белый').

Вторым признаком, по которому можно восстановить родовую принадлежность именной основы, являются суффиксальные элементы. Суффиксы *-ok*, *-ūk*, *-uk* < **-aka-* являются суффиксами исторического мужского или среднего родов, а суффиксы *-ak* < **ākā-*, *-(i)c* < **-(a/I)či-* являются суффиксами исторического жен. рода. Примеры: *wur-ūk* 'барашек' < **warna* + *-aka-* (и.-е. *ceren-*, др.-инд. *urāna-* м.р.), *wer-ak* 'ярочка' (тот же корень); *nic* 'нос' < **nāhī-* + *-či-* (др.-инд. *nāśikā-*, *nāsuā-* ж.р., ав. *nah-* м.р.); *vric* 'бровь' < **brawī* + *-či-* (др.-инд. *bhrū* ж.р., ав. *brvat-* ж.р.).

1.4. В современном ишкашимском существует двухчисловая оппозиция: ед. и мн. число. Форма ед. числа совпадает с основой, например: vṭu 'брат', v(ʔ)ṭūk 'кони', sung 'камень', dāst 'рука'. Наиболее распространенным показателем мн. числа является суффиксальный элемент -ó (санг. -áú), прибавляющийся к основе, например: vṭu-ó 'братья', vṭūk-ó 'кони', sung-ó 'камни', dāst-ó 'руки'.

Показатель мн. числа -ín (а также его менее распространенные варианты -ón, -ín) имеет более узкий круг употребления: он присоединяется к основам, представляющим собой термины родства, а также к некоторым одушевленным именам существительным, например: vṭu-ín 'братья', zav-ín 'сыновья', žonj-ín 'женщины'. Этот же суффикс представлен в таких словах, как kʔrč-ín 'куры' (собирательно, ср. ишк. kʔrk 'курица'), pʔč-ín 'пуля, пули' (ср. ос. fāt 'пуля'), где он уже не воспринимается как суффикс мн. числа, поскольку без него слово не употребляется.

Кроме того, в ишкашимском сохраняются такие реликтовые суффиксы мн. числа, как -ar-, -ok-, -ʔ/ov-, -d- (подробнее о них дальше).

С исторической точки зрения суффикс -o может представлять собой рефлекс древнеиранской именной основы *hā-ya- или скорее редуцированного образования *hā-ha- (и.-э. sm-, sem- 'воедино, вместе с', др.-инд. samá, ав. ham-, ha-, hama- в тадж. hama 'весь, все, всё'). Др.-ир. *ȳ дает в ишкашимском h или ноль звука, ср. ишк. gū, санг. guh 'испражнения' < *gūya- (ав. gūya-). Что касается суффикса мн. числа в сангличском диалекте -au, то он может быть восстановлен в *hā-hā- (ср. развитие ишк. ixo, санг. ixwāu 'сестра' < *xwāhar-ав. xvaṭhar-).

Относительно показателей мн. числа -ín, -on, -un необходимо сказать следующее. Принято считать, что современные иранские показатели мн. числа с носовым -n- (н.-перс. -an, тадж. -on и др.) являются отражением древнеиранской именной флексии род. падежа мн. числа на *-nām. Предшествующий гласный в этих показателях считается перешедшим от исторической именной основы. Но более глубокий сравнительно-исторический анализ этих показателей склоняет нас к тому, что все они - не рефлекс флексии, а рефлекс именной основы, обозначающей собирательную множественность, совокупность.

Если сравнить поведение этих показателей мн. числа с поведением личных окончаний, то нетрудно заметить, что флективные элементы называются как бы более привязанными к основе. Именные же показатели мн. числа в новоиранских языках могут относиться к целому словосочетанию, наращиваться один на другой дважды, трижды и даже более. Очень показательным в этом отношении является тадж. marḡumonho 'люди, народ'. Это слово содержит три показателя мн. числа: -um-on-ho. Самый последний из них -ho является в настоящее время наиболее про-

дуктивным. Предшествующий ему показатель -on- менее продуктивный. А первый показатель -um- в настоящее время уже совершенно не воспринимается носителями языка как показатель мн. числа.

Но то, что суффиксальный элемент -um исторически является показателем мн. числа, а не рефлексом др.-ир. *tauκ/xmaп- 'семья, зародыш; род, происхождение', как это предполагает Г.С.Нюберг (Nyberg, 1974), подтверждается тем, что суффиксальный элемент "гласный + m" отмечен и при других словах, где он не имеет никакого отношения к др.-ир. *tauκmaп-. Эти слова следующие: н.-перс. sārīš-om 'желатин, клейстер' (при н.-перс. sārīš 'клей'), пуш. gor-a/em 'стадо волов' при пуш. gor-vān 'волбас' (ср. др.-инд. gaurá- 'вол'). В пользу такого объяснения этого элемента свидетельствует и ларское сочетание makev 'все люди, народ', где ma- < *hama- 'весь, все' (ав. ham-). Если в ларском диалекте Ирана этот элемент является префиксальным, то в язгулямском языке он функционирует как послелог для выражения совместности.

С исторической точки зрения, как мы думаем, ишкашимские показатели мн. числа -m, -on, -um (а также тадж. -um, н.-перс. -om, пуш. -a/em) представляют собой рефлексы одной и той же древнеиранской именной основы с различными наращенными, т.е. основы *ham-, *ha- 'совместно, воедино, вместе' (и.-е. sem-, s̥m̥-, др.-инд. samá-, ав. ham-, hama-; ср. и.-е. s̥m̥-nā-, s̥m̥-tu-, s̥m̥-tue и др.). Таким образом, ишк. -ьп, -o/um < *hāna, а тадж. -um в mard-um 'народ, люди' < *hama- (ср. тадж. mard-um-ho и mard-on-ho 'народ, люди').

Выше мы говорили о склонности показателей мн. числа наращиваться один на другой. Показательным в этом отношении является шугнанское слово val-ūn-d-ak-ēn 'лестничные ступеньки, приставная лестница'. Все эти показатели мн. числа (кроме -d-) также являются рефлексам той же именной основы *ha-, *ham-, т.е. -ūn < *hā-na-, -ak < *hā-kā- (и.-е. *sm̥-k/ko-; ср. тадж. чувское por-ko 'груши', ишк. z̥m̥n-ok-ьп 'мальчики') и -ēn < *hā-ni-.

В ишкашимском языке тоже имеются случаи наращивания один на другой суффиксов мн. ч., ср. ixo-d-ar-ьп 'сестры' (ед. ч. ixo; о суффиксе -ar см. дальше), z̥m̥n-ok-ьп 'мальчики, парни' (ед. ч. zoman-), также в указательных местоимениях мн. числа aw-ón-d-on // aw-ón-d-ov 'они, те'. Последний пример, т.е. ишк. aw-ón-d-on // aw-ón-d-ov 'они, те', как нам представляется, очень существен для объяснения происхождения показателей мн. числа в памирских языках с носовым -п (т.е. ш.-р. -ēп, ш. -ūп, язг. -ep, ишк. -ьп, -on, -um и др.) и с губо-зубным -v/f (т.е. ш.--ēv в рbēv 'в ногах', с. -ef, ор. -if, ишк. -ov в awóndov 'они, те', -ьv в mьb-ьv 'нас, нам'). Как уже говорилось, до сих пор считается, что суффиксы с носовым -п отражают древнеиранскую именную флексию мн. числа род. падежа на *-nām, а суффиксы с -v (и предположительно с -f) отражают древнеиранскую

именную флексию мн. числа дат.-отл. падежа на *-byah. Но ишк. aw-ón-d-on // aw-ón-d-ov 'они, те' (прямая форма мн. ч.) свидетельствуют о том, что оба эти суффикса могут находиться одновременно в одном слове, не исключая друг друга. Это, как нам представляется, лишний раз говорит о том, что эти суффиксы нефлективного происхождения. Аналогичное сочетание этих суффиксов мы находим в курдском mer-ov-an 'люди' при mer 'человек'.

Что касается суффиксальных показателей мн. числа с носовым -n, то они, как уже отмечено, являются рефлексамии древнеиранской именной основы *ha- 'воедино, совместно' с наращением *-n- (и.-э. sem-, ср.-др.-инд. samá-, samana-, ав. ham-, ma-, тадж. hama 'весь, всё'). А показатели мн. числа с губо-зубными -v, -f, как нам представляется, являются отражением древнеиранских основ *abi-, *ap/fi со значением 'у, возле, при, в союзе с' (ср. и.-э. ehhi, obhi, др.-инд. abhi-, ав. aibi, aiwi, avi 'при, у', рус. об-, общий; и и.-э. epi-, др.-инд. api- 'союз, объединение'). Усложненный вариант этого суффикса представлен в парфянском bag-ift 'боги'.

У трех слов vru(d) 'брат', ixo 'сестра', wūdūyd 'дочь' суф. -bn может прибавляться к осложненной основе: vruđar-bn, ixođar-bn, wūdūydar-bn. В собственно ишканимском диалекте эта основа отдельно не употребляется, а в сангличском диалекте сохраняется самостоятельное употребление только vruđar в значении 'братья'. Усматривать в этом слове рефлекс какой-либо иранской падежной формы мн. числа не представляется возможным, поскольку гласные этого слова, исторически, если так можно сказать, взаимно исключают друг друга: ишк. корневой u на месте ир. *ā предполагает e/u-умлаут или нейтральное положение, а ишк. a на месте ир. *a предполагает положение ā-умлаута. Если взять за прототип древнеиранскую форму им. падежа *brātaraḥ (ср. др.-инд. brātāraḥ), то в соответствии с фонетическими закономерностями, присущими ишканимскому языку, эта форма должна была бы дать в ишканимском *vrudūr, а древнеиранская форма род. падежа мн. числа *brātrnām (ср. скр. pitṛnām от pitar- 'отец') - ишк. vruđar. О рефлексах остальных падежных форм не может быть и речи, поскольку в них должны присутствовать дополнительные согласные. По-видимому, следует предположить, что ишк. vruđar 'братья' состоит из двух частей: основы vrud- < *brātar- (ав. brātar-) и суффиксального элемента ear < *hā-vrā, т.е. суффикса собирательной множественности от основы *ha- (ср. др.-инд. vatrā, ав. havrā- 'совместно, вместе с'; ш. -ār, -ārz, -ārč/ĵ) или < *harā- (и.-э. solo-, др.-инд. sarva-, ав. haurva- 'весь, всё). Таков толкование ишк. vruđar поддерживается и основой ixođar- в ixođar-bn 'сестры'. В ишк. ixođar- кроме элемента мн. числа -ar- представлен суффикс собирательной множественности -d- < *-tā- (или < *hada). То есть опять пример нанизывания суффиксов мн. числа.

Но есть еще и другая возможность объяснения ишкешимских основ *vrudar-*, *ixodar-* и *wüdüydar-*. Ишк. *ixodarān* 'сестры' полностью соответствует верш. *yastaru* 'сестры' (Зарубин, 1927), где *-taru* является суффиксом собирательной множественности (ср. верш. *awiš-in-daru* 'женн' при *awiš* 'жена'). Отсюда следует, что ишк. *ixodar-* состоит из *ixo-dar-*, ишк. *vrudar-* - из *vrud-+-dar-*, а ишк. *wüdüydar-* - из *wüdüyd-dar-*, где *-dar-* также является суффиксом собирательной множественности. Этот суффикс можно было бы восстановить в **d/taṛā-* и связать с и.-е. *tel-p-* в рус. толпа.

Что касается реликтового числового показателя *-d-*, то он представлен также в таких ишкешимских словах, как *v̄yūn-d* 'волосы (на голове)' < **saryu-gauna-+-tā-* (ав. *gaona-*); *men-d* 'яблоко, яблоня' < **amarna-*, (а) *m̄rnu-* или **abarnu-*, **abrnu-+-tā-* (ср. и.-е. *ǵbel-* 'яблоко, яблоня' или и.-е. *mel-*, *melē-no-* в рус. малина, лит. *mūlvas* 'красный, желтый'; вах. *m̄r*, ш. *m̄n*, мундж. *aminga* 'яблоко, яблоня'); *-wen-d* в *š̄wend* 'абрикосовое дерево, абрикос' < **wanī-+-tā-* (ср. ав. *van-*, *vana-* 'дерево').

Из других реликтовых показателей мн. числа можно отметить *-ok* в *z̄ywn-ok-yn* 'мальчики, парни' < **na-ka* (и.-е. *sm-k/ko-* 'вместе с') и *-ьv*, *-ov*, которые сохраняются только в местоимениях.

I.5. Помимо числовых показателей агглютинативного типа в ишкешимском можно обнаружить также следы древнеиранской числовой флексии, восстанавливаемой на основе умлаута, например: *var* 'дверь, двери' < **dwarā*, т.е. им.-вин. дв. от **dwār-* или **dwāra-* (ав. *dvar-*, др.-перс. *duvaga-*); *š̄š̄* 'легкие' < **sušī*, т.е. им.-вин. дв. (ав. *sušī*); *-sar* в *x̄f-sar* 'себя' (букв. 'свое тело') < **sarā*, т.е. им.-вин. дв. от **sar-* (ав. *sar-* 'кости и мясо, тело', ж.р. дв.).

Падеж

I.5. Падежные отношения в ишкешимском выражаются в основном с помощью предлогов и послелогов, а также различного рода суффиксальных служебных элементов. Среди последних есть такие, которые полностью утратили свою связь с исторической именной основой. Это следующие суффиксальные элементы: *-i* — показатель прямого дополнения, *-no* — показатель принадлежности, *-bo* — показатель адресата, цели, назначения. Примеры: *wa v̄z̄yk̄ k̄yṛā-yi s̄y k̄v̄k̄u x̄imb!* 'сними с крыши то толстое одеяло!'; *wa r̄om-i iṽš* 'я спраду ту шерсть'; *ti t̄x̄m̄yṛo-yi r̄as̄m̄* 'я сварю тебе яйца'; *tau-rou n̄a-oyad̄yk̄-yt m̄ k̄v̄d-bo?* 'ты не принес подошву для моих сапог?'; *ag-m̄ā jo da š̄avī-no weron* 'вот это место у этого платья испорчено'; *m̄ t̄ot-noy x̄on* 'дом моего отца'.

Ишкешимский показатель прямого дополнения *-i*, как и соответствующий показатель вах. *-i / / -eu*, может быть восстановлен в **ayī*, т.е. местн. ед. от основы **a-* 'из, от' (ар. **n-*, и.-е. *an*, *n-* 'из, от'). Возможна также связь ишк. *-i* с ир. **n̄ā(y)-* 'связывать, соединять'

(ср. семантическую ассоциацию н.-перс. -га < *raγā-, и.-э. ar-, rēdh- 'соединять, связывать' в др.-перс. rādiu, рус. ради). В этом случае ишк. -i < *haya-.

Ишканимскому показателю принадлежности -но соответствуют вах. -en, ш. -an(d), с. -an, -inder. Таким образом, он закономерно продолжает др.-ир. *antar- 'между, внутри, у, при' (и.-э. enter-, др.-инд. antár-, ав. antare, др.-перс. antar- 'между, внутри'; др.-инд. antama- 'наиблизжайший'; ср. аналогичное чередование значений в и.-э. me-, me-ta, me-dhi, me-ghri-s 'среди, внутри' в гот. miŷ 'вместе с; др.-исл. með(r) 'с, между', арм. meŷ 'у, при, вблизи').

Ишк. -bo 'для' (из *-ob) соответствует язг. -be (из *-eb), что может быть восстановлено в *aba-, *abi- (ср. и.-э. ebhi, др.-инд. abhi-, ав. aibi, aiwi, avi 'у, при, вблизи').

Но в ишканимском сохраняются также следы исторических флективных форм. Они могут быть выявлены благодаря умлауту. Примеры: -bra в хъььr-bra 'шурин' < *brāŷā, т.е. им. ед. от *braŷar- (ав. brātar-), -bre в санг. хуььr-bre 'шурин' < *brāŷāi дат. ед. или местн. ед. от краткой основы brāŷa- (ср. др.-прусс. brāti 'брат'); re- в reŷozd 'солнце' < *ahuraha, т.е. род. ед. от *ahura- (ав. ahurahe mazdāh 'ахуровское божество'); -sar в хъььr-sar 'себя' < *sarā, т.е. вин. дв. от *sar- (ав. sar- 'тело', слово склонялось по дв. ч.); zas 'сын' < *zāŷā(t), т.е. твор. или отл. ед. ч. от *zāŷa- из ар. *zāŷt/ŷa- (ав. zāta- 'рожденный'); var 'дверь, двери' < *dwāŷā, т.е. им.-вин. дв. от *dwāŷ- или *dwāŷa- (ав. dvar-, др.-перс. dvara-); ŷьŷь 'легкие' < *suŷi, т.е. им.-вин. дв. (ав. suŷi); -va в ar-va 'оба' < *ubāŷāh, т.е. род. дв. от *ubā- (ав. ubā-) и др.

I.6. Итак, в ишканимском языке, как можно полагать, нашли отраженные следующие древнеиранские флективные формы:

	Др.-ир.	Ед. число	Ишк.
Им.	*brāŷā (от *brāŷar-)	- bra	в хъььr-bra 'шурин'
Дат.	*brāŷāi (от *brāŷa-)	- bre	в хуььr-bre 'шурин'
Род.	*ahuraha	- re-	в reŷozd 'солнце'
Дат.-мест.	*nāŷāi	- nim	'ИМЯ'
Твор.отл.	*zātā(t)	- zas	'СЫН'
Дв. число			
Им.-вин.	*dwāŷā	- var	'дверь, двери'
	*sarā (от *sar-)	- sar	в хъььr-sar 'себя' (букв. 'свое тело')
	*suŷi	- ŷьŷь	'легкие'
Род.	*ubāŷāh	- va	в ar-va 'оба'

Имя прилагательное

Основы

2.0. Большинство ишканимских имен прилагательных представляет собой либо несложную основу, либо основу с суффиксальным элементом "гласный +к", т.е. с тем же суффиксом, который свойствен и имени существительному, например: *ṣu* 'черный', *ṣṣṣ* 'маленький', *nāwīk* 'новый'. Из суффиксальных элементов, присущих только прилагательным, можно указать на суффикс, образующий относительные прилагательные *-in* < **-aiṣya* (ср. ав. *-aina* в *zagina-* 'золотистый'), напр., *ḍark-in* 'деревянный', *ṣṣṣ-in* 'железный'.

Как и в именах существительных, по качеству корневого гласного имени прилагательного можно установить, какой тип исторической основы продолжает та или иная основа прилагательного. Фонетические закономерности здесь те же, что и в именах существительных (см. "Имя существительное"). Примеры: *naw-* в *nāw-īk* 'новый' < **nawā-* (ав. *nawā-*); *kaṣ-* в *kaṣ-īk* 'сладкий' либо из **xrgā-* (ср. и.-е. *sal-* 'соль' в рус. соль, сладкий', лит. *vālti* 'становиться сладким'; ав. *kuṣg*, ш. *kuṣ* м.р. *kuṣ* ж.р. 'сладкий', либо из **xwrgā-* (ср. и.-е. *sūr-*, **su-* 'ослепленный, острый', ав. *xvarezišta-* 'наисладчайший'); *zard* 'желтый' < **zarta-* (ав. *zairita-*); *ṣu* 'черный' < **ṣ(y)āwa-* (ав. *suṣva-*); *esreḥ* (санг.) 'белый' < **śwaida-* (др.-инд. *śveta-*, ав. *sraēta-*); *ṣṣṣ* 'красный' < **sukra-* (ав. *sukra-*); *ṣṣṣ* 'маленький, младший' < **kuta-* (ср. ав. *kutaka-* 'маленький'); *ṣin* 'синий, зеленый' < **akṣaiṣya-* (ав. *akṣāṣna-*); *fri* 'хороший, приятный' < **p/friyā-* (ав. *frya-*); *dir* 'далекий' < **dūrya-* или **dūrai* (ав. *dūraē*).

Род, число, падеж

2.1. Как и у существительных, категория рода не является живой, т.е. в современном языке прилагательные безотносительны к роду, ср. например: *fri ṣṣṣtok* 'хорошая девочка' и *fri zoman* 'хороший мальчик'. Но для ряда прилагательных на основании умлаута может быть восстановлена их историческая родовая принадлежность. Это относится прежде всего к прилагательным, продолжающим тематическую основу, т.е. основу на *-ā, а также к прилагательным, продолжающим историческую основу на *-yā.

Так, например, к основам на *-a, т.е. к историческим основам мужского/среднего рода, восходят следующие ишканимские прилагательные: *ṣu* 'черный' < **ṣyāwa-* (ав. *suṣva-*), *ṣṣṣ* 'красный' < **sukra-* (ав. *sukra-*), *ṣṣṣ* 'маленький' < **kuta-* (ав. *kutaka-*) и др.

К основам на *-ā, т.е. к историческим основам жен. рода, восходит такие ишканимские прилагательные, как: *naw-ūk* 'новый', *kaž-ūk* 'сладкий', *š(ь)lavz* 'скользкий', *š(ь)naх* 'белоголовый' (о скоте)', *nam* 'влажный', *šak* 'плохой' и др. К основам на *-ya, т.е. к историческим основам муж./ср. или жен. рода восходят такие прилагательные, как: *dir* 'далекий', *pitk*, *puđuk* 'гнилой', *per* 'сегодняшний', *šip* 'синий, зеленый', *fri* 'хороший, приятный' и др.

2.2. Прилагательные в отличие от существительных не изменяются по числам, например: *fri štok* 'хорошая девочка' - *fri štok-ьn* 'хорошие девочки', *vžuk dьraxt* 'толстое дерево' - *vžuk dьraxt-ó* 'толстые деревья', *latain but* 'матерчатая туфля' - *latain but-ó* 'матерчатые туфли'.

2.3. Как уже было отмечено, падежные отношения в ишканимском выражаются предлогами и послелогами. Имя прилагательное в отличие от существительного не оформляется служебным элементом. Выступая в функции препозитивного определения, прилагательное вместе с последующим существительным-определяемым образует единый комплекс, к которому в целом и относится тот или иной служебный элемент. Примеры: *nawuk ref ag-wak* 'новый веник вон там (лежит)'; *nawuk ref mьm-bo day!* 'подай мне новый веник!'; *nawuk ref-gul starьm* 'я буду мести новым веником'.

Степени сравнения

2.4. Качественные прилагательные образуют сравнительную степень с помощью суффикса *-tar* < *-tarā (др.-инд. -tara-), например: *fri-tar* 'лучше', *vžuk-tar* 'толще', *garьm-tar* 'теплее'. Но следует сказать, что в разговорной речи суффикс сравнительной степени чаще отсутствует, например: *am dьraxt сь wan vžuk* 'это дерево толще, чем то'; *ti šьt ingit сь ti kata ingit dьroz* 'у тебя мизинец длиннее большого пальца'.

Превосходная степень в современном ишканимском образуется удвоением прилагательного, например: *vžuk-vžuk* 'толстый-претолстый', *kata-kata* 'большой-пребольшой'.

Числительное

3.0. Ишканимские числительные в целом являются иранскими по своему происхождению: от I-го до IO - собственно ишканимскими, а свыше IO - таджикско-персидскими. В сангличском при счете свыше IO употребляются как собственно ишканимские, так и таджикско-персидские числительные. Система счета - десятичная, основанием для всего ряда служат числительные от I до IO. Не некоторые числительные образуются по двадцатичной системе,

По своей структуре числительные от I до IO, а также названия десятков и сотни (при десятичной системе счета) являются простыми, все

Остальные числительные - сложны

Количественные числительные от I до IO закономерно продолжают иранские количественные числительные, причем - либо их основу, либо их флективную форму. Они следующие: úk 'один' < *aiwa-+-ka- (ав. ašva-); dv(w) 'два' < *duwa- (ав. dvā-), ср. санг. di- (в di-dūs '12') < *duwaī, т.е. им.-вин. дв. от *duwa-; rûy 'три' *ŕtrayah, т.е. им. мн. м.р. от ŕtray- (др.-инд. trayah, ав. ŕtray-); çfur 'четыре' < *çav̄wārah, т.е. им. мн. м.р. от *çav̄wār- (др.-инд. catvārah, ав. çav̄wārō); púnz 'пять' < *panča (ав. pañča); xúl/l 'шесть' < *xwašah, т.е. им. мн. м.р. от xwaš- (ав. xwāš-), ср. санг. xwāl < *xwašām, т.е. род. мн. м.р.; uvd 'семь' < *hapta (ав. hapta); ot 'восемь' < *ašta, т.е. им.-вин. дв. от *ašta- (др.-инд. aṣṭā, ав. ašta); naw 'девять' < *nawāh, т.е. им. мн. от *nawā-; dos(санг.)^I 'десять' < *dasa- (ав. dasa-).

Числительные от II до I9, а также названия десятков в собственно ишкашимском диалекте являются заимствованными из таджикского.

3.I. В качестве порядковых используются в основном таджикские числительные в местном диалектном произношении: yakkīm, dūyūm и т.д. Но в ишкашимском сохраняются следы древнеиранских порядковых числительных: dīv 'снова, вторично' (вах. bet 'еще раз') < *dwita- (ав. bitya-, др.-перс. duvitiya- 'второй', для значения 'снова' ср. ав. gat. dabita- 'снова'); ыр- в ыр-aol-dev(ó) 'третьего года давности, позапрошлый год' (вах. tet-) < *t/ŕtr̄t̄ya- (др.-инд. tr̄t̄īya-, ав. ŕtr̄īya- 'третий') и другой вариант этого числительного ol- в ol-ŕz-d 'позавчера' из *ol-r̄z-d (вах. tort-) < *t/ŕtr̄ta-, что, в свою очередь, из *trita- (ср. лат. tertius из *tritiō-).

Местоимение

Личные местоимения

4.0. Личные местоимения (так же как указательные и возвратное местоимение) выделяются среди других именных частей речи наличием трех форм: прямой, объектной и посессивной. Местоимение 2-го лица ед. числа в отличие от других личных местоимений имеет две объектные формы. Для 3-го лица используются указательные местоимения. В ишкашимском представлены следующие личные местоимения (см. таблицу на след. стр.).

Прямая форма личных местоимений употребляется в функции подлежащего и именной части составного сказуемого: aži ba- aári vek šm 'я схожу за водой'; m̄x, r̄ k̄v̄kú mison 'мы будем спать на крыше'.

Объектная форма употребляется в функции прямого дополнения и косвенного (после предлогов и изафета, а местоимение 2-го л. ед. ч.

^I Ишк. da 'IO' заимствовано из таджикского.

Таблица

Форма Лицо	Прямая форма		Объектная форма		Посессивная форма	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	az(i)	мъх(о)	mak	мъѣв(о)	мъ(n)	мъѣ
2-е л.	ть	тьмъх	fak ть-в ть-во	тьмъх(ъв)	ti	тьмъх

ть- - только с послелогом -во). Примеры: Nīkbāxt porēzd mak wend 'Никбахт вчера меня видела, мъѣв гъхват кън! 'отпусти нас!'; awi съ fak tьros към 'она боится тебя'; yim ть-во eiz bakor? 'для чего тебе это?'; so tar мъѣв na-īsu 'теперь она к нам не придет'.

Посессивная форма употребляется в функции определения, а также перед послелогам: мън къгра къдъо? 'где мое одеяло?'; ti хон къдъо? 'где твой дом?'; azi ti-gul ѣм 'я пойду с тобой'; мъѣ-но да-уона кърѣin vьd 'у нас было десять штук кур'.

4.1. Все ишкашимские личные местоимения за исключением местоимения 2-го лица мн. числа закономерно продолжают древнеиранские личные местоимения, точнее - ту или иную их флективную форму. Местоимение 2-го лица мн. числа тьмъх хотя и не имеет соответствия в засвидетельствованных древнеиранских языках - авестийском и древнеперсидском, - но по своим составным элементам допускает возможность существования его на древнеиранской почве (подробнее см. дальше).

Для местоимения 1-го лица ед. числа прямой формы az(i) мы должны восстановить праформу *azā(m) (ср. и.-е. eǵhō, ав. azəm, др.-инд. ahām). На долготу второго гласного восстанавливаемой формы указывает начальный ишкашимский гласный а, т.е. в данном случае имел место ā-умлаут. Конечный факультативный гласный і в ишк. az(i), очевидно, является суффиксом (ср. ишк. ári 'дело, работа' при вах. уark; ишк. хьdóri 'мельница' при вах. хьdōrg; ср. также суффикс -ik в ишк. kakik 'золотка, okik 'яйцо'). Этот именной суффикс характеризует исторические имена женского рода. Это лишний раз подтверждает долготу второго гласного в ир. *azā(m), рефлексом которого является ишк. az-(i). Отсюда можно предположить, что в древнеиранском местоимение 1-го лица ед. числа различалось по родам, т.е. форма *azam являлась формой мужского рода (ср. ш. вах. wuz < *azam), а форма *azā(m) - женского рода (ср. сар. waz, р. az, б. āz, язг. az - < *azā(m); ср. также родовое различие в ав. mana и др.-перс. manā - форма род.

пад. ед. числа местоимения I-го лица).

Две другие формы местоимения I-го лица ед. числа $m̄(n)$ и mak образованы от другой основы, продолжающей иранскую основу косвенных падежей $*ma-$. Посессивная форма $m̄(n)$ закономерно продолжает ир. $*mana$, т.е. форму род. пад. ед. числа (ав. $mana$, др.-перс. $manā$).

Что касается объектной формы mak , то она допускает следующие толкования. Если сопоставить mak с соответствующей формой возвратного местоимения hak 'себя, с собой' и т.д., которое имеет параллельную форму $kadak$, то, по-видимому, можно было бы предположить, что ишк. mak получилось из стяжения др.-ир. $*māt + -ākā-$, где $*māt$ - форма отл. падежа ед. ч. от основы $*mā-$ (и.-е. $mē-d$, др.-инд. mat , ав. $mat̄$). Если же ишк. mak сопоставить с соответствующей ваханской формой $maž$, ее можно было бы восстановить в виде $*mā-k/gā-$ (ср. и.-е. $*mē-ge-$, гот. $mī-k$, греч. $ἐμέ-γε$ 'меня', др.-инд. и ав. энклитика вин. падежа $mā$, согд. $m'k$ в $č'm'yk =$ ишк. сь mak 'от меня'). А если учесть, что и.-е. g чередовался с соответствующим палатальным (ср. и.-е. $me-ghī$ 'мне'), то мы вправе были бы ожидать в каком-либо иранском языке и форму maz . Такая форма зафиксирована в ларском диалекте Ирана, т.е. maz 'меня' (Молчанова, 1982). Таким образом, если ишк. $m̄(n)$ отражает древнеиранскую форму род. падежа, то ишк. mak является рефлексом древнеиранской формы либо отл. падежа, либо вин. падежа.

Местоимение 2-го лица ед. числа прямой формы $t̄$ 'ты' закономерно продолжает ир. $*tuwam$, т.е. форму им. падежа (ав. $tvəm$, $tūm$, др.-перс. $tuvam$).

Объектная форма 2-го лица ед. числа $t̄$ закономерно соответствует ир. $*tawa$, т.е. форме род. падежа (ав. $tava$). Объектная форма fak 'тебя, с тобой' и т.д., по аналогии с ишк. mak , может продолжать: 1) либо $*twāt + -ākā-$, т.е. форму отл. падежа (ав. $ṽwat$); 2) либо $*twā-kā-$, т.е. форму вин. падежа (ср. нем. $dich$ 'тебя'; согд. $t'p'k$ 'тебя'):

Посессивная форма 2-го лица ед. числа $tī$ исторически представляет собой притяжательное местоимение-прилагательное от основы $*ta-$, т.е. $*taya-$ (ср. модель ишк. $fī$ 'лопата' < $*faya-$).

Местоимение I-го лица мн. числа представлено в ишкашимском тремя падежными формами: 1) прямой $m̄x$ (также с именным показателем мн. ч. -о, т.е. $m̄x-o$) 'мы', например: $m̄x r̄$ $k̄ȳkū m̄ison$ 'мы будем спать на крыше'; 2) объектной $m̄č̄č̄v(o)$, например: $m̄č̄č̄v t̄x̄vat k̄ȳ!$ 'отпусти нас!'; $so tar m̄č̄č̄v na īsu$ 'теперь она к нам не придет'; 3) посессивной $m̄ñ$ 'наш', например: $m̄ñ xon nawūk$ 'наш дом - новый'; $m̄ñ-no dā-yona k̄ȳč̄in v̄d$ 'у нас было десять штук кур'.

В основе всех этих трех форм лежит элемент $m̄-$, закономерно продолжающий древнеиранскую основу косвенных падежей для мн. числа $*ahmā-$. Прямая форма $m̄x$ 'мы' представляет собой закономерный рефлекс древнеиранской формы род. падежа мн. числа $*ahmāxam$ (ав. $ahmāxam$,

др.-перс. *aṃāxam*).

Объектная форма *māš-šv* состоит из двух элементов: *māš-šv*. Первый элемент закономерно восстанавливается в **ahmākam*, т.е. в другой вариант древнеиранской формы род. падежа мн. числа. Второй элемент *-šv*, как и ишк. *-ov* в *awōndov* (наряду с *awōndon*) 'они, те', является отражением древнеиранской основы **abi-* (ср. и.-е. *ebhi*, др.-инд. *abhi-*, ав. *aibi*, *aiwi*, *avi* 'у, при, возле', 'в союзе с', рус. об-, общий). Таким образом, ишкашимские элементы *-šv* и *-ov* — реликтовые показатели собирательной множественности. Употребление их в ишкашимском *зафиксировано только при местоименных основах. В других же памирских языках соответствующие элементы отмечены не только при местоименных, но и при именных основах, например: ш. *wēv/f* 'их, им, тех, тем', рбб-*ēv* 'в ногах', *xab-aš-ēv* 'по ночам', с. *γoc-ēf* 'девочки, девушки', вах. *perčōd-ov* косв. форма мн. числа от *perčōd* 'девочка, девушка', *ya-v* (из **yaw-ov*) 'их, им, тех, тем' и др.

Посессивная форма I-го лица мн. числа ишк. *māš* (санг. *māš*) 'наш(а), наши' отражает еще один вариант древнеиранского местоимения род. падежа мн. числа **ahmā(k)šam* или **ahmāšam* (где *-š-* из и.-е. *k*'), а санг. *māš* < **ahmākam*.

Для местоимения 2-го лица мн. числа *tāšx* 'вы' нет соответствий в известных нам древнеиранских языках. Но тем не менее оно может быть спроецировано на древнеиранскую почву, поскольку параллель для него имеется в мертвых и в современных индоарийских языках. Ишк. *tāšx* состоит из трех частей *tā-mā-x*, где: 1) *tā-* является рефлексом корневого элемента 2-го лица ед. числа, т.е. **ta-* (и.-е. *te-*) или **tu-* (и.-е. *tū-*); 2) элемент *-mā-* является рефлексом местоименного суффикса мн. числа для косвенных падежей **-hna-*, ср. ав. *ahmā*, *ahmākem* и т.д. (др.-инд. *-sma-*); 3) конечный согласный *-x*, как и в ишк. *māx* 'мы' (< **ahmāxam*), является рефлексом местоименного суффикса мн. числа род. падежа **-xa-* (ср. ав. *ahmākem*, др.-перс. *aṃāxam*). Таким образом, в целом прототипом ишк. *tāšx* могла бы быть форма род. падежа мн. числа **tahmāxam*, которая могла существовать наряду с засвидетельствованными формами 2-го лица мн. числа род. падежа **yušmākam* и **xšmākem* (ав. *yušmākem* и *xšmākem*). Типологическим соответствием для ишк. *tāšx* является таджикская диалектная форма 2-го лица мн. числа *tu-ho*, употребляемая при пренебрежительном обращении к группе лиц (Джалалов, 1956).

Но нельзя исключать и возможность заимствования этой формы из индоарийских языков, где она имеет длительную историю и получила довольно широкое распространение в различных вариантах: др.-инд. *tušme*, ср.-инд. *tusmakam* (сев.-зап. пракрыт), *tuhmākam*, н.-инд. *tussam*, *tusa*, *tuha* (языки лахнда, панджаби), *tumom* (язык пахари), *tamo* (гуджарати, раджастан), *tamom* (язык бхили) (Воробьев-Десятовский, 1959).

Объектная форма этого местоимения имеет два варианта: *tъxъ* и *tъxъbъv*. Конечный элемент *-bъv* - того же происхождения, что и в объектной форме местоимения I-го лица мн. числа *mъbъv*.

Посессивная форма этого местоимения совпадает с прямой формой, т.е. *tъxъ*.

4.2. Подводя итог вышесказанному, мы могли бы представить древне-иранско-ишканимские соответствия личных местоимений в виде следующей схемы:

		Ир.	Ишк.	
		Ед. число		
I-е л.	Им.	*azā(m)	-	az(i)
	Род.	*mana	-	mъ(n)
	Вин.	*mā(m) или	-	mak
	Отл.	*māt		
2-е л.	Им.	*tuwam	-	tъ
	Род.	*tawa	-	tъ- (tъ-bo 'тебе')
	Вин.	*t/ṽwā(m) или	-	fak
	Отл.	*t/ṽwāt		
Мн. число				
I-е л.	Род.	*ahmāxam	-	mъx
		*ahmākam	-	mъc̄- В mъc̄-bъv
		*ahmā(k)ṣam	-	mъṣ̄
2-е л.	Род.	*tahmāxam	-	tъmъx

Притяжательное местоимение-прилагательное: др.-ир. *taya- - ишк. *tī* 'твой'.

Указательные местоимения

4.2. Указательные местоимения делятся на местоимения-существительные и местоимения-прилагательные. Для всех указательных местоимений в ишканимском, как и в других памирских языках, характерны принадлежность к тому или иному ряду дальности и падежная форма, а для местоимений-существительных - еще и число. Родовая принадлежность местоимения хотя и не является живой для современного состояния языка, но она легко восстанавливается по умлауту.

По ряду (или степени дальности) различаются следующие три группы местоимений: 1) местоимения, указывающие на дальний объект (ср. рус. тот, та, то, те) или употребляющиеся вне зависимости от степени отдаленности объекта (ср. рус. он, она, они); 2) местоимения, указывающие на близкий объект (ср. рус. этот, эта, эти), и 3) местоимения, указывающие на объект, находящийся в небольшом отдалении.

Местоимения-существительные каждого из этих трех рядов имеют два числа (ед. и мн.) и три падежные формы (прямую, объектную и посессивную). Местоимения-прилагательные каждого из трех рядов имеют только две падежные формы: прямую и косвенную. Местоимения, являющиеся составной частью местоименных наречий, не различаются по падежным формам и числам.

Ишканимские указательные местоимения могут быть представлены следующей таблицей.

Указательные местоимения-существительные						
Ряд	Ближний		Средний		Дальний	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
Прям.	am(í)	amónd(on/v)	ad(í)	adónd(on/v)	aw(í)	awónd(on/v)
Объектн.	man	mánb̄v(o)	dan	dánb̄v(o)	wan	wánb̄v(o)
Посесс.	(y)im	(y)ím̄b̄v	(y)id	(y)íd̄b̄v	(y)i/̄b̄	(y)iv
Указательные местоимения-прилагательные						
Прям.	am		ad		a(w)	
Косв.	ma		da		(w)a	

Прямая форма местоимений употребляется в функции подлежащего, объектная - в функции прямого объекта и косвенного объекта с предлогом, посессивная форма - в функции определения и косвенного объекта с послелогом.

Примеры: awí túyd 'он уехал'; amí m̄b̄ xon 'это - наш дом'; adí fak fand ded 'она тебя обманула'; r̄xtingár-noy gasm ak-am 'обычай повара - именно таков'; awóndon b̄b̄d-on r̄b̄ boṽ 'они пошли в сад'; amóndon rozi b̄b̄d-on 'эти согласились'.

Нетрудно заметить, что в основе всех этих местоимений лежат следующие три элемента, характеризующие ряд: aw-, am-, ad-. Исторически они закономерно отражают форму им. падежа, как един., так и множ. числа, жен. рода от соответствующих древнеиранских основ *awā-, *imā-, *aitā-, т.е. в ед. числе: *awā(m) (ав. avam), *imā (ав. ima), *aitā (ав. aēta); во мн. числе: awāh, imāh (ав. imā), aitāh (ав. aetā).

Формы мн. числа awónd(on/v), adónd(on/v), amónd(on/v) помимо элементов aw-, ad-, am-, содержат еще три элемента: -on-d-on/v. Все они представляют собой непродуктивные в настоящее время показатели

мн. числа. Элемент *-on*, как уже было отмечено выше (см. "Имя существительное"), продолжает древнеиранскую именную основу *h³h³-na 'совместно, воедино, все' (ав. *ham-*, *ha-*). Этот элемент дважды наращен на местоименную основу. Элемент *-a-* является рефлексом древнеиранского суффикса собирательной множественности *-tā (ср. ишк. *men-d* 'яблона, яблоко'). Элемент *-ov* представляет собой рефлекс древнеиранской именной основы *abi- со значением собирательной множественности (ср. и.-э. *ebhi*, *obhi*, др.-инд. *abhi-*, ав. *aibi*, **aiwi*, *avi* 'при, у', рус. об-, общий).

Такое наизывание показателей мн. числа у местоимений — явление, довольно часто встречающееся в иранских языках, во всяком случае в восточноиранских, ср., например: вах. *yāw-tā-t* 'они, те', где *yaw* < **awān* ж.р. или **awā* ср. р. им.-вин. мн. ч., элемент *-tā-* < **ha-tā*, т.е. показатель собирательной множественности (ср. др.-инд. *śa-śvānt-* 'весь, все'), а конечный *-t* < **-tā*, т.е. также суффикс собирательной множественности; или ягн. *iš-t-it* 'они' < **aīšai*, т.е. им. мн. от **aīša-* (ср. ав. *aēte*, *ime*) + **-tā-* + **-hātī-*; также согд. *wyš-n-t* 'они, те' < **awaišām*, т.е. род. мн. от **awa-* (ср. ав. *awaššām*) + **-ha-na* + **-tā-*.

Объектная форма представлена следующими местоимениями: ед. ч. *wan*, *man*, *dan*; мн. ч. *wān³v*, *mān³v*, *dān³v*. Эта форма употребляется в функции прямого дополнения и косвенного предложного. Примеры: *wan band kən!* 'привяжи его!'; *qand kažuk, paša k³ man nīdu* 'сахар сладкий, (вот) мухи и садятся на него'; *awī xēli waxtó tar wān³v n³st-ojad* 'он долгое время не приходил к ним'.

С исторической точки зрения объектные формы ед. числа представляют собой закономерное отражение древнеиранской формы твор. падежа ед. числа м./ср. рода, т.е. ишк. *wan* < **awanā* (ав. *avā*, др.-перс. *avanā*), ишк. *dan* < **āitanā* (ав. *aētā*), ишк. *man* < **imanā*.

Соответствующие формы мн. числа *wān³v*, *dān³v*, *mān³v* образованы от формы ед. числа прибавлением безударного суффиксального элемента *-v*. Этот элемент, как и элемент *-ov* в *awānd-ov* 'они, те', является рефлексом древнеиранской именной основы *abi- (ср. и.-э. *ebhi*, *obhi*, др.-инд. *abhi-*, ав. *aibi*, *avi* 'при', рус. об-, общий). В других памирских языках ему соответствуют: ш. *-ēv/f* в *wēv/f*, р.б. *-uf* в *wuf*, ор. *-af* в *waf*, с. *-ef* в *wef*, вах. *yaw* (из **yaw-ov*) 'их, им, тех, тем', также в именах ш: *pōd-ēv* 'в ногах', *šāb-až-ēv* 'по ночам', ор. *yās-If* 'девушки, девочки', с. *yos-éf* косв. форма с тем же значением, вах. *peršād-ov* то же. Варианты с глухим шипящим *-f* отражают древнеиранскую основу **āfi-* (ср. и.-э. *āri-*, др.-инд. *āri-* 'объединение, союз').

К формам *wān³v*, *dān³v*, *mān³v* может присоединяться еще один показатель мн. числа *-o*. Этот показатель является наиболее продуктивным и универсальным при образовании форм мн. числа имен существительных (о происхождении его см. раздел "Имя существительное").

Посессивная форма указательных местоимений-существительных представлена в языке следующими местоимениями: ед. ч. (y)i/ь, (y)im, (y)id; мн. ч. (y)i/ьv, (y)imьv, (y)idьv. Эта форма употребляется в функции определения, а также перед послелогом. Примеры: i ħavi zьnauyik-bo 'ее платье надо постирать'; рь í-darun átiyi, áriyi 'войдешь в нее (т.е. в пшеницу), потернешся, (такая она высокая)'; ik goġa ív-bo day! 'дай им одну лепешку!'; ív-no kьrċin nьst 'у них нет кур'.

Посессивные падежные формы ед. числа (y)im, (y)id, (y)i/ь, по-видимому, следует рассматривать как рефлекс древнеиранской формы вин. падежа муж. рода, т.е. *imam (ав. iməm), *aitam (ав. aētəm), *awam (ав. aom).

Формы мн. числа (y)i/ьv, (y)imьv, (y)idьv можно рассматривать либо как образованные от формы ед. числа путем прибавления суффиксального элемента -ьv, т.е. так же как объектные формы wənьv, mənьv, dənьv, mċьv), либо как формы, состоящие из (y)i/ь-, (y)im-, (y)id-плюс именной показатель мн. числа -ьv, где первая часть представляет собой рефлекс древнеиранской формы вин. падежа м./ср. рода мн. числа, т.е. *awai (ав. ave), *imai (ав. ime), *aitai (ав. aēte). То есть так же, как местоимения прямой падежной формы мн. числа aw-ón-d-(on), am-ón-d-(on), ad-ón-d-(on), в которых показатели мн. числа -on-d-(on) присоединились не к форме ед. числа, а к рефлексу древнеиранской формы им. падежа мн. числа жен. рода.

Указательные местоимения - прилагательные, как уже было отмечено выше, представлены двумя формами: прямой a(w), am, ad и косвенной (w)a, ma, da. По числам эти формы не изменяются. Примеры: kas za ad galgi (// galgió) na wázu! 'смотри, чтобы эта (//эти) шкурка (//шкурки) не упали!'; a dьrk (// dьrkó) mauda kьn! 'расколи то (//те) полено (//поленья)!'; a non, ma ívduk рь ma kafob dēm-o? 'мама, я построю эту прыжу в этой мыльной воде?'

С исторической точки зрения местоимения прямой формы aw, am, ad совмещают в себе рефлекс двух древнеиранских числовых форм, т.е. формы им. ед. ж.р. *awā, *imā, *aitā и формы им. мн. ж.р. *awāh (ав. awā), *imāh (ав. imā), *aitāh (ав. aētā). Этим и объясняется их числовая неизменяемость в ишкашимском.

В указательных местоимениях-прилагательных косвенной формы (w)a, ma, da совпали не только две древнеиранские числовые формы, но и две падежные формы. Так, ишк.(w)a отражает не только *awahāh, т.е. форму род. ед. ж.р. от *awā-, но и *awāhām, т.е. форму род. мн. ж.р. от той же основы. Точно также ишк.ma и da отражают не только *imahyāh и *aitahyāh (ав. aētayā), т.е. формы род. ед. ж.р. от основ *imā- и *aitā-, но и *imāhām и *aitāhām, т.е. формы род. мн. ж.р. от тех же основ. Употребление этих косвенных форм в ишкашимском как при имени в ед. числе, так и при имени во мн. числе подкрепляет приведенное выше их толкование.

4.3. Итак, подводя итог всему сказанному относительно указательных местоимений, мы могли бы представить древнеиранско-ишканимские соответствия в виде следующей схемы.

Др.-ир.

Ишк.

I. От основ *awā-

Ед. число

Им.	*awā	ж.р.	-	aw
Вин.	*awam	м.р. (ав. aom)	-	(y)i/ь
Род.	*awahyāh	ж.р.	-	wa
Твор.	*awanā	м.р. (др.-перс. awanā)	-	wan

Мн. число

Им.	*awāh	ж.р. (ав. awā)	-	aw- в aw-ōnd(on/v)
Вин.	*awai	м.р. (ав. ave)	-	(y)i/ь в (y)i/ь-v
Род.	*awāhām	ж.р.	-	wa

II. От основ *aitā-

Ед. число

Им.	*aitā	ж.р.	-	ad
Вин.	*aitam	м.р. (ав. aētəm)	-	(y)id
Род.	*aitahyāh	ж.р. (ав. aētayā)	-	da
Твор.	*aitanā	м.р.	-	dan

Мн. число

Им.	*aitāh	ж.р. (ав. aētā)	-	ad- в ad-ōnd(on/v)
Вин.	*aitai	м.р. (ав. aēte)	-	(y)id в (y)id-ьv
Род.	*aitāhām	ж.р.	-	da

III. От основ *imā-

Ед. число

Им.	*imā	ж.р.	-	am
Вин.	*imam	м.р. (ав. iməm)	-	(y)im
Род.	*imahyāh	ж.р.	-	ma
Твор.	*imanā	м.р.	-	man

Мн. число

Им.	*imāh	ж.р. (ав. imā)	-	am- в am-ōnd(on/v)
Вин.	*imai	м.р. (ав. ime)	-	(y)im- в (y)im-ьv
Род.	*imāhām	ж.р.	-	ma

4.4. В отличие от личных, указательных и возвратно-определятельного местоимений вопросительные местоимения имеют только одну форму. Они следующие: *kū(y)* 'кто?' (относится только к людям), *сыз, ĭiz* (заимств.) 'что?' (относится к животным и неодушевленным предметам), *се* 'что?', 'что за?', *кьдым* 'какой, который', *сьмынд* 'сколько?', *dum, dund* '(на)столько', *ста-* 'что?' (только в сочетании с глаголом *staxoxi?* // *st-o-xi?* 'что ты делаешь?'). Примеры: *kūy ōyad?* 'кто пришел?'; *am kьrta kūy-no?* 'эта чья рубашка?'; *рь ĭomьk darun ĭiz?* 'что в кружке?'; *кьдым var ĭux кьнук-во?* 'какую дверь надо запереть?'; *се аri-t ōyad?* 'по какому делу ты пришел?'; *тьмьх-но сьмынд кьрĭin?* 'у вас сколько кур?'.
 С исторической точки зрения местоимения *kūy, се* и *сь-* (в *сьмынд*) представляют собой различные образования от основ **кау-*, **ка-*, **ĭi-*, т.е.; *kūy* < **кауаh* им. ед. м.р. или **кауаh* вин. ед. м.р.; *се* < **к/ĭауа* род. ед. м.р., *сь-* < **ĭауа-* или **ĭуа-* (ср. и.-е. *kū-*, ав. *ĭū* 'в каком количестве').

Местоимения *сыз, ĭiz*, по-видимому, представляют собой рефлекс осложненной др.-ир. основы **кау-*, **ĭi-* (ср. и.-е. *kūi-d* им. ед. ср. р., др.-инд. *cid/t*, ав. *ĭit*). Местоимение *кьдым* 'какой, который' закономерно отражает др.-ир. **ка-tāma-* (ав. *katāma-*).
 Что касается местоимений *сьмынд* 'сколько' и *dum, dund* '(на)столько', то их сравнительный анализ позволяет предположить, что они состоят из двух частей: **сь + мьнд* и **ду + мьнд*. Первая часть *сь-*, как уже было отмечено выше, является рефлексом вопросительного местоимения **ĭауа-* или **ĭуа-*, а первая часть другого местоимения *ду-*, по-видимому, из **тауа-* от основы **та-* (и.-е. *to-*, *tā-* 'эта, этот'). Вторая часть может быть восстановлена, в **мāntа-* со значением 'мера, размер' (и.-е. *тē-* 'мерить', *тē-но-*, др.-инд. *тāпа-* 'мера').

Возвратно-определятельное местоимение

4.5. Возвратно-определятельное местоимение представлено четырьмя нейтральными с точки зрения рода и числа формами: 1) прямой *ха(да)к* 'сам(а), сами', употребляющейся в функции подлежащего и именной части составного сказуемого, например: *Dawlat ть-t qewd-o, как ōyad?* 'Давлята ты позвал или он сам пришел?'; 2) объектной *хь-*, употребляющейся, как и местоимение 2-го лица ед. числа *ть-*, только при послелоге *адресата -во*, например: *wān-i хь-во zong!* 'возьми это для себя!'; 3) объектной *хь(f)сар*, употребляющейся в функции прямого дополнения и косвенного послепредложного: *сыз хьсар даqat кьнъм?* 'зачем я себя буду мучить?'; *мьх-он сьмынд сахтйуо кь хьсар бьгьзаронд!* 'сколько трудностей мы на себе испытали!'; 4) посессивной *хи/е*, употребляющейся в функции определения, а также при послелогах (кроме *-во*), например: *сь хе аri ĭv-vo ньс-уаžд* 'о своем деле он им не сказал';

рь-ъкû възо wan кънón хí-виѣ 'в хлеве его (т.е. ягнѣнка) козы подомнут под себя!.

С исторической точки зрения все перечисленные формы представляют собой различные образования от древнеиранской местоименной основы *хва-, *ха/ува- (ав. hva-, х^ва-, hava-, др.-перс. huva-).

Прямая форма хадак состоит из осложненной исторически основы *хат и позднейшего суффиксального наращения -ак <*-экă-. Корневой гласный и гласный суффикса а указывает на исторический жен. род этого местоимения, т.е. на то, что основу хат- следует возводить к *хwatĕ- или *хwatām (как и ав. хат 'сам(а)', ср. ав. хvatō 'от себя'). Форма же *хwatā могла бы быть истолкована как форма им. ед. ж.р., а *хwatām - как форма вин. ед. ж.р., т.е. как формы, образованные от тематизированной основы, получившейся, в свою очередь, из застывшей формы отложительного падежа ед. числа *хwat (по аналогии с ав. mat 'от меня', ав. vvat 'от тебя').

Объектную форму хъ, употребляющуюся, как выше было сказано, только с последогом -во (хъ-во 'для себя') по аналогии с объектной формой местоимения 2-го лица ед. числа ть- (ть-во 'для тебя') следует возводить, очевидно, к древнеиранской форме род. падежа ед. числа *хава, *хива от основы *ха/у- (ср. й.-е. sece, род. ед. от se-).

Другая объектная форма хъ(ʃ)аг, употребляющаяся при выражении прямого объекта и косвенного послепредложного, может быть восстановлена в *хwai // хwai+варă-, т.е. в сочетании, состоящее из формы вин. падежа жен. рода дв. числа от местоименной основы *хва- (др.-инд. sva-, ав. hva-) и именной основы *вар- 'тело, туловище' (ав. var- 'тело, туловище', т.е. основы жен. рода, склонявшейся по дв. числу) в форме вин. падежа дв. числа. Аналогичное сочетание, выражающее субстантивированное возвратное местоимение, употреблялось и в авестийском, но только с другим вторым компонентом, а именно со словом tanu- 'тело, туловище', ср. ав. ...hača havyas tanvo... 'от собственной персоны, от себя' (ср. ср.-перс. хвѣй-тан 'сам'), а также в др.-перс. rasu-tana- 'после себя'.

Ишкашимская посессивная форма возвратного местоимения хí/е 'свой, -я, -и' по аналогии с посессивной формой местоимения 2-го лица ед. числа tí 'твой, -я, -и' может быть восстановлена в местоименное прилагательное от основы *хва-, т.е. в *хвауа-.

Таким образом, в ишкашимском представлены рефлексы следующих древнеиранских форм возвратного местоимения:

Др.-ир.

Ишк.

Ед. число

Им.	*хwatā	Ж.р.	-	хá(á)а	к
Вин.	*хwatām	Ж.р.	-		
Род.	*хава//хива	м.р.	-	хъ- в хъ-во	

Дв. число

Им.-вин. *xwai или *xuwai ж.р. - хьf- в хьfсар

Древнеиранское местоименное прилагательное *xwaуа- дадо в ишкашимском xi/e.

Глагол

Основы

5.0. Ядро всей глагольной системы составляют две основы: основа настоящего времени и основа прошедшего времени. Большинство основ настоящего времени исторически является прямым продолжением различных древнеиранских основ презенса. Но по своей грамматической нагрузке современная основа настоящего времени существенно отличается от древнеиранской основы презенса. Древнеиранская основа презенса имела определенную модально-видовую характеристику, но была нейтральной во временном аспекте, поскольку от нее могла образовываться не только форма настоящего времени, но и форма имперфекта с помощью особых личных окончаний. Для современной же основы настоящего времени характерна прежде всего ее соотнесенность только с настоящим моментом, но зато она нейтральна в модально-видовом аспекте. От ишкашимской основы настоящего времени путем прибавления личных окончаний образуется форма настояще-будущего времени и форма повелительного наклонения (последняя только для 2-го лица ед. и мн. числа).

Основа прошедшего времени, как и в большинстве иранских языков, не является продолжением какой-либо глагольной основы древнеиранского. Она развилась на базе одного из древнеиранских глагольных имен, а именно причастия прошедшего времени. Этим объясняется ее модальная, видовая и залоговая нейтральность. Для выражения этих характеристик язык в процессе своего развития выработал свои средства (присоединение префиксальных и суффиксальных частиц, создание сложных глагольных форм и др.). Глагольно-именной характер этой основы проявляется также в особом типе спряжения глагольных форм, образованных от нее (см. дальше).

Как известно, древнеиранское причастие прошедшего времени имело род, число и падеж. Современная ишкашимская основа прошедшего времени нейтральна в отношении рода, числа и падежа. Но следы древней родовой, числовой и падежной оппозиции сохранились в ишкашимской основе прошедшего времени. Они могут быть обнаружены при историческом анализе этих основ благодаря умлауту.

Ишкашимская основа прошедшего времени нейтральна также и в отношении активности - пассивности. Это обстоятельство может служить поводом к предположению об исконной нейтральности в отношении активности - пассивности древнеиранского причастия прошедшего времени.

Исторически производной от основы прошедшего времени является причастная форма на $-u/\acute{u}k$, которая в настоящее время не воспринимается носителями языка как причастие, а служит базой для образования формы перфекта.

От основы прошедшего времени в ишканимском образуется глагольная форма прошедшего времени. От наращенной основы прошедшего времени (с суффиксом $-u/\acute{u}k$) образуется форма перфекта. Основа прошедшего времени участвует также в образовании сложной глагольной формы плюсква-перфекта, а основа перфекта — в образовании сложной глагольной формы преждепрошедшего перфекта. Основа перфекта участвует также в образовании сложной глагольной формы прошедшего предположительного времени.

Основа настоящего времени

5.1. В современном языке нет каких-либо специальных формальных показателей основ настоящего времени. Эта основа выражает, как уже отмечалось, всякое непрошедшее действие независимо от модальной, видовой и залоговой характеристик.

Но исторический анализ основ настоящего времени показывает, что в ишканимском сохранились рефлексы почти всех засвидетельствованных в древнеиранских языках видов основ настоящего времени как тематических, так и нетематических, как основ презенса, так и основ аориста, причем во всех наклонениях.

Рефлекс того или иного вида основы определяется, прежде всего, по умлауту, т.е. по ассимилятивному вокалическому рефлексу, а также по согласным элементам (последний критерий относится, прежде всего, к рефлексам основ на $*-va-$, а также к рефлексам нетематических основ).

По характеру вокалического рефлекса все ишканимские основы настоящего времени могут быть разделены на три группы: 1) основы — рефлекс древнеиранских основ, в которых корневой гласный находился в позиции a/u -умлаута или в нейтральной позиции (условный термин — основы с нейтральным умлаутом); 2) основы — рефлекс древнеиранских основ, в которых корневой гласный находился в позиции \bar{a} -умлаута; 3) основы — рефлекс древнеиранских основ, в которых корневой гласный находился в позиции i -умлаута. Рассмотрим основы каждой из этих трех групп в отдельности.

Вокалическим признаком a/u -умлаутных основ являются следующие ишканимские корневые гласные: o ($<*ā, *ā̄, *au, *ū$), $ū$ ($<*a, *au$), u ($<*ā, *ā̄$), e ($<*ai, *i$), $ь$ ($<*ā̄, *ā̄̄, *ū̄, *ī̄$). Основы этой группы являются чаще рефлексам древнеиранских основ индикатива, как тематических, так и нетематических. Примеры: $vond-$ 'связывать' $< *banda-$ (ав. $band-$); $urofs-$ 'стоять' $< *awa-ra(m)sa-$, $*-rafsa-$ (и.-э. $(remb(h)-)$, др.-инд. $gam-$, ав. $gam-$ 'пробывать в покое'); $yurn-$ 'молоть' $< *ārna-$ (и.-э. $al-$ 'молоть', ав. $āā-$ 'смолотый'); $ny-mūl-$ 'закрывать (глаза, рот), покрывать крышкой' $< *ni-maula-$ или

*ni-*maṣā-* (ср. и.-е. *meu-*, *mū-* 'смыкать глаза, закрывать рот', ср. *вах. mṣē-* 'прятать'); *wen-* 'видеть' < **waina-* (ав. *vaṣna-*; *andṛrv-* 'шить' < **ha(m)-dṛba-* или **ha(m)-darba-* (др.-инд. *dṛbhati* 'связывает, скрепляет', *вах. d(ə)rav-*, ш. *ancāv-*, язг. *əncav-* 'шить'); *t̥r̥bf-* 'воровать' < **t̥r̥p/fa-* или **tarp/fa-* (др.-инд. *-t̥r̥p-* в *rasu-t̥r̥p-* 'ворующий скот', ав. *tarəp-* 'воровать').

Следующие ишканимские основы с а/у- умлаутом, по-видимому, следует рассматривать как рефлексны древнеиранских нетематических основ конъюнктива: *v̥r̥gn-* 'стричь овец' < **brīna-* (ав. *brīn-*); *x̥r̥gn-* 'покупать' < **krīna-* (др.-инд. *krīnati* 'покупает'); *γ̥r̥gn-* 'рывать, реветь' < **γrīna-* (ср. и.-е. *gerī-* в ср.-н.-нем. *krīten* 'кричать, выть, реветь').

Вокалическим признаком древнеиранских ā-умлаутных основ является корневой гласный а (< *ā, *aī, *ī, *au, *ū). Все ишканимские основы этого типа представляют собой рефлексны древнеиранских тематических основ конъюнктива. Примеры: *pac-* 'варить, печь' < **paṣā-* (ав. *paḥ-*), *xar-* 'кушать' < **xwara-* (ав. *xvar-*), *star-* 'месты, вычищать' < **us-tarā-* (и.-е. *ter-*, ав. *tar-*), *ṣvar-* 'извлекать' < **niṣ-barā-* (ав. *bar-*); *kas-* 'осмотреть' < **kaśā-* (ав. *kaś-*); *kan-* 'копать' < **kaṇā-* (ав. *kaṇ-*); *ṣrkamb-* 'загонять (скот, птицу), заключать в тюрьму' < **para-(s)kambā-* (и.-е. *(s)kamb-* 'заковывать в кандалы, спутывать, привязывать', ав. *akamb-*); *ṣr̥amb on-* 'пороть, сечь, бить' < **abi-rambā-* (и.-е. *reimb-* 'рубить, сечь', ср. рус. *рубить*), *day-* 'давать' < **dayā-* (ав. *dā-*); *nas-* 'обрат' < **naśā-* (и.-е. *nem-*, нп.-, сакс. *nās-* 'обрат').

По вокалическому рефлексу сюда будет относиться и ишк. *γaž-* 'говорить'. Но если учесть, что эта основа является рефлексом древнеиранской редуцированной основы **g/γā-* (и.-е. *gē-*, ав. *gā-* 'петь, звать'), т.е. < **g/γā-g/γā-*, то ее следует отнести к рефлексам индикативных основ.

Вокалическим признаком основ, отражающих древнеиранские i-умлаутные основы, являются следующие ишканимские корневые гласные: i (< *aī, *ī, *ū, *au, *ā), e (< *ā, *ā), ь (< *ū), u (< *ū).

Поскольку историческая i-умлаутная позиция была характерна как для основ опатива, так и для некоторых типов основ индикатива (на **-ya-*, **-sya-*), то некоторые ишканимские основы, и в первую очередь основы с непереходным значением, могут быть соотнесены как с историческими опативными, так и с индикативными основами. Примеры: *n̥viš-* 'писать' < **ni-raišai-*, **ni-rīšai-* или **ni-raišī-*, **ni-rīšī-* (ав. *paēs-*); *fris-* // *frin-* 'оставаться, уставать' < **ura-risai-*, **ura-rinai-*, **ura-rinī-* (и.-е. *lē(i)-* 'оставаться, ослабевать', ш. *ris-*, с. *raus-* 'оставаться'); *miš-* // *mind-* 'спать' < **misai-*, **minai-*, **minī-* (ср. и.-е. *mei-* в лит. *migti* 'спать'); *zid-* 'проливать' < **zūdai-*, **zūdī-* (ср. и.-е. *gheu-d-* 'лить'), *iv-* 'прясть' < **ubai-*,

*ubī- (и.-э. *uebh-* 'прясть, ткать', ав. *ub-* в *ubdaēna-* 'сотканное'); *if-* 'ткать' < **ufai-*, **ufī-* (ср. предыдущий глагол); *ryzin-* 'знать' < **pati-z/zānai-*, **pati-z/zānī-* (ав. *zan-*); *ambid-* 'падать' < **ha(m)-padya-* (ав. *pad-*); *rej/ž-* 'распарывать, распускать связанное' < **rōgai-*, **rōjī-* (и.-э. *leug-* 'ломать', др.-инд. *rujati* 'разламывает', ав. *uruxti-* 'разламывание'); *vun-* 'быть' < **bunī-*, т.е. оп- татив от **būn-* (ав. *bav-*).

К ишкашимским основам, которые исторически могут быть истолкованы либо как рефлексы основ индикатива на *-ya-, либо как рефлексы основ оптатива от тематической основы на *-a-, относятся следующие (все с непереходным значением): *nīd-* 'сидеть, садиться' < **nī-hadya-* или **nī-hadai-* (ав. корень *had-*, осн. *-vad-*, *hida-*); *id-* 'достигать' < **had-ya-*, **hadai-* (ав. *had-* 'подходить, приближаться', ср. рус. ходить) или < **ida-ya-*, **idai-* (и.-э. *ei-dh-* 'идти', ав. *ay-*); *ambid-* 'падать, обрушиваться' < **ha(m)-padya-* или **ha(m)-padai-* (ав. *pad-*); *ī(y)-* 'казаться, виднеться' < **kasya-* или **kasai-* (ав. *kas-*); *atiy-* 'входить' < **a-taḥya-* или **a-taḥai-* (ав. *tak-*); *ariy-* 'терять, пропадать' < **ara-pasya-* или **ara-nasai-* (ав. *nas-*) и др.

Заканчивая изложение относительно основ настоящего времени, следует отметить еще одно обстоятельство. Как показал анализ, среди ишкашимских основ настоящего времени не оказалось рефлексов широко распространенных в древнеиранских языках презентных основ на *-aya-. Но следы этих основ обнаруживаются при анализе ишкашимских основ прошедшего времени. Часть ишкашимских основ прошедшего времени представляют собой вторичные образования, т.е. образования не от корня, а от основы настоящего времени. Эти основы настоящего времени и представляют собой рефлексы древнеиранских основ на *-aya-, ср., например, *dryḡ-* в *dryḡd-* 'жать, косить' < **daraya-*, *kowḡ-* в *kowḡd-* 'ковырять' < *(s)*kawaya-* (др.-инд. *skāuti* 'ковыряет', но ср. ишк. *lov-d* 'лаял(а)', где представлен рефлекс основы на *-a-) и др.

Следует, однако, заметить, что в ряде случаев подобного рода основы прошедшего времени могут быть истолкованы также и как рефлексы древнеиранского причастия на *-ata-, ср. др.-инд. *ras-ata-* 'сваренный', ав. *uṣmata-* 'шедший', т.е., например, ишк. *haḥḥd-* 'ташил(а)' < **k/haḥḥata-* (ав. *karḥ-*), *t(ḡ)gaḥḥd-* 'сжал(а)' < **trank/gata-* (и.-э. *trenk-* 'сжимать', ав. *ṽrahta-* 'закатный') и др.

Таким образом, все засвидетельствованные в древнеиранских языках типы основ настоящего времени, — как тематические, так и нетематические, причем во всех трех наклонениях, — нашли отражение в ишкашимском языке.

5.2. Основа прошедшего времени в ишканимском, как уже отмечалось, является продолжением древнеиранского причастия прошедшего времени. Этим объясняется то, что основа прошедшего времени выражает всякое действие, имевшее место в прошлом, независимо от его длительности, кратности, законченности. Признаком большинства основ прошедшего времени сравнительно с основой настоящего времени является дополнительный согласный -d (как правило, после звонкого согласного и гласного) или -t (после глухого согласного), например: iv- : ivd 'пряхть', if- : ift 'ткать', yaž- : yažd 'говорить', miš- : mišd 'спать', de- : ded 'бить'. У части глаголов основа прошедшего времени характеризуется элементом -bd: xaš- : xašbd 'тащить, тянуть', leš- : lešbd 'лизать', way- : waybd 'ругаться, кричать', xond- : xondbd 'смеяться'.

Несколько основ прошедшего времени имеют исход на -l (< *-rt) или -l (< *rw), например: kən- : kūl/l 'делать', mēr- : mēl/l 'умирать', xar- : xūl/l 'кушать', dir- : dūl //durt или dūl 'иметь' (только в сочетаниях) и др.

Наконец, у одного глагола основа прошедшего времени наряду с вариантом на -t имеет вариант с нулевым показателем, т.е. rəxt // rəx 'варить, печь', где rəx- < *rak/xwa- (ср. ос. fux 'варенный').

Как уже можно было заметить, помимо дополнительных согласных элементов основа прошедшего времени ряда глаголов имеет другой корневой гласный, что свидетельствует об иной исторической умлаутной позиции. Примеры: day- : dud 'давать', где day- < *dāyā, но dud- < *dāta-; kan- : kund 'копать, рыть', где kan- < *kanā, но kund- < *kanta-; vond- : vūst 'связывать', где vond- < *banda-, но vūst- < *basta-; vēr- : vred 'стричь овец', где vēr- < *brīna-, но vred- < *brītā-; deš- : dūyd 'дойти', где deš- < *dōgāi- (// *dōgāi-), но dūyd- < *dugta- и др.

Большинство ишканимских основ прошедшего времени являются прямым продолжением древнеиранского причастия прошедшего времени, например: kən- : kūl/l 'делать', где kūl- < *krta-, а kīl- < *krwa- (ав. kar-, прич. прош. вр. kereta-), day- : dud 'давать', где dud- < *dāta-, vond- : vūst 'связывать', где vūst- < *basta-, saw- : sūd 'гореть', где sūd- < *sūta- и др. Но есть и вторичные основы прошедшего времени: rəvd- от rəv- 'пить', yažd- 'говорить', siwd- от siw- 'жечь' и др.

Исторический анализ основ прошедшего времени с учетом умлаута позволил прийти к выводу о том, что в древнеиранском в образовании так называемого пассивного причастия прошедшего времени участвовал не только суффиксальный элемент *-tā-, как это до сих пор считалось, но и другие суффиксальные элементы и не только с конечным гласным *-ā, но и с другим конечным гласным, в частности, с гласным *-ī- (или сочетанием *-ya-?). Например, такие ишканимские основы прошедшего

времени, как *ivd-* от *iv-* 'прясть' < **uptī-* (др.-инд. *vabh-*, *var-*, ав. *ub-* в *ubdaēna-* 'сотканное'), *ift-* от *if-* 'ткать' < **uftī-* (ср. преддуший глагол), *pit-* в *pitk* 'сгнивший' < **pūtī-* (ав. *pav-* 'гнить') могут быть только рефлексам древнеиранского причастия прошедшего времени на *-*tī-*, но не *-*tā-*, поскольку корневой гласный *i*, представленный на месте др.-ир. **ū*, мог появиться только в позиции *i*-умлаута.

Другими суффиксальными элементами (кроме *-*tā/ī-*), с помощью которых образовывались древнеиранские причастия прошедшего времени и которые дали определенные рефлексы в ишкашимском, были следующие: др.-ир. *-*ata-* (ср. др.-инд. *pac-ata-* 'сваренный', ав. *hušata-* 'высохший', *uematā-* 'ушедший'), др.-ир. *-*wā/ī-* (ср. ав. *ahva-* от *ah-* 'быть' и причастие прош. вр. и.-е. *mṛ-uo-* 'смертный'). Приводим примеры на каждый из отмеченных типов основ прошедшего времени.

1) Ишкашимские основы прошедшего времени - рефлексы древнеиранских причастий прошедшего времени муж./ср. рода на *-*ta-* : *skēñt-* от *skēnd-* 'рубить, резать' < **skašta-* (ав. *skand-*); *tūyd-* от *tac-* 'уходить' < **takta-* (ав. *tak-*); *frūt-* от *fras-* 'спрашивать' < **p/fracsta-* (ав. *perēs-*, *fras-*); *dud-* от *day-* 'давать' < **dāta-* (ав. *dā-*); *kūt-* от *kyl/l-* 'колоть, резать (животное)' < **kušta-* (ав. *kaoš-*); *vād-* от *vun-* 'быть' < **būta-*.

2) Ишкашимские основы прошедшего времени - рефлексы древнеиранских причастий прошедшего времени жен. рода на *-*tā* : *oyad-* от *is-* 'приходить' < **ā-g/yātā-* (ав. *gam-*, прич. прош. вр. *gata-*); *nad-* от *nas-* 'брать' < **nāštā-* (и.-е. нем. *m-* 'брать'); *žad-* от *žan-* 'убивать' < **žātā-* (ав. *gan-*); *pyr-kavd-* от *pyr-kamb-* 'загонять (скот, птицу), заключать в тюрьму' < *(*u*)*pari-(s)kaptā-* (и.-е. (*s*)*ka/emb-*, *kmb-* 'окружать, заковычивать в кандалы, спутывать лошадей', др.-ир. *cimbid* 'заключенный в тюрьму'); *wat-* от *waz-* 'падать' < **was/štā-* (ав. *vaz-*); *let-* от *les-* 'лизать' < **l/ristā-* (ав. *rašz-*).

Следует заметить, что рефлексы исторических причастий прошедшего времени жен. рода совпадают с рефлексам исторических причастий прошедшего времени мн. числа, поскольку и в том и в другом случае имели место фонетическая позиция *ā-* умлаута, т.е. *-*tā* ед. ч. ж.р., а *-*tāh* мн. ч. м./ср., ж.р. Но поскольку современные ишкашимские основы прошедшего времени, как уже отмечалось, нейтральны в отношении как рода, так и числа, то это замечание для ишкашимского не актуально.

3) Ишкашимские основы прошедшего времени - рефлексы древнеиранских причастий прошедшего времени на *-*tī-* или *-*tyā-* : *ift-* от *if-* 'ткать' < **uftī-* (и.-е. *uebh-*, др.-инд. *vabh-*, ав. *ub-* в *ubdaēna-* 'сотканное'); *ivd-* от *iv-* 'прясть' < **ub/ptī-* (тот же корень); *pit-* в *pitk* 'сгнивший' < **pūtī-*, **pūtyā-* (ав. *pav-*); *py-dit-* от *py-din-* 'зажигать, разжигать' < **pa(ti)-ditī-* (и.-е. *dei-* 'светить', ш.

pidis- 'загораться', pidin- 'зажигать'); r̥zind- от r̥zin- 'знать' < *pati- + zantī- (ав. zan-); urivd- от urimb- 'оставлять, оставивать' < *awa-ra(m)ptī- (ав. ram- 'пребывать в покое'); n̥višt- от n̥viš- 'писать' < *ni-pištī- (ав. paēs-).

4) Ишкашимские основы прошедшего времени - рефлексy древнеиранских причастий прошедшего времени на *-ata- (ср. др.-инд. рас-ata- 'сваренный', ав. gm-ata-, yem-ata- 'шедший', huš-ata- 'высохший', др.-перс. v̥ak-ata- 'прошедший' и др.) и, возможно, на -īta- (ср. др.-инд. vid-itā- наряду с vitta- 'узнанный'), например; wauyd- от wauy- 'ругаться, кричать' < *wauyata- (и.-е. h̥agh- 'кричать'); v̥r̥nyd- от v̥r̥n- 'стричь овец' < *br̥in-ata- (ав. brau-); d̥r̥ybd- от d(̥)ray- 'жать, косить' < *d(a)rīta- (и.-е. derēi-, dereu, в ср.-перс. dr̥in 'жать, сжинать'). Но не исключено, что все ишкашимские основы прошедшего времени на -bd- вторичные (ср., например, вах. h̥exet- от h̥ex- 'переходить', ав. h̥ak-).

5) Ишкашимские основы прошедшего времени - рефлексy древнеиранских причастий прошедшего времени на *wā-, *-wī- (или *-ya-): r̥x- от рас- 'варить, печь' < *rak/xwa- (ав. rak-, др.-инд. прич. прош. вр. rakvā- 'сваренный', ср. ишк. перфектное причастие r̥xūk вместо ожидаемого *r̥xtūk); ud- от us- 'нести, вести' < *udwī- (ав. vad-); k̥ul- от k̥n- 'делать' < *kr̥wa- (ав. kar-; ср. ш. šu осн. прош. вр. от kin- 'делать' < *kr̥wa- и язг. ki- в kiya(g) 'сделавший' < *kr̥wī-; ср. также ишк. вариант этой основы k̥ul- < *kr̥ta-); m̥l- от m̥r- 'умирать' < *mr̥wa- (и.-е. mr̥-цō- 'умерший, мертвый'; ср. ишк. вариант этой основы m̥l- < *mr̥ta-, и.-е. mr̥-ta-) и др.

Как можно видеть, этот тип причастия засвидетельствован еще в индоевропейском. Имеется он и в древнеиндийском. Очень близки грамматически такие древнеиндийские образования, как rakvā- 'сваренный', vidvās 'осознавший, понявший' (при др.-инд. vitta- 'осознанный, узнанный, известный'). Первое образование - от основы перфекта, а второе - от корня, которые в данном случае совпали, т.е. *void-, *vid- 'знать, ведать', и.-е. u(e)di-, u(e)idē(i)- 'видеть, знать').

В авестийском древнеиндийском vidvās соответствует vid/dvā им. ед. от перфектной основы ир. *waid- // *wid-. Подобного рода образования, как известно, являются активными причастиями перфекта, которые образовывались от основы перфекта (часто совпадавшей с основой презенса или с корнем) с помощью суффикса *-wāh в противоположность пассивным причастиям перфекта, которые образовывались от корня с помощью суффикса *-tā- (также *-tī- или *tūā-). В качестве других примеров активного причастия перфекта в авестийском можно привести: dadvā 'тот, кто создал, создавший, сотворивший, творец' (от перф. основы *dad-, корень *dā- 'давать'), vī-didvā 'всюду направивший свой взгляд; всюду рассмотревший' (от перф. основы *did-, корень *dā(y)- 'видеть').

Не исключено,³ что восстанавливаемые нами причастия на *-wā-, *-wī- имеют прямую связь с древнеиранскими активными причастиями перфекта на *-wah м.р., *-wā ж.р. А нейтральность современных основ прошедшего времени в отношении пассивности - активности, возможно, явилась результатом контаминации древнеиранских пассивных (на *-tā-, *-tī-) и активных (на *-wā-, *-wī-) причастий перфекта, ср., например, ишк. kúl- < *kṛta-, но kúl < *kṛwa-, ш. čūd- < *kṛta-, но ču < *kṛwa-). Другие предположения относительно возможной нейтрализации оппозиции пассивность - активность рассматриваются нами в соответствующем разделе очерка "Шугнанский язык".

5.3. Исторически производной от основы прошедшего времени является краткая форма причастия прошедшего времени на -u/ûk < *-aka-, не осмысляющаяся в настоящее время как причастие и служащая своего рода основой для образования формы перфекта и сложных глагольных форм (плюсквамперфекта, преждешедшего перфекта и прошедшего предположительного времени). Вариант суффикса с гласным верхнего подъема, т.е. -uk, присоединяется к основе прошедшего времени с корневым гласным верхнего подъема, т.е. либо с i, либо с u, например: minduk (основа наст. вр. mis- 'спать'), nvištuk (основа наст. вр. nviš- 'писать'), ġkurduk (основа наст. вр. ġkur- 'искать'). Вариант суффикса с гласным неверхнего подъема, т.е. -ûk, присоединяется к основе прошедшего времени с корневым гласным неверхнего подъема, например, nadûk (основа наст. вр. nas- 'брат'), nylûstûk (основа наст. вр. nid- 'сидеть'), wetûk (основа наст. вр. wed- 'класть, ставить, помещать, лить'), goxtûk (основа наст. вр. gox- 'делать, создавать, производить на свет'), dьr(ь)duk (основа наст. вр. dьrau- 'жаты, косить').

Таким образом, краткая причастная форма прошедшего времени (или перфектная основа) является отражением древнеиранского причастия прошедшего времени с одним из следующих сложных суффиксов: *-tā-kā-, *-tī-kā-, *-wā-kā-, *-wī-kā-.

Кроме того что причастие на -u/ûk служит для образования глагольных форм, известны также случаи его субстантивации, например: ivduk 'пряжа' (т.е. 'спряденное'), kûftûk 'трещина' (т.е. 'треснувшее'), 1/lyftûk 'восход солнца, луны'.

Выражение лица и числа

5.4. Лицо и число в глагольных формах, образованных от основы настоящего времени (форма настояще-будущего времени, форма повелительного наклонения), выражается личными окончаниями, а в глагольных формах, образованных от основы прошедшего времени (форма прошедшего времени, перфект, плюсквамперфект), - особыми подвижными показателями энклитического типа.

Личные окончания

5.5. Личные окончания в языке следующие: I л. ед. ч. -ьm, мн. ч. -on; 2 л. ед. ч. -i, мн. ч. -ьv; 3 л. ед. ч. -u, -i (последнее только для глагола vúnuk 'быть'), мн. ч. -on.

Исторически почти все личные окончания закономерно продолжают известные древнеиранские личные окончания – первичные или вторичные, активные или медиальные – того или иного склонения. Исключение составляет окончание I л. мн. ч. -on, для которого не засвидетельствованы соответствия в известных нам древнеиранских языках, а также в древнеиндийском. За пределами этих языков окончание I л. мн.ч. -on (так же как и ш.-р. -an, вав. -en) можно было бы сопоставить с хорезм. окончанием I л. мн.ч. -āmnī, х.-сакс. -āmane, -meni, согд. -'umh или с хет. -weni, а также с лувийским I л. мн.ч. -ēni.

Остальные окончания имеют следующие соответствия: ед. ч. I л. -ьm < *-āmi, 2 л. -i < * -āhi, 3 л. -u < *-āta (медиальное окончание конъюнктива), а -i в vún-i 'он(а) будет' допускает несколько толкований: 1) < *-āti (активное окончание конъюнктива); 2) *-ati (активное окончание или *-atai медиальное окончание индикатива); мн.ч. 2 л. -ьv < *-ad/twai, 3 л. -on < *-anta (медиальное окончание конъюнктива), либо < *-antu (активное окончание императива).

В современном языке личные окончания нейтральны в отношении модальности и залога. Они употребляются в глагольных формах, образованных от основы настоящего времени (настояще-будущее время и форма повелительного склонения) и имеют только временную нагрузку. Исключение представляет, как уже было отмечено выше, нулевая флексия 2 л. ед. ч. формы повелительного склонения, которая продолжает соответствующую флексию древнеиранской формы императива. Современные личные окончания противопоставляются во временном аспекте подвижным показателем лица и числа.

Подвижные показатели лица и числа

5.6. Как уже было отмечено выше, подвижные показатели лица и числа употребляются при глагольных формах, образованных от основы прошедшего времени. Показатели лица и числа в ишканимском языке следующие: I л. ед. ч. -ьm, мн. ч. -on; 2 л. ед. ч. -ьt, мн. ч. -ьv; 3 л. ед. ч. -i (факультативно), мн. ч. -on. В отличие от личных окончаний они могут присоединяться к любому (чаще, однако, к первому) члену предложения (а точнее – к первой синтагме), например, tььx-ьv kьjо vьd? 'где вы были?'

То обстоятельство, что эти показатели лица и числа полностью совпадают с глаголом-связкой, дает основание предположить, что в том случае, когда они сочетаются с непереходным глаголом, они являются рефлексивами соответствующих личных форм древнеиранского глагола *ah-

(также *h-, *aḥh-) 'быть'. При таком предположении древнеиранскими соответствиями для них будут следующие: 1 л. ед. ч. -ъм < *ahmi, а мн. ч. -on < *anhma (активный залог индикатива) или < *hamna (конъюнктив); 2 л. ед. ч. -ът < *hatāh (медиаьный залог конъюнктива; ср. др-инд. вторичное медиаьное окончание 2 л. ед. ч. -thās, Барроу, 1976, с. 286; для соответствия др-инд. th - ир. *t ср. вторичное медиаьное окончание 2 л. дв. ч. др-инд. -āthām, ир. *ātām, а также первичное медиаьное окончание 2 л. дв. ч. др-инд. -āthe, ир. *-ātai), а мн. ч. -ьв < *had/twam (медиаьный залог конъюнктива); 3 л. ед. ч. -и < *ahyāt (активный залог опатива), нулевой вариант < *hat, т.е. конъюнктив, акт. залог; мн. ч. -on < *hanta, т.е. конъюнктив, мед. залог, либо < *hantu, т.е. императив (ав. hantū).

При переходном глаголе употребляется тот же ряд показателей лица и числа, но их происхождение, как нам представляется, иное. Они являются рефлексамн исторических сочетаний глагола *ah-, *h- 'быть' в форме 3 л. ед. ч. одного из наклонений с соответствующим экклитическим местоимением, т.е. ед. ч. 1 л. -ъм < *ahyāt + mai, 2 л. -ът < *ahyāt + tai, 3 л. -и < *ahyāt + hi, а нулевой вариант < *hat + hi; мн. ч. -on < *ahat + nāh, 2 л. -ьв < *ahyāt + vāh, 3 л. -on *ahat +. anāiś, где anāiś твор. мн. от указательной местоименной основы *ana-.

Личные формы глагола

5.7. В ишкашимском имеются следующие глагольные формы: настояще-будущее время, повелительное наклонение, прошедшее время, перфект, плюсквамперфект, преждепрошедший перфект и прошедшее предположительное время. Из всех современных глагольных форм лишь две типологически продолжают древнеиранские. Это - форма повелительного наклонения и форма настояще-будущего времени. Остальные глагольные формы - результат позднейших разновременных образований.

Но в ишкашимском, как и в других памирских языках, сохраняются застывшие личные глагольные формы, продолжающие древнеиранские. Это - ast 'есть, имеется' (ш.-р., язг. yast, м. ast, но вах. tūy 'есть, имеется'). Ишк. ast, как и м. ast, может быть восстановлено в *astām, т.е. в форму 3 л. ед. ч. императива мед. залога от глагола *ah-'быть'. А ш.-р., язг. yast 'есть, имеется', по-видимому, следует восстановить в *hasti, т.е. форму 3 л. ед. ч. от редуцированной основы *(a)hah- 'быть' (ср. ш.-р. uax 'сестра' < *hwāhā). Такое толкование подтверждается соответствующим глаголом в н.-перс. hāst и ягн. xast 'есть, имеется'. Что же касается вах. tūy, то оно, по-видимому, из *stāyāt, т.е. формы опатива 3 л. ед. ч. акт. залога от глагола *stā- 'стоять, становиться'.

Также застывшей в ишкашимском языке, как и в других памирских языках, является соответствующая отрицательная форма, т.е. n̄st 'не име-

ется, нет' (ш.-р. *nist*, язг. *nast*, вах. *nāst*, м. *čěš*). Ишк. *nyst*, как и ш.-р. *nist*, закономерно восстанавливается в **na asti*, где **asti* - 3 л. ед. ч. индикатива от глагола **ah-* 'быть'. Вах. *nāst* и язг. *nast* < **na astām*, где **astām* - императив 3 л. ед. ч. мед. залога от того же глагола. Что касается м. *čěš* 'не имеется', то оно имеет осложненную частицу отрицания и другой вариант основы **ah-* 'быть', т.е. м. *čěš* < **nak/ča ašūāt*, где **ašūāt* оппозитив 3 л. ед. ч. акт. залога, или < **nak/ča ašti*, где **ašti* индикатив 3 л. ед. ч. акт. залога от корневой основы **aš-*, являвшейся вариантом основы **ah-* 'быть' (и.-е. *es-*, **ek/k-*, ср. связку 3 л. ед. ч. ягн. -х).

К застывшим личным формам глагола можно, по-видимому, отнести и ишк. -*ьs* 'бы', т.е. частицу, употребляющуюся при указании на сослагательность совершения действия, ср.: *bóri ag-wān-ьs zūyd!* 'хоть бы она его взяла!'. В других памирских языках ей соответствуют: вах. -*əšk// -šək*, язг. *ho*, с. -*ik*. Думается, что по аналогии с русской частицей бы (из др.-рус. аориста 2-го и 3-го л. ед. ч. от 'быть', Фасмер, 1964, с. 257) эти частицы представляют собой рефлексы формы аориста 3 л. ед. ч. мед. залога от глагола **ah-* и его вариантов **ak-* **ax-* 'быть' (и.-е. *es-*, ав. *ah-*), т.е.: ишк. -*ьs* < **āsta*, вах. -*əš-* < **ākšta*, язг. *ho* < **āxta*, с. -*ik* **āktai*.

Форма повелительного наклонения употребляется только во 2-ом лице и имеет два числа: единственное и множественное. В ед. числе форма повелительного наклонения внешне совпадает с основой настоящего времени, например: *tac!* 'уходи!'. Нулевая флексия в этой форме явилась результатом отпадения древнего безударного окончания 2 л. ед. ч. императива *-*a* (ср. ав. *bara!* 'неси!'). Во мн. числе форма повелительного наклонения совпадает с формой настоящего-будущего времени 2 л. мн. числа, например: *tac-ьv!* 'уйдите!'.
 Форма настоящего-будущего времени образуется прибавлением к основе настоящего времени безударных личных окончаний (см. выше). Приводим парадигму спряжения глагола *if-*: *ift* 'ткать, вязать' в этой форме.

Н а с т о я щ е - б у д у щ е е в р е м я

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>if-ьm</i>	<i>if-on</i>
2 л.	<i>if-i</i>	<i>if-ьv</i>
3 л.	<i>if-u</i>	<i>if-on</i>

Форма настоящего-будущего времени употребляется для выражения всякого непрощедшего действия, например: *səz-bo tь xi šoval na-káe?* 'что же ты не смотришь, куда идешь?'; *saar azí tar rayon šьm* 'завтра я поеду в районный центр'; *fygmaу xi kuč, dəgar kádak ísu, ráсу* 'вели своей жене, пусть в другой раз она сама приходит и печет'.

Как уже отмечалось выше, базой для образования всех простых глагольных форм, выражающих не-настоящее время, является основа прошед-

шего времени, развившаяся из древнеиранского причастия прошедшего времени (подробнее см. "Основы"). Путем сочетания основы прошедшего времени с подвижными показателями лица и числа образуется глагольная форма прошедшего времени. Приводим парадигму спряжения глагола *if-*: *ift* 'ткать, вязать'.

П р о ш е д ш е е в р е м я

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>azí-m ift</i>	<i>máx-on ift</i>
2 л.	<i>tá-t ift</i>	<i>támáx-áv ift</i>
3 л.	<i>aw(-i) ift</i>	<i>awónd(on/v)-on ift</i>

Примеры во фразе: *far Qoqdášt-on it* 'они дошли до Кокдашт'; *úk milúk máb-bo dātor déd-št mábáv bylgond šyrošt* 'один человек повстречался нам и вернул нас назад'.

Говоря о форме прошедшего времени, следует отметить одну ее особенность. При этой форме в качестве частицы отрицания используется частица *nšt-*, а не частица *na-*, употребляющаяся при всех остальных глагольных формах, например: *áz-ým nšt - túd* 'я не уходил' (ср. *azí ná-tasým* 'я не уйду'). Частица *nšt-* может быть восстановлена в **nasta* или **nīsta*. Для первого варианта ср. и.-э. *ne-k^he*, *ne-ke*, др.-инд. *nasa* 'и не' плюс наращение в виде *-t-*. Для второго варианта ср.: 1) и.-э. *nei-k^ho-*, **nei-ko-* в гот. *nih*, нем. *nicht* 'не'; 2) др.-инд. *néd*, ав. *naēd/ōā* '(и) не' плюс наращение в виде *-t-*.

Исторически производной от основы прошедшего времени является причастная форма на *-u/úk*, которая в настоящее время почти не употребляется как причастие, а служит базой для образования формы перфекта. Эта форма образуется сочетанием причастия на *-u/úk* (или перфектной основы) с подвижными показателями лица и числа. Приводим парадигму спряжения того же глагола *if-*: *ift* 'ткать'.

П е р ф е к т

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>azí-m iftuk</i>	<i>máx-on iftuk</i>
2 л.	<i>tá-t iftuk</i>	<i>támáx-áv iftuk</i>
3 л.	<i>awí(-i) iftuk</i>	<i>awónd(on/v)-on iftuk</i>

Эта форма употребляется для выражения наличного результата прошедшего действия, при передаче информации с чужих слов, при логическом выводе. Примеры: *ak-dúnd gušt Payruza ástuduk* 'вот столько мяса прислала Пайруза'; *yázon za fri dekkon vādúk* 'говорят, что он был хорошим дехканином'; *alba weron švādúk* 'наверное, (замок) сломался'.

Форма плюсквамперфекта образуется сочетанием основы перфекта на *-u/úk* с вспомогательным глаголом *vup-*: *vád* 'быть' в форме прошедшего времени. Парадигма спряжения глагола *if-*: *ift* 'ткать'.

П л ю с к в а м п е р ф е к т

Ед. ч.	Мн. ч.
1 л. azí-m iftuk v̄d	m̄x-on iftuk v̄d
2 л. t̄b-t iftuk v̄d	t̄m̄x-ɣv iftuk v̄d
3 л. awí(-i) iftuk v̄d	awónd(on/v)-on iftuk v̄d

Эта глагольная форма употребляется для выражения давнопрошедшего действия или действия, совершившегося ранее какого-то другого действия, например: náwúk ref v̄stúk v̄d-ɣm, só-t-ɣs wan ná-ávir̄m '(как-то давно еще) я связала новый веник, а сейчас не нахожу его'; ak-má d̄g-ɣt Jawor̄iyot se oyadúk v̄d, dáyu xi bibí-bo 'тот жемчуг и драгоценности, которые он (раньше) принес, он отдает своей бабушке'.

Кроме этих глагольных форм в ишкашимском имеются еще две сложные глагольные формы; преждепрошедший перфект и форма прошедшего предположительного времени. Первая форма образуется сочетанием причастия на -u/úk (или основы перфекта) смыслового глагола с вспомогательным глаголом vun-: v̄d'быть' в форме перфекта. Эта форма употребляется сравнительно редко. Приводим парадигму спряжения того же глагола в этой форме.

П р е ж д е п р о ш е д ш и й п е р ф е к т

Ед. ч.	Мн. ч.
1 л. azí-m iftuk v̄dúk	m̄x-on iftuk v̄dúk
2 л. t̄b-t iftuk v̄dúk	t̄m̄x-ɣv iftuk v̄dúk
3 л. awí(-i) iftuk v̄dúk	awónd(on/v)-on iftuk v̄dúk

Форма прошедшего предположительного времени образуется сочетанием причастия на -u/úk (или основы перфекта) смыслового глагола с вспомогательным глаголом vun-: v̄d 'быть' в форме настоящего-будущего времени. Парадигма спряжения:

П р о ш е д ш е е п р е д п о л о ж и т е л ь н о е в р е м я

Ед. ч.	Мн. ч.
1 л. azí iftúk vún̄m	m̄x iftúk vún̄on
2 л. t̄b iftúk vúni	t̄m̄x iftúk vún̄v
3 л. awí iftúk vúni	awónd(on/v) iftuk vún̄on

Эта глагольная форма употребляется при выражении предположения, возможности, условного допущения, например: awí por̄zd alba ɣ̄dúk vúni 'он, наверное, вчера уехал'; t̄rb̄b̄ na-ɣ̄dúk vúni, íz̄m̄m, t̄b̄ xar! 'если он (т.е. суп) не прокис, я принесу, ты поешь!'

Приведенные выше сложные глагольные формы являются сравнительно поздними образованиями.

5.8. Модально-видо-временная система ишкашимского языка, как и всех памирских языков, претерпела довольно значительные изменения

сравнительно с древнеиранской. Если древнеиранская глагольная основа несла на себе видовую, модальную и залоговую нагрузку, а личные окончания – временную, видовую, модальную и залоговую, то для ишканимской основы и личных показателей характерен прежде всего временной план. В модальном и видовом отношениях и основа, и личные показатели нейтральны. Исключение составляет нулевая флексия 2-го л. ед. ч. при основе настоящего времени, которая указывает на повелительное наклонение.

В некотором уточнении нуждается характеристика перфектного причастия (или перфектной основы). Образованная на базе основы прошедшего времени, перфектная основа противопоставляется ей скорее в определенном видовом плане, чем во временном: она выражает настоящий результат действия, имевшего место в прошлом. Это значение особенно характерно для форм перфекта и преждепрошедшего перфекта, которые кстати также противопоставляются друг другу во временном аспекте. В глагольной же форме плюсквамперфекта, куда в качестве главного компонента также входит перфектная основа, видовой аспект этой основы несколько размыт. Форма плюсквамперфекта противопоставляется форме прошедшего времени только во временном аспекте, в модальном и видовом отношениях она нейтральна.

Многоаспектный характер перфектной основы сказывается и в другой глагольной форме, куда входит в качестве главного компонента эта основа, – в глагольной форме, выражающей предположительный результат в настоящем времени действия, имевшего место в прошлом. Эта форма не совсем точно называется формой прошедшего предположительного времени. В этом случае к видо-временной характеристике перфектной основы добавляется модальная (примеры см. выше).

Таким образом, вторичная по образованию перфектная основа явилась базой для образования ряда форм: простой (перфекта) и сложных (плюсквамперфекта, прошедшего предположительного времени и преждепрошедшего перфекта). Благодаря этим формам оказалось возможным выражение в языке тех или иных не только временных, но и модально-видовых оттенков. Таковы в общем модально-видо-временные отношения в глагольной системе ишканимского языка.

5.9. Какой-либо залоговой оппозиции системного характера в ишканимском глаголе нет. Но существуют некоторые виды залогового противопоставления на уровне основ отдельных групп глаголов. Одна из этих групп глаголов, точнее основ настоящего времени этой группы глаголов, отражает один из видов древнеиранской залоговой оппозиции, а именно: активность, переходность – медиальность, непереходность. Эта залоговая оппозиция выражается не только в противопоставлении значений глагола, но и в чередовании гласного основы: *siw-* 'жечь' < **ṣawai-* - *saw-* 'гореть' < **ṣawā-* (ср. и. -е. *dāu-* 'гореть'); *urimb-* 'останавливать' < **awa-rambāi-* - *urofs-* 'стоять' < **awa-rapra-*

(ав. *gam-* 'быть в покое'); *ximb-* 'спускаться' < **xambai-* - *xafa-* 'спускаться' < **xarṣā-*; *arṇis-* 'терять' < **ura-nasai-* - *ariy-* 'теряться, исчезать' < **ura-nasya-* (ав. *nas-* 'пропадать'), *kas-* 'смотреть' < **kaṣā-* - *ṣiy-* 'смотреться, казаться' < **kaṣya-* (ав. *kas-* 'смотреть'); *kaṣ-* 'тащить' < **x/karṣā-* - *kreṣ-* 'тащиться' < **karṣya-* (ав. *karṣ-* 'тащить'). Но таких пар глагольных основ нами больше не засвидетельствовано. Только на основании значения основы, связанного с переходностью - непереходностью, сюда можно отнести следующие внепарные глаголы:

Переходные	Непереходные
<i>kan-</i> 'копать' < * <i>kaṇā-</i> ;	<i>tas-</i> 'уходить' < * <i>taṣā-</i> ;
<i>n̄var-</i> 'выносить' < * <i>niṣ- barā-</i> ;	<i>kaf-</i> 'трескаться' < * <i>kaṣā-</i> ;
<i>vond-</i> 'связывать' < * <i>banda-</i> ;	<i>atiy-</i> 'входить' < * <i>a-taṣya-</i> ;
<i>if-</i> 'ткать' < * <i>ufai-</i> ;	<i>ambid-</i> 'рушиться' < * <i>ham-pat/dya-</i> ;
<i>dir-</i> 'иметь' * <i>darai-</i>	<i>nid-</i> 'сидеть' < * <i>ni-hadya-</i> ;
и др.	<i>m̄r-</i> 'умирать' < * <i>m̄r̄ya-</i>
	и др.

Основы *ras-* 'варить(ся)' *z̄nau-* 'мыть(ся)', *m̄rs-* 'одевать(ся)' и некоторые др. совмещают в себе переходное и непереходное значения.

Одним из современных средств выражения переходности - непереходности в языке является лексический способ, ср. например: *miṣ-* 'спать' - *ṣ̄niv-* 'усыплять, укладывать спать'; *van-* 'подниматься' - *uṣ k̄niṣk* 'поднимать'; *ḥ̄x̄-* 'проходить' - *ḥ̄ḡzar̄on-* 'проводить'; *uniṣ-* 'возвращаться' - *ḥ̄l̄gon-* 'возвращать'; *ṣ̄tiw-* 'мерзнуть' - *yaḥ k̄niṣk* 'морозить' и т.д.

Другая группа глагольных основ выражает сравнительно новый вид залогового противопоставления, а именно: побудительность - непобудительность. Этот вид залоговой оппозиции выражается не только в противопоставлении значения глагола по линии побудительность - непобудительность, но и в осложнении побудительной основы префиксом *ḥ̄-* и суффиксом *-on* (к тому же иногда возможно чередование корневого гласного). Примеры: *fam-* 'понимать' - *ḥ̄ḥ̄fam̄on-* 'втолковывать'; *har-* 'кушать' - *ḥ̄x̄ar̄on-* 'кормить'; *kaṣ-* 'тащить' - *ḥ̄kaṣ̄on-* 'заставлять тащить'; *nid-* 'сидеть' - *ḥ̄ḥ̄n̄on-* 'сажать'; *kond-* 'смеяться' - *ḥ̄x̄andon-* 'смешить' и др.

Следует, однако, заметить что побудительные основы возможно являются заимствованными из персидско-таджикского, ср. н.-перс. *fāhmidān* 'понимать' - *fāhmandān* 'втолковывать'.

Залоговая оппозиция, связанная с переходностью - непереходностью глагольной основы, в причастии прошедшего времени (см. дальше) переходит в оппозицию "действительный залог - страдательный залог", ср., например: *ṣ̄d̄uki* 'сгоревший' (от глагола *saw-* : *ṣ̄d̄* 'гореть') - *siwduki* 'сожженный' (от глагола *siw-* : *siwd* 'сжигать'); *areduki* 'по-

терявшийся' (от глагола ariy-: arēd 'теряться') - arnituki 'утерянный' (от глагола arnis-: arnit 'терять').

5.10. Заканчивая изложение относительно личных форм глагола, следует еще раз подчеркнуть, что наряду с большим количеством новообразований глагольная система ишкашимского языка сохраняет и следы прошлого. Это проявляется в следующем: 1) сохраняются застывшие глагольные формы; 2) основы настоящего времени благодаря умлауту сохранили рефлексy всех трех древнеиранских наклонений от различного типа исторических основ презенса; 3) основы прошедшего времени, продолжающие древнеиранские причастия прошедшего времени, сохранили следы рода, числа, а в каких-то случаях - и падежа; 4) среди личных окончаний сохранились рефлексy как исторических первичных окончаний, так и вторичных, как активного залога, так и медиального, причем различных наклонений; 5) подвижные показатели лица и числа при непереходном глаголе, представляющие собой рефлексy личных форм глагола *ah-, *h-, *ah- 'быть' в форме презенса, также сохраняют следы различных наклонений и залогов.

Неличные формы глагола

И н ф и н и т и в

5.11. Ишкашимский инфинитив представляет собой отглагольное имя действия. Он образуется прибавлением к основе настоящего времени суффикса -uk (после корневых гласных верхнего подъема i, u) или -ūk (после корневых гласных неверхнего подъема) < *aka-, например: ziduk 'проливать', tuluk 'брызгать', wenūk 'видеть', yaŷūk 'говорить', goxūk 'делать', mǝgūk 'умирать'. Образование это сравнительно новое, во всяком случае оно не имеет параллелей на древнеиранской почве. Но такого рода инфинитив имеет соответствия в других памирских языках, ср. вах. ser-ak, язг. kun-aŷ // k^oen-aŷ при ишк. kǝn-ūk 'делать'. Инфинитив с суффиксом -k зафиксирован и в некоторых других иранских языках, ср. ягн. vu-ak 'быть' (ср. ишк. vuc-uk- 'быть'), пашай kar-ŷk 'делать', ормури par-gūny-ek 'покрывать'.

Как отглагольное имя, инфинитив может употребляться с предлогом, послелогом, быть определением и определяемым, т.е. выступать в любой именной функции. Примеры: tǝmǝx kozo rogza ŷūk fay qin 'отстирать вашу грязную одежду очень трудно'; awī goŷa daŷūk fri dūldūk 'он любил угощать лепешками'; aŷdōr-nou ŷanūk 'убийство дракона' (фолькл.); bylavūk-nou ŷoval 'путь к образованию'; am mend paradayūk-bo 'эти яблоки (предназначены) для продажи'.

Зафиксировано употребление инфинитива в особой инфинитивной конструкции, служащей для выражения намерения, необходимости, возможности, начинательности. Примеры: aŷi rayon ŷūk-bo-m 'я собираюсь ехать в район'; am dur fay rost, ŷang kǝnūk-bo 'этот серп очень прямой,

(его) надо загнать'; мѣх-он къ хагѣк-он ѣд 'мы принялись есть';
piyoda ѣк на-ѣ 'идти пешком (туда) невозможно'.

П р и ч а с т и е

5.12. В ишкашимском имеются два причастия: причастие настоящего времени или имя действующего лица и причастие прошедшего времени. Первое образуется от инфинитива прибавлением суффикса *-kъz*, например: *deŭ(k)-kъz* 'доющая, доярка', *ъzinu(k)-kъz* 'знающий, знаток'. Элемент *-kъz* может быть восстановлен в **kъza-*, что представляет собой причастие настоящего времени от корня **kъz-*, **kъs-* 'мочь' (ср. и.-э. *kak-*, **kak-*, **kag(h)-* 'мочь, быть способным', др.-инд. *śākā-* 'могущий, способный на что-либо', ав. *saŕaiti* 'знает толк в ...', ср. ос. *aqaz* 'помощь'). Таким образом, первоначально причастия этого типа означали 'способный, могущий что-либо (с)делать', т.е., например, *deŭ(k)-kъz* 'могущая доить, доярка'.

Причастие этого типа имеется также в ваханском, сарыкольском и остаточном в шугнанском языке, ср., например: вах. *diŕa(k)-kъzg* 'знающий, знаток', *ŕisn-kъzg* 'дойрка'; с. *wazond-(i)ŕiz*, ш. *wizn-ŕiz* 'знающий, знаток'.

Причастие прошедшего времени образуется прибавлением к перфектной основе, исторически также являющейся причастием на **-aka-*, суффикса *-i*. Залоговая дифференциация причастия зависит от переходности — непереходности глагольной основы: от основы переходного глагола, как правило, образуется причастие страдательного залога, от основы непереходного глагола — причастие действительного залога. Примеры: *siwduki* 'сожженный' — *sŕdŭki* 'сгоревший', *arnituki* 'утерянный' — *aredŭki* 'утерявшийся, исчезнувший', *urivduki* 'оставленный, остановленный' — *urovdŭki* 'стоявший, остановившийся', *vъrtŭki* 'разбитый', *nviŕtuki* 'написанный', *tŭdŭki* 'умерший', *ambistuki* 'разрушившийся' и др.

Причастия, образованные от основ, совмещающих в себе переходность и непереходность, не имеют залоговой дифференциации, например: *ъx(t)ŭki* 'сваренный, испеченный и сварившийся, испекшийся'; *ъnuduki* 'умтый', 'выстиранный' и 'умывшийся'; *ъdituki* 'зажженный' и 'загоревшийся'.

Во фразе причастие прошедшего времени может выступать в функции подлежащего, определения, сказуемого. Примеры: *мъ nviŕtuki kъŕjo?* 'где написанное мною?'; *мъm-во ръ vъrtŭki ŕini ŕoy day!* 'мне в надобную пшалу налея чаю!'; *мъ ŕavi ъnuduki* 'мое платье выстирано'.

Ишкашимский суффикс причастия прошедшего времени *-i* соответствует ш. *-in*, р.б. *-in*, с. *-enj*, язг. *-in*, ср., например, ишк. *nviŕtuki*, ш. *niviŕcin*, р.б. *niviŕcin*, с. *niviŕcenj*, язг. *nevêŕtagin* 'написанный'. Исторически этот суффикс отражает древнеиранский суффикс прилагательного **-aina/i-* или **-anuŕ-* (ср. ав. *zarapaŕna-*, *zarapaŕna-*, а также *zaranyŕ-* 'золотой', н.-перс. *zarin*).

МУНДЖАНСКИЙ ЯЗЫК

Имя существительное

Основы

I.O. С синхронной точки зрения основы имен существительных можно разделить на неосложненные основы и основы, имеющие аффиксальный элемент. Неосложненные основы всегда являются основами муж. рода, например: *pur* 'сын', *kor* 'рыба', *nah* 'пол'. Сюда же будут относиться и префиксальные основы с исходом на согласный: *ru-sar* 'голова'. Из суффиксальных элементов в языке представлены: 1) -а ж.р., -о (в. -ã) м.р., например: *čana* 'козочка' (ср. *čan* 'козленок'), *nawesa* 'внучка' (ср. *nawes* 'внук'), *uowa* 'корова', *kuwo*, *kyo* 'бык', *ro(n)da* 'путь, дорога', *miro* 'солнце'; 2) -ү (в. -g), -yo (в. -gã) м.р., -ya (в. -ga) ж.р. (после исхода на глухой согласный чаще -k, -ko м.р., -ka ж.р.), например: *poru* м.р., *roya* ж.р. 'мышь', *vizu* (в. *vuzg*) 'предплечье', *miyu* 'моча', *soya* 'тень', *rytk* 'кисть, бахрома', *čitko* 'ситец', *ryška* 'кошка', *raška* 'блюдо', *fyška* 'нос'; 3) -ey // -i м.р., -(e)ya // -iya ж.р. (йидга -(e)ya м.р.), например: *werey* 'ягненок', *wer(e)ya* 'ярка', *wafšiya* (йидга *wofšyo*) 'пчела, оса', *yásteu* 'кость', *káfšiya* 'ложка'; 4) -iyu (в. -igã), -oyu м.р., -ika ж.р. - словообразующие суффиксы, в том числе уменьшительные, например: *zəngiyu* (в. *zuŋigã*) 'мальчик, юноша', *zərika* 'старуха, старушка', *ralika* 'ножка', *yowika* 'тина' (ср. ишк. *yob*, вах. *yop* 'тина').

Нередки случаи, когда именная основа имеет несколько суффиксальных наращений, например: *zəp-g-iyu* 'мальчик, юноша', *kəp-k-ik-a* // *kəp-t-ik-a* 'девочка, девушка'.

Приведенные выше аффиксальные элементы - сравнительно позднего происхождения.

Если взять мунджанские именные основы без этих аффиксальных элементов, то они с исторической точки зрения в структурном отношении

могут быть разделены на: а) неосложненные именные основы, продолжающие ту или иную историческую именную основу, например, *pawes* 'внук' < **naṛāṽ/ṣya-*, **naṛāṽ/si-* (др.-ир. **naṛāt/ṽ-* ав. *naṛāt-*); б) основы с суффиксальным наращением, которое в настоящее время уже не осмысливается как таковое, например: *por-γ* 'мышь' < **pura-+-ka-* (ср. и.-е. *rbi-*, *rbi-ro-* 'маленькое животное', вах. *pyrk*, ишк. *pūrk*, ш. *pūrg*, язг. *purg* 'мышь'); в) именные основы с неосмысливающимся в настоящее время префиксальным наращением, например, *á-dərgəy* 'ремень'; тяз, соединяющий две части кушка' < **ha(m)-darga-* + суф. (и.-е. *dher-*, *dheregh-*, *dhereǵh-* 'держатъ, скреплять', лит. *difžas* 'ремень', ав. *darez-* 'крепко связывать', *drezra-* 'крепкий', *draǵ-* 'держатъ', *draǵjaṇhe* 'скреплять'); г) именные основы, представляющие собой исторически редуцированную основу, например: *žəyu/ɣrg/γ* 'зоб (нарост на шее)' < **gr-g/γara-* + суф. или **gr-g/γarg/γa-* (ср. и.-е. *gel-* в др.-инд. *gulmá-* 'нарост'); д) именные основы, представляющие собой исторически сложное слово, напр., *fəra-γom-əy* 'козленок' (исторически - 'новорожденный') < **farwa-g/γama-+-aka-* (и.-е. *prō-ḡo-*, др.-перс. *paṛuwa-*, ав. *paucva-* 'первый' и и.-е. *gʷem-* 'появляться на свет, производить на свет, рождать', алб. *pre-gjim* 'праздник по случаю первородства', ав. *ni-jāma-* '(ново)рожденный', вах. *ny-ḡum* 'годовалая овца').

I.I. Анализ неосложненной части мунджанских именных основ с точки зрения умлаута дает возможность соотнести каждую из них с определенным типом исторической основы, т.е. с основой на *-а- (или *-ā + согласный"), с основой на *-ī-, *-yā- (или *-ī- // -yā- + согласный"), с основами на *-а-, *-u- (или *-a/u- + согласный"). Примеры.

1) Мунджанские именные основы - рефлексy древнеиранских основ на *-ā- (или *-ā- + согласный"): *xar-a* 'осел, ослица' < **xarā-* + суф. (ав. *xarā-*); *šan* 'козленок' < **kanā-* (и.-е. *ken-* 'молодое животное', др.-инд. *kaṇīna-* 'молодой'); *yaw* 'зерно, хлеб' < **yawā-* (ср. йидга *yow* < **yawa-*; ав. *yavā-*); *yast-əy* 'кость' < **astā-* + суф. (ав. *astay-*, *ast-*); *káf-č-iyā* 'ложка' < **kap/fā+-kā-* + суф. (ср. и.-е. *kap-* 'обратъ, хватать', ишк. *kofč*, ш. *čib* 'ложка'); *naχ* 'пол' < **naχā-* (и.-е. *onogh-*, **onokh-* в др.-инд. *áṅhri-* 'нога', рус. нога, ш. *nēx*, с. *nox* 'глинобитное возвышение над полом, где спят'; для семантического развития ср. и.-е. *pēd-* 'нога' и рус. под 'дно печи'); *vəzn-əy* 'подушка, изголовье' < **brznā-* + суф. (и.-е. *bhelǵh-* в ав. *barəziš-* 'подушка'); *pañ-g-iyā* 'пятка' < **pāñnā-* (др.-инд. *pāñni-*, ав. *pāñna-*) или < **pañ(t)ā-kā-* + суф. (ср. и.-е. (в)pen-(d) в др.-прусс. *rentis* 'пятка', рус. *пята, пятка*); *wáfš-iyā* 'пчела, оса' < **wap/fšā-* + суф. (и.-е. *ḡobhsā-* 'оса', ав. *vāvžaka-* 'скорпион', бел. *gwabz* 'пчела, оса', ш. *wērc* 'моль'); *xāw-a* 'ночь' < **xwārā-* + суф. (ав. *xšar-*, *xšaran-* 'ночь'); *kál-əy* 'сажа' либо из < **kada-* + суф. (и.-е. *ked-* 'коптить, дымить', рус. *чад*, ш. *čidir* 'сажа'), либо из **kāīā-* + суф. (и.-е. *kel-* в др.-инд. *kāluṣa-* 'черный, грязный');

raf-ika 'веник, метла' < *rūfā- + суф. (и.-е. reu- в ш. rūb- 'мести', ишк. ref, ягн. rubč, язг. rafc, б. rafc 'метла'); yaḡo 'мост' < *hait(w)ā + суф. (ав. haṣtu-).

2) Мунджанские именные основы - рефлексy древнеиранских основ на *-ī-, *yā- и т.п.: žin-qa 'женщина' < *janī- (др.-инд. janī-, ав. jainī-); nawes 'внук' < *narāw/ai-, *narāw/ya- (ав. narāt-); mer 'мужчина' < *marya- (и.-е. merio-, др.-инд. marya-); nif 'пуп(ок)' < *nafuā-, в. nuf < *nafa-, (др.-инд. nabhya-); yiž 'змея' < *ažī- (ав. ažay-); vūz-a 'коза' < *būzī-, в. vyz-a < *būza- (ав. būza-); fiz 'грудь животного' < *fazyā- (ср. и.-е. *rōgīo-, rōg- в лат. rectus 'грудь', др.-инд. rakša- 'плечо'); wel-a 'оросительный канал' < *wādi- + суф. (ав. vaiđi-, ш. wēđ, язг. wāđ, вах. wōd/ō); kьrm 'червь' < *kṛmi- (др.-инд. kṛmi-); yin-a 'кровь' < *wahunī- (ав. vahuni-); zьni-ya 'невестка, сноха' < *wipūā- + суф. или < *wipūī- + суф. (и.-е. wipwōs, др.-инд. wipūā- 'невестка', алб. wuse из *wipwōs 'невестка'); šiz 'орел' < *šūjī- (и.-е. k/keu- в др.-инд. śūka- 'попугай', ишк. šūž 'орел'); pur 'сын' < *puw/hri- (ав. puwra-); miḡ 'облако' < *maiḡī- (ср. м. meḡ 'облако' < *maiḡa-; ав. maḡya-); ji-ika 'тетива' < *jiyā- + суф. (и.-е. g^hī-, ав. jya-); x̄il- в x̄ilena 'свирель, флейта' < *k̄wailī- (и.-е. wuei- 'свистеть', др.-инд. k̄wēdati 'гудит', н.-перс. siflīdān 'свистеть', ш. xiḡilān 'свирель', бадж. xiḡēlak 'свист', язг. x̄^oilān 'свирель') + суф. причастия наст. вр. *-en + суф. жен. рода.

3) Мунджанские именные основы - рефлексy древнеиранских основ на *-a, *-u и т.п.: vrbu 'брат' < *brātar- (ав. brātar-); yow-a 'корова, бык' < *g^hyawa- + суф. (ав. gav-); čom 'глаз' < *čašman- (ср. йидга čam 'глаз' < *čašmā-; ав. čašman-); yowp 'лошадь' < *aswa- (др.-инд. áswa-, ав. aspa-); šol-a 'загон для скота' < *kšada- + суф. (и.-е. sed-, *kšed- в ав. rasuš-hasta- 'загон для ягнят'); kop 'рыба' < *kapa-, йидга kap 'рыба' < *kapā- (и.-е. kōp(h)elo- в 'вид карпа', др.-инд. śarṇaga-, пуш. кар, ос. kāf 'рыба', ср. Абаев, 1958, с: 575); kos-k 'ячмень' < *kasa-+ka- (и.-е. kēko-, *kēko- 'зеленый корм', др.-инд. śāka- 'съедобный злак', язг. kusč, ш. čūšč 'ячмень'); lom-a 'деревня, селение' либо из *lāma- + суф. (ср. и.-е. lāmā в болг. lam 'нора, лачуга'), либо из *dāma- (ср. и.-е. domo-, ав. dešāna- 'дом'); woi-ga 'вид шерстяной одежды' < *w^hlma- + суф. (ср. и.-е. ul-pā-, др.-инд. ūṛpa-, ав. varēpā- 'шерсть'); skun 'щенок' < *skana- (и.-е. (s)ken- 'молодое животное', вах. sken, ишк. skьn-ūk, язг. sek^oon 'щенок'); yur 'огонь' < *y^hhra- (ав. ātar-, āyra- 'огонь'); yustr-ika 'кушак, пояс' < *yāstra- + суф. (и.-е. iḡs- в ав. yāh- 'пояс'); wьru 'волк' < *wṛka- (др.-инд. vṛka-); meḡ 'облако' < *maig^hya-, ср. м. miḡ 'облако' < *maig^hyī- (ав. maḡya-); lьm 'хвост' < *duma-, ср. lum, lim то же < *dumī- (ав. duma-).

Как можно видеть из приведенных примеров, ряд именных основ, имеющих одно и то же значение, могут различаться корневым гласным. Это указывает на то, что эти основы продолжают различные древнеиранские основы от одного и того же корня, т.е. например, *l̥m, lum, lim* 'хвост' соответственно продолжают **duma-*, **dumī-* (ав. *duma-*); или *rāla* 'нога' < **rādā-* + суф., но *-pil* в *xul-pil* 'босой' < **rāduā-*, а *-pul* в *xul-pul* 'босой' < **rāda-* (ав. *rād-*, *rāda-*, *raīduā-*).

1.2. Как уже упоминалось выше, в мунджанском имеются также именные основы, продолжающие исторические редуцированные основы или сложные слова. Примеры.

1) Мунджанские именные основы - рефлексy древнеиранских редуцированных основ: *vízv̥rgy-a* 'береза' < **b/vrgī-*+*b/vrgy-* + суф. (и.-э. *bherég-*, *bhrég-*, *bhelg-* 'блестеть, сверкать, белый', др.-инд. *bhūrjā-* 'вид березы', ш. *v̥yuzn*, ишк. *вьгъž, вах. f̥rgz* 'береза'); *bamb̥er* 'оса' < **bambaryā-* (и.-э. *bher-* в др.-инд. *bambhara-* 'пчела', редупликация к и.-э. *bher-*); *ráxzah-a* 'палочка, регулирующая падение зерна в отверстие жернова' < **raxā-* + *raxā-* + суф. (и.-э. *rek-* 'палка, шест').

2) Мунджанские именные основы - рефлексy исторических композитов: *vā-berna* 'с непокрытой головой' < **varā-*+*brahnyā-* (и.-э. *ker-*, ав. *varah-* 'голова' и и.-э. *bhles-* 'блестеть' в ср.-в.-н. *blas* 'голый, лысый', ср. ишк. *ro-brona* 'босой', н.-перс. *bārāhnā* 'голый, нагой, обнаженный'); *xul-pil* 'босой' < **xal/rwa-* + *rāduā-* (ср. и.-э. *galuo-s, keleuo-* 'голый, нагой', н.-перс. *kāl*, ш. *kīl* 'лысый' и и.-э. *rād-*, ав. *rād-* 'нога'); *m̥l̥m-šiy-a* 'мизинец' < **m̥l̥/raina-* + *kag/yūā-* (и.-э. *m(e)lei-*, *m̥l̥-* по- 'мелкий, малвнький' и и.-э. *keg-* в н.-перс. *šāng* 'коготь, лапа, кисть руки'); *rom-wary-a* 'отводная борозда на нижнем крае поля' < **rapa-* + *warkā-* + суф. (и.-э. *rep-* 'вода' и и.-э. *celk-* 'тащить, тянуть' в греч. *ὠλαξ* 'борозда', ав. *varək-* 'тащить'); *xer-wag-a* 'мельничный жернов' < **xaryā-* + *sa(n)gā-* (и.-э. *ker-*, **ker-* в др.инд. *śr̥nāti* 'размалывает, раздробляет' и ав. *awēnga-* 'камень').

В языке имеются и такие композиты, составные части которых в настоящее время более или менее осмысляются, например: *sp̥i-wuñ* 'солома' (букв. 'белое сено'), *ru-mola* 'полотенце' (букв. 'вытирающее лицо'), *rag̥e-yastī* 'цвета слоновой кости' и др.

Род

1.3. Мунджанскому имени существительному свойственна грамматическая категория рода. На синхронном уровне это выражается следующим образом. Все имена существительные с исходом на согласный, с исходом на *-o* (в том числе в составе суффиксов *-ko*, *-g/yō* и др.), а также с исходом на *-ey* // *-i* являются именами муж. рода, например: *m̥er* 'мужчина', *v̥igo* 'груз, поклажа', *yayō* 'мост', *zēñgiyō* 'мальчик, юноша',

šitko 'ситец', kaleu 'сажа'. Все имена существительные с исходом на -а (в том числе в составе суффиксов -ка, -уа и др.) являются именами жен. рода, например: worfa 'снег', šьуа 'самка', fьska 'нос', zarika 'старуха', kaščiуа 'ложка', соуа 'тень'.

В языке отмечено несколько родовых пар: pawes 'внук' - pawesa 'внучка', vгeгeу // vгeгi 'племянник' - vгeгiуа 'племянница', weгeу 'ягненок' - weг(e)уа 'ярка', šan 'козленок' - šana 'козочка', meу 'архар' - meуа 'самка архара', meškauеу 'теленок' - meškauуа 'талка' и др.

Современное проявление грамматического рода не всегда соответствует историческому. Например, современное уоуа 'корова' является именем жен. рода, а исторически эта именная основа является рефлексом древнеиранской основы на *-а, т.е. основы среднего рода. И наоборот, слово уaw 'зерно, злак' в современном языке является именем муж. рода, а исторически эта именная основа отражает древнеиранскую именную основу на *-ā, т.е. основу жен. рода. Но в некоторых словах синхронное и историческое проявление грамматического рода совпало, например: šan-а 'козочка' < *kanā- + суф. (и.-е. ken- 'молодое животное'); хаг-а 'ослица' < *хагā- + суф. (ав. хагā-); хšaw-а 'ночь' < *кšарā- + суф. (ав. хšар- ж.р., хšаран- ср. р.); meг 'мужчина' < *maгуа- (др.-инд. māгуа-); уiž м.р. 'змея' < *aži- (ав. ažau- м.р.); коск м.р. 'ячмень' < *kasa-+-ка- (и.-е. kēko-, *kēko- 'зеленый корм', др.-инд. śāka-м./ср. р. 'съедобный злак'); уur м.р. 'огонь' < *āv/hra- (ав. ātar-, āvra- м.р.) и др.

Ряд мунджанских именных основ, обозначающих животных, с исторической точки зрения совмещают в себе родовую принадлежность, например: хон м.р. 'ворон, ворона' < *хгna- м./ср. р. (и.-е. ker- в др.-инд. karata- 'ворона', с. хurn, ос. хalon 'ворона'); уolv м.р. 'собака, пес' < *g/yal/rba-м./ср.р. (и.-е. g^uelbn- 'молодое животное', ав. gerebuš ср.р. 'молодое животное', с. уerv 'козленок', язг. у^oerfeg 'козленок, козочка'); biw м.р. 'сова, филин' < *bawuš- м./ср., ж.р. (и.-е. beu- в н.-перс. būm 'сова'); также при современном жен. роде в vьz-а 'коза', vьz-о 'козел', где vьz- < *būza- м./ср.р. (ав. būza-).

Историческая родовая принадлежность мунджанской именной основы может быть определена по корневому гласному, причем в той степени, в какой может быть установлена историческая основа, рефлексом которой является данная мунджанская именная основа. Так, корневой гласный а современной основы, представленный на месте любого исторического гласного, отражает позицию ā-умлаута, а значит основа с этим гласным представляет собой рефлекс древнеиранской основы на *-ā, т.е. основу жен. рода, например: уaw 'зерно, хлеб' < *уawā- (ав. yawa-); уауо 'мост' < *haitwā- + суф. (ав. haētū-, ишк. yat-ik); pala 'нога' < *pādā- + суф. (ав. pād-, pāda-); kaleу 'сажа' < *kadā- + суф. (и.-е. ked- 'коптить, дымить', рус. чад, ш. šidīr 'сажа'); rafika 'мет-

ла, веник' < *rūfā- + суф. (и.-е. reu-b- в ш. rūb- 'мести', ишк. ref 'метла, веник').

Корневые гласные о, у, ь, представленные на месте ир. *ā, *ǣ, отражают позицию а/у-умлаута, а значит основы с этими корневыми гласными являются рефлексам древнеиранских основ на *-a/u-, т.е. основами муж./ср. рода, например: уовр 'лошадь' < *aśwa- (ав. aspa-, ср. йидга uasr < *aśwā-); čom 'глаз' < *čašman- (ав. čašman- ср. р., ср. йидга čam < *čašmā-); worf- 'снег' < *wafra- + суф. (н.-перс. barf); pur 'сын' < *puw/hri- (ав. puwra-). О других типах фонетического соотношения корневого гласного и исторической основы см. в разделе "Основы".

Число

I.4. В мунджанском различаются два числа: единственное и множественное. Форма ед. числа совпадает с основой; rála 'нога', vroу 'брат', yówa 'корова'. Форма мн. числа прямого падежа образуется прибавлением суффикса -i, причем у существительных жен. рода конечный -a опускается; может опускаться также и суффикс муж. рода -əy. Примеры: mer 'мужчина', мн.ч. meri; žínka 'женщина', мн.ч. žínki; čan 'козленок', мн.ч. čáni; yówa 'корова', мн.ч. yówi; wəreу 'ягненок', мн.ч. wəre(y)i. Существительные муж. рода на -o (реже на -əy) в прямой падежной форме имеют сложный суффикс мн. числа, а именно -(ó)k/g/y-i, например: wəreу 'ягненок', мн.ч. wəreу-ok-i; kúyo 'бык', мн.ч. kuyoyi; víro 'груз, поклажа', мн.ч. viroki; rawo 'мотылек', мн.ч. rawoki.

Кроме отмеченных выше суффиксов мн. числа в мунджанском остаточно сохраняются еще два варианта одного и того же суффикса: -an- и -on-, которые, как нам представляется, не являются рефлексом древнеиранской флексии и которые следует возводить к *ha-nǎ- (и.-е. sem-, сп- 'воедино, вместе с', ав. hama-, н.-перс. hāmā 'весь, все'). Первый суффикс отмечен в сочетании с широкораспространенным суффиксом мн. числа -i в слове zəvúg-an-i 'языки' (Зарубин, 1927, с. 183). А второй представлен только в энклитических местоимениях мн. числа: -em-on 'наши', -əf-on 'ваши', -əǧ-on 'их' (см. "Местоимение").

Показателем мн. числа косвенной падежной формы для обоих родов является суффикс -af, например: ед.ч. wéla 'арык', мн.ч. прямая форма wéli, косв. форма wélaf; ед.ч. víro 'груз, поклажа', мн.ч. прямая форма víroki, косв. форма víraf; ед.ч. čan 'козленок', мн.ч. прямая форма čáni, косв. форма čanaf.

С исторической точки зрения все суффиксы мн. числа, как нам представляется, являются рефлексам исторических показателей собирательной множественности. Суффикс -i (ср. пш. -i, санг. -əy) может быть восстановлен в *haui- (и.-е. semī-, спī- 'воедино, вместе', др.-инд. samī-ka-, ав. ham-, ha- в н.-перс. hāmā 'весь, все'). Рефлексом этой

же исторической основы (но с другим наращением) является и суффикс мн. числа -ok/g/γ-, т.е. *ha-ka-, *ha-g/γa- (и.-е. *sm-k/ko-, *sm-g/ghē-). Соответствиями для него в других памирских языках являются: ишк. -ok-, ш. -ak-, язг. -ež- в -ežg-, р. -ič/ǰ (два последних из *ha-čī-). Если же предположить, что гласный мунджанского суффикса о относится к окончанию муж. рода, то тогда суффикс мн. числа -k/g/γ- следует считать рефлексом исторического показателя собирательной множественности *k/g/γa- (и.-е. kom-, km- 'вместе с', хет. kat-ta 'вместе с, при', тадж. qati 'совместно, вместе с'). В этом случае его соответствиями в других памирских языках будут: вах. -č, ш. -č/ǰ/ǰ- и -g- (в многочисленных сложных суффиксах мн. числа), язг. -g(-).

Что касается мунджанского показателя мн. числа косвенной формы -af, то он, как и соответствующие ш. -ēv, с. ef, ор. -if, вах. -ev, является рефлексом др.-ир. *ab/fā/ī- со значением 'совместно, вместе, в союзе с' (ср. и.-е. ebhi, epi в рус. об., общий, др.-инд. abhi, api, ав. aibi, aiwi, avi, api 'также, при, с' и относящееся сюда же и.-е. ēpi-, др.-инд. ēpi- 'союз, единство'). Более подробный исторический комментарий об этом и других суффиксах мн. числа см. в разделе "Шугнанский язык".

В мунджанском, как и в других памирских языках, сохраняются имен-ные основы, представляющие собой рефлекс древнеиранских форм дв. или мн. числа, например: šīš // šuš 'легкие' < *suši (ав. suši дв. ч. ср. р.); vri-γa 'бровь, брови' < *brawi им.-вин. дв. от *brū- // *braw- + суф. (др.-инд. bhrū-, bhruva-, ав. brvat); rāl-a 'нога' < *rādā им.-вин. дв. от *rāda- (ав. rāda-); γuу 'ухо, уши' < *g/γūš/haī или *g/γauš/haī им.-вин. дв. ср./ж.р. от *g/γūš/ha- или *g/γauš/ha- (и.-е. ghous-, ав. gaōš- 'слышать', gaōša- 'ухо'); lvar 'дверь, двери' < *dāwārā им.-вин. дв. м.р. от *dāwār- (ав. dvar- м.р.); žin- в žin-k-i 'жены' < *janīš им. мн. ж.р. от janī- или < *janī им. мн. ср. р. от *jani- (ав. jaini-) и др.

Падеж

I.5. В современном мунджанском падежные отношения выражаются в основном предлогами и послелогоми (главным образом локативные), например: reviyam da loma 'мы пришли в селение'; γau fča worfa wuzoyat 'они остались под снегом'.

Но в языке различаются две падежные формы: прямая и косвенная. Прямая форма ед. числа совпадает с основой: mīro 'солнце', pur 'сын'. Во мн. числе прямая форма имени, как уже выше было отмечено, имеет показатель 'i: rūr-i 'сыновья', lóm-i 'селения'. Косвенная форма ед. числа имеет следующие показатели: -an, -k/kan (после исхода основы на -o) м.р., -in ж.р., например: rūr-an, mīro-k/kan, lóm-in. Косвенная форма мн. числа имеет общий показатель для муж. и жен. рода -af, например: rūr-af от pur м.р. 'сын'; lóm-af от loma ж.р. 'селение'.

Имя в прямой падежной форме употребляется в прямых синтаксических позициях, имя в косвенной падежной форме употребляется в косвенных синтаксических позициях (кроме прямого дополнения в ед. числе), например: *yan dambura-yan ovda jili viyat* 'у того тамбура было семь струн'; *may žink-in yu pur let* 'у этой женщины есть сын'; *t(b)fovan na xšém-in* 'мы разожгли (огонь) для (приготовления) ужина'; *žeftam yu odam na mьn vróu-an* '(мы) послали одного человека к моему брату'; *ze leyda na potšó -an astam* 'я - дочь царя'; *ve-ruser že aždór-an skest* 'он отрезал голову дракона'. Косвенная форма имени употребляется также в функции подлежащего при сказуемом, выраженном глагольной формой, образованной от основы прошедшего времени, например: *vay mьn vróu-an yeróvdey* 'это взял мой брат'; *yau žink-in xšiya* 'та женщина заплакала'.

Очень существенным является то, что имя в форме ед. числа в функции прямого дополнения не имеет суффиксального показателя косвенной формы *-an*, *-k/kan* м.р., *-in* ж.р., но, как правило, имеет префиксальный показатель прямого дополнения *ve-*, реже *-i*, например: *ve-uosr zin kьrьm* 'я оседлал лошадь'; *ze kór-i žь-yerem* 'я не вылавливал рыб'. Такая несовместимость этих аффиксальных элементов имеет историческое основание (см. дальше).

Относительно происхождения показателей мн. числа прямой и косвенной формы мы уже говорили в разделе "Число". Что касается других показателей, то можно сказать следующее.

Мунджанские суффиксальные показатели косвенной формы *-an* м.р., *-in* ж.р., первоначальное значение которых несомненно была принадлежность, имеют следующие соответствия в других памирских языках: ш. *-and*, *an* бадж. *ind*, *indir*, р. *ā*, с. *an*, *inder*, язг. *i*, *i*, *en*, *na*, *endareni*, *enda*, ишк. *no*, вах. *en*. Совершенно ясно, что все эти элементы являются рефлексам древнеиранского элемента **an-*, **a-* (из инд. ир. **ṛ-*) и его производных **ani*, **anā*, **antar(a)* (и.-е. *en*, **ṛ*, *eni*, *n(e)i* 'в, у, при', *enter-*, *entero-* 'внутри, между', ав. *antare*). Такого же мнения относительно происхождения м. *-an*, *-in* придерживался и И.И.Зарубин (Зарубин, 1927, с. 127), справедливо подвергая сомнению предположение П.Тедеско относительно происхождения мунджанских *-an*, *-in* из древнего инструменталиса (Тедеско, 1925, с. 156).

Но понять предположение П.Тедеско можно. Дело в том, что, как мы уже говорили, косвенная форма на *-an* м.р., *-in* ж.р. употребляется в мунджанском наряду с другими функциями также в функции подлежащего при сказуемом, выраженном переходным глаголом в одном из прошедших времен. Отсюда - инструментальное значение этих элементов. В этом П.Тедеско прав. Но он не прав, в том, что он связывал это инструментальное значение с древнеиранской именной флексией твор. падежа. В то время как и в этом случае м. *-an*, *-in* представляют собой

рефлексы исторических служебных элементов *anā-, *anī- со значением инструментальности (ср. и.-э. an, anu, anō в др.-норв. ā 'an, bei', ав. anu 'соответствии с, согласно, вдоль', ana 'через (посредство)'). Таким образом, налицо тот случай, когда два сходных по звучанию элемента имели разное происхождение и значение.

Большой интерес с исторической точки зрения представляет мунд-жанский показатель косвенной формы /k/kan м.р. и связанные с ним по происхождению показатели принадлежности /g/yon м.р. (ср. tot-yon 'отцов'), /g/yen-a ж.р.), а также элементы -kon в ть-kon 'мой' и -ken-a в ть-ken-a 'мой'.

Думается, что все эти элементы можно было бы связать с и.-э. kom, *km 'у, при, вместе с' с наращением *-n- в хет. -kán (Pokorny, 1959, с. 613). В таком случае м. -k/kan < *ka-nā-, -kon < *ka-na-, -ken < *ka-nī-, /g/yon < *g/ya-na-, /g/yen- < *g/ya-nī- (для начального звонкого ср. гот. ga-mains). Этот же корень и.-э. km- с наращением *-ta представлен в хет. kat-ta 'у, при, вместе с' (Pokorny, 1959, 613). Сюда же будет относиться и широко употребляющийся в таджикском и некоторых памирских языках послелог -k/qati, -k/qatay 'совместно, вместе с', а также курд. k'om 'группа, толпа'.

Что касается происхождения мунджанских суффиксальных показателей прямого дополнения ve- и -i, то они также представляют собой рефлексы древнеиранских основ со служебным значением. Элемент ve- (из раннего *ev- по аналогии с ze 'я' < *azam) может быть восстановлен в *ab/pī(-) со значением 'из, от' (и.-э. aro-, др.-инд. ára, ав. ara 'от, из'). С аналогичной семантикой служебные элементы употребляются при выражении прямого дополнения и в других иранских языках, ср., например: ш. sāw as wī yīda qīw! 'ступай, позови того мальчика!'; тадж. (диал.) vau az man na didast 'он не видел меня'. В этих двух примерах служебный элемент as/z также имеет значение 'от, из' (исторически скорее из *as/zā-, и.-э. eghs-, *ekā- 'из', чем из *naša, и.-э. sek^u-).

Суффиксальный элемент -i, также выражающий прямое дополнение, может быть сопоставлен с показателем прямого дополнения ишк. /i (ср. xi tabāg-i zōp̄m 'я возьму свой топор'), вах. /eu // /i (ср. dygz x̄m nebēsni! 'возьми свою расческу!') и с таджикским (диал.) предлогом au при выражении прямого дополнения (ср. vau au m̄n didast 'он увидел меня'). Все эти аффиксальные элементы представляют собой рефлексы исторической формы *aui, т.е. формы местного падежа един. числа от основы *a-, (инд.-ир. *n-) со значением 'из, от' (и.-э. an, ano, n/n- 'из, от', ав. ana, др.-перс. anā 'от'). Сюда же будет относиться предлог тадж. (диал.) au (ср. au m̄n 'меня'), а также язг. предлог na; выражающий прямое дополнение (ср. na-mašas žūd-au '(я) убил муху').

Но в мунджанском сохраняются также следы и древнеиранских флективных форм. В разделе "Число" мы уже приводили ряд мунджанских именных основ, представляющих собой рефлексy исторических им., вин. падежей мн. и дв. чисел всех трех родов.

Имя прилагательное

Основы

2.0. Мунджанские прилагательные не имеют каких-либо специальных внешних показателей. Как и имена существительные, прилагательные имеют грамматический род и число. Показатели рода и числа у них те же, что и у имен существительных. Прилагательные с исходом на согласный, с исходом на суффикс *-ey// -i* или *-e*, а также суффикс *-o* (редко) являются прилагательными муж. рода: *zit* 'желтый', *pehey // pehi*¹⁾ 'широкий', *tygye* 'острый', *waxgo* 'голодный'. Прилагательные с исходом на *-a*, *-ka*, *-g/ya* относятся к жен. роду: *zita* 'желтая', *peh(e)ya* 'широкая', *tygye/ga* 'острая', *waxgo/ga* 'голодная', *deika* 'тощая', *wyaka* 'сухая'.

Относительные имена прилагательные имеют особый суффикс *-min*, например: *kyuk-min* 'каменный', *skut-min* 'деревянный', *kokk-min* 'ячменный'. Исторически этот суффикс возможно связан с древнеиранской основой **mainya-* 'имеющий связь с' (и.-е. *mei-* 'соединять, связывать').

Исторический анализ мунджанских прилагательных показывает, что родовые суффиксы в них - явление сравнительно позднее. А неосложненная основа продолжает ту или иную древнеиранскую основу. Соотнесенность современной основы с исторической может быть установлена благодаря умлауту. Примеры.

1) Мунджанские основы прилагательных - рефлексy древнеиранских основ на **-ā-* (или "гласный *ā* + согласный"): *zar* 'старый' < **zarā-*, ср. йидга *zor* 'старый' < **zara-* (и.-е. *ger-*, др.-инд. *jārant-*, ос. *zārend* 'старый'); *van-g* 'длинный' < **brzñā-+kā-* (и.-е. *bherēgh-*, ав. *berez-* 'высокий', вах. *verz*, язг. *vez*, ишк. *vъzd-ūk*, ш. *vūž* м. р. 'длинный'); *š(b)lah* 'голый' < **šlāxā-* (ср. и.-е. *(s)līg-* в словенском *prešlégast* 'голый, лысый', ш. *š(i)lak*, ишк. *š(b)lah* 'голый'); *waxgo* 'голодный' < **wak/xrā-* + суф. (ср. и.-е. *uek-*, **uek-* 'хотеть, желать', ав. *vas-* 'хотеть'); *war-ey* 'верхний' < **warā-* + суф. (и.-е. *uer-* 'высокий').

2) Мунджанские основы прилагательных - рефлексy древнеиранских основ на **-ī-*, **-ya-* и т.п.: *zit* 'желтый' < **zrtyā-* (и.-е. *ghel-*, ав. *zari-*); *stur* 'большой' < **stūryā-*, ср. м. *st̄r* 'большой' < **stūra-* (и.-е. *steu-* 'массивный, крепкий', др.-инд. *sthūrā-* ав.

1) Знак *h* используется для передачи глухого срединного сонанта у (нем. *ich-Laut*).

staora- 'крупный скот'); liw 'плохой, дурной' < *daiwī- (ав. daēva-daēvī-); spi 'белый' < *šway(ty)a- (и.-е. kwei-, ав. spaēta- 'белый'); pēh-əy 'широкий' < *paṽ/huā- (и.-е. pet-, ав. paṽana-, ос. fātān, н.-перс. pāhn).

3) Мунджанские основы прилагательных - рефлекс древнеиранских основ на *-a/u (или a/u + согласный): sьxh 'красный' < *sukra- (ав. suhra-); stьr 'большой' < *stūra-, ср. м. stur 'большой' < *stūryā- (и.-е. steu- 'массивный'); rom 'послушный, спокойный (о животном)' < *rama- (и.-е. rem-, ав. ram- 'покоиться'); ler-ə 'далекий' < *dūra- + суф. (ав. dūra-); хьuvd-о 'сладкий' < *kṽwāda- + суф. (и.-е. sūd-, др.-инд. svādú- 'сладкий'); tur-ə 'темный' < *tāra- + суф., ср.м. tir-ə 'темный' < *tāryā- (и.-е. tem-, тл- 'темный', ир. *tā-, ав. taṽra- 'темнота', н.-перс. tar 'темный', ш. tēr 'черный').

Некоторые имена прилагательные сохранились только в составе композита, а отдельно уже не употребляются, например: xul- в xul-pil, йидга xir- в xir-pul 'босой' < *xarwa-, йидга *xarwi- (ср. и.-е. keluо-, galuо- 'голый', др.-инд. kālvāli kṛta- 'оголенный', н.-перс. kal 'лысый'); mlem- в mlem-čiya 'мизинец' < *mlāya- или *mlīnā- (и.-е. mel-, mlē-, mlēi-, mlī- 'молоть' в рус. мелкий, младой); -berna-, -brina в saberna, sabrina 'с непокрытой головой' < *brah(n)-yā- (ср. и.-е. bhles- 'облестеть' в ср.-в.-н. blaе 'голый, лысый', н.-перс. bārahne 'голый'); gaž- в gaž-dumba 'скорпион' (букв. 'с загнутым хвостом') < *gūjā- (и.-е. geu- 'гнуть').

Род, число, падеж

2.1. Выше уже говорилось о том, что прилагательные имеют грамматический род, число, падеж и что показатели рода, числа и падежа в прилагательных те же, что и в именах существительных. Но присоединяются эти показатели только в случае самостоятельного, т.е. неприименного, употребления прилагательного, например: хьйкеуи де возор ёеуат 'старшие уехали на базар'; wa хьйкеуаф не ёароуан ёе vedat 'старшие (братья) не водили на пастбище (своего теленка)'; wa žinka yāška 'та женщина красива'; wa žinki yāški 'те женщины красивы'. В случае же употребления прилагательного в функции препозитивного определения оно не изменяется ни по родам, ни по числам, ни по падежам, например: yāšey meг 'хороший мужчина' - yāšey žinka 'хорошая женщина'; yāšey méri 'хорошие мужчины' - yāšey žinki 'хорошие женщины'; zə ne yāšey mēraп (mēraf) guraуа delьm 'я дам рупию хорошему мужчине (мужчинам)'; zə ne yāšey žinkin (žinkaf) guraуа delьm 'я дам рупию хорошей женщине (женщинам)'.
 Все это говорит о том, что родовые, числовые и падежные показатели в прилагательных - явление сравнительно позднее. Об этом же свидетельствует и то, что современная родовая принадлежность прилагательного не всегда совпадает с исторической. Историческую родовую

принадлежность прилагательного, как и его историческую основу, можно восстановить благодаря умлауту. Примеры см. в разделе "Основы".

Степени сравнения

2.2. Сравнительная степень прилагательного образуется прибавлением к основе суффикса *-d̄yr* < **tara-*: *l̄er̄e-d̄yr* 'дальше', *s̄br̄x-d̄yr* 'краснее'. Но в речи употребление суффикса сравнительной степени факультативно, например: *awan kay l̄er̄e-d̄yr* 'его дом дальше'; *m̄n vrōy ž̄e m̄n xūš̄kiy* 'мой брат старше меня'.

Числительное

3.0. Собственно мунджанские названия числительных сохранились лишь в названиях от одного до десяти: *yu* 'один', *l̄b̄/e* 'два', *hiray* 'три', *č̄efir* // *č̄efur* 'четыре', *ponj* 'пять', *ox̄ā* 'шесть', *ovda* 'семь', *ošk̄a* 'восемь', *naw* 'девять'. Числительные от десяти и дальше заимствованы из таджикско-персидского: *de* 'десять', *yoзде* 'одинадцать', *d̄wozde* 'двенадцать' и т.д. Числительное 'двадцать' является собственно мунджанским – *wist*. В диалекте йидга сохраняется мунджанский счет и после девяти: *los* 'десять', *los-yu* 'одинадцать', *los-i-l̄b̄* 'двенадцать', *yu w̄isto-los* 'тридцать', *l̄b̄ w̄ist* 'сорок', *l̄b̄ w̄isto-los* 'пятьдесят' и т.д.

Для числительных первого десятка историческими соответствиями являются: *yu* 'один' < **aīwa-* + суф. (язг. *wū(g)*, ишк. *wūg*); *l̄b̄* 'два' < **duwa-* основа, но вариант *lu* < **duyai* им.-вин. дв. ж.р. от **dwa-* (ав. *duye*); *hiray* 'три' < **√hr̄āyām* род. мн. от **√hr̄ay-* (ав. *√gray-*); *č̄efur* 'четыре' < **č̄av̄/hwārah* им. мн. м.ж. р. от **č̄ah/√wār-* (ав. *č̄av̄wārō*), вариант *č̄efir* закономерно отражает древнеиранскую форму им. мн. ср.р. **č̄av̄/hwāri* (др. -инд. *č̄atvāri*); *ponj* 'пять' < **panča* (ав. *panča*); *ox̄ā* 'шесть' < **ukš̄a* или **ukš̄ah* + суф. (ср. и.-э. *s̄pek̄s*, *цек̄s*, *uk̄s*, **uks*); *ovda* 'семь' < **hapta* + суф. (ав. *hapta*); *ošk̄a* 'восемь', по-видимому, из **ašta* + суф., ср. йидга *aš̄co* < **aštā* + суф. дв. им. (и.-э. *oktō(u)*, др.-инд. *aštā*, ав. *ašta*); *naw* 'девять' < **nawā-* или **nawāh* (ав. *nava*); *los* (йидга) 'десять' < **dasa-* или **dasāh* (ав. *dasa*).

3.1. Порядковые числительные заимствованы из персидско-таджикского: *yak(k)ym* 'первый', *d̄wym* 'второй' и т.д. Но в языке сохраняются застывшие рефлексy древнеиранских порядковых числительных: *-de-* в *č̄en-dego* 'еще немного' < **dwaya-* 'вторично, снова, еще раз' (др.-инд. *dwayā-*), либо м. *-dego* < **dwikā-* + суф. то же (др.-инд. *dvikā-* 'вторично, еще раз'); *hir-* в *hiryevol* 'третьего года давности, в позапрошлом году' и в *hiryizen* 'третьего дня, позавчера' < **√hiritya-* или **√hritya-* (и.-э. *tr̄t̄iio-*, ав. *√ritya-*); *č̄efir*, *č̄ir-* (йидга) в

ṣir(gi)+izen, возможно также ṣur- в р(ь)ṣurma 'четвертого дня, четыре дня назад' < *k(t)ṣura- (и.-э. (k^u)tur-io-, др.-инд. turya-, ав. tūrya-); возможно также rōṇjēto 'пятого дня, пять дней тому назад' < *raṇṣa + -ama- (ср. др.-инд. raṇssma- 'пятый').

3.2. В мунджанском имеются особые собирательные числительные. Зафиксированы их формы, включая числительное 'девятерю'. Они следующие: yuki, yukini, yukeni 'один, в одиночку', lu/ṣuni lu/ṣuni 'вдвоем, двое', hirayni 'трое, втроем', ṣ(ь)fu/irni 'четверо, четвером', rōṇjīni 'пятеро, пятером', oḥṣayni 'шестеро, шестером', ovdṣayni 'семеро, всемером', oḥṣṣayni 'восьмеро', nawnayni 'девятерю, девятером'. Состав этих числительных следующий. Конечный гласный -i, по-видимому, представляет собой именной суффикс собирательной множественности (см. "Имя существительное"). Носовой -n- - закономерный рефлекс исторического суффикса собирательных числительных, ср. др.-инд. dvi-na- 'двое', tri-na- 'трое'. Предшествующий ему элемент -y-, -ay- в некоторых числительных (ср. lu-y-ni, ovdṣay-ni) также закономерно отражает другой исторический суффикс собирательных числительных *(a)ya-, ср. др.-инд. dvaya- 'двое, вдвоем', traya- 'трое, втроем'. Элемент -k- в числительном yuki 'в одиночку' продолжает суффикс *-ka-, который также употреблялся в прошлом при собирательных числительных, ср. др.-инд. ṣka- 'один, в одиночку', dvakā- 'двое, вдвоем'. Таким образом, каждое из мунджанских собирательных числительных имеет по два и более суффиксов собирательной множественности, присущих числительным (хотя, впрочем, ср. именные суффиксы мн. числа -k-i в vīro-k-i 'грузы, поклажи'). Числительное yu-k-i-n-i имеет четыре суффикса, числительное lu-y-n-i - три, ṣfi/ur-n-i - два суффикса.

Местоимение

Личные местоимения

4.0. Личные местоимения имеются только для 1-го и 2-го лица. В качестве местоимений 3-го лица используются указательные. Личные местоимения имеют два числа (ед. и мн.) и две падежные формы (для ед. числа - прямая и объектно-посессивная, для мн. числа - объектно-прямая и посессивная). Эти местоимения могут быть представлены в следующей таблице:

Лицо \ Форма	Ед. число		Мн. число	
	Прямая	Объектно-посесс.	Объектно-прямая	Посесс.
1-е	zə	mʲn	mox	amox
2-е	tʲu	ta	mof	amof

Местоимения в прямой форме употребляются в функции подлежащего при сказуемом, выраженном глаголом в форме настоящего-будущего времени, и при сказуемом, выраженном переходным глаголом в одной из форм, образованной от основы прошедшего времени, а также - в функции именного сказуемого, например: *zə ɔuəm* 'я иду'; *zə ʃahon pxeftiyam* 'я очень устал'; *tabib - wə, maalim - zə astam* 'врач - он, (а) учитель - я'. Местоимения в непрямой форме употребляются во всех остальных функциях, а также (кроме посессивной формы мн. числа) - в функции подлежащего при сказуемом, выраженном переходным глаголом в одной из форм, образованной от основы прошедшего времени. Местоимение косвенной формы в функции прямого дополнения имеет префиксальный показатель *wə-* < *ab/pī(-) (и.-э. ар-, ав. ара 'от, из'). Примеры: *mən tət wə-mən dust let* 'мой отец меня любит'; *ta wə-mən lʔəkt?* 'ты меня видел (там)?'; *mox ʔtam* 'мы сказали'; *amox loma lʔrá ast* 'наше селение далеко (отсюда)'.

Следует сказать, что иногда косвенная форма местоимения употребляется в функции подлежащего при сказуемом, выраженном не только переходным, но и непереходным глаголом в форме, образованной от основы прошедшего времени, например: *mən mazoq ekərem* 'я пошутил'; *mən xǎiyəm* 'я заплакал'.

Местоименное определение может отделяться от последующего определяемого предлогом, ср. *mən tra dil* 'в моем сердце'. Эта черта присуща, как известно, ряду памирских языков.

4.1. Историческими соответствиями для личных местоимений являются: *zə* 'я' (из *ez*) < *azam (ав. azəm); *tʔu* 'ты' < *tuwam (ав. tvəm, tūm); *mən* косв. форма I л. ед. ч. < *mana (ав. mana); *ta* косв. форма 2 л. ед. ч. < *tawā (ав. tavā); *mox* 'мы' < *ahmāxam (ав. ahmākəm, др.-перс. amāxam).

Что касается местоимения 2 л. мн.ч. *mof* 'вы', то прежде всего следует сказать, что конечный -f следует рассматривать, по-видимому, как именной показатель мн. числа (ср. м. *məraf* косв. мн. от *mər* 'мужчина, человек'; ср. также ишк. -ʔv в *tʔmʔx-ʔv* 'вас'). А первый элемент *mo-* допускает следующие два толкования. Если сопоставить м. *mo-* 'вы' с соответствующими местоимениями ш.-р. *tamā* (ʔ), язг. *temox*, ишк. *tʔmʔx* 'вы' < *tahmākam (т.е. род. мн. от *tahmā-, где *ta- местоименная основа 2 л. ед. ч.), то можно было бы восстановить м. *mo-* в *tahmāham (через этап м. *tmoh* 'вы'). Если же сравнить м. *mo-* с соответствующим ваханским местоимением *wa-* 'вы', которое допускает прототип *u(s)-smā-hām (т.е. род. мн. от основы *u(s)- 'вы', ср. ав. *uyšmākəm, xšmākəm*), то м. *mo-* можно было бы восстановить в *u(s)-smā-ham (через этап м. *smoh*) или в *u-hmā-ham (через этап м. *hmoh*).

Очень соблазнительным представляется толкование м. *mof* 'вы' как рефлекс древнеиранской местоименной формы дат. падежа мн. числа на

*-fya¹⁾. Но такое объяснение полностью исключается, так как в этом случае в соответствии с закономерностями, связанными с умлаутом, мы должны были бы иметь в мунджанском форму с корневым гласным переднего ряда, но не *moʃ* (или, как в йидга, *maf*).

Мунджанские посессивные формы мн. числа *amox* 'наш' и *amof* 'ваш' имеют префиксальный элемент *a-*, который, как нам думается, представляет собой рефлекс древнеиранской основы **a-* со значением 'у, при, в' (ср. и.-е. *an*, *n-* 'у, при' и и.-е. *en*, *n-* 'у, при, внутри').

Мунджанские притяжательные формы жен. рода I л. мн. ч. *amoxe* и 2 л. мн. ч. *amofe*, употребляющиеся субстантивно, отличаются от адъективных притяжательных форм *amox*, *amof* тем, что имеют в исходе именное окончание жен. рода *-e* (ср. м. *žinka* 'женщина'). В языке употребительна также форма мн. числа субстантивных притяжательных местоимений, которая образуется так же, как и мн. число имен существительных, т.е. прибавлением к основе суффикса *-i*, ср. *mau yowi* - *amoxi* (*astat*) 'эти коровы - наши'.

4.2. Таким образом, в мунджанском нашли отражение следующие древнеиранские формы личных местоимений:

	Др.-ир.		Мундж.
		Ед. число	
I л. Им.	* <i>azam</i> (ав. <i>azəm</i>)	-	<i>zə</i>
Род.	* <i>mana</i> (ав. <i>mana</i>)	-	<i>mən</i>
2 л. Им.	* <i>tuwam</i> (ав. <i>tvəm</i>)	-	<i>tu/ʷ</i>
Род.	* <i>tawā</i> (ав. <i>tavā</i>)	-	<i>ta</i>
		Мн. число	
I л. Род.	* <i>ahmākam</i> (ав. <i>ahmākəm</i>)	-	<i>mox</i>
2 л.	* <i>tahmāham</i> ИЛИ * <i>uhmāham</i> (ав. <i>yušmākəm</i> , <i>xəmākəm</i>)	-	<i>mo-</i> в <i>mo-f</i>

Энклитические местоимения

4.3. В отличие от других памирских языков в мунджанском имеются энклитические местоимения:

	Ед. ч.	Мн. ч.
I л.	-(y)əm	-(y)əmən
2 л.	-(y)ət	-(y)əfən
3 л.	-(y)əš	-(y)əšən

Употребляясь после имени, они выражают притяжательность, например: *we ru-ət oʷeʷ* 'твой сын пришел'; *yə we xarš-əšən viya* 'это были их расходы'. Употребляясь после глагола, они выступают как дополнение, например: *və-rahkka dal-əš!* 'дай ей чашку!'; *agar rimi-fən da oʷrazxonay ayin* 'если вам хочется, идите в столовую'.

1) О соответствии инд.-ир. **bh* - ир. **f* см.: Пахалина, 1983.

Исторически местоимения 1-го и 2-го лица ед. числа связаны с древнеиранскими энклитическими местоимениями род.-дат. падежа I л. *mai (ав. mē, mōi) и 2 л. *tai (ав. tē, tōi). Местоимение 3-го лица ед. числа *(y)ēš связано с древнеиранским указательным местоимением – энклитикой *šai (ав. hē, šē). Соответствующие им формы мн. числа образованы в мунджанском прибавлением к местоимению ед. числа показателя мн. числа -on < *hapa- (н.-е. wem-, ав.-'воедино, вместе', *ap-но-, ав. ham-, н.-перс. hāmā 'все, весь').

Большой интерес представляет энклитическое местоимение 2-го лица мн. числа -(y)əfon 'ваши', точнее – его первая часть, т.е. -əf-, поскольку вторая часть -on, как уже было сказано, является суффиксом мн. числа. Учитывая общую тенденцию памирских языков образовывать местоимение 2-го лица мн. числа от местоименной основы 2-го лица ед. числа, а также учитывая модель образования форм мн. числа для других лиц, можно предположить, что элемент -əf- является рефлексом древнеиранского энклитического местоимения ед. числа вин. или отл. падежа, т.е. *š/twām (ав. šwad) или *t/šwat (ав. šwat). На возможность соответствия м. -f- др.-ир. *-tw- или *-šw- указывает м. š(b)fur 'четыре' < *šat/šwārah (ав. šawārō).

Указательные местоимения

4.4. Указательные местоимения делятся на три ряда в зависимости от степени удаленности указываемого объекта: дальний, в основе которого лежит древнеиранское местоимение *awā-, средний ряд, в основе которого лежит древнеиранское местоимение *aita-, и ближний, в основе которого – др.-ир. местоимение *imā-. В каждом из рядов различаются формы ед. и мн. числа, а также – прямая и косвенная падежные формы. Местоимения ед. числа косвенной формы различают муж. и жен. род. Кроме того, в каждом из трех рядов имеются по две неизменяемые формы местоимений, которые употребляются только адъективно и близки по своей функции к определенному артиклю. Все указательные местоимения могут быть представлены таблицей (табл.ом. на след. стр.).

Прямая форма местоимений употребляется в функции подлежащего или именного сказуемого, либо как определение при подлежащем или именном сказуемом, например: ma/ə uowya rokizaya 'эта вода чистая'; wa/ə oyeu 'он(а) пришел (пришла)'; way nafari šoyat 'эти люди говорят'.

Косвенная форма употребляется субстантивно или адъективно в различных косвенных позициях. Прежде чем привести примеры, отметим следующее. Форма муж. и жен. рода ед. и мн. числа всех трех рядов -w, -y, -m употребляется слитно: 1) с предлогами: šow, dow, now; šay, day, nay; šam // šem, dam // dem, nam // nem (употребление адъективное); 2) с показателем прямого дополнения: waw, way, wam // wem (в случае субстантивного употребления они относятся к муж. роду, в случае адъективного употребления – к обоим родам и числам). Форма

Субстантивно-адъективные местоимения

Ряд, число		Дальний		Средний		Ближний	
		Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
Прямая		we/a		ye/a		me/a	
Косвенная	м.р.	wan, -w		yan, -y		man, -m	
	ж.р.	way, -win, -w, -wa, (в vo-wa)		waf, -w		yaf, -y	
Прямая		wa/e		ya/e		ma/e	
Косвенная		-w		-y		-m	

Адъективные местоимения

жен. рода ед. числа -wa, -ya, -ma употребляется только с префиксальным показателем прямого дополнения, т.е. *vowa*, *va^hya*, *va^hma*. Наконец, форма жен. рода ед. числа -win употребляется только субстантивно с предлогами: *žo-win*, *ža-yin*, *ža/e-min*; *do-win*, *da-yin*, *da/e-min*; *no-win*, *na-yin*, *na-min*. Приводим примеры употребления указательных местоимений во фразе: *wan far-an ťti nom let* 'как называется этот город?' (дословно - 'у этого города какое наименование?'); *wan (way) quwat ťe-let* 'у него(у нее) нет сил'; *žow nafar-an wa wyl-in ťta* 'жена того человека сказала'; *no-wan (no-win) ižoza dal!* 'дай ему (ей) разрешение!'; *za/e vow (у Зарубина - vo-wan) mer winem* 'я вижу того мужчину'; *za vow (vowa) yervem* 'я возьму его (ее)'; *we kandir vro^h-an we mьka^hyeu ne čaro-yan vud*, *we xiski vro^h-af ne čaro-yan ťe-vdat* 'тот младший брат водил теленка на пастбище, (а) те старшие братья не водили на пастбище'.

Косвенная форма местоимений употребляется также в функции подлежащего (или определения при подлежащем) при сказуемом, выраженном переходным глаголом в одной из форм, образованной от основы прошедшего времени, например: *way liya* 'она дала!'; *way žink-in ťta* 'та женщина сказала'; *waf nafar-af ťtat* 'те люди сказали'.

Косвенные формы ед. числа муж. рода *man*, *yan*, *wan* и мн. числа *maf*, *yaf*, *waf* служат, кроме того, базой для образования особых притяжательных форм: I) при адъективном употреблении: ед. ч. *aman*, *ayan*,

awan, мн. ч. amaf, ayaf, awaf; 2) при субстантивном употреблении: а) ед. ч. м.р. amap-yon, ж.р. amap-yena; м.р. ayap-yon, ж.р. ayap-yena; м.р. awap-yon, ж.р. awap-yena; б) мн.ч. м.р. amaf-yon, ж.р. amaf-yena; м.р. ayaf-yon, ж.р. ayaf-yena; м.р. awaf-yon, ж.р. awaf-yena (о происхождении элементов -yon, -yena см. в разделе "Имя существительное"). Примеры: awan uixa 'его сестра', amox loma 'наше селение', we rizaḫi - awap-yon 'этот баран - его'.

4.5. Историческими соответствиями для всех форм указательных местоимений являются:

1) прямые формы: а) ед. ч. we < *awahya род. м.р. (ав. awahe), wa < *awahyāh ж.р. (ав. awaiḥā); ye < *aitahya м.р. (ав. aētahe), ya < *aitahyāh ж.р. (ав. aētaḥā); me < *imahya м.р., ma < *imahyāh ж.р.; б) мн.ч.: way из wa + именной показатель мн.ч. -i, где wa- либо < *awahyāh род. ед. ж.р., либо < *awāhām род. мн. ж.р.; ya- в yaу либо < *aitahyāh род. ед. ж.р., либо < *aitāhām род. мн. ж.р.; ma- в maу либо < *imahyāh род. ед. ж.р., либо < imāhām род. мн. ж.р.;

2) косвенные формы: ед.ч. wan м.р. < *awanā твор. ед. м.р. (ав. avā, др.-перс. avanā), yan м.р. < *aitanā твор. ед. м.р., man м.р. < *imanā то же; -w < *awā твор. ед. м.р. (ав. avā м.р.), -y < *aitā твор. ед. м.р.; (ав. aēta м.р.), -m < *imā твор. ед. м.; way ж.р. < *awayā твор. ед. ж.р., yaу ж.р. < *aitayā твор. ед. ж.р. (ав. aētaya), maу ж.р. < *imayā твор. ед. ж.р.; -win ж.р. < *awaina или *awēna, т.е. твор. ед. м./ср.р. (ср. др.-инд. anēna твор. ед. м./ср.р. и anayā твор. ед. ж.р. от anā-, а также др.-инд. ēnēna твор. ед. м./ср.р. и ēnayā твор. ед. ж.р. от ēnā-), -yin ж.р. < *aitaina или *aitēna, т.е. твор. ед. м./ср.р., -min < *imaina или *imēna то же; -wa ж.р. < *awahyāh, т.е. род. ед. ж.р., -ya < *aitahyāh т.е. род. ед. ж.р. (ав. aētahyāh м./ср.р.), -ma < *imahyāh то же.

Что касается косвенной формы мн.числа waf, yaf, maf, то конечный -f в этой форме является именной показателем мн. числа косв. формы, как и конечный -y в wa-y, ya-y, ma-y, где он является показателем мн. числа прямой формы. Первый же элемент wa-, ya-, ma- представляет собой рефлекс древнеиранской формы род. падежа мн.числа жен. рода от соответствующей основы, т.е. м. wa- < *awāhām. м. ya- < *aitāhām, м. ma- < *imāhām.

Краткая косвенная форма мн. числа -w, -y, -m отражает древнеиранскую форму твор. падежа мн. числа, т.е. м. -w < *awāiḫ, м. -y < *aitāiḫ, м. -m < *imāiḫ.

4.6. Таким образом, в мунджанском нашли отражение следующие древнеиранские формы указательных местоимений:

I. О т о с н о в ы *imā-

Ед. число

Род.	*imahuа	м./ср.р.	-	me	
	*imahuāh	ж.р.	-	-ma	(ж.р.)
Твор.	*imanā	м.р.	-	man	(м.р.)
	*imēna	ср.р.	-	min	(ж.р.)
	*imayā	ж.р.	-	may	(ж.р.)
	*imā	м.р.	-	-m	

Мн. число

Род.	*imāhām	ж.р.	-	ma-в may и в maf
Твор.	*imāiē	м.р.	-	-m

II. О т о с н о в ы *aitā-

Ед. число

Род.	*aitahuа	м./ср.р.	-	ye	
	*aitahuāh	ж.р.	-	-ya	(ж.р.)
Твор.	*aitanā	м.р.	-	yan	(м.р.)
	*aitēna	ср.р.	-	yin	(ж.р.)
	*aitayā	ж.р.	-	yay	(м.р.)
	*aitā	м.р.	-	-y	

Мн. число

Род.	*aitāhām	ж.р.	-	ya-в yay и в yaf
Твор.	*aitāiē	м.р.	-	-y

III. О т о с н о в ы *awā-

Ед. число

Род.	*awahuа	м./ср.р.	-	we	
	*awahuāh	ж.р.	-	-wa	(ж.р.)
Твор.	*awanā	м.р.	-	wan	(м.р.)
	*awēna	ср.р.	-	win	(ж.р.)
	*awayā	ж.р.	-	way	(ж.р.)
	*awā	м.р.	-	-w	

Мн. число

Род.	*awāhām	ж.р.	-	wa-в way и в waf
Твор.	*awāiē	м.р.	-	-w

Вопросительные местоимения

4.7. В языке представлены следующие вопросительные местоимения: k(ʌ)di 'кто?' (косвенная форма kəy), ʔti 'что?', 'какой?', kiyeŋ 'какой, который', ʃe(n)d, ʃed 'сколько', ʃer 'сколько'. Примеры: tʃ kdi ástəy 'кто ты такой?'; tʃ kəy pur? 'ты чей сын?'; kəy v(ə)-kəy ʃiɣə 'кто кого побил?'; mə kəy kəy-kon? 'этот дом чей?'; zə ʔti kʌŋm? 'что мне делать?'; tʃ ʔti ʃoyiɣ? 'что ты говоришь?'; tʃ ʔti arɣ loraʔ? 'какое дело у тебя?'; ʃə ləm-in-əfon ruɣ ʃed-i? 'почем масло в вашем селении?'.
 Историческими соответствиями для этих местоимений могут быть:

1) k(ʌ)di 'кто' либо < *kad/t + суф. элемент (и.-е. k^uo-, др.-инд. kañ м.р., kā ж.р., ав. kō, kē; ср. также и.-е. k^uod ср.р.), либо < *kata- + суф. (ср. рус. кто); 2) kəy косв. форма < *kaɣə род. ед. от *ka- (ав. kaɣā) или < *kaɣā твор. ед. м.р.; 3) ʔti < *ʃit- + суф. (и.-е. k^uid- им. ед. ср.р., др.-инд. cid/t, ав. ...ʃit); 4) kiyeŋ 'какой, который' < *katāma/i (др.-инд. katāma-, н.-перс. kādam 'который'); 5) ʃe(n)d 'сколько' < *kanti- (др.-инд. kati, ав. ʃaiti 'сколько'); 6) ʃer 'сколько' < *kārī (и.-е. k^uā-li- 'как', др.-болг. kolikъ, рус. сколько).

Возвратно-определятельное местоимение

4.8. В мунджанском представлены три формы возвратно-определятельного местоимения: прямая xiɣəy(i)n // xiɣəyɣni 'сам(а)', косвенная xəsar 'себя, себе' и посессивная xəy 'свой, своя, свои'. Примеры: v(ə)-ta, xiɣəy(i)n vint 'тебя (он) сам уведет'; və ʃəy-af ʃə xəsar-an xiʃka 'он снял с себя одежду'; dəy v(ə)-ta kʌ liʃk-ŋm - və xəy pur-əm liʃk-ŋm 'сегодня, когда (я) тебя увидел - (все равно что) (я) своего сына увидел'. Посессивная форма в субстантивном употреблении имеет, как и другие имена, элемент -kon, например: tʃ və-xəykon ɣir-va, və-ʃəykon la-kʌn! 'ты свое возьми, (а) мое оставь!' 0 происхождение элемента -kon см. раздел "Имя существительное".

С исторической точки зрения мунджанские формы возвратно-определятельного местоимения представляют собой: 1) xiɣəy(i)n 'сам' < *xwataɣā- + суф. *(a)ɣə- (и.-е. *xwe-tiōs 'для себя', ср. также и.-е. суффикс *-niōs в *xwainiōs, лит. svainis 'жена зятя' (букв. 'своя'), ав. xvaē-tu- 'принадлежащий'); 2) xəsar 'себя, себе' < *xwa- или *xwai + sarā, т.е. 'свое тело', где *-sarā им.-вин. дв. ж. р. от *sar- 'тело' (ав. sar- 'тело', ср. ишк. хь(f)-sar 'себя'); 3) xəy 'свой' либо < *xwaɣə род. ед.м.р., либо < *xwaɣə-, т.-е. притяжательное местоименное прилагательное от основы *xwa- (др.-инд. sva-, ав. hva-, xva-).

Глагол

Основы

5.0. В языке различаются две основы: основа настоящего времени и основа прошедшего времени. От них образуются все простые личные глагольные формы. От основы настоящего времени образуется форма настоящего-будущего времени и форма повелительного наклонения. От основы прошедшего времени образуются глагольные формы прошедшего времени, перфекта, плюсквамперфекта (или точнее - преждепрошедшего перфекта).

Основа настоящего времени

5.1. Основа настоящего времени с синхронной точки зрения не имеет каких-либо специальных показателей, например: *kw-* 'жевать', *boxā-* 'делить', *ky-* 'делать', *maz-* 'убивать' и др. Она нейтральна в модальном, видовом и залоговом отношениях. Лишь благодаря сравнительно-историческому анализу основ настоящего времени могут быть выявлены рефлексы древнеиранских тематических и нетематических основ, а также рефлексы основ всех трех древнеиранских наклонений: индикатива, конъюнктива и оптатива. При этом необходимо учитывать прежде всего умлаутный тип изменения корневого гласного основы (о фонетических закономерностях, наблюдающихся в этих случаях, см. Пахалина, 1983).

С исторической точки зрения все мунджанские основы настоящего времени могут быть разделены на три группы: 1) основы - рефлексы древнеиранских основ индикатива; 2) основы - рефлексы древнеиранских основ конъюнктива; 3) основы - рефлексы древнеиранских основ оптатива. Примеры.

1) Мунджанские основы настоящего времени - рефлексы исторических основ индикатива: *wof-* 'ткать' < **wafa-* (и.-е. *uebh-*, др.-инд. *vab-*, ав. *ub-*; ср. йидга *waf-* < **wafā-*, т.е. основа конъюнктива); *v(ə)zop-* 'знать' < **abi-zāna-* (ав. *zan-*; ср. йидга *v(ə)zan-* < **abi-zāna-*, т.е. основа конъюнктива); *vond-* 'запрягать волов, спутывать (лошадь)' < **banda-* (ав. *band-* 'связывать'); *lor-* 'иметь' < **dāra-* (ав. *dar-*); *ne-još-* 'показывать' < **ni-šakša-* (и.-е. *k^hek^s-* в др.-инд. *saksate* 'кажется', ав. *šāste* 'учиться'); *wu-yoš-* 'топить, плавить' < **awa-tāk/ga-* или **-hāk/ga-* (и.-е. *tā-k-* в ос. *taun* 'таять', рус. таять); *wulroy-* 'засыпать, дремать', < **awa-drāya-* (и.-е. *drē-* 'спать', др.-инд. *drāti* 'спит'); *tyrf-* 'воровать' < *trfa-* (и.-е. (*s*)*ter-* в др.-инд. *-trp-*, ав. *tarəp-*, ишк. *tyrf-*, ш. *cif-* 'воровать'); *mez-* 'мочиться' < **maiza-* (ав. *mažz-*; ср. йидга *miz-* < **mizya-*); *dəf-* 'загораться, зажигаться' < **difa-* (и.-е. *dei-* в др.-инд. *dipyate* 'пламенует', ишк. *p^h-dip-*, ш. *pi-dis-* 'зажигаться'); *xəd-* 'смеяться' < **xa(n)dyā-* (ср. ав. *kand-*, ишк. *xond-*, ш. *šānd-* 'смеяться'); *kuu-* 'свежевать тушу' < **kūya-* или **kūšai-*

(и.-э. kāu- 'бить, убивать', ав. kaōb-); piu- 'гнить' < *pūya- (ав. pav-).

Сюда же будут относиться следующие основы, отражающие исторические нетематические основы: ast- 'быть' < *hiatā- или *a-stā- (ав. stā- 'стоять, ставить, становиться'); wust- 'оставить, оставлять' < *awa-sta- (тот же корень); wuč- 'отдыхать' < *awa-čya- (и.-э. k^heiō- 'отдыхать', ав. šyāta-, bāta- 'образованный', ш. wi-koу- 'отдыхать').

2) Мунджанские основы – рефлексy древнеиранских основ конъюнктива: kan- 'копать' < *kanā- (ав. kan-); wuzay- 'оставаться' < *awa-šyū- (и.-э. ghē(1)- 'оставлять'); f(b)-xat- 'соглашаться, хотеть' < *abi-xatā- (ср. и.-э. kā- 'хотеть', ав. гат. kan-, ав. kam- 'хотеть, желать', рус. хотеть); gi-yār- 'проходить, переходить' < *wi-tāgā- или *hāgā- (и.-э. ter-, ав. tar- 'переходить'); dal- 'давать' < *dadā- (возможно также основа индикатива, ав. dā-); xan- 'покупать' < *k/xrīnā- (др.-инд. krīnāti 'покупает'); gen-//gan- в frenow-//franow- 'обманывать' < *rīnā- (и.-э. lei- в др.-инд. lināti 'лжет', 'ластится', тадж. f(i)reb 'обман').

3) Мунджанские основы – рефлексy древнеиранских основ оптатива: kēn 'делать' < *kṛnī- (ав. kar-); wēn- 'уносить' < *bṛnī- (ав. bar-); stēr- 'подметать' < *us-tarai- (и.-э. ter- в ш. zidar-, инк. star- 'подметать', ср. йидга stor- < *us-tara-, т.е. основа индикатива); wu-žer- 'смотреть' < *awa-garai- (и.-э. gheI-, ghend(h)- в рус. глядеть; н.-перс. ni-gar- 'смотреть'); čih- 'падать' < *kač/hya- (ср. и.-э. kad-, kad/t-, др.-инд. śad- 'падать', ср. м. śad- в śad-ov- 'валить'); wē-yēn- 'складывать' < *yanai-; nē-riz- 'лизать' < *ni-raizai- (ав. raēz-); f(b)-čih- 'ломаться, разбиваться' < *ab/fi-čiv/hya- (ср. и.-э. (s)kei-t- в др.-инд. chinatti 'раскалывает'); win- 'видеть' < *wainai- (ав. waēn-); pēr-wiž-è 'просекать' < *pari-waigai- (ав. waēk-); luž- 'донять' < *daugai-, *dūgai- (и.-э. dheugh-).

Основа прошедшего времени и ее производные

5.2. У большинства глаголов основа прошедшего времени сравнительно с основой настоящего времени характеризуется дополнительным смичным -d (после звонкого исхода основы настоящего времени) или t (после глухого исхода основы настоящего времени) < *-t-, при этом возможно чередование корневого гласного, например: avezd- от avez- 'приводить', žemd- от žom- 'пить', dāft- от dāf- 'зажигаться', koft- от kaf- 'трескаться'.

Следует сказать, что большинство современных основ прошедшего времени, по-видимому, можно считать первообразными, ср., например, koft- от kaf- 'трескаться' < *kap/fta- (и.-э. (s)ker-), vost- от vond- 'зарягать быков' < *basta- (ав. band-) и др.

Мунджанская основа прошедшего времени, как и в других иранских

языках, продолжает древнеиранское причастие прошедшего времени. А древнеиранскому причастию прошедшего времени были свойственны, как известно, род, число и падеж. Следы былой родовой оппозиции сохраняются и в мунджанских основах прошедшего времени, например: *n(i)-yost* м.р., *n(i)yast-* ж.р. 'сидеть' < **ni-hastā-* (ав. *had-*); *koft-* м.р., *kaft-* ж.р. 'трескаться' < **kaftā-*; *boyd-* м.р., *baūd-* ж.р. 'делить' < **baxtā-* (ав. *bag-*). Но таких основ в мунджанском сравнительно немного. Большинство же основ нейтрально в родовом отношении, ср. *rust-* м./ж.р. (от *lur-* 'убегать') < **rasta-* (ср. и.-э. *ered-* 'течь'), *wuūd-* м./ж.р. (от *wuǰ-* 'орошать') < **wak/xta-* (ср. и.-э. *ueg^u-* 'мокрый, влажный') и др.

Но благодаря закономерностям, связанным с умлаутом, можно восстановить родовую принадлежность любой мунджанской основы прошедшего времени. Примеры.

1) Мунджанские основы прошедшего времени - рефлексy древнеиранского причастия прошедшего времени жен. рода: *xat-* (от *xan-* 'покупать') < **k/xritā-* (и.-э. *k^urinā-*, др.-инд. *krīnā-*, н.-перс. *xā-ridān*); *ny-čad-* (от *ny-čod-* 'мочить, вымачивать') < **ni-katā-* (и.-э. *g^uadh-* 'погружать в воду', др.-инд. *gāhate* 'окунуть, погружать в воду', ав. *pi-čōd-*); *t(ь)rayd-* (от *t(ь)ronǰ-* 'связывать, привязывать') < **trak/xtā-* (и.-э. *(s)treng-* 'стягивать', ав. *ǰraxta-* 'сжатый, зажатый').

2) Мунджанские основы прошедшего времени - рефлексy древнеиранского причастия прошедшего времени муж./ср. рода: *vost-* (от *vond-* 'запрягать быков, сажать лепешки в танур') < **basta-* (ав. *band-* 'связывать'); *rust-* (от *lur-* 'убегать') < **rasta-* (и.-э. *ered-* 'течь'); *tъrft-* (от *tъrf-* 'воровать') < **trp/fta-* (и.-э. *(s)ter-*, др.-инд. *-trp-*, ав. *tarep-*, ишк. *tъrf-*, ш. *ciř-* 'воровать'); *vъd-* (от *vep-*, 'уносить, нести') < **bṛta-* (ав. *bar-*); *skъst-* (от *skъd-* 'рубить, резать') < **skasta-* (и.-э. *(s)k(h)ed-*, др.-инд. *skhad-*, ав. *skand-*).

Анализ мунджанских основ прошедшего времени с точки зрения умлаута показывает, что в древнеиранском существовали не только причастия прошедшего времени на *-tā-, но и на *-tūā- или *-tī- муж./ср. и жен. родов, например: *ked-* (от *kan-* 'рыть, копать') < **kat^u-*, **katūā-* (ав. *kan-*); *weft-* (от *wof-* 'ткать') < **waftī-*, **waftūā-* (и.-э. *uebh-*, др.-инд. *vabh-*, ав. *ub-*); *vzend-* (от *vzon-* 'знать') < **abi-zantī-* (ав. *zan-*); *ǰret-* (от *ǰrag-* 'утаптывать') < **s/ǰrptī-* (ав. *spag-* 'топтать, ступать'); *ne-wešt-* (от *ne-wōš-* 'причесывать (ся)') < **ni-pa(k)štī-* (и.-э. *pek/k-* 'рвать волосы', *pk-t-en* 'расческа, гребень'); *let-* (от *lor-* 'иметь') < **dr^utī-*, ср. йидга *lat-* < **dr^utā-* (ав. *dar-*); *wu-net-* (от *wu-nog-* 'раскатывать тесто') < **awar^utī-* (ср. и.-э. *(s)ner-* 'крутить, вертеть'); *mist-* от *mel-* 'бродить (о тесте)' < **mastī-* (и.-э. *mad-* в н.-перс. *mast* 'кислое молоко', с. *nymuǰ-* 'киснуть, бродить').

5.3. Помимо основ прошедшего времени на -t/d (< *-tā-, *-tyā-, *-tī-) в мунджанском представлены также основы прошедшего времени на -y-, -oy-, -y, -iy-, а также на -k/k и ноль звука, например: ne-žay- (от основы наст. вр. ne-žen- 'наполнять'), pfoy- (от основы наст. вр. pfi- 'дуть'), p(ʰ)foy- в p(ʰ)foye 'созревший' (от незавидительствованной основы наст. вр. *pʰō-, ср., однако, м. pəčca, ийдга pič 'варящийся, кипящий', ав. rak-), kušk- (от основы наст. вр. ku- 'свежевать тушу'), mbr- (от основы наст. вр. mbr- 'умирать'), wu-žer- (от основы наст. вр. wu-žer- 'смотреть') и др.

С исторической точки зрения основы прошедшего времени на -y (и на другие варианты с y) в какой-то степени можно было бы рассматривать как рефлекс древнеиранского причастия прошедшего времени на суффикс с согласным *-t-. Но думается все же, что эти мундж. основы прошедшего времени продолжают древнеиранское причастие прошедшего времени на *-yā-, *-yī-, *-ayā, *-iyā-. Иначе трудно объяснить, почему основа прошедшего времени от м. kap- 'рыть, копать' представлена в виде ked- < *katyā, а основа прошедшего времени от м. ne-žen- 'наполнять' - в виде ne-žay- < *ni-gaya- (и.-е. g^hen- в н.-перс. a-gaḏān 'наполнять'). А доказательством того, что такой суффикс пассивного причастия прошедшего времени мог существовать в древности, является др.-перс. a-bariya- 'wurde gebracht' (Brandenstein, Mayrhofer, 1964). Поэтому такие мунджанские основы прошедшего времени, как wu-znoy- 'мыть', wu-foy- 'отдыхать', wu-droy- 'запыпать, дремать' и т.п. могут быть восстановлены соответственно в *awa-snāya- (ав. snā-), *awa-kāya- (и.-е. k^hei - 'отдыхать' в ш. wi-koy- 'отдыхать', но ав. šāta- 'радостный'), *awa-draya- (и.-е. drē- 'спать', др.-инд. drāti 'спит').

Среди основ прошедшего времени этого типа в мунджанском сохранились родовые пары, например: wu-znoy- м.р. 'мыть' < *awa-snāya-, но wu-zney- ж.р. < *awa-snāyī- (ав. snā-); wu-stoy- м.р. 'оставлять, ставить' < *awa-stāya-, но wu-stey- ж.р. < *awa-stāyī- (ав. stā-).

Как уже выше было отмечено, в мунджанском широко представлены основы прошедшего времени на -k/k- < *-kā-, *-k/čt, например: li-šk- (от супплетивной основы настоящего времени win- 'видеть'), kušk- (от ku- 'свежевать тушу') и др. Основы прошедшего времени с этим суффиксом имеют соответствия в авестийском и в других памирских языках, например: ав. huška- 'высохший, сухой' (от корня hašē- 'сохнуть') наряду с ав. hušata- 'высохший'; р. čūg- от kin- 'делать' < *krka-; р. zi-dūg- от zi-dār- 'подметать' < *us-tṛka- (и.-е. ter- в рус. тереть, ишк. star- 'подметать'). Но в других памирских языках основы прошедшего времени с этим суффиксом не получили столь широкого распространения. В мунджанском же языке основы прош. времени с этим суффиксом представлены довольно широко: mošk- (от maz- 'убивать') < *maška- (и.-е. magh- 'убивать') или < *mṛška- (ав. mar-

'умирать'; ср. дари -миѣ в par-миѣ 'подавленный, увялый' < *mṛčī-; g(i)yaṣk- от g(i)yar- 'переходить' < *wi-tṛṣka- (и.-е. ter-s-, ав. tar-); nē-yuṣk-, йидга nē-yuṣc- (от nē-yu- 'слушать') < *ni-g/yuṣk/-čī- (ав. gaoš-); xiṣk- от хѣс- 'тащить' < *k/xṛṣk/čī- (ав. karṣ-) и др.

Звонкий вариант этого мунджанского суффикса основы прошедшего времени представлен в м. zēn-g'iy-o // zuñ-g'ig-a 'юноша, подросток', где zēn-g- является рефлексом причастия прошедшего времени на-*k/čī-, т.е. < *zan-k/čī-, а zuñ-g- < *zan-ka- (ав. zan- в fra-zantay- 'ребенок', н.-перс. far-zānd 'ребенок', тадж. zoda 'рожденный', ш. zōd-, -zēd- основа прош. вр.).

Кроме отмеченных типов основ прошедшего времени в мунджанском, как уже было сказано выше, представлены также основы прошедшего времени на ноль звука, например: mṛ- от mṛ- 'умирать', stor- (наряду со stet-) от stər- 'подметать' и др. Думается, что исторически основы прошедшего времени этого типа продолжают причастия прошедшего времени на *-wā/ī- (ср. и.-е. mṛ-uo- наряду с mṛ-to- 'умерший' от mer- 'умирать'; др.-инд. rakvā- 'сваренный' от rak- 'варить', ав. rak-; ав. ahva- от ah- 'быть'). Основы прошедшего времени с нулевым суффиксом нашли отражение и в других памирских языках, например: ишк. pḥ- (наряду с pḥt-) от ras- 'варить, печь' < *rakwa-, язг. p'ūx°- < *rakwa- то же (ав. rak-); ш. ču- (наряду с čūd-) от kin- 'делать' < *krwa- (ав. kar-). Приводим примеры мунджанских основ прошедшего времени, продолжающих исторические причастия прошедшего времени на *-wā/ī-: mṛ- (к основе наст. вр. mṛ- 'умирать') < *mṛwa- (и.-е. mṛuo- от mer- 'умирать'); kər- (к основе наст. вр. kən- 'делать') < *krwī- (ав. kar- 'делать', ср. ш. ču- основа прош. вр. к kin- 'делать' < *krwa-); xur- (к основе наст. вр. xər- 'кушать') < *xrwā- (ав. xvar-); aver- (к avar- 'приносить') < *a-brwī- (ав. bar-); stor- наряду со stet- (к stər- 'подметать') < *us-tṛwa- (и.-е. ter- в ишк. star-, ш. zidar- 'подметать'); telg- (к tolg- 'колоть, резать скот') < *tṛ/lgwī- или *tar/lgwī- (и.-е. tel(e)gh-, tel(e)k- 'бить, убивать', др.-инд. tarh- 'раздроблять'); yir- (к yonḡ- 'молоть') < *arwī- (и.-е. al- 'молоть', др.-инд. ālu- 'очень мелкий', но ав. aḥa- из *(a)ḡḥā-, *arkā- 'смолоное', н.-перс. ard 'мука'). Как можно видеть, этот тип основ прошедшего времени свойствен в основном глаголам с исходным основой настоящего времени на -г.

Таким образом, в мунджанском нашли отражение следующие типы древнеиранских причастий прошедшего времени: причастия на *-tā-, *-tyā-, на *-atā-, *-atyā- или *-itā-, *-ityā-, на *-yā-, *-yi- или на *-ayā-, *-ayi-, причастия на *kā/ī-, -čī- и на *wā/ī-. Кроме того, все мунджанские основы прошедшего времени сохранили следы исторических родовых форм, что нашло отражение в корневом гласном основы.

Как и древнеиранские причастия прошедшего времени, мунджанские основы прошедшего времени имеют пассивное значение только при переходном глаголе. При непереходном глаголе они имеют активное значение, например: wuznoy- 'вымытый', nъwъxt- 'написанный', р̄оуеу (от р̄оу-) 'созревший', neуareу 'вышедший' (от neуar-).

5.4. Исторически производной от основы прошедшего времени является краткая форма причастия прошедшего времени, которая в настоящее время в основном служит для образования формы перфекта и плюсквамперфекта. Эта краткая причастная форма (или основа перфекта) образуется от основы прошедшего времени прибавлением суффикса -еу м.р., -еуа, -уа (после исхода основы на -r-, -y-), -йа- (после исхода основы на -k/g- ж.р., например: wefteу- м.р., wefteуа ж.р. от осн. weft- прош. вр. weft- 'ткать'; kereу- м.р., keryа- ж.р. от ker- 'делать'; wuznoyeу м.р., wuzneyа ж.р. от wuznoy- 'мыть'; liṣkiy- м.р., liṣkiya ж.р. от liṣk- 'видеть'. У некоторых глаголов в основе перфекта жен. рода происходит изменение корневого гласного, например: n(i)yosteу- м.р., n(i)yasteуа ж.р. от n(i)yost- 'сидеть, садиться'; ṣosteу- м.р., ṣasteуа ж.р. от ṣost- 'падать'.

С исторической точки зрения суффикс -еу, по-видимому, является отражением общеиранского суффикса этого типа причастий *-aka- I). В формах жен. рода имеется дополнительный суффикс -а < *-ākā-.

Выше уже говорилось о том, что современная перфектная основа служит для образования глагольных форм. Но в языке возможны случаи субстантивации этого краткого в прошлом причастия, например: уareу 'мука' (т.е. 'смолоное'), nъwъxteуа 'запись' (т.е. 'написанное'), хеста 'лепешка' (т.е. 'выпеченное', 'выпечка'), ср. ав. xwāstō 'испеченный'.

Выражение лица и числа

5.5. Лицо и число выражается по-разному. В глагольных формах, образованных от основы настоящего времени (настояще-будущее время, форма повелительного наклонения), лицо и число выражается личными окончаниями, а в глагольных формах, образованных от основы прошедшего времени (форма прошедшего времени, перфект, плюсквамперфект), лицо и число выражается особыми показателями лица и числа энклитического типа.

Личные окончания

В языке представлены следующие окончания:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	-em	-am
2 л.	-ey	-af
3 л.	-t/d, -i, ∅	-at

I) Хотя не исключено, что и в данном случае суффикс -еу < *-aya-.

В форме повелительного наклонения во 2-м лице ед. и мн. числа имеются другие окончания, а именно: ед. ч. ноль звука // - о, мн.ч. -it, например: wiš́k' // wiš́ko: 'встань!', wiš́kit 'встаньте!'

Исторически все личные окончания закономерно продолжают известные древнеиранские личные окончания, первичные или вторичные, активного или медиального залога, а именно: а) ед.ч. I л. -əm < *-āmi; 2 л. -əy < *ahi; для повелительного наклонения окончание, равное ноль звука, является отражением древнеиранской глагольной флексии 2 л. ед.ч. активного залога императива *-а, а мундж. окончание -о < *-ahwa, т.е. окончание 2 л. ед. ч. медиального залога императива; 3 л. -t/d < *-tf (первичное) или *-ta (вторичное), окончание -i, по-видимому, из *-it < *-īta- медиальный залог опатива, нулевое окончание в 3 л. ед.ч. отражает древнеиранское окончание опатива активного зал. *-yāt;ó) мн.ч. I л. -am < *-amā вторичное окончание активного залога; 2 л. -af < *at/√wām вторичное окончание медиального залога (подтверждением того, что -f- могло развиться из *-t/√w-, является м. š̄fur 'четыре' < *šat/√wārah, ав. šaṣwārō); окончание повелительного наклонения -it, по-видимому, из *-īta- или *-ātai, т.е. окончание 2 л. дв. ч. (др.-инд. -āthē, ав. -aiṣai-); 3 л. -at < *-antām медиальное окончание императива.

Показатели лица и числа

5.6. В глагольных формах, образованных от основы прошедшего времени, лицо и число выражается, как уже было сказано выше, особыми показателями, которые только в форме плюсквамперфекта отделяются от вспомогательного спрягаемого глагола и присоединяются к перфектной основе. В других памирских языках эти показатели лица и числа являются подвижными во всех глагольных формах, образованных от основы прошедшего времени. В I-ом и 2-ом лице ед. числа различаются два ряда показателей: для переходных и непереходных глаголов. Во всех остальных случаях показатели лица и числа не различаются в зависимости от переходности - непереходности глагола. Аналогичное явление наблюдается в язгулямском и бартангском языках, где также имеется два ряда показателей лица и числа для 3-го лица мн. числа.

В мунджанском представлены следующие глагольные показатели лица и числа:

	Ед. ч.		Мн. ч.
1 л.	-ь/əm (при перех.)	-	-am
	-am (при неперех.)		
2 л.	-ь/ət (при перех.)	-	-af
	-ay (при неперех.)		
3 л.	-а или ноль звука	-	-at

Как и в других памирских языках, показатели лица и числа, употребляющиеся при непереходном глаголе, исторически продолжают личные формы глагола *ah-, *h- 'быть' в настоящем времени одного из наклонений, т.е.: а) ед.ч. I л. -am <*ahmi, 2 л. -ay <*ahi, 3 л. -a <*ahat, а нулевой вариант <*hat; б) мн.ч. I л. -am <*hamā, 2 л. <*had/twam, 3 л. -at <*hantām.

Показатели лица и числа, употребляющиеся при переходном глаголе, могут быть истолкованы как рефлексы сочетаний древнеиранского глагола *ah-, *h- 'быть' в 3 л. ед.ч. конъюнктива или опатива с соответствующим энклитическим местоимением, т.е. а) ед.ч. I л. -ь/əm <*ahyāt + mai; 2 л. -ь/et <*ahyāt + tai; 3 л. -a <*ahat + hi; б) мн.ч. I л. -am <*ahat + ahmā (твор.мн.); 2 л. -af<*ahat + vāh; 3 л. -at <*ahat + tātīš, где tātīš твор. мн. от указательной местоименной основы *ta- (ав. tātīš), либо энклитическое местоимение *diš (ав. diš).

Личные формы глагола

5.7. В мунджанском представлены следующие глагольные формы: настоящее-будущее время, форма повелительного наклонения (для 2-го лица ед. и мн. числа), прошедшее время, перфект и плюсквамперфект (или точнее - преждепрошедший перфект, подробнее об этой форме см. дальше).

Как и в других памирских языках, в мунджанском из всех современных глагольных форм лишь две типологически продолжают древнеиранские. Это - форма повелительного наклонения и форма настоящего-будущего времени. Остальные формы представляют собой различные в хронологическом плане новообразования.

Но в мунджанском сохраняются и застывшие личные формы, продолжающие древнеиранские. Это - положительная и отрицательная формы глагола со значением 'есть, имеется': авт 'есть, имеется' и сьэв 'нет, не имеется'. Первая форма может быть восстановлена в *astām, т.е. 3 л. ед.ч. императива медиального залога от основы *ah- 'быть' (ишк. 'есть, имеется'). Отрицательная форма сьэв состоит из двух частей: отрицания сь <*naka- или *aka- (и.-э. nē, *ne в ne-k^uo-э 'ни один', ne-k^une 'и не', др.-инд. паса 'и не') и -(э)š <*ahyāt, т.е. 3 л. ед.ч. опатива акт. залога или *astī, т.е. 3 л. ед.ч. индикатива акт. залога от основы *aš- (и.-э. es-, *ek/k-, др.-ир. *ah-, *aš- 'быть', ср. ягн. связку 3 л. ед.ч. -x).

5.8. Форма повелительного наклонения 2 л. ед. числа имеет два варианта: а) неосложненная основа настоящего времени; б) основа настоящего времени + окончание 'о, например: wišk' // wiško! 'встань!'. Во мн. числе форма повелительного наклонения имеет окончание -it (ср. Грюнберг, 1972): wiškit! 'встаньте', ásit 'приходите!'. Пример во фразе: mof áyit, ze сь-уем 'вы идите, (а) я не пойду'.

5.9. Форма настоящего-будущего времени образуется прибавлением к основе настоящего времени личных окончаний. (См. парадигму спряжения глагола wof-: weft- 'ткать':

Н а с т о я щ е - б у д у щ е е в р е м я	
Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. zə wófəm	mox wófam
2 л. tʲə wófəy	mof wófaf
3 л. wə weft	way wófət

Как можно видеть, в 3-ем лице ед. числа может изменяться корневой гласный. Это свидетельствует о том, что форма 3-го лица ед. числа образована не от основы wof- < *wafa-, т.е. основы индикатива, а от основы wef- < *wafai-, т.е. основы оптатива (и.-э. *uebh-*; др.-инд. *vabh-*, ав. *ub-* в *ubdaēna-* 'сотканное').

Кроме изменения корневого гласного, в 3-ем лице ед. числа могут иметь место и другие фонетические явления: выпадение сонанта *r*, *n* или, наоборот, появление сонанта *n*, например: 3 л. ед.ч. *let* от основы наст. вр. *lor-* 'иметь', *wuʒit* от основы наст. вр. *wuʒer-* 'смотреть', *piet* от *pera-* 'спрашивать', *xondi* от *xed-* 'смеяться' и др. Это тоже является свидетельством того, что форма 3-го лица ед. числа образована от другого варианта основы, т.е., например, основа настоящего времени *lor-* < *dāra- основа индикатива с корневым гласным на сильной ступени, а *let* 3 л. ед. ч. этого же глагола < *drti- основа оптатива с корневым гласным на слабой ступени плюс личное окончание *-ti.

Некоторую особенность в спряжении в форме настоящего времени имеют глаголы типа *lor-* 'иметь', *rim-* 'нравиться'. Если при спряжении всех других глаголов в этой глагольной форме именное подлежащее употребляется в прямой форме, то при спряжении этого типа глаголов, именное подлежащее употребляется в косвенной форме, т.е. ед.ч. *mən lorəm*, *ta lorey*, *wan let*; мн.ч. *mox lorəm*, *mof loraf*, *waf lorat*.

Глагольная форма настоящего-будущего времени выражает всякое непроедшее действие: *zə ʒuəm nauŋ ɡuʒəm*, *wədəm ʒəəm* 'я пойду заменю хлеб(и) тут же приду'; *f(b)-ta xiyayin vint* 'тебя он сам уведет'; *ta ʒti ɡóʒəneʒ?* 'что ты говоришь?'; *tʲə wə- tʲak dal no mən to zə wuʒarəm* 'дай мне ружье, чтобы я посмотрел'.

5.10. Форма прошедшего времени образуется сочетанием основы прошедшего времени с показателем лица и числа, при этом, как уже упоминалось, в 1-м и 2-м лице ед. числа различается спряжение переходных и непереходных глаголов. Именное подлежащее при переходном глаголе, как правило, употребляется в косвенной форме. (См. парадигму спряжения переходного глагола wof-: weft- 'ткать' и непереходного глагола ʒih-: ʒost- 'падать' в этой форме:

П р о ш е д ш е е в р е м я

	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л.	mɛn weftɛm zə ʧostam	mox weftam mox ʧostam
2 л.	ta weftɛm tu ʧostay	mof weftaf mof ʧostaf
3 л.	wan weft we ʧost	waf weftat way ʧostat

Следует сказать, что при форме прошедшего времени (как и при других формах, образованных от основы прошедшего времени) некоторых переходных глаголов (типа 'смеяться', 'нравиться') именное подлежащее употребляется не в прямой форме, а в косвенной, например: savzipari-yin xediya 'пери Савзи засмеялась'.

Глагольная форма прошедшего времени употребляется для выражения всякого действия, имевшего место в прошлом независимо от его длительности и кратности: xiyayin ʃəy ba-beozgoni 'сам он отправился по купеческим делам'; dbr f(ʋ)ta kʋ liʃk'-ɛm - va-xay rúr-ɛm 'сегодня, когда (я) тебя увидел - (ну прямо) мой собственный сын'; wa rúr-ɛʃ aft-mo viya kʋ wə tot mɛra 'его сыну было семь месяцев, когда его отец умер'; ʃɛ ubóndəy-ɛm '(я) не проголодался'; miro vʃəy 'солнце село'; way ʒink-in ʃta 'та женщина сказала'; və-réfika ʏerəvd, stəta, pokiza kʋr '(она) взяла веник, подмела, (все) подчистила'.

Выше уже говорилось о том, что при переходном глаголе именное подлежащее употребляется обычно в косвенной форме. Но в наших материалах зафиксированы случаи нарушения этого правила, т.е. вместо косвенной формы именного подлежащего отмечена прямая форма, например: zə ʃɛ vzendɛm 'я не знал'; aga zə va viyam, no tʋ va liyem 'если бы я был (тут), я бы тебе дал'. Правда, во втором примере при переходном глаголе именное подлежащее отсутствует, но можно полагать, что zə 'я' относится в равной степени как к придаточному предложению, так и к главному. Кроме того, в этом сложноподчиненном условном предложении обращает на себя внимание наличие приглагольной частицы va, которая функционально и по происхождению соответствует русской частице бы. Она может употребляться также при форме перфекта.

5.II. Форма перфекта образуется сочетанием перфектной основы (исторически - причастие прошедшего времени) с показателями лица и числа. Парадигма спряжения тех же глаголов в этой форме:

П е р ф е к т

	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л.	mɛn weftəyɛm zə ʧostəyam	mox weftəyam mox ʧostəyam
2 л.	ta weftəyet	mof weftəyaf

	tu čostəyay	moč čostəyaf
3 л.	wan_wəfttəy	waf wəftəyat
	wə čostəy	way čostəyat

Форма перфекта выражает результат действия, имевшего место в прошлом: хуб њеу кь оуаеуау 'хорошо, что ты пришел'; мох мисафиди њеуеуам 'мы уже стали старыми'; нарх ње гууп-ан сисад (афюни) моф хиуан нелгевдиуаф 'вы (уже) сами назначили цену масла в триста (афгани)'; нә кә ва дир пристеуем ва 'кому-нибудь другому (я) продал бы'.

5.12. Форму плюсквамперфекта правильнее было бы назвать формой преждепрошедшего перфекта, поскольку она образуется сочетанием перфектной основы смыслового глагола с вспомогательным глаголом *v-*: *viu-* 'быть' в форме перфекта. В отличие от всех глагольных форм, образовавшихся от основы прошедшего времени, показатели лица и числа при этой глагольной форме отделяются от спрягаемого вспомогательного глагола и употребляются при неспрягаемой перфектной основе смыслового глагола. Приводим спряжение глагола *čih-*: *čost-* 'падать' в этой форме:

Преждепрошедший перфект

	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л.	zə čostəy-am viya	moč čostəy-am viya
2 л.	tə čostəy-ay viya	moč čostəy-af viya
3 л.	wə čostəy viya	way čostəy-at viya

Неизменяемый компонент этой формы *viya* представляет собой употребляющееся в настоящее время (кроме этого случая) причастие прошедшего времени жен. рода (ср. именное окончание жен. рода *-a* в *friya* 'блоха', *pała* 'нога') и может быть восстановлен в **bütI--ākā--*. Соответствующая форма муж. рода *viyəy* тоже отмечена в форме преждепрошедшего перфекта, ср. *zə ʃəyəy-am viyəy* я '(давно) уехал'. Но она употребляется очень редко. Аналогичная глагольная форма представлена также в ишкашимском языке: *watúk-əm v̄dūk* '(я) упал(а)', *watúk-ət v̄dūk* '(ты) упал(а)', *watúk v̄dūk* '(он(а)) упала', *watúk-on v̄dūk* '(мы) упали' и т.д. А мунджанское *ʃəyəy-am viyəy* полностью соответствует ишкашимскому *v̄dūk-əm v̄dūk* '(к тому времени я), должно быть, уже уехал'.

Переходный глагол в этой форме нами не зафиксирован. Но если учесть материал диалекта йидга, то его спряжение может быть приведено в следующем виде (спрягается глагол *wof-*: *wəft-* 'ткать'):

	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л.	m̄n wəftəy-əm viya	moč wəftəy-am viya
2 л.	ta wəftəy-ət viya	moč wəftəy-af viya
3 л.	wan wəftəy viya	waf wəftəy-at viya

Глагольная форма преждепршедшего перфекта употребляется сравнительно редко и выражает результат действия, предшествующего другому действию, или вообще давнопршедшее действие. Примеры: *mələ čostey viya* '(она) вот здесь упала'; *ovde miñ ġey kə way ġriy-an wada liyey viya* 'вот уже семь дней прошло с тех пор, как ее муж дал обет'.

Неличные формы глагола

И н ф и н и т и в

5.13. Мунджанский инфинитив (или имя действия) образуется от основы настоящего времени прибавлением одного из суффиксов: *-d/to(w)*, *-(e/ə-yo(w))*, *-ko(w)*, *-o(w)*, например: *wef-to(w)* 'ткать', *čos-to(w)* 'падать', *liš-ke(w)* 'видеть', *kuš-ko(w)* 'колоть, резать (животное)', *ži-yo(w)* 'бить, ударять', *kər-o(w)* 'делать', *xur-o(w)* 'кушать'. Как можно видеть, в ряде случаев инфинитив образуется не от того варианта основы настоящего времени, который функционирует в языке, а от другого варианта, который либо не употребляется отдельно, либо вообще не зафиксирован в языке. Так, например, инфинитив *wef-to(w)* 'ткать' образован от неупотребляющейся отдельно основы наст. времени *wef-* < **wafai-*, т.е. основы опатива. В качестве основы наст. времени этого глагола в языке функционирует *wof-* < **wafa-*, т.е. основа индикатива. Или, другой пример: инфинитив *liš-ko(w)* 'видеть' образован от незафиксированной основы наст. времени **liš-* < **dišai-*, т.е. основы опатива (ав. *dā(y)-* 'видеть', др.-инд. *dhiṣāna-* 'понятливый', вах. *diš-* 'знать, понимать'). В качестве основы наст. времени этого глагола употребляется сушлетивная основа *win-* 'видеть' (ав. *vaēn-*). Таким образом, в мунджанских инфинитивах сохраняются такие варианты основ наст. времени, которые сейчас в языке не функционируют. Это наблюдается и в других памирских языках. Так, например, ш. *či-dōw* 'делать' образовано от основы настоящего времени **či-* < **krai-* основы опатива, т.е. от основы, которая в языке не функционирует. В качестве основы настоящего времени в шугнанском используется *kin-* < **kri-* (ав. *kar-*). Или, например, ш. *wizēn-tōw* 'знать' при функционирующей основе настоящего времени *wizān-*.

Мунджанский инфинитив, являясь именем действия, употребляется в тех же функциях, что и имя существительное: *tə qaža mox niho to nə ġeyow-an* 'ты посиди с нами до ухода!'; *ešku čəš nə xurəw-an* 'ничего нет для еды'; *šə xāi/lyow-an fojida čəš* 'плакать - бесполезно'.

Инфинитив употребляется также в особых конструкциях для выражения начала действия, возможности, необходимости совершения действия, например: *guxtəm dambura žiyb* 'я начал играть на тамбуре'; *yan bno kər və-xəyuo* 'он начал плакать'; *yow-i kūsko čə kərkeŋ?* 'ты не сможешь зарезать корову?'; *ala niyoste čə kərkr* 'он не смог здесь жить'; *və-rivəŋ žə aždōr-an kay muževdo čə kərkerat* 'никто не мог

шевелинуть голову дракона'; $\ddot{z}ay-i$ не wuznouw-an 'нужно постирать белье'.

Историческими соответствиями для мунджанских суффиксов инфинитива являются следующие. Суффикс $-d/to(w)$ отражает форму вин. падежа ед. числа конечного элемента исторического инфинитива, т.е. $*-tawam$ или основу $-tawa-$ (ср. др.-инд. инфинитив дат. падежа $kār-tavai$ 'делать'). Остальные мунджанские суффиксы инфинитива также отражают историческую падежную форму (или основу): $-yo(w) < *yawa(m)$, $-k/ko(w) < *-kawa(m)$, $-o(w) < *-awa(m)$. Все эти мунджанские суффиксы инфинитива имеют соответствия в других памирских языках, ср. ш. $wef-tōw$ 'катыть', $vi-dōw$ 'быть', вах. $re-dōw(n)$ 'давать', р. $šī-gōw$ 'делать', вах. $səg-ak$, ишк. $kʷn-ūk$ 'делать' и др.

П р и ч а с т и е

5.14. Наибольшее распространение имеют два причастия прошедшего времени: причастие, образующееся от основы прошедшего времени, и причастие, образующееся от основы перфекта (исторически распространенное причастие прошедшего времени). Эти причастия, как и имена, имеют категорию рода, числа и - при субстантивации - категорию падежа.

Причастие, образующееся от основы прошедшего времени, имеет следующие суффиксы: а) м.р. $-əy$ (возможно, из более раннего $*-əy/g$, $-iy/g$ у глаголов с исходом основы прошедшего времени на $-k/g-$); б) причастие жен. рода имеет дополнительный гласный $-a/e$. Примеры: $skəstəy$ м.р., $skəstəy/ga$ ж.р. от основы прош. вр. $skəst-$ 'резать'; $kəvdəy$ м.р., $kəvdəy/ga$ ж.р. от основы прош. вр. $kəvd-$ 'жевать'; $li/əškīy/g$ м.р., $li/əškīy/ga$ ж.р. от основы прош. вр. $li/əšk-$ 'видеть'; $kəreəy$ м.р., $kə(ə)y/ga$ ж.р. от основы прош. вр. $kər-$ 'делать'.

Форма мн. числа образуется, как и в именах существительных, с помощью суффикса $-i$: ед. ч. м.р. $n(i)yóstəy$, мн.ч. $n(i)yóstəyi$, ед.ч. ж.р. $n(i)yástəy/ga$, мн.ч. $n(i)yástəy/gi$ от основы прош. вр. $n(i)yost-$ м.р., $n(i)yast-$ ж.р. 'сидеть'.

Это причастие употребляется в основном в функции сказуемого, например: $sawuotí yʷrbvdey$, $ʃəyey skapir ne potšo-an$ '(она) взяла сладости, пошла к царю'; $va-baxt no mən nəʃeʃtey$ 'мне предназначали мою долю'; $da fatir-af rayā dəyey$ 'в хлебный мякиш положено масло'; $yu rarizoda niyástəya/e$ '(а там) сидела одна перь'.

С исторической точки зрения эти причастия представляют собой распространенные причастные формы на $*-tā/ī-+-kā/ī-$, $*-kā/ī-+-kā/ī-$ и $*-yā/ī-+-kā/ī-$ (или $*-wā/ī-+-kā/ī-$), т.е., например: $stət-əy$ от основы прош. вр. $stet-$ 'подметать' может быть восстановлено в $*us-tr-+-tī-+-kā-$ (и.-э. $ter-$ 'чистить', ишк. $star-$, ш. $zidar-$ 'подметать'; соответствующая причастная форма в ишк. $stuld-ūk$, в ш. $ziāyʷʷ$); $lišk/iy$ $< *diš-+-kī-+-ki-$ (и.-э. $dī-$ 'видеть', вах. $diš-$

'знать', н.-перс. *didān* 'видеть'); *kəg-ey* < **kɣ--y/ĩ--ka-* (ав. *kar-*, соответствующая причастная форма в р. *čūj* < **kɣ--t-wa--ka-*, хуф. *čugj* < **kɣ--t-ka--čI-*, р. *čīwc* мн.ч. ж.р. < **kɣ--t-wĩ--čI-*).

Имеются случаи субстантивации этой причастной формы, например: *yarey* 'мука' (букв. 'смолотое'), *kaley* 'сажа' (букв. 'закопченное, задымленное' (и.-э. *ked-* 'коптить, дымить', рус. чад, кад-ило).

Другое причастие прошедшего времени образуется прибавлением к причастию (точнее - к перфектной основе) на *-ey* (из **-ey/g* или **-iy/g*) суффикса *-á(y/g)* м.р., *-(á)y/ga* ж.р., например: *n(i)yostey/ga* м.р., *n(i)yastey/gay/a* ж.р. от перфектных основ *n(i)yostey/y* м.р., *n(i)yastey/ga* ж.р. от глагола *nih-* 'сидеть, садиться'; *nəwxtey/gá* м.р., *nəwxtey/gay/ga* ж.р. от глагола *nəwix-* 'писать'. Форма мн. числа образуется так же, как и у имен существительных, прибавлением суффикса *-i*; *nəwxteyi* м.р., *nəwxteyayí* ж.р. При переходном глаголе оно имеет пассивное значение.

В предложении это распространенное причастие может выступать в любой именной функции, например: *wə mən nəwxteyá ští ħey?* 'куда девались мои записи' (букв. 'записанное'); *vričkiyá ġilós-i nə mən č̣ dal!* 'не давай мне надбитый стакан!'; *za xoġay tarýok-an č̣e-leyam,* *ya mevdega* 'я не дал им терьяк ходжи, он взвешен'; *ála gazdona ḳnam wə xuerga,* *ya nilevdegága,* *ila ħkobam* 'тут мы поворачиваем мельницу, она опущена, мы ее поднимаем'; *zir-i awan-yon hazons gur keryá ast* 'под ним зарыто сокровище'; *Amir-Amza ba amroi Mir-Nigor-in nyosteyayí viyat ḳy ay č̣fir kávyoki aḳpir nyostat* 'АМИР-АМЗА вместе с Мир-Нигор сидели, когда прилетели эти четыре голубя'.

Это причастие используется также при образовании формы страдательного залога в сочетании с глаголом *ay-*: *ħey-*, например: *wuzir si sir yarey averya ħey* 'вчера было привезено тридцать сиров муки'.

Исторически суффикс этого причастия *-a(y/g)* м.р. < **-aka-*, *-(a)y/ga* ж.р. < **-ākā--t-kā-*, ср. ш. *-ak* < **-ākā-* в *ziyux̣--ak* 'засохший'.

Кроме этих двух причастий прошедшего времени в мунджанском сохраняется еще застывшая форма краткого причастия, равная основе прошедшего времени, например: *xést-a* 'лепешка, хлеб' (букв. 'испеченное, выпечка'), где *xest* < **xwāstyā-* или **xwastī-* (ав. *xwāstō* 'испеченный'), *-a* — именной суффикс жен. рода; сюда же будет относиться и м. *xost-a* 'толстые лепешки, хлеб из кислого теста', где *xost-* < **xwasta-*; *na-wuznoy-* 'немный', где *wuznoy-* < **awa-snāya-* (ав. *snā-*).

5.15. Наконец, в мунджанском достаточно сохраняются причастия настоящего времени: 1) *pəč(ç)a,* *ийдга* ' кипящий' (ср. ав. *pačika-* 'варящий'); 2) *bīw-an-ey* 'пугало' (ср. и.-э. *baui-* 'пугать'); 3) *xəil-en-a* 'свирель' (ср. и.-э. *swēi-l-* 'свистеть', ш. *xixilān* 'свирель', н.-перс. *siflidān* 'свистеть').

ЯЗГУЛЯМСКИЙ ЯЗЫК

Имя существительное

Основы

I.0. С синхронной точки зрения большинство имен существительных является непроеводными. Имеющиеся в языке в большей или меньшей степени продуктивные аффиксальные элементы сравнительно немногочисленны (Эдельман, 1966).

Из префиксальных элементов можно указать на: pa/er- (< *paḡā-, *paṛi-) в pa/er-bast 'браслет', av- (< *upā-) в av-dūst 'рукавица', a- (< *ham-) в a-ban 'жена многоженца по отношению к другой жене', pa- (< *arā-) в pa-ḡeṭ 'остатки сыворотки' (ср. ḡeṭ 'сыворотка') и др.

Из суффиксальных элементов наиболее распространенным является различно вокализованный элемент -k/g < *-kā-, например: ḡetar-ag 'звезда', k'er-ok 'клуша', wib-ek 'крайний вол в упряжке при молотье', z(ə)v-eg 'язык', kuv-ek 'коробочка хлопка'. Звонкий вариант этого суффиксального элемента, т.е. -g-, в некоторых случаях чередуется с палатальным -ḡ- или аффрикатой -j- например: yaḡ-ag 'девочка, девушка', ḡeb-ḡg 'лопаточка для сгребания муки на мельнице', kaṇ-uḡ 'кетмень'. Невокализованный вариант этого суффикса, относящийся к более раннему синхронному срезу и, как правило, уже не воспринимающийся в настоящее время говорящими как суффикс, представлен в таких словах, как: pət-k 'гнилушка', ḡer-k 'бревно', ruḡ-g 'мышь', ḡar-g 'сестра', paḡan-g 'ножны', zaṇ-ḡ 'поле', weṇ-j 'телка', ne-j 'нос' и др. В ряде слов отмечен также коррелят этого суффикса, представляющий собой рефлекс исторического суффикса жен. рода, т.е. -s < *-ḡi-, например, ḡaf-s 'метла' (ср. ш. ḡūb- 'мести', ягн. ḡubḡ, б.ḡafс, ишк. ḡef- 'метла'; ср., однако, язг. ḡeb-ḡg 'деревянная ло-

паточка для сгребания муки на мельнице').

Небольшое число язгулямских слов сочетает в себе оба разновременных варианта этого суффикса, например: $\gamma\acute{e}r-\check{c}-ag$ 'гора' < * $g/\gamma\acute{a}r\acute{i}---ka---aka$, (ав. *gairi-*), $\check{z}e/in-\check{J}-ag$ 'женщина' < * $g/\check{J}\check{a}n\acute{I}---k\check{a}---\check{a}k\check{a}$ - (ав. *Jaini-*). Такое наизывание суффиксов (в том числе однородных) происходит в силу того, что со временем суффиксальные элементы постепенно перестают осознаваться говорящими.

I.1. Непроизводные с синхронной точки зрения имена исторически по своему составу могут быть разделены на: а) неосложненные имена, т.е. имена продолжающие ту или иную историческую именную основу, например, $v\acute{u}r$ 'плод(ы)' < * $b\check{a}ra-$; б) имена с суффиксальным наращением, которое в настоящее время уже не воспринимается как таковое, например, $xuf-k'$ 'пена' < * $xafa---ka-$ (др.-инд. *karpa-*, ав. *kafa-*); в) имена с неосмыслившимся в настоящее время префиксальным наращением, например, $a-ban$ 'жена многоженца по отношению к другой жене' < * $ha(m)-ra\check{v}n\check{a}$ - (ав. *ra\check{v}n\acute{I}-*); г) имена, представляющие собой исторически редуцированную основу, например: $\check{x}a-xar-g'$ 'улар, горная индейка' < * $(k)\check{J}\check{a}-xar\check{a}---ka-$ (и.-е. *k/ker-* в др.-инд. *\acute{s}\check{a}r\acute{i}- 'одна из птиц', *\acute{s}\check{a}rik\check{a}- 'индийская сорока'); д) имена, представляющие собой исторически сложное слово, например, $f\acute{e}r-\gamma\acute{e}m-\check{c}$ 'двухгодовалая коза, первородка' < * $far\check{w}\check{y}\check{a}-g/\gamma\acute{a}m\acute{I}---k\check{a}$ - (ср. и.-е. *pr\check{o}-uo-* в др.-перс. *paruva-*, ав. *pa\check{u}rva-* 'первый' и и.-е. $g^u\check{a}$ -, $g^u\acute{e}m-$ 'рождать (ся)', ав. *ni-\check{J}\check{a}ma-* '(ново)рожденный', ш. *far\check{w}\acute{e}m\check{c}* 'первотелая корова', ав. *ra\check{v}n-\gamma\acute{u}m* 'первотелая корова', $-\check{J}\check{u}m$ в *ni-\check{J}\check{u}m* 'овца годовалая').**

В дальнейшем при анализе язгулямских именных основ мы будем иметь в виду их неосложненную часть.

I.2. Анализ язгулямских именных основ с точки зрения умлаута дает возможность соотнести каждую из них с определенным типом исторической основы. При этом следует иметь в виду следующие фонетические закономерности:

1) язгулямские корневые гласные \check{a} , a , представленные на месте лобного исторического гласного или слогового * \check{J} , указывают на историческую позицию \check{a} -умлаута. Поэтому язгулямские основы с этими корневыми гласными являются рефлексамы исторических основ на * $-\check{a}$ - или * $-\check{a}+$ согласный". Примеры: $-\check{J}an\check{J}$ в $w\acute{e}x-a-\check{J}an\check{J}$ 'муж и жена' < * $g/\check{J}\check{a}n\check{a}---k\check{a}$ - (и.-е. $g^u\check{e}n\check{a}$ -, ав. *ge\check{n}\check{a}*-); $w\check{a}d$ 'арык' < * $w\check{a}d/\check{d}\check{a}$ - (и.-е. *a\check{u}ed-*, ав. *vaidi-*, *aoda-*); $p\check{a}n$, $pa\check{n}d$ 'путь, дорога' < * $pa\check{n}t\check{a}$ - (ав. *pa\check{n}t\check{a}-); $\gamma\acute{a}r$ 'камень' < * $g/\gamma\acute{a}r\check{a}$ - (ав. *gairi-*); $k\check{a}rm$ 'червь' < * $k\check{a}r\check{m}\check{a}$ - или * $k\check{r}\check{m}\check{a}$ - (др.-инд. *k\check{r}\acute{m}\acute{i}-, ав. *ker\check{e}ma-*); vaz 'коза' < * $b\check{u}z\check{a}$ - (ав. *b\check{u}za-*); $s(\acute{e})tan$ 'столб, колонна' < * $st\check{u}n\check{a}$ - (ав. *st\check{u}n\check{a}*-); $z\acute{e}n\check{a}y$ 'снег' < * $sna\check{g}\check{a}$ - (ав. *sna\check{e}\check{z}\check{a}*-); $s(\acute{e})paw$ 'вошь' < * $s\check{w}\acute{e}l\check{a}$ - (ав. *sp\check{r}\check{š}*-); $\check{z}\acute{a}y$ 'тетива лука' < * $\check{J}\check{y}\check{u}\check{a}$ - (и.-е. $g^u\check{h}\acute{I}$ - ав. *\check{J}ya-*);**

2) язгулямские корневые гласные *ə*, *e*, *i*, представленные на месте ир. **ā*, **ī*, корневые гласные *ə*, *i*, *u*, представленные на месте ир. **au*, **ū*, корневые гласные *e*, *o* < **ō*, гласный *i* < **ai*, **ī* указывают на историческую позицию *i*-умлаута. Поэтому язгулямские основы с этими корневыми гласными, развившимися из указанных исторических гласных, являются рефлексами древнеиранских основ на -*ī*-, *-*ya*-, *-*au*-, а также "-*ī* + согласный" и т.п. Примеры: *ʒə/inʒag* 'женщина' < **g/ǰānī*-+-*kā*-+-*ākā*- (и.-э. *g^uēnā*-, др.-инд. *janī*-, *jāni*-, ав. *ǰāni*-; ср. язг. -*ǰanǰ* в *wex-a-ǰanǰ* 'муж и жена', которое отражает историческую *ā*-умлаутную позицию); *azən* 'полдень' < **āzani*(-), т.е. либо основа, либо местн. ед. (и.-э. *ēghen*- 'день'); *peǰ* 'нога' < **pād/duǰ*- (ав. *paǰu*а-; ср. язг. *paǰ*- в *paǰag* 'место для ноги на овринге', которое является рефлексом ир. **pād/dā*-); *yew* бик < **g/yawu*а- (ав. *gav*-, *gawu*а-; ср. язг. *yaw*- в *yaw-ek* 'ГОВЯЖИЙ'); *veǰ* 'участник в доле' < **bag/ǰi*-, **bag/ǰya*- (и.-э. *bhag*-, др.-инд. *bhaj*-, ав. *bag*- 'делить, наделять', ср.-перс. *ham-bāy* 'сотоварищ, обладающий общей долей', ишк. *an-boy* 'жена многоженца по отношению к другой жене, т.е. 'содольница'); -*wes* в *par-wes* 'ПРОШЛЫЙ ГОД' < **watsi*(-) т.е. либо основа, либо местн. ед. (и.-э. *uet*-, **uets*-, др.-инд. *vatsá*- 'год'); *g^oid* 'перепелка' < **wrd/tī*- (др.-инд. *vartikā*-, ш. *gōrb*, ишк. *worc*); *ri* 'лицо' < **raudī*-, **rūdī*- (ав. *raoda*-); *bi* 'запах' < **baudī*-, **būdī*- (ав. *baoda*у-); *rut* 'ГОРНЫЙ ПОТОК' < **rūtī*- (др.-инд. *srōtaḥ*, ав. *raodaḥ*-, др.-перс. *rautah*-, н.-перс. *rud* 'река'); *reǰ* 'кишка' < **rōtī*- (и.-э. *reuto*-); *zer* в сочетании с *k^oən*- 'осиливать, побеждать' < **zōrī*- (и.-э. *geu*- в ав. *zāvar*- сила, н.-перс. *zūr* сила); *le* обращение мужчин или мальчиков друг к другу < **l/rōdi*- или **l/rōdai* (и.-э. *leudhi*- 'народ', др.-в.-н. *liut* 'человек', алб. -*la* в *vēla* 'брат', рус. -людин в простолодин, ш. -*lō* в *a-lō* обращение женщин или девушек друг к другу, -*rō* в *a-rō* обращение к равному, ср. мн.ч. *a-rōd-ār*); *zin* 'зима' < **zainī*(-) (ав. *zaen*-); *ǰ^oid* 'пот' < *(*k*)*ǰwaid/ōī*-, *(*k*)*ǰwid/ōī*- (др.-инд. *svēda*-, ав. *xvaēda*-); *ǰ^oil-an* 'свирель' < *(*k*)*ǰwail/rī*-, *(*k*)*ǰwīl/rī*- + суф. (и.-э. *suei*-, *sui*- 'свистеть, дуть', ш. *ǰi-ǰilān* 'свирель', н.-перс. *siflidān* ив *siflidān* 'свистеть');

3) язгулямские корневые гласные *o*, *ú*, *u*, представленные на месте ир. **ā*, **ī*, корневые гласные *o* < **au*, *o* < **ū*(?), *e* < **ai*, *e* < **ī* указывают на историческую позицию *a/u*-умлаута (или нейтральную позицию). Поэтому язгулямские слова с этими корневыми гласными, представленными на месте указанных выше исторических гласных, являются рефлексами древнеиранских основ на *-*a*-, *-*u*- или ***-a/u* + согласный". Примеры: -*dom* в *zinda-dom* 'ЛОВУШКА, рассчитанная на поимку живьем' < **dama*- (и.-э. *dem*- 'заковывать в кандалы, брать в плен'); *ǰom* вечер < **kārna*- (ав. *xāra*-); *roǰna* 'пятка' < **pāǰna*- + суф. (др.-инд. *pāǰni*-, ав. *pāǰna*-); *mūǰ* 'горох, фасоль' < **maǰa*- (др.-инд. *maǰa*-,

ш. maḫ; yūrḫ 'медведь' < *ar(k)ḫa- (др.-инд. ṛkṣa-, ав. arḫa-); xuf-k 'пена' < *xafa-+-ka- (др.-инд. kapha-, ав. kafa-); royn 'масло' < *rauyñā- (ав. raouya-); toxm 'зерно, семя' < *tauk/xmā- (др.-инд. tokman-, ав. taoxman-); doyd дочь < *d/duḡ/ytar- или < *d/duḡ/ytā (ав. dugedar-); doḡ 'дым' < *d/dūtā- (др.-инд. dhūma- дым); γ^ov 'экскременты' < *g/γuḡvā- или *g/γūvā- (и.-е. g^ubu-, g^uci-, ав. gūva-); -mey в kaw-mey 'облако' < *maiya- (ав. maēya-; но ср. язг. mey- в mey-dob 'пасмурная погода перед дождем' < *mīya- тот же корень); jet 'волосы' < *gaita- (и.-е. ghaitā-, ав. gaēv/sav-, н.-перс. gisu).

1.3. Для ряда слов в язгулямском зафиксировано варьирование корневого гласного, например: ped 'нога' < *pad/duā-, pad-ag 'место для ноги на овринге' < *pād/dā-, puḡ 'след' < *pad/da-; šām 'глаз' < *šāsmā(-), т.е. или основа жен. рода, или дв. ед. от основы муж. рода *šāsmā- (ав. šāšman-, др.-перс. šāšma-; но -jūm в šin-jūm 'голубоглазый' < *šāšman-); sawḡ 'год' < *sard/dā-, siḡ в a-siḡ 'в этом году' < *srd/da-, -siḡ в sedasiḡ 'три года назад' < *srd/di(-), т.е. либо основа, либо им.-вин. мн.ч. ср.р. от атематической основы (ав. sared-); doḡ 'хвост' < *duma-, -dēm в par-dēm 'подхвостник' < *dumi-, -dām в rešta-dām 'краснохвостка (назв. птицы)' < *d/dumā- (ав. duma-) и др.

1.4. Некоторые язгулямские основы с исторической точки зрения представляют собой, как уже было отмечено выше, рефлексы редуцированных основ. Примеры: pa-raž-g 'мочевой пузырь' < *pa-ra(n)k/gā- (и.-е. pank/g- 'вздуться'; ср. аналогичную модель в ш. pi-bīz-g 'мочевой пузырь' < *pī-pīsa-+-ka-, и.-е. reis- 'вздуться'; для развития значения ср. и.-е. p(h)eu-, p(h)ū-, p(h)ū-s/t- 'вздуться, пузыриться' в лит. pūslė 'пузырь (в том числе мочевой)'; kēgerj//kigerj 'съедобные грибы' < *kr-k/garī-+-ka- (ср. и.-е. kar-, kar-kar- в кимр. seri 'плод', ягн. хорċ, тадж. k/qorċ 'гриб', тадж. šayora 'грибы', курд. kari 'гриб', ш. ċiċorċ 'грибы'); ne-žūž 'вой' < *ni-gū-gū (и.-е. gōu-, gū-'звать, кричать', др.-инд. gav-'звучать', пуш. ž/zwaz/ž 'шум, гам'); yel-val 'завитушка, кудряшка' < *g/yal/r-g/yarā- (ср. и.-е. ger- 'крутить, вертеть'); k^oe-k^o(e)ley 'град' < *k(w)l/r-k(w)l/raγī- (и.-е. gel(e)- 'покрываться льдом, замерзать'; ломанная редуцированная основа < *gla-g- в др.-норв. klaki 'ледяная корка на земле', лат. glacies 'лед') и др.

1.5. Ряд язгулямских именных основ с исторической точки зрения являются композитами. Примеры:

1) engeḫ-mek 'наперсток' < *angušta- + mīka-, т.е. 'надеваемое на палец' (для первой части ср. ав. angušta- 'палец', а для второй ср. др.-перс. -mauša в rati-mauša- 'надевать');

2) fer-γem-č 'двухгодовалая коза, первородка' < *fara/i- (или *farwa/i-) + g/γamī-+-kā- (для первой части ср. и.-е. prō-цo- в др.-

перс. *paruva-*, ав. *paucva-* 'первый', а для второй части ср. и.-е. *g^hem-* 'рождаться', ав. *ni-ŷāma-* 'новорожденный', ш. *far-yēm-*с 'первотелая корова', м. *fra-yōmey* 'годовалая коза', вах. *re-yūm* 'первотелая корова'; для семантики ср. др.-инд. модель *par-yāriṇī-* 'первотелая корова', для второй части которой ср. и.-е. *iē-ro-* 'год', ав. *uar* 'год', рус. ярка);

3) *zar-ax* 'лед' < **zarā-aixā-*, букв. 'смёрзшийся лед' (для первой части ср. и.-е. *gel-* 'покрываться льдом', лат. *glacies* 'лёд, глетчер', а для второй части - и.-е. *eis-* 'лед', ав. *aēxa-*; вах. *zər-Iḫ* 'лед, ледник'; ср. модель перс. *uax-šāl* 'ледник', где *-šāl* < **kālā-* (и.-е. *k/kel-* 'покрываться льдом');

4) *la-zar* 'ледник, глетчер' < **lānā-+zarā-* 'смёрзшийся лёд' (и.е. *lǝ/ə-* в рус. лёд и лето, ср. антоним и.-е. *k/kel-* 'холодный, тёплый'; и и.-е. *gel-* в лат. *glacies* 'лед'); ш.-р., вах. *lazār* 'ледник';

5) *per-uan* 'горная тропа, овринг' < **paruā-+ uaiṇā-* (для первой части ср. и.-е. *pel-*с, *reli-*с 'скала', др.-инд. *rāṣya-* 'камень', а для второй - и.-е. *iēu-ni-* 'тропа, дорога, путь', ав. *uaonem* вин. ед. 'тропа, дорога') и др.

Род

2.0. С синхронной точки зрения язгулямские именные основы, взятые сами по себе, т.е. вне контекста, нейтральны в отношении грамматического рода (Эдальман, 1966). Но следы былой грамматической родовой оппозиции в языке сохраняются (Соколова, 1967). Это проявляется в следующем. Во-первых, родовая принадлежность имени может быть установлена синтаксически, т.е. по грамматическому роду относящегося к имени существительному указательно-личного местоимения ед. числа косвенной формы: *way*, *day* м.р. - *im*, *dim* ж.р. При этом следует иметь в виду одно немаловажное обстоятельство, не отмечавшееся ранее исследователями. Если местоимение муж. рода всегда будет указывать на муж. род относящегося к нему имени существительного, то местоимение жен. рода, являющееся исторически местоимением ср. рода, может указывать как на женский род имени существительного, так и на мужской (подробнее см. "Местоимение"). Примеры: *yūḫ ḫ ḫāk vāstagin vad ki odam rūi ʔakāʔ maḍ wāu-ra* 'медведь (м.р.) был крепко связан, а человек стал его (м.р.) бить'; *warg nest, wū weḫūg rēv-ay im-ra ḫadāg* 'волка (// волчицы) нет, один человек застрелил его (// её)'; *way-me uḫtsola bēḫ veda, way ʔ-im k^oēḫtá-ay* 'у него был восьмилетний козел, он его зарезал'.

2.1. Во-вторых, следы грамматической родовой оппозиции сохраняются у ряда одушевленных имен существительных, имеющих родовые пары. Внешне родовая оппозиция в этом случае проявляется в чередовании корневого гласного, обусловленного историческим чередованием: а) а- и ā-умлаутных основ или основ на *-yā-; б) а- и i-умлаутных основ;

в) ā- и i-умлаутных основ; г) i- и ī-умлаутных основ, т.е. исторических основ мужского//среднего и женского родов. Примеры: বেঁ 'козел' < *būka- (и.-е. bhukko-с, др.-инд. bukka-) - বাজ 'коза' < *būzā- (и.-е. bhūgo-с, ав. būza-); মূ(ব) 'баран' < *mawa- (и.-е. mū- в лат. mūgiō 'блестеть') - মাম 'овца' < *mawā- (тот же корень) или *maiśā- (ав. маēśā-); খর 'осел' < *xarā- - жар в কেঁ-хар 'ослица' < *xarā- (ав. харā-); খেঁ 'племянник, -ца' < *xwarjā- (и.-е. wællio(n) 'свонок, свояченица', вах. хегуан, хегуан, ш. хêr 'племянник, -ца'); ক'од 'собака, пес' < *kwalta-, *kunta- - কেঁ 'сука' < *kun(t)ī-+-čī- (ср. и.-е. kūon-, kūn-, ш. kud 'пес', kid 'сука'); মূস 'теленочек' < *watsa- - মেন-জ 'телка' < *watsnī- (и.-е. wæt-, др.-инд. vatsā- 'годовалое животное, теленок, телка', ишк. wūs-ūk 'теленочек', won-ic 'телка'); নবন 'внук' < *narātsya-, *narātsi- - নবন 'внучка' < *narātsā- (и.-е. *nepōt(s)-, *nep(s)ī-, др.-инд. nārāt-, nartī-, ав. narāt-, nartī-, ш. nibōs внук, nibēs 'внучка'); ছেঁ 'петух' < *kr̥si- - কার্জ/গ 'курица' < *karkā- (и.-е. ker-, kerk- в др.-инд. -krakṣa- 'каркающий', kṛka-vāku- 'петух', ав. kehrka-).

Ряд язгулямских одушевленных имен не имеет родовых пар, но поскольку они обозначают имя того или иного пола, то их родовая принадлежность не вызывает сомнений и она всегда подтверждается исторически. Примеры: -Janj в сочетании wex-a-Janj 'муж и жена' < *ganā- (и.-е. g^hēnā-, ав. genā-), জি/এন-জ-াগ 'женщина' < *jānī- (др.-инд. janī-, jāni-, ав. jāni-); দৌদ 'дочь' < *d/duytar- или < *d/duytā (др.-инд. duhitar-, ав. dugedar-); aban 'жена многоженца по отношению к другой жене' < *ha- pat/vnā- (ав. pavnī-); zēnaw 'сноха' < *snūšā- или *snawā- (др.-инд. snuṣā-); খিঁ 'свекровь, теща' < *xwasrā- (др.-инд. śvasrū-); খেঁ 'свекор, тесть' < *xwasura- (и.-е. wækurō-, др.-инд. śvasura-, ав. xwasura-); প'ос 'сын' < *put/vra- (ав. puṽra-); য়ে 'бык' < *yawa- (ав. gav-, gavya-); য়িঁ 'медведь' < *arkā- (др.-инд. ṛkṣa-); wad-āg 'ягненок, ярка' < *watā- + суф. (и.-е. wæt-, др.-инд. vatsā- 'годовалое животное'); কাঁ 'ворона, галка' < *kūfā- (и.-е. kū-b(h)o- в др.-инд. kūkkubha- 'дикий петух, фазан'); warg 'волк, волчица' < *wṛkā- (др.-инд. vṛkā-); গ'о'д 'перепелка' < *wart/dī- (др.-инд. vartikā-).

Некоторые имена, обозначающие животных или птиц жен. рода, исторически представляют собой имена среднего рода, например: খ'орн 'ворона (а)?' < *k/xwarna- или < *k/xurna- (и.-е. k^heu-, kū- в рус. кура, др.-инд. śakṣra- 'вид куропатки'); ছ'ок 'сова' < *kūka- (др.-инд. kūka- 'сова', ш. kūk 'филин'); хег свинья < *хика- (и.-е. su-ko-, ав. hū-) и др. Вообще следует сказать, что исторические именны основы среднего рода явились тем классом основ, за счет которого в дальнейшем в процессе развития языка пополнялся как класс основ муж. рода, так и класс основ жен. рода. Случаи перехода имени среднего рода (в том числе одушевленного) в имя жен. рода засвидетельствованы еще

в санскрите (Барроу, 1976, с. 233). Это явление свойственно не только именам существительным, но и другим именным разрядам слов, и не только памирских, но и других иранских языков.

У небольшого числа одушевленных имен существительных муж. рода корневым гласным является а, что указывает на историческую позицию ā-умлаута. А позиция ā-умлаута, как известно, характеризовала именные основы на *-ā-, т.е. основы жен. рода. В этом случае, очевидно, следует предположить, что эти имена отражают не историческую основу, а историческую ā-умлаутную флексивную форму, например: nar 'самец' < *narā твор. ед. м.р. от основы *nar- (ав. nar-); var-ag 'жеребец, конь' < *varā+ суф., где *varā твор. ед. от основы *bara-); γad-ág 'мальчик' < *γat/dā + суф., т.е. твор. ед. от основы *γat/dā- (и.-е. g^hā-, g^hem- 'рождаться', ср. ав. zantay- 'рожденный, ребенок').

2.2. Родовая принадлежность неодушевленного имени существительного может быть восстановлена в той мере, в какой может быть восстановлена основа имени (см. "Основы"). Примеры.

1) Язгулямские имена существительные - рефлекс исторических ā-умлаутных основ, т.е. исторических основ жен. рода (реже - среднего): wāδ 'канал, арык' < *wād/dā- (и.-е. aqed- 'вода', ав. vaiδi- 'канал', aoda- 'источник'); γ^oaxt 'палец' < *ang/γuštā- (ав. angūsta-) или < *gwištā- (и.-е. g^his-ti- 'палец'; zənaγ 'снег' < *snaig/γā- (и.-е. sneig^hho-, др.-инд. snēha-, ав. snaēzā-); s(ə)raw 'вошь' < *świšā- (ав. spiš-).

2) Язгулямские имена существительные - рефлекс исторических а/у-умлаутных основ, т.е. основ муж./ср. рода: xom 'вечер' < *kvarna- (ав. xəar-); -ʃūm в ʃin-ʃūm 'голубоглазый' < *šašma(n)- (ав. šašman-, др.-перс. šašma-); bəruʃ/ʒ 'береста' < *brāšja- (ср. и.-е. bhrg- и bhleg- 'свергать, блестять, белый', др.-инд. bhūrja- 'вид березы', ишк. bərgʃ, ос. bārz(š) 'береза', ш. vəyʒ, 'береза', biruʃ 'береста'); -mey в kaw-mey 'облако' < *maiya- (ав. maṣya-); δom 'хвост' < *d/duma- (ав. duma-); γ^oov 'экскременты' < *g/γūva- или *g/γauva- (и.-е. g^hū-, g^hū- в др.-инд. gūtha-, ав. gūva-); toxm 'семя, семечко' < *tauk/xma(n)- (ав. taoxman-, др.-перс. tašma-).

3) Язгулямские имена существительные - рефлекс исторических i-умлаутных основ, т.е. основ любого рода: ped 'нога' < *pad/dyā- (ав. paidyā-); nəm 'имя' < *nāmī- или *nāmai дат. ед. (ав. nāman-, ишк. nin 'имя'); zin 'зима' < *zainī-, *zainyā- (и.-е. ghei- в ав. zašn-); bi 'запах' < *būd/dī-, *būd/dyā- (ав. baoda-, baoday-); peʃ- в peʃ-k-ag 'кропка' < *pūʃī-, pūʃyā- (и.-е. pū-, pū- 'маленький', вах. piš/c(ək) 'маленький, крошечный'); ru/ešt-iʃ 'краснота' < *rūštyā-, *rūštī- (и.-е. reudh-(so)-), ав. raoidita-, х.-оакс. rrušta- 'красный').

Таким образом, наряду с сохраняющимися явными следами исторической родовой оппозиции родовая принадлежность большинства язгулямских имен может быть восстановлена благодаря умлауту.

3.0. В язгулямском языке различаются ед. и мн. число. Имя в ед. числе совпадает с основой, например: wāg 'старшая сестра' (или обращение к женщине старшей по возрасту), warg 'волк', кер 'камень, скала'. Форма мн. числа образуется прибавлением к основе одного из следующих суффиксов: -aṽ (наиболее продуктивный), -éžg (менее продуктивный), -én, -énj (употребляется при одушевленных именах и то сравнительно редко); суффиксы -án (и возможно -ón), -ár (и возможно -ór), а также суффиксы -érj, -érg/k, -āg/g и -é/iv являются реликтивными. Кроме того, в язгулямском, как и в других памирских языках, сохраняются следы исторических флективных форм мн. и дв. числа.

Общим для всех суффиксов мн. числа является то, что все они продолжают исторические именные основы, превратившиеся в процессе развития языка в показатели собирательной множественности. Рассмотрим каждый из этих суффиксов в отдельности.

3.1. Суффикс -aṽ, как уже отмечалось, является универсальным показателем мн. числа, например: wag-aṽ от wāg 'старшая сестра', werg-aṽ от warg 'волк', кер-aṽ от кер 'камень, скала'. При переносе ударения на суффикс, как можно видеть, корневой долгий гласный ā сокращается, а корневой краткий а переходит в редуцирующийся гласный е.

До сих пор принято считать, что суффикс -aṽ является отражением древнеиранского суффикса собирательной множественности *-vwa (?) от основ на *-ā (Gauthiot, 1916, с. 267). Но дело в том, что исторически любой суффикс собирательной множественности должен представлять собой полнозначное имя. И, как показывает анализ суффиксов подобного рода, они никогда исторически не присоединяли к себе гласный элемент предшествующей именной основы. Такого рода суффиксы как бы автономны. Поэтому, очевидно, следует попытаться найти какое-то другое объяснение происхождению суффикса -aṽ.

Думается, что суффикс -aṽ можно было бы сопоставить с древнеиранской именной основой *hava- в значении 'общий, коллективный, совместно' (ср. и.-е. sem-, sm- 'совместно, вместе', др.-инд. samá-, др.-перс. nama- 'весь, все, целиком', ав. hāma- 'подобный', н.-перс. hāmā 'весь, все'). Этот же др.-ир. корень *ha- с другими наращенными представлен в ав. haḍa, др.-перс. haḍā, др.-инд. satrá-, ав. haṽṽā 'весь, все, вместе'; также и.-е. sm-tu- в др.-инд. sántva-, ир. *ha-t/vwa-.

Вообще следует сказать, что древнеиранский корень *ham-, *ha- (и.-е. sem-, sm-) с различными суффиксальными наращенными очень широко представлен в показателях множественности во всех иранских языках. С ним связаны, например, как нам представляется, суффиксы мн. числа н.-перс. -hā, тадж. -ho, кудр. -ed, ос. -ad и др. Думается также, что различно вокализованный суффикс -n (-ān, -ōn, -ūn, īn-, -ēn и т.д.), как показатель мн. числа, также связан с др.-ир. осно-

вой *ha-+-n- (ср. образование от полной ступени и.-е. корня sem-др.-инд. sāmana- 'объединение'), хотя, как известно, все специалисты до сих пор считают этого типа суффиксы рефлексам древнеиранской именной флексии род. падежа мн. числа *-nām.

3.2. Язгулямские суффиксы множ. числа -en, -ōn (последний возможно из таджикского) и особенно -an употребляются сравнительно редко, напр.: šarik-en 'спутники, товарищи по работе' рас-en 'сыновья', mošir-on 'переселенцы' (но ср. также собственно язг. ŷev-on 'уши'), wex-an 'мужчины'. Что касается происхождения этих суффиксов, то мы, как уже было отмечено выше, склонны считать их рефлексам древнеиранской основы с суффиксальным наращением *-n от корня *ha-, т.е. язг. -en < *hani, язг. -on < *hana- язг. -an < *hanā (и.-е. sem-, w̄p- 'воедино, вместе').

Усложненный суффикс -en] отмечен только в слове рас-en] 'приплод домашнего скота, оставшийся в виде уплаты у того, кто брал скот на временный прокорм' (ср. ш. рбс 'очередность в пастбе скота'). Он может быть восстановлен либо в *hani + haka, либо в *hani-+-ka-, т.е. тот же др.-ир. корень *ha- с различными суффиксальными наращением (для вторых компонентов ср. и.-е. *sm-ko- в др.-инд. śásvant- 'весь, все' и и.-е. *kom-, *kū- с тем же значением). Этому язгулямскому суффиксу исторически соответствует ятн. -onč в pinōč 'жены многоженца по отношению друг к другу' (< *pavni- + hana- + haka-// hačī-). Такое нанизывание суффиксов мн. числа - обычное явление для ряда иранских языков, ср., например, ш. sal-ūn-d-ak-ēn 'приставная лестница, ступеньки', ишк. aw-ōn-d-on 'они'. В пользу того, что суффикс мн. числа "гласный + n" в иранских языках нефлективного происхождения, свидетельствует широкое его распространение в составе различных сложных суффиксов мн. числа в ряде неиранских языков этого региона, например, в верш. -eng, -ong, -ung, -ing, -ang, -an], -anc, -inc и др., ср. верш. ŷēn-anc 'царицы', dēw-an] 'дивы', awiš-in-daru 'жены'. А варианты этого суффикса верш. -hang // -ang еще более убеждают нас в этом (Зарубин, 1927).

3.3. Язгулямский суффикс -ežg, как уже было отмечено выше, является менее продуктивным, чем суффикс -aŷ. Примеры: ŷešg-ežg 'девушки', š'an-ežg 'коровы', zemč-ežg 'земли, поля', šad-ežg в сочетании wūyn-i šadežg 'черные пески', ŷ°ešt-ežg 'пальцы'. Этот суффикс может быть восстановлен в *hač/šī- + haka-, т.е. обе его части связаны с тем же древнеиранским корнем *ha- (но ср. Соколова, 1967, с. 106). В шугнанском ему соответствует элемент -(ī)žz в cī-žz-at pil-ižz 'детшки, детвора', где -ižz < *hači- + -čī-. Преимущественное употребление язг.-ežg при именах жен. рода объясняется тем, что этот суффикс является рефлексом именной основы жен. рода *hačī-.

В язгулямском сохранился неосложненный вариант этого суффикса в виде -k-, -āg/g < *hākā, ср., например, ŷew-ag 'ушки (котла)', pēŷ-k-ag 'крошки', wex-ag- в wex-ag-aŷ 'мужчины' (ср. wex-ūg 'мужчина'),

pet-yerw-āg 'хозяйева скота' (ср. язг. y^oerf-ek 'козленок').

3.4. Суффикс мн. числа -ar зафиксирован только в двух словах: vrad-ar от vrad 'брат' и в deyd-ar от doyd 'дочь'. Относительно происхождения форм мн. числа этих слов среди специалистов нет единого мнения. В.С.Соколова считает, что язг. vradar 'братья' является продолжением др.-ир. *brātarā, что обеспечивает ā-умлаутную позицию. А *brātarā она без всяких на то оснований выводит из древнеиранской формы им. мн. *brātarah (Соколова, 1967, с. 81). Д.И.Эдельман высказывает предположение о том, что исторически формы vradar и deydar являются результатом "сохранения полной основы индо-иранских терминов родства на *-tar, и.-е. -ter." (Эдельман, 1966, с. 26). Но в соответствии с акцентуальными закономерностями древнеиранского основы *brātar- и *d/duytar- имели ударение на втором слоге от конца, а заударный гласный конечного слога в процессе развития от древнеиранского к среднеиранскому языковому состоянию, как известно, отпадал. Поэтому основы *brātar- и *d/duytar- не могли сохраниться в таком виде от древнеиранского периода.

Историко-фонетический анализ форм ед. и мн. числа этих слов в иранских языках позволяет высказать другое предположение относительно их происхождения. Если мы сравним, например, язг. vradar с соответствующими словами ш. virōdār(z), ишк. v(ɔ)rudar(ɔn) 'братья', то нетрудно заметить, что они не могут быть рефлексами исторической флективной формы. Они представляют собой сочетание основы язг. vrad- (ср. язг. vradig 'друг'), ш. virōd, ишк. v(ɔ)ru(d) 'брат' с суффиксом мн. числа агглютинативного типа -ār. Этот суффикс имеет ряд вариантов в шугнанском, ср., напр., riziŋ-ārz 'дочери', abin-ārj 'жены многоженца' и др. Варианты этого суффикса остаточно сохраняются и в язгулямском, ср., например, y^oent-erk/g 'снеговые глыбы', где y^oent- < *yunta- (и.-е. gūt- в шведск. диал. kūt 'глыба, ком').

Этот суффикс, как показатель мн. числа, представлен не только в памирских языках, ср., например, башкарик -ār в phi-ār 'плечи' при phi 'плечо'. Несомненным вариантом этого суффикса является элемент -a/ol в ряде иранских языков: язг. sar-al 'кисть, лапа', вах. ser-al 'копыто у парнокопытных', язг. səmb-ol-ek 'копыто у парнокопытных' (ср. язг. som 'копыто у однокопытных'; др.-инд. śarha-, ав. safa- 'копыто лошади'); тадж. šang-ol 'когти' при šang 'коготь'. Более широко этот элемент в качестве показателя мн. числа представлен в ряде диалектов Ирана.

Что касается происхождения язгулямских суффиксов -ar, (и возможно -or), -ol, то и они тоже могут считаться рефлексами древнеиранской основы с суффиксальным наращением *-r/l- от корня *ha-, т.е. *har/lā-, а для варианта с -r- возможно также и *havrā- (др.-инд. satrā, ав. havrā 'воедино, вместе, весь, все'). Но можно также предположить, что суффиксы мн. числа типа "гласный + r/l" являются рефлексами др.-ир. *harā-, что может быть сопоставлено с и.-е. solā

'весь, все', др.-инд. *sarva-* ав. *haurva-* 'весь, все'. Осложненный вариант этого суффикса, т.е. язг. *-erk'/g'* в $\gamma^{\circ}ent-erk'/g'$ 'снежные глыбы' представляет собой сочетание двух суффиксов, в основе которых лежит один и тот же древнеиранский элемент **ha-*, но которые имеют различные суффиксальные наращения, т.е. *-erk'/g' < *hārī-* (или **hāvri*) + *haka-* (ср. ш. *-ērg* в *rizīn-ērg* 'дочери' < **hārī-* или *hāvri-* + *hāci-*). Таким образом, если язг. *-ar* отражает историческую *ā-*умлаутную позицию, то язг. *-er* в *-erk'/g'* отражает *i-*умлаутную позицию.

3.5. Что касается язгулямского суффикса *-e/iv*, то он отмечается В.С.Соколовой только в одном слове, а именно в *pebagev* 'босиком' (Соколова, 1967, с. 106). Она сопоставляет его со сложным наречным суффиксом ш. *-(a)jēv* в *ḫābaḫjēv* 'ночами'. Но в таком случае язг. *pebagev* следовало бы перевести 'ногами, в ногах' (ср. ш. *pōd-ēv* в *ногах*), а не 'босиком'. Обычно слова со значением 'босой, босиком' в иранских языках представляют собой исторические композиты, ср., напр. тадж. *rou-luḫ* // *rou-barahna*, ш. *pōd-viyōj*, вах. *pi/njē-pōdg*. Поэтому не исключено, что и язг. *pebagev* представляет собой сложное слово. Думается, что второй элемент *-agev* состоит из *ag-* + *-ev*, где *ag-* < **agā-* 'голый, обнаженный' (ср. и.-е. *eg-* 'отсутствие, дефект' в др.-в.-н. *ekoḡōdo* 'голый, обнаженный'), а *-ev* - суффикс мн. числа, т.е. точно такая же модель, как в ш. *pōd-viyōj* 'с босыми ногами', где *-viyōj* < **baḫya-* + *-āka-* (и.-е. *bhovo-s* 'голый, обнаженный'), а суффикс **-āka-* - показатель мн. числа.

Что касается язгулямского показателя мн. числа *-e/ev*, то он сохраняется в таких словах, как $\gamma^{\circ}er-ev$ 'пригоршня из двух ладоней' (где $\gamma^{\circ}er-$ < * $\gamma^{\circ}ira-$, и.-е. *geu-ro-*, *geu-lo-* в др.-инд. *gḡla-*, *gula-* 'шар', лат. *vola* 'углубление в руке') и *kēr-ev* 'отверстия в бревне' (где *kēr-* < **kīra-*, и.-е. *k'/kū-ro-* в ав. *sūra-* 'отверстие, дыра'). Принято считать, что такие показатели мн. числа, как язг. *-e/ev*, с. *-ef*, ор. *-if*, ш. *-ēv*, вах. *-ev*, ишк. *-ḫv*, *-ov*, продолжают именную флексию дат.-отл. мн. **-byah* ж.р., **-aibyah* м.р. (см., например, Соколова, 1967, с. 105). Но при таком толковании гласный показателя мн.ч. может быть только гласным переднего ряда, поскольку исторически в этом случае он отражает позицию *i-*умлаута. А в ишкашимском мн. имеем *-ḫv*, *-ov*. Аналогичные элементы мы находим в таких курдских словах, как *mer-ḫv/f*, *mir-ov-an* 'люди, человек (вообще)' при *mer* 'человек, мужчина', где элементы *-ḫv/f*, *-ov-* совершенно безотносительны к числу и падежу и где они выражают собирательную множественность, т.е. так же, как и курд. *-i* в *mer-i* (прям. форма) - *me/er-i* (косв. форма) 'человек, люди'. С другим гласным этот элемент представлен в курд. *h'yn-av* 'внутренности' (ср. ав. *antar-* 'внутри, между'). А в составе сложного показателя мн.числа он содержится в парф. *bag-ift* 'босги'. Аналогичный показатель мн. числа имеется и в вершикском, ср. *ḫid-ḫw* 'котлы' при ед. ч. *ḫidin*, ишк. *ḫādan* 'котел' (Зарубин, 1927).

Все сказанное относительно показателей мн. числа "гласный + губной согласный" склоняет нас к тому, чтобы видеть в них элементы нефлексивного происхождения. Думается, что, как и в случае с выше-рассмотренными язгулямскими показателями мн. числа, эти суффиксальные элементы являются рефлексами именной основы со значением собирательности, совокупности чего-либо. В таком случае они могли бы быть связаны с и.-е. *ēri-* в др.-инд. *āri-* 'союз, товарищество' или с и.-е. *ebhi, obhi* в рус. об-щий, др.-инд. *abhi-*, ав. *aibi, avi, aiwi, 'у, к, при'*. Такое толкование этих элементов больше подходит и к многочисленным топонимам, содержащим эти элементы: ш. *Pōrḡ(i)n-ēv* Поршнев, вах. *In-If* Иниф и др.

3.6. В язгулямском, как и в других памирских языках, сохраняются также именные основы, представляющие собой рефлекс древнеиранских флексивных форм мн. и дв. чисел. Реконструировать эти формы помогает знание историко-фонетических закономерностей, связанных с умлаутом. Эти язгулямские именные основы, как правило, в настоящее время самостоятельно не употребляются. Они выступают обычно в сочетании с тем или иным суффиксом мн. числа, например: *pac-* в *pac-en* 'сыновья' (ср. рос 'сын') < **put(s)rāh* им. мн. м.р. от **put(s)ra-* (ав. *puṽra-*); *kad* в *kad-aṽ* 'дома' (ср. *kūd* 'дом') < **katāh* им. мн. м./ж. р. от **kata-* (ав. *kata-*); *was-* в *was-aṽ* 'телята до I года' (ср. *wūs* 'теленок') < **watsāh* им. мн. м./ж. р. от **watsā-* (и.-е. *uet-s-* в др.-инд. *vatsā-* 'теленок'); *kaḡ-* в *kaḡ-aṽ* 'шкура крупного рогатого скота' (ср. *kuḡ* 'шкура') < *(s)*krḡāh* им. мн. м./ж. р. от *(s)*krḡā-* (и.-е. (s)*ker-* в рус. шкура); *k^oed-* в *k^oed-aṽ* 'собаки' < **kwa(n)-tūah* мн. им. м.р. или **kwa(n)tīḡ* мн. им. ж.р. от **kwa(n)tī-* (ср. и.-е. *kūon-*, *kūn-* 'собака').

Не возможно также и относительно самостоятельное употребление такого типа основ, например: *-sid* в *sedasid* 'три года назад' < **srd/di* мн. им.-вин. ср. р. от **srd/d-* (ав. *sered-* 'год'); *ḡad* 'приставная лестница' < **srītāh* мн.им. (и.-е. *klei-* 'прислонять') или **skrtāh* мн. им. (и.-е. (s)*kel-* 'прислонять'), ср. ш. *sal-* в *salūndak(ēn)*, ишк. *ḡot-un*, вах. *wḡ-xar* 'приставная лестница'.

Язгулямское *bes-ken* 'ребята, дети' (ишк. *baḡ-kaḡ*, ш. *-ḡēn* в *a-ḡēn* 'эй, ребята!') представляет собой сочетание двух различных основ, каждая из которых является рефлексом флексивной формы мн. числа, т. е.: *bes-* < **b/pūt(s)ṽah*, т.е. им.-вин. м.р. от **b/pūt(s)ri-* или **b/pūt(s)rīḡ* им.-вин. ж.р. от **b/pūt(s)rī-* (и.-е. *pūi-(t)-* 'маленький', ав. *puṽra-* 'сын'); *-ken* < **kanyah*, т.е. им.-вин. м.р. от **kanī-*, или < **kanīḡ*, т.е. им.-вин. ж.р. от **kanī-* (и.-е. *ken-* 'молодой, юный', ав. *kainī-* 'девочка', рус. чадо).

Как уже было отмечено выше, ряд язгулямских именных основ, в основном те, которые обозначают нарные части тела, представляют собой рефлекс исторической формы дв. числа, например: *rad-* в *rad-aṽ* 'но-

ги' < *pǎd/ǒā им.-вин. дв. м.р. от *pǎd/ǒa- (ав. pǎd-, pǎda-); ped
 'ноги' (также 'нога') < *pǎd/ǒai им.-вин. дв. ж./ср. р. от *pad/ǒā-;
 zēn 'колени, колено' < *zanwi им.-вин. дв. ср. р. от *zanu- (и.-э.
 ġenu-, др.-инд. jānu- ср. р., н.-перс. zanu); śāṃ 'глаз(а)' <
 *śaṣmā им.-вин. дв. м.р. от *śaṣma- (ав. śaṣman- др.-перс. śaṣma-);
 yēv- в yēv-on 'уши, ухо' < *yūṣi им.-вин. дв. ср. р. от *yūṣ- или
 *yūṣai им.-вин. дв. ж./ср.р. от *yūṣā- (ав. gaōṣ-, gaōṣa-); ḫox
 'легкие, легкое' < *(k)ṣuxa им.-вин. дв. м./ж.р. от *(k)ṣux- или
 *(k)ṣuxāh род. дв. (ав. suṣi дв. ср.р.); dəvūr 'дверь, двери' <
 *dwara им.-вин. дв. м./ж.р. от *dwar- (ав. dvār-).

Падеж

4.0. В современном язгулямском падежные отношения выражаются в основном с помощью предлогов и послелогов, например: ḫod en wu
 ʃəngal 'он пришел в лес'; āz-əm naḱaṣa na səuaj̄ yāt 'я только что с
 жатвы пришла'; ti k'ǒd-a na-nyast na odam? 'твоя собака не кусает
 людей?'; taka raʃin ma ʋēn 'лепешки (я) пеку в печке'; p̄ā xēx-an ḫod
 'они пошли за водой'; ʃe kēn ʒ-dif na yu zamč 'гони их с этого поля!';
 u reʋ endoyd-a ḫod i kūd 'тогда он встал и пошел домой' (Эдельман,
 1966, с. 68-74).

Кроме того, в языке имеются два аффиксальных показателя: -i и
 ǎ/ǎ(ə)-. Факультативный суффиксальный показатель -i присоединяется к
 препозитивному принадлежностному определению (также к местоименному),
 в том числе выраженному целым словосочетанием. Примеры: dǒd-i bi
 'запах дыма'; dēd-i kūd 'дом отца'; mox-i kūd 'наш дом'; wū pir-a
 kēmpir-i kūd dayd 'она вошла в дом каких-то старика со старухой'. То
 обстоятельство, что этот показатель присоединяется к косвенной фор-
 ме местоимений, у которых различаются падежные формы, наводит на
 мысль о том, что по происхождению он является послелогом (ср., одна-
 ко, Эдельман, 1966, с. 28). Язгулямскому показателю принадлежностно-
 го определения -i в других памирских языках соответствуют: ш. -an(d),
 с. -an, -inder, ишк. -no, вах. -ən, -i/ey. Представляется воз-
 можным восстановить для язг. -i форму *ayī, т.е. местн. ед. от *a-
 (и.-э. en, n, eni, nei 'в, у, при', ав. an- в antare 'внутри').

Что касается язгулямского префиксального показателя ǎ/ǎ(ə)-, то
 он указывает на косвенное дополнение со значением исходности, на-
 пример: bu vəranáú-da na ʒ-web, varáú-da i xi kūd-ʃe 'затем насы-
 пил из ящика (муку), принесешь к себе домой'; tu na ǎ-k'ǒd ʃ'əyək?
 'ты боишься собаки?'. Происхождение его связывается с др.-ир. *naśa,
 ав. naśa, др.-перс. haśā 'от, из' (Эдельман, 1966, с. 29), хотя воз-
 можна также его связь и с и.-э. eǵ/g/hs 'из, от'.

4.1. Хотя в современном язгулямском и отсутствует категория па-
 дежа, но следы ее сохраняются. Зная этимологию слова, можно по ка-
 честву корнев-ого гласного имени определить историческую позицию

(умлаут) и, таким образом, восстановить ту или иную падежную форму. Выше уже приводились в качестве примеров имена, являющиеся рефлексами исторических флективных форм, в частности имена - рефлексом исторической формы им.-вин. падежа мн. и дв. числа, такие, как рас- в рас-én 'сыновья' < *put(s)rāh им.-вин. мн. от *put(s)ra-, rad в rad-aŷ 'ноги' < *rād/ōā им.-вин. дв. м.р. от *rād/ōa- и др.

К этому можно добавить именные основы, являющиеся рефлексами других исторических падежных форм и не только мн. и дв., но и ед. числа. Примеры:

1) v(ə)rad- в v(ə)rad-ig 'приятель, друг' < *brātā им. ед. от *brātar- (ав. brātar-); v(ə)red 'брат' < *brātrai дат. ед. (ср. др.-инд. pitré дат. ед. от pitar- 'отец') или < *brātai дат. ед. от усеченной формы *brāta- (ср. усеченные формы в ср.-н.-н. bōle 'родственник, брат' и в рус. баты); vle обращение к брату, к родственнику < *brātai зват. ед. от *brāti- (ср. усеченную форму в др.-прусс. зват. brote); v(ə)rad- в v(ə)radar 'братья' может быть истолковано: а) < *brātāh им. мн. от *brāta-; б) < *brātrāh им. мн. от *brāt(a)ra-; в) < *brātrānāh род. мн. от *brātar-;

2) x̄ar-g 'сестра' < *(k)šwāh(a)rā твор. ед. от *(k)šwāhā- (ср. др.-инд. pitrā твор. ед. от pitar- 'отец'); x̄er-j-ig 'приятельница, подруга' < *(k)šwāh(a)rai дат. ед.;

3) nēm 'имя' < *nāmai дат. ед. от *nāman (др.-инд. nāme дат. ед.) или < *nāmi местн. ед. (др.-инд. nāmi); но возможно также, что язг. nēm отражает основу на -i, т.е. *nāmi- (ав. nāman-);

4) zēmāō 'земля' < *z(a)mat/dā твор. ед. от древнего отл. ед. *zamat/d (ав. zam- ж.р.);

5) -sūō в a-sūō 'в этом году' < *srdam вин. ед. или < *srdah род. ед., или < *srdat отл. ед. от основы *sard-, *srd- (ав. sared- ж.р.); -sīō в sēdasīō 'три года тому назад' < *srdī им.-вин. мн. ср. р. от *sard- или *srd-;

6) zin 'зима' < *zaini местн. ед. от *zain- (ав. zaēn-);

7) azēn 'полдень' < *azani местн. ед. от *azan- (и.-е. āghen- 'день');

8) -wes в pər-wes 'в прошлом году' < *wa(t)sai местн. ед. от *wa-(t)sa- (и.-е. uet(s), др.-инд. vatsa- 'год');

9) le в a-le-le обращение к женщине или к мужчине, а также le обращение мужчин друг к другу < *l/rōdai зват. ед. м.р. от *l/rōdi-, а также *l/rōdī зват. ед. ж.р. от *l/rōdī- (и.-е. leudhi- 'народ', *sçe-leudhā- 'соплеменник', др.-в.-н. liut 'человек', алб. vëla 'брат' из *sçe-loudhā 'товарищество', рус. -людин в простолюдин, ш. -lō в a-lō и -rō в a-rō обращение к равному, н.-перс. rud 'сын, дитя', rid-āk 'юный слуга, паж').

4.2. Таким образом, в язгулямском нашли отражение почти все древнеиранские падежные формы всех трех чисел и трех родов:

Ед. число

	Др.-ир.		Язг.	
Им.	*brātā	-	v(ə)rad-	'брат'
Вин.	*sṛdam	}	-sūō в а-sūō	'в этом году'
Род.	*sṛdah			
Отл.	*sṛdat			
Дат.	*brātraī //	-	v(ə)red	'брат'
	*brātai			
	*kšwāh(a)rai	-	χ°er-	'подруга'
	*nāmaī	-	nəm	'имя'
Твор.	*kšwāh(a)rā	-	χ°ar-	'сестра'
	*zamad/tā	-	zəmad	'земля'
Местн.	*zainī	-	zin	'зима'
	*azani	-	azən	'полдень'
Зват.	*brātai	-	vle	обращение к брату, родственнику
	*l/rōdai	м.р.		обращение к соплеменнику
	*l/rōdī	ж.р.	le	

Дв. число

Им.-вин.	*pād/ōā	м.р.	}	rad-áŷ	'ноги'
Род.	*pād/ōāh	м./ж.р.			
Им.-вин.	*pād/ōai	ж./ср.р.	-	red	'ноги, нога'
	*čāsmā	м.р.	-	čām	'глаз(а)'
	*dwara	м./ж.р.	-	d(ə)vūr	'двери, дверь'

Мн. число

Им.	*put(s)rāh	-	pac- в pac-ēn	'сыновья'	
	*brātāh//	}	v(ə)rad-	'братья'	
	*brātrāh				
Род.	*brātrnām				
Им.-вин.	*sṛd/ōi	ср.р.	-	-sūō в sedasūō	'три года назад'

Имя прилагательное

Основы

5.0. Язгулямские прилагательные не имеют каких-либо специальных показателей, ср., например, zard 'желтый', wūn 'черный'. Большинство суффиксальных элементов, свойственных прилагательным, являются общими для них и имен существительных, например: waχ-k' 'сухой' < *warā- (// *wṛā-)+-kā- (и.-е. uel-k'/k'- или sṛel-k'/k'- в ср.-н.н. welk и в ср. -в.-н. swelk 'сухой') или < *huš-kā- (и.-е. sus-ko ав.

huška-, курд. wušk 'сухой'); raz-g 'прямой' < *razā-+ka- или *rāzkā- (и.-е. regh-, ав. raz- 'направлять'); d(ə)m-əg 'пухлый, толстый' < *d/daṃa-+ak/ga- (и.-е. dhem- 'пухнуть, вздуться', н.-перс. dāmidān 'дуть') и др.

Только прилагательным свойственны такие суффиксы, как -in, -én(j), -ān. Суффикс -in (< *-anya-) образует относительные прилагательные: dər̄k-in 'деревянный', ūar-in 'каменный', xax-in 'бобовый'. Он представлен также в составе сложного суффикса -ak-in в словах vezn-ak-in 'козье (мясо)', min-ak-in 'баранье (мясо)'. С помощью суффикса -an (< *-ānā-) образуются имена прилагательные со значением обладания чем-либо, а также со значением измазанный чем-либо, например: rəx-an 'светлый, чистый' < *rukšyā-+ānā- (и.-е. leuk- 'свет, светлый', ав. raocant- 'светящийся'); x̄oən-an 'окровавленный' < *wahunyā-+ānā- (и.-е. *wes- в ав. vahuna- 'кровь'); reyn-an 'вымазанный в жире' < *rūnyūā-+ānā- (ав. raoyūā-). Суффикс -en(j) (< *-anya-(+ka-) малопродуктивен, ср. mač-en 'средний', также в составе сложного суффикса в слове meč-an-enj 'средний'.

Хотя в современном языке не различаются классы основ прилагательных, но связь каждого из них с той или иной исторической основой не утрачена. По качеству корневого гласного прилагательного может быть восстановлена его историческая основа. Фонетические закономерности, связанные с умлаутом, здесь те же, что и в случае с основами имен существительных (см. "Имя существительное"). Примеры.

1) Язгулямские прилагательные - рефлексy исторических основ на *-a-: xū 'сладкий' < *xwrg/ya- (ср. и.-е. sū-ro-, sje-ro- 'солёный, острый', ав. xvarəzišta- 'наисладчайший', ш. xīŭ м.р., xūŷ ж.р., ишк. хаŷ-ūk, вах. xūŷg 'сладкий', для развития значения ср. и.-е. sal- 'соль', лит. sālti 'становиться сладким'; или и.-е. sūd- 'сладкий' в бел. vād 'соль'; сюда же язг. x̄oarg 'сырой, незрелый'); wūn 'черный' < *wrg/yna-, ср. язг. wəyn 'черный' < *wrg/ynā- (и.-е. ŋer- 'чернеть', а также и.-е. sjer-g 'черный', нем. schwarz); dury < *darg/ya- (и.-е. dīgho-, ав. darega-); rurv 'красновато-коричневый' < *rabra-, ср. язг. rərv 'рыжий' < *rabrā- (и.-е. erebh- 'темно-красный, коричневый', ш. rōrv ж.р., rūrv м.р. то же); stūvd 'густой, нежидкий' < *stapta- (ср. и.-е. step- 'цепенеть, застывать', а также и.-е. stāi- 'густеть'); roxn 'белый' < *rauxna-, *rūxna- (и.-е. leuk- 'светлый', ав. raoxāna- 'блестящий'); bū 'тухлый' < *bauda- (ав. baoda- 'запах'); lūš 'голый, нагой' < *lauša-, ср. язг. laš 'голый' < *laušā- (и.-в. leu-s- в гот. laus 'голый', рус. лысый).

2) Язгулямские прилагательный - рефлексy исторических основ на *-ā-: zard 'желтый' < *zartā- (и.-е. ghel-, ав. zairita-); ūarn 'круглый' < *ūarnā- (и.-е. gel- 'комкать; нечто круглое'. др.-инд. gula- 'ком, шар'); kal 'лысый' < *kal/rwā- (и.-е. keləco-

'лыснй', ав. kaurva-, н.-перс. kal); wаун 'чёрный' (Долыхудоев, 1985, с. 290) < *wǝrg/уnā- (и.-е. цер- 'чёрнеть' и и.-е. swer-g- 'чёрный', нем. schwarz; ср. язг. wǝун 'чёрный' < *wǝrg/уnā-); xǝlar 'усталый' < *s/štarā- (и.-е. (s)lep- в н.-в.-н. laff 'усталый'); ðar 'далекий' < *d/ðūrā- (ав. dūra-); laš 'голый' < *laušā-, lūšā- (и.-е. leu-s- в гот. laus 'голый'; ср. язг. lūš 'голый' < *laušā-, lūšā-); rarv 'рыжий' < *rabrā- (и.-е. erebh- 'темнокрасный', ш. rōrv ж.р., rurv м.р. то же; ср. язг. rurv 'красновато-коричневый' < *rabra-); wašk 'сухой' < *waršā--+kā- или *wǝšā--+kā- (и.-е. uel-k/k'- или uel-k/k'- в ср.-н.-н. welk и в ср.-в.-н. swelk 'сухой'); xǝarg 'сырой, незрелый' < *(k)šwarā- или *(k)šūrā--+kā- (ср. и.-е. sū-ro- в рус. сырой, недоваренный); уах 'холодный' < *aixā- (ав. aēxa- 'лед'); тауд 'острый, резкий' < *tigtā- (ав. taēya-); laš 'скользкий' < *laišā-, lišā- (и.-е. (s)lei- 'скользкий'); wask 'высокий' < *u(t)sā--+kā- или < *u(t)skā- (и.-е. uds-, *uts-, др.-инд. усса 'высокий', ав. us-tema 'высочайший', ивса 'наверху').

3) Язгулямские прилагательные - рефлекс исторических i-умлаутных основ, т.е. основ на -ī-, -yā-: ender 'другой, иной' < *antaryā- (ав. antara-); v(ə)rez 'высокий, верхний' < *brzyā- (и.-е. bharegh-, ав. berez-); rušt 'красный' и rēšt(a)- в rēšta-ðam 'краснотелка' < *rūštyā- (и.-е. reudh-so-, х.-сакс. rrusta-, ш. rūst м.р., rōst ж.р. 'красный'); riš-an/rēš-an 'светлый, чистый' < *rūkayā- (др.-инд. rukṣa-, ав. raokṣna-); wəpid 'белый (в сочетании)' < *s/wəitayā- (др.-инд. śvēta-, śvētya-, ав. wəpēta-); šin 'голубой, синий' < *a(k)šainyā-, *a(k)šinyā- (ав. axšāna-).

Ряд имён прилагательных могут быть выявлены только благодаря этимологическому анализу слов, представляющих собой композиты, например: zar-ax 'лед(ник), глетчер' < *zarā-aixā-, букв. 'смёрзшийся лед' (и.-е. gel- 'покрываться льдом', лат. glacies 'лёд' и ав. aēxa- 'лед'), ša-naх 'с белым носом (о скоте)' < *(k)šāyā-nāxā- (ср. и.-е. kvē- 'светлый' и и.-е. nās- 'нос').

В таких словах, как qəl-yǝaxt 'большой палец' и уǝr-mot 'крепкий кулак' самостоятельно употребляется лишь вторая часть, представляющая собой имя существительное. А определения к ней, т.е. qəl и уǝr-, самостоятельно не употребляются (но ср. qəl-ðūr 'больше'). Основа qəl- < *kala- (и.-е. kel- 'высокий, верхний', ср.-ирл. coll 'главный'), а основа уǝr- < *yǝrūā- (и.-е. g^her- 'тяжелый, мощный, крепкий', ав. goucu- 'тяжелый').

Род, число, падеж

5.1. В современном язгулямском родовая оппозиция в прилагательных, так же как и в существительных, отсутствует, ср., например.: səgag vred 'младший брат', səgag xǝarg 'младшая сестра'. Но следы былой родовой оппозиции в языке сохраняются. Они могут быть выяв-

ны благодаря умлауту по качеству корневого гласного, ср.: wūyn 'черный' < *wrg/yna- м./ср.р. - wayn 'черная' < *wrg/ynā- ж.р. (и.-е. цер- 'чернеть', w̄cer-g- 'черный'); lūs 'голый' < *lauša- м./ср. - laš 'голая' < *laušā-, *lūšā-ж.р. (и.-е. leu-s в got. laus 'голый', ш. lūš 'голый'); rurv 'красновато-коричневый' < *rabra-м./ср.р. - rary 'рыжий' < *rabrā- ж.р. (и.-е. erebh- 'темно-красный', ш. rurv м.р., rorv ж.р. 'рыжий') и др.

5.2. Язгулямские прилагательные нейтральны также в числовом и падежном отношениях, ср. например: səgag vradar 'младшие братья'; c-əgag x̄^oərgéžg 'младшие сестры'; səgag vradár-(r)a aḷa(r)! 'дай (это) младшим братьям!'; səgag x̄^oərgéžg-ra aḷa(r)! 'дай (это) младшим сестрам!'

5.3. Имя прилагательное, выступающее в функции препозитивного определения, обычно принимает суффиксальный элемент -i, например: rušt-i piyala 'красная пиала', zard-i ker-av̄ 'желтые камни' (топоним), xerd-i/e wād 'маленький арык'. Аналогичное явление наблюдается в верхнем говоре ваханского языка, ср. p̄ast-ə xūn 'нижний дом', uḫ-ə xūn 'верхний дом'. Исторически этот суффиксальный элемент скорее всего является рефлексом древнего деривативного суффикса.

Степени сравнения

5.4. Сравнительная степень прилагательного образуется прибавлением к основе суффикса -dūr : vez-dūr 'длиннее', səl-dūr 'меньше'. Исторически суффикс -dūr является закономерным отражением древнеиранского суффикса сравнительной степени *-tara-. В слове beḫ-tū 'больше' этот суффикс имеет начальный глухой смычный. В язг. xi-dar-dūr 'лучше' представлены два варианта суффикса сравнительной степени: -dar- < *tarā- и -dūr < *tara-.

Как и в других памирских языках, в язгулямском сохраняются рефлексы исторической сравнительной степени, которая образовывалась от корня с помощью суффикса *-yāh (ср. др.-инд. vasyas, ир. *vahyah 'лучший'), например: xi- в xi-dūr 'лучше' < *kšyāh (и.-е. su-, др.-инд. su-, ав. hu- 'хороший'); beḫ- 'больше' < *wīšyāh (ср. и.-е. uel-s- 'увеличиваться', н.-перс. biš- в bištār 'больше') или < *waksyāh- (и.-е. цек-в- 'умножать, увеличивать'), либо, наконец, < *baršyāh, *br̄šyāh (и.-е. bhel- в др.-в.-нем. boln 'большой', рус. большой').

Числительное

7.0. Собственно язгулямские числительные употребляются главным образом для обозначения чисел от одного до десяти и для обозначения двадцати. Эти числительные и их исторические соответствия следующие.

1) wū(g) 'один' < *aiwa-t-ka- (ав. aēva- В язгулямском сохранились также рефлексы другого индоевропейского числительного 'один', а именно: язг. sem- в sem-arn '(длиной) в один локоть' < *samya- или *samī- (инд.-ир. *sam-, и.-е. sem- 'один') и язг. am- в am-digar 'один другого, друг друга' < *hama- (инд.-ир. *sam-, и.-е. sem- 'один'). Если второй вариант засвидетельствован в древнеиндийском и в древнеиранских языках (ср. др.-инд. sa-hāśram, ав. ha-zarāra- 'однотысячный', др.-инд. sa-kṛt-, ав. ha-keret 'один раз', ав. haḍō-zātai 'единоутробному'), то второй вариант с начальным сибиллянтом в известных нам древнеиранских языках не засвидетельствован. Но в современных иранских языках имеются рефлексы обоих вариантов, ср. например, н.-перс. hām-kaḥ 'сотрудник, товарищ по работе' и sāma-kaḥ 'прислуга, слуга'; н.-перс. hām-rah и sān-gar 'спутник, попутчик'.

Заметим, что поскольку этот корневой элемент совмещает в себе значения 'один, воедино, вместе' и 'весь, все, все' (ср. и.-е. sem, semo- 'eins, in eins zusammen, samt, mit', др.-инд. samā-, др.-перс., ав. hama- 'один и тот же, подобный, весь', н.-перс. hām- в hām-xun 'единокровный', но hāmā 'весь, все'), то рефлексы его находим также в различных показателях множественности, в том числе и в язг. -aṣ̣ < *haṣā- или *haṣwā- (ср. и.-е. sm-tu в др.-инд. sātwa-, а также др.-инд. satrā, ав. haṣṭrā 'воедино, вместе, объединенный').

2) daw- 'два' < *d/duwā им.-вин. дв. м.р.; язг. -dow в ar-dow 'оба' < d/duwa-; язг. dew- в dew-sūd 'двухлетний', dew-paraḡi 'двуногий', dew-geṇ 'до-два' можно рассматривать как рефлекс древнеиранской формы им.-вин. дв. ж./ср. рода *d/δ(u)wai (ав. duye) или *dwi; в язг. biyan 'вчера' также представлен рефлекс числительного 'два', а именно; < *dwi-ayānā род.-местн. дв., т.е. 'второго дня' (и.-е. āier-, āien- 'день', ав. ayare, род. ayar 'день').

3) sūy 'три' < *t(s)rauh им.мн.м.р. от *t(s)rau- (ав. ṽrau-); вариант si- в si-sūd 'трехлетний' < *t(s)ri им.мн.ср.р. (ср. др.-инд. tri-pad- 'трехногий', ав. ṽri-para- 'длиной в три ступни'); язг. sed- в sed-a-sūd 'позапрошлый год' и в sed-a-saḍn 'позапрошлогодний' является рефлексом исторического порядкового числительного *t(s)rita- или *t(s)ṛta- 'третий' (ав. ṽrita-, ṽrityā-).

4) čer 'четыре' < *čav/hwāri им.мн.ср.р. от *čav/hwāg- (ав. čav-war-); другой вариант čar- в čar-sūd 'четырёхлетний' < *čav/hwāgām, čav/h(u)gām род.мн. м./ж.р.

5) penṣ̣ 'пять' < *pančī, ср. лит. penki или < *pančāiṣ̣ тв.мн.м./ар. р. (ав. panča); сюда же язг. pen(ṣ̣)- в pen(ṣ̣)-sūd 'пятилетний'; ср. также язг. panṣ̣- в panṣ̣-geṇ 'по пяти' < *pank/čāh им.мн. от *pank/ča-.

6) xu/ū, xu(w) 'шесть' < *(k)šwašah или *(k)šušah им.мн. м./ж.р. от *(k)šwaš-, *(k)šuš- (ав. xšwaš).

7) uvd 'семь' < *hapta (ав. hapta); вариант (h)evd- в (h)evd-sūd

'семилетний' < *hapti(-), ср. модель ав. aštay- 'мера длины шириной в четыре пальца' (Pokorny, 1959, с. 775 со ссылкой на Хеннинга).

8) uxt 'восемь' < *ašta (ав. ašta); в сочетании (h)əšt-sūd 'восьмилетний' < *aštai, т.е. им. дв. ж.р. (но ср. ав. aštay- 'мера длины').

9) nu(w) 'девять' < *nawa (ав. nawa).

10) dūv 'десять' < *d/daša (ав. dašā).

Что касается числительного wast 'двадцать', то оно предполагает историческую позицию ā-умлаута и поэтому должно быть восстановлено в wīš(a)tā, что может быть истолковано как форма дв. числа им.-вин. падежа муж. рода от *wīšat (и.-э. wī-kmtī, ав. visaiti, višas '20'). Соответствующее числительное в вак. wīst и в н.-перс. bīst отражает форму дв. числа им.-вин. падежа ср. рода, т.е. *wisati.

7.1. Порядковые числительные образуются прибавлением к количественному числительному суффикса -əm < *-ama- (ав. -ama-), например, sūy-əm 'третий', uvd-əm 'седьмой'. Но в язгулямском сохранился рефлекс порядкового числительного 'первый', для выражения которого в древнеиранском употреблялось прилагательное с исходным значением 'передний'. Этот элемент мы находим в слове perwasaδn 'годовалый', букв. 'первогодка (о животных)' (ср. язг. sēdasāδn 'трехгодовалый'). Он может быть восстановлен в *parwa-, *parwuyā- (ав. pourwa-, др.-перс. parwa- 'первый'). Вариант этой основы с начальным целевым f сохранился также в язг. far-yemš 'первотелая корова, первородка'. Реликтовым порядковым числительным является также язг. bi- в biyan 'вчера' (т.е. 'второго дня') < *dwaya-.

7.2. Таким образом, в язгулямском нашли отражение следующие древнеиранские флективные формы числительных:

	Др.-ир.		Язг.	
			Ед. число	
Им.	*aiwah или *aiwa-	-	w-ū(g)	'один'
			Дв. число	
Им.	*d/duwā м.р.	-	δaw	'два'
Вин.	*d/δ(u)wai ж./ср.р.	-	δev-	" - "
	*aštai м./ср.р.		(h)əšt-	'восемь'
Им.	*wīšatā м.р.		wast	'двадцать'
			Мн. число	
Им.	*t(s)gāyah м.р.	-	sūy	'три'
	*t(s)gāyi ср.р.	-	ci-	" - "
	*čaṣ/hwāri ср.р.	-	čer	'четыре'
Род.	*čaṣ/hwārām м./ж.р.	-	čar-	" - "
	*pank/čāh м.р.	-	panj-	'пять'

Твор. *rank/čāiṣ m./ср.р. - reŋj 'пять'
 Им. *(k)ṣwaṣah m./ж.р. - ṣu(w) 'шесть'

Кроме того, в язгулямском имеются рефлексы следующих древнеиранских форм порядковых и других числительных, а также прилагательных, используемых в качестве них. Они следующие: 1) уже упоминавшееся *raṣwa-, *raṣwā- 'первый' в язг. reṣwasaṣn 'годовалый' и raṣ-yeṣč 'первопородная корова'; 2) *dwaṣa- в язг. bi- в biyan 'вчера' (т.е. 'второго дня'); 3) *t(ə)rita- или *t(ə)ṛtyā- 'третий' в язг. seḍ-a-siḍ 'позапрошлый год'; 4) *hapti- или *haptū- в язг. (h)evd-sūḍ 'семилетний'; 5) *ašti- или *aštai в язг. (h)əšt-sūḍ 'восьмилетний'.

Древнеиранское числительное *ham, *ha и его вариант *sam, *sa 'один' (и.-э. sem-, sm- 'один', ав. haḍō-zātāi 'единоутробному') сохранилось в язгулямском, как уже было отмечено выше, также в двух вариантах: sēm-arn 'длиной в один локоть' и am-digar 'один-другого'.

Местоимение

Личные местоимения

6.0. Личные местоимения I-го и 2-го лица ед. числа имеют две падежные формы: прямую и косвенную. Во мн. числе для каждого лица имеется одна форма. В качестве местоимений 3-го лица ед. и мн. чисел используются местоимения, исторически продолжающие указательные местоимения. В ед. числе эти местоимения имеют не только две падежные формы (прямая и косвенная), но и две родовые формы (м. и ж. род). Во мн. числе представлена одна форма. В отличие от других памирских языков язгулямские лично-указательные местоимения сохранили только два ряда этих местоимений: дальний и средний. Ближний ряд местоимений, а основу которого легло древнеиранское местоимение *ima-, в язгулямском, по-видимому, не сохранился. Язгулямские личные местоимения могут быть представлены следующей таблицей:

Лицо \ Форма	Ед. число		Мн. число
	пр. форма	косв. форма	
I л.	az	mo/ūn, mo-	mox
2 л.	tow	tu, ti-	tətox
3 л.			
а) указ.мест. дальнего ряда	u	way м.р. im ж.р.	if
б) указ. мест. среднего ряда	āy	day м.р. dim ж.р.	dif

Примечание: форма *mo-* употребляется только перед послелогом *-ra* и *-me*, форма *ti-* — перед послелогом *-ra*.

Местоимения прямой падежной формы употребляются в функции подлежащего и именной части сказуемого, а местоимения косвенной падежной формы — во всех остальных функциях, например; *az badin* 'я пойду'; *hex mō-ra var* 'принеси мне воды!'. Синтаксическая функция косвенной падежной формы обычно конкретизируется предлогом или послелогом, например: *u žə mūn fəṣṣāg* 'он стесняется меня'; *za pta mon!* 'иди ко мне!'. Местоимения косвенной падежной формы, кроме того, употребляются в функции подлежащего при переходном глаголе в любом из прошедших времен, например: *mon xi baḡá-ra taka aḡard* 'я дала лепешку своему ребенку'. При непереходном глаголе такое употребление косвенной формы местоимения наблюдается реже, например: *mōn-em waxt yāt* 'я давно пришел'.

Местоимения в функции определения, так же как и имена существительные и прилагательные, осложняются показателем *-i*: *mōx-i dēd-at bob bi qolin zindagonay-əf keg* 'наши отцы и деды жили без ковров'. Для тех местоимений, где различаются две падежные формы, этот показатель употребляется при косвенной форме местоимения, например: *im-i ros-u səgag* 'ее сын — маленький'. Употребление показателя *-i* факультативно.

Особо следует сказать в связи с этим о местоимениях 1-го и 2-го лица ед. числа. Эти местоимения в функции определения могут иметь различные варианты. Так, местоимение-определение 1-го лица ед. числа может иметь следующие варианты: *mo/ūn(-i)* и *ni* 'мой, моя, мой'. Нелегко догадаться, что второй вариант является результатом синкопы первого варианта, т.е. *mo/ūni* → **mni* → *ni*. Местоимение 2-го лица ед. числа может иметь варианты *ti*, реже *tí-i* и *tu-i*. В современном язгулямском произошло некоторое функциональное размежевание этих вариантов, а именно: варианты *mo/ūn* и *tí-i* употребляются при подчеркивании принадлежности (Эдельман, 1966, с. 38), например: *mōn-i kūd-u duk* 'мой дом — вон тот'; *tí-i naswordon?* '(это) твоя табакерка?'. Варианты *ni* и *ti* имеют более широкое атрибутивное употребление, например: *ni dēd waxt ḡod* 'мой отец давно уехал'; *ni cil tit mēda* 'мой платок разорвался'; *rūṣn-da na-kēḡtti kāl?* 'у тебя не болит голова?'; *ti nān-u kōnda?* 'где твоя мать?'.
6.1. Исторические соответствия для большинства язгулямских личных местоимений достаточно прозрачны:

1-е лицо: ед.ч. *az* 'я' < **azā(m)* им. ед. (и.-е. *eġ-*, *eġō*, *eġ(h)om*, др.-инд. *aḡam*, ав. *ažəm*); косв. форма *mo/ūn* < **mana* род. ед. (ав. *mana*, др.-перс. *manā*); мн.ч. *mox* 'мы, нас' < **aḡmāxam* (ав. *aḡmākem*, др.-перс. *amāxam*);

2-е лицо: ед. ч. *tow* 'ты' < **tuwam* (ав. *tvəm*, *tūm*), косв. формы *tu* < **tawa* род. ед. (ав. *tavā*), *ti* < **taya*, т.е. притяжательное местоименное прилагательное; мн.ч. *təmox* 'вы, вас' и т.д. < **taḡmāxam*,

т.е. форма род. мн. от основы ед. числа *ta (и.-э. te-, tū-, tye-; образование по аналогии с *ahmāham);

3-е лицо: ед.ч. прямая форма дальнего ряда u < *awam им. м.р. от *awa- (ав. ava-), среднего ряда āu < *ayam им.м./ж.р. от *ā- или, что менее вероятно фонетически, < *aitah-. (ав. aētō); косвенные формы муж. рода: дальнего ряда wau < *awayā твор. ж.р. от *awā- (ав. awayā), среднего ряда day < *aitayā твор. ж.р. от *aitā- (ав. aētaya); косвенные формы жен. рода: дальнего ряда im из wim *awahmāi дат. ср.р. от *awa-, ближнего ряда dim < *aitahmāi дат. ср.р. от *aita- (ав. aētahmāi).

Как можно видеть, в местоимениях 3 л. ед. числа произошла родовая трансформация, т.е. исторические местоимения ср. рода стали местоимениями жен. рода, а исторические местоимения жен. рода стали местоимениями муж. рода. Аналогичное явление имело место и в развитии указательных местоимений шугнано-рушанской группы языков.

Что касается происхождения местоимений мн. числа if (из wif) и dif, то можно сказать следующее. Если сравнить их с соответствующими местоимениями шугнано-рушанской группы языков (ш. wēv/f, dēv/f, рх. (w)uf, duf, б. uf, dif, ор. waf, daf), то станет ясно, что возводить язг. if и dif к древнеиранской форме дат.-отл. мн. числа не представляется возможным, поскольку этому препятствуют рушанские и орошорские формы. По-видимому, конечный -f в этих местоимениях следует рассматривать как показатель множественности (подробнее о нем см. "Имя существительное"). Некоторую трудность представляет решение вопроса о том, куда относить гласный элемент в этих формах: к показателю множественности или к местоимению. Если гласный отнести к показателю множественности, то начальные согласные w- и d- можно толковать либо как рефлексы форм ед.ч. м.р., т.е. им.-вин. *awam, *aitah или *aitam, твор. *awa (ав. avā), *aita (ав. aēta), либо как рефлексы форм мн.ч. м.р., т.е. им.-вин. *awai, *aitai, твор. *awāiś (ав. avāiś), *aitāiś. Если же гласный элемент отнести к местоимению, то язг. wi- и di- можно толковать либо как рефлексы форм род. ед. м.р., т.е. *awahya, *aitahya, либо как рефлексы форм род. мн. м.р., т.е. *awaiśām (не исключено и *awaihām), *aitaiśām (или *aitaihām). Думается, однако, что второе наше предположение более вероятно, поскольку, если отнести гласный элемент в язг. if к показателю множественности, то ничего не остается от местоимения. Такое объяснение поддерживает и прямой формой мн.ч. ш.-р. wāḍ 'они, те', в которой конечный -ḍ является показателем множественности, а wā- < *awahyāh род. ед. или < *awāhām род. мн. от основы *awa-. Показатель множественности в виде дентального -d- представлен также в указательных местоимениях ишк. aw-ōn-d-on 'они, те' и ос. a-d-on 'эти', u-ā-on 'они, те' (Абаев, 1958, с. 31).

Указательные местоимения

6.2. В качестве указательных используются местоимения *yu(k)* и *du(k)*. Первое употребляется при указании на ближний объект, второе – при указании на удаленный объект. Краткие формы *yu*, *du* выступают обычно в функции препозитивного определения, например: *aʃa yu sex mo'-ra!* 'дай мне эту спицу!'. Полные формы *yuk*, *duk* употребляются субстантивно; *yuk duk-ama* 'этот с тем (подрался)'

Значительно реже в качестве указательных употребляются отмеченные выше местоимения 3-го лица, например: *āy ti zənaw š'əra ink'o xarob* 'эта твоя невестка почему такая худая?'

С исторической точки зрения указательные местоимения *yu(k)*, *du(k)*, по-видимому, представляют собой рефлексы формы им. падежа ед.ч. от основ **i-* ж.р. и **aita-* м.р. с позднейшим суффиксальным наращением *-uk*, т.е. язг. *y-* в *yu(k)* < **iyam* (ав. *īm*), а язг. *d-* в *du(k)* < **aitah*. Язгулямские элементы *y-* и *d-* могут отражать также форму им. мн., т.е. *y-* < **iyai*, а *d-* < **aitai* (ав. *aēte*).

Таким образом, в язгулямском в отличие от других памирских языков указательные местоимения ближнего ряда отражают не древнеиранскую местоименную основу **ima-*, а основы **a-* и **i-*. Местоимения же среднего и дальнего рядов, как и в других памирских языках, отражают соответственно основы **aitā-* и **awā-*.

6.3. И так, в язгулямских личных и указательных местоимениях нашли отражения следующие древнеиранские местоименные основы:

Личные местоимения

Др.-ир.		Язг.
	Ед. число	
1 л. Им. <i>azā(m)</i>	- <i>az</i>	'я'
Род. * <i>mana</i>	<i>mo/ūn</i>	'меня, мне' и т.д.
2 л. Им. * <i>tuwam</i>	- <i>tow</i>	'ты'
Род. * <i>tawa</i>	- <i>tu</i>	'тебя, тебе' и т.д.
	Мн. число	
1 л. Род. * <i>ahmāxam</i>	- <i>mox</i>	'мы, нас' и т.д.
2 л. Род. * <i>tahmāxam</i>	- <i>temox</i>	'вы, вас' и т.д.

Указательные местоимения

Др.-ир.		Язг.
	I. О т о с н о в ы * <i>awā-</i>	
	Ед. число	
Им. * <i>awam</i> (м.р.)	- <i>u</i>	(м.р.)

Род. *awahya (м.р.)	- (w)i- в (w)if
Твор. *awayā (ж.р.)	- way (м.р.)
Дат. *awahmāi (ср.р.)	
Местн. *awahmi (ср.р.)	- im из wim (ж.р.)

Мн. число

Род. *awaišām (м.р.)	- (w)i- в (w)if
----------------------	-----------------

II. О т о с н о в н *aitā-

Ед. число

Им. *aitah (м.р.)	- d- в du(k)
Род. *aitahya (м.р.)	- di- в dif
Твор. *aitayā (ж.р.)	- day (м.р.)
Дат. *aitahmāi (ср.р.)	- dim (ж.р.)
Местн. *aitahmi (ср.р.)	

Мн. число

Род. *aitaišām (м.р.)	- di- в dif
-----------------------	-------------

III. О т о с н о в н *ā-, *ī-

Ед. число

Им. *ayam (м.ср., ж.р.)	- āy
*iyam (м.ср. ж.р.)	- y- в yu(k)

Мн. число

Им. *iyai	- y- в yu(k) (?)
-----------	------------------

Возвратно-определятельное местоимение

6.4. Различаются местоимение-существительное и местоимение-прилагательное: *xūd* и *xī*. С послелогом *-ra* употребляется только *xī*. Примеры: *áz-a xūd vadin-da ma xēd* 'я сама дойду до берега'; *berk' na ē-xūd varay* 'бревна ты принесешь от себя'; *ḡerub ti vréd-ra wafín, uasáy xūd qatay* 'я свяжу чулки твоему брату, ты отвезешь их с собой'; *ar xer-me xūd z(ə)veg* 'в каждом кишлаке свой язык'; *ayed-ay xī mel i kūd* 'он пригнал свой скот домой'; *xī wex-ra ayas!* 'отнести (это) своему мужу!'

Местоимение *xūd* является закономерным отражением ир. **xwata-* (и.-э. *we- sçe-*, др.-инд. *sva-*, ав. *xva-*, *hva-* 'собственный'), а местоимение *xī* < **xwaya-*, т.е. форма местоименного прилагательного (ср. ав. *xvaē-* в *xvaē-tu-*).

Вопросительные местоимения

6.5. Местоимение *kī* 'кто' (в сочетании с предлогом или послелогом - 'кого, кому' и т.д.) с исторической точки зрения представляет собой рефлекс формы род. падежа от основы *ka-*, т.е. **kaḥya* м.р. (ав. *kaḥya*) или **kaḥyān* ж.р. С древнеиранской основой **ka-* связано и язг. *kade/im* 'какой, который' < **ka-tāmh-*, **ka-tāmyā-* (др.-инд. *katāma-*).

Кроме того, в язгулямском сохраняется рефлекс исторической основы **čī-* (и.-е. *k^hei*, др.-инд. *kim* 'что', *kiḥ* 'кто') в местоимениях *čī(g)* 'что, какой', *čiz* (последнее, вероятно заимствовано из тадж.) и, возможно, *š(ə)tū* 'как, каким образом'. Местоимение *čī-* отражает форму род. ед. от основы **čī-*, т.е. **čīhya* м.р. или **čīhyān* ж.р. Для язг. *čiz* ср. др.-перс. *čīš-čiy*, ав. *čīšca*. Язг. *šə-* в *š(ə)tū* может быть восстановлено в **čī-* (ср. ав. *čī* 'как'). Для элемента *-tū* ср. рус. ч-то. Язгулямскому *š(ə)tū* соответствует ишк. *sta* 'что' и мундж. *šti* 'что'.

Таким образом, в язгулямском нашли отражение следующие древнеиранские основы вопросительных местоимений: 1) ир. **ka-* в язг. 'кто', *kade/im* 'какой, который'; 2) ир. **čī-* в язг. *čī* 'что, какой', *čiz* 'что' и в *š(ə)tū* 'как, каким образом'.

Глагол

Основы

8.0. В языке различаются две основы: основа настоящего времени и основа прошедшего времени. От основы настоящего времени образуется глагольная форма настояще-будущего времени и повелительная форма. От основы прошедшего времени образуется глагольная форма прошедшего времени. Исторически производной от основы прошедшего времени является краткая причастная форма на *-á(g)*, которая является базой для образования глагольной формы перфекта и ряда сложных глагольных форм.

С исторической точки зрения лишь основа настоящего времени является прямым продолжением древнеиранской основы настоящего времени. Основа прошедшего времени, как и в других иранских языках, образовалась на базе древнеиранского причастия прошедшего времени.

Основы настоящего времени

8.1. С синхронной точки зрения основы настоящего времени не имеют каких-либо классов. Они не имеют также какого-либо общего показателя, ср., *piš-* 'спрашивать', *neveš-* 'писать', *reḡbač-* 'держат'. Лишь благодаря историко-этимологическому анализу с учетом умлаута может быть установлена соотношенность той или иной язгулямской основы с

определенным типом древнеиранской основы.

С исторической точки зрения язгулямские основы настоящего времени сохранили следы таких древнеиранских наклонений, как индикатив, конъюнктив, оптатив, причем как от тематических основ, так и от атематических. Тип рефлекса язгулямской основы может быть определен по качеству ее корневого гласного. Но следует сказать, что в данном случае устанавливается прежде всего историческая позиция, связанная с умлаутом. И только на основании этого в какой-то степени может быть определен тип рефлекса язгулямской основы. Так, например, корневой гласный *ā* является, как известно, признаком исторической позиции *ā*-умлаута. А эта историческая позиция была характерна для древнеиранских тематических основ конъюнктива. Но в данном случае следует иметь в виду и древнеиранскую атематическую основу индикатива с суффиксом **-nā-*. Корневые гласные переднего образования (а в некоторых случаях – верхнего подъема вообще, см. "Имя существительное") являются признаком исторической позиции *i*-умлаута. А эта историческая позиция, как известно, была характерна для древнеиранских основ (тематических и атематических) оптатива. Но в данном случае следует иметь в виду и древнеиранские основы индикатива на **-ya*, **-aya-*, **-sya-*, которые также характеризовались *i*-умлаутом. Корневые гласные заднего ряда, а также редуцированный гласный *e*, являются признаками *a/u*-умлаутной позиции. А эта историческая позиция была характерна в основном для древнеиранских основ индикатива. Но в данном случае следует иметь в виду и атематические основы конъюнктива, которые также характеризовались *ā*-умлаутом.

Таким образом, в одних случаях рефлекс может быть однозначным, в других случаях возможна вариативность. Приводим примеры язгулямских основ настоящего времени, являющихся рефлексами того или иного типа исторической основы.

1) Язгулямские основы настоящего времени – рефлекс древнеиранских основ индикатива: *šoxs-* 'учить(ся), привыкать' < **(k)š(w)ak/xsa-* (ср. и.-э. *k^uek-s-* в ав. *kaš-*, *xšā-* 'учить(ся)', ишк. *ixs-* 'учиться, привыкать', сюда же язг. *kas-*, ишк. *kas-* 'смотреть', ишк. *šiy-* 'казаться'); *xūđ-* 'испражняться' < **k/xrđ/da-* (и.-э. *sker-d-*, *sker-d-*, ш. *šard-* то же); *beḫ-toxs-* 'сливаться', где *-toxs-* < **tak/xsa-*, но ср. *tež-* 'течь, ходить' < **tačya-* (ав. *tak-*); *wə-roxs-* 'распарываться, расходиться по шву' < **rak/xsa-* или **ruk/xsa-*, но ср. *wə-raxs-* < **rak/xšā-* или **ruk/xšā-*, т.е. основа конъюнктива (и.-э. *lēk-* или **rēk-*, а также и.-э. *reu-k/g-* 'рвать, разрывать', ишк. *reḷ/ž-*, ш. *wi-rēḫ-*, *wi-rūž-* то же); *neveš-* 'писать' < **ni-pšā-* (ав. *paēs-*); *per-weḷ/z-* 'просеивать', где *-weḷ/ž-* < **wīk/ša-* (ав. *vaēk-*); *x^oiž-* 'свистеть' < **(k)šwiḷya-* (и.-э. *sueigh-l-* 'свистеть', ш. *xi-xīl-an* 'свираль'); *γeric-* 'скрипеть' < **g/γričya-* (и.-э. *geri-* от *ger-* в ср.-н.-н. *karren* 'скрипеть', вах. *γeric-* то же).

2) Язгулямские основы настоящего времени - рефлексы древнеиранских основ конъюнктива: paǰ/ǰ- 'варить, печь' < *pak/ǰā- (ав. pak-); per-ǰar- 'удерживать', где -ǰar- < *d/ǰarā-, ср. -ǰer- в pe-ǰer-an 'выдерживающий, крепкий, ноский' < *d/ǰarai- (ав. dar); paу- 'пасты скот' < *pāyā- (ав. pāу-); kas- 'смотреть' < *kasā- (ав. kas-); taǰ- основа, употребляющаяся при побуждении что-либо сделать (ср. taǰ badem 'давай пойдем!') < *tak/ǰā; но ср. teǰ- 'течь' < *taǰуа- и -toxs- 'сливаться' < *tak/xsa- основы индикатива (ав. tak); lāf- 'говорить' < *l/rafā-, но ср. lev- 'разговаривать во сне' < *l/rabya- основа индикатива и lef- в left 3 л. ед. от lāf- 'говорить' < *l/rafai- основа оптатива (и.-е. ler- в др.-инд. larati 'говорит' и и.-е. rebh- в ср.-н.-н. reven 'говорить бессмыслицу'); paǰāу- 'жечь' < *upa-d/ǰayā-, paǰays- 'гореть' < *upa-d/ǰisa- (и.-е. dī- в др.-инд. dīpāyati 'зажигает', dīpuyatē 'пламенеет', ш. piǰis- 'зажигаться', piǰin- 'зажигать'); pe-xas- 'спать' < *upa-xursā-, x°ab- 'усыплять, укачивать, убаюкивать' < *xwārā- (и.-е. sycer-, sup-, ав. хвар-); ǰad- 'давать' < *d/ǰād/ǰā- (ав. dā); zaz- 'брат' < *zazā- (ср. и.-е. ghe(n)-d-, *ǰhen- 'брат, хватать', ишк. zon(d)z-, ш. zēz- 'брат'); we-raxs- 'выпадать (об осадках), оснпать-ся' < *rak/xsā- или *rik/xsā- (и.-е. rek- 'влажный, дождить' или и.-е. leik^u- в н.-перс. rixtān 'лить(ся), оснпаться'); xarn- 'покупать' < *k/xrīnā- (и.-е. k^urei-, ишк. x̄rn-, н.-перс. xaridān); kaw- 'колоть, резать скот' < *kawā- или *kūwā- (и.-е. kāu-, ав. kaō-).

3) Язгулямские основы настоящего времени - рефлексы древнеиранских основ оптатива: piš- 'спрашивать' < *pṛs(s)ai- (ав. peres-); ǰ/ǰir- 'думать, полагать' < *k/ǰarai- (ав. kar-); beǰ-teǰ/ǰ- 'сливать, спеживать', где -teǰ/ǰ- < *taǰai- (ав. tak-); reǰ- 'подводить глаза, красить ресницы' < *rag/ǰai- (и.-е. reg-, др.-инд. raj- 'красить', ишк. reǰ/ǰ- то же); anes- 'забывать' < *ā-nasai- (ав. nas-, ш. rinēs-); we-riǰ- 'вспаривать, взрезать' < *wi-raiǰai- (и.-е. rei-s- 'резать, разрывать', ав. raēē- 'ранить', ш. wirēǰ-, вах. riz- 'распаривать'); we-ǰin- 'разматывать(ся), раскручивать(ся), где -ǰin- < *d/ǰinai- или d/ǰinī-, ср. язг. we-ǰān- 'разматывать', где -ǰān- < *d/ǰinā-, т.е. основа конъюнктива (и.-е. deiē-, dī- 'крутиться'); fer-sib- 'толкать' < *p/fra)sūp/bai- (ср. и.-е. skēu-b(h)- 'толкать').

Относительно реконструируемых основ оптатива следует сказать, что они, являясь тематическими или атематическими, дают один и тот же рефлекс. Все восстановленные выше основы оптатива приведены нами в тематическом варианте, а нетематический вариант опущен, например, язг. piš- 'спрашивать' восстанавливается нами в виде pṛs(s)-ai-, т.е. в тематическом варианте, а нетематический вариант этой основы *pṛsi- нами опущен. Это относится и к другим приведенным

язгулямским основам - рефлексам древнеиранской основы оптатива.

Как можно видеть из приведенных выше примеров, некоторые язгулямские глаголы сохранили несколько вариантов основ, являющихся рефлексами исторических основ разных наклонений, ср., например: tež- 'течь'

< *tačya-, -toxs- в beḫ-toxs- 'сливаться' < *tak/xsa- - основы индикатива, taž- < *tačā- основа конъюнктива, -teḫ/ž- в beḫ-teḫ/ž- 'сливать' < *tačai- или tačī- основа оптатива (ав. tak-) и др.

Основа прошедшего времени и ее производные

8.2. Показателем основы прош. времени для большинства глаголов является конечный смычный -t или -d. Глухой смычный обычно употребляется после исхода основы наст. времени на глухой согласный: waf-: wafat 'ткать', pis-: pist 'спрашивать'. Но встречаются случаи употребления глухого смычного -t после звонкого согласного и гласного: tab-: tabt 'крутить', zay-: yāt 'приходить'. Звонкий смычный -d употребляется только после исхода основы наст. времени на звонкий согласный или гласный: lew-: lewd 'разговаривать во сне', fersib-: fersabd 'толкать', pay-: payd 'пасти скот', say-: sad 'жать, косить'.

Небольшое число глаголов имеет исход основы прош. времени на -g ḫ(ə)wār-: ḫ(ə)wūg 'кушать', k°ən-: k/keg 'делать'. У одного глагола зафиксирована основа прош. времени на -x°, т.е. rux°- от основы наст. времени raḫ/ž- 'варить, печь'. Наконец, от основы наст. времени k°ən- 'делать' наряду с основой прош. времени k/keg- зафиксирована основа ki- в составе перфектного причастия k(i)ya(g)'сделавший' (ср., однако: meg-//mig- от mar- 'умирать', xūg-//x°ig- от x°ar- 'кушать').

С точки зрения соотношения основы наст. времени и основы прош. времени последняя может отличаться не только дополнительным конечным смычным -t/d или -g, но и другой огласовкой, например: ġin-: ġont 'проливаться', kan-: kont 'копать', fersib-: fersabd 'толкать', newir-: newūg 'заходить (о светилах)'; anē-: anūxt 'забывать' и др.

Большинство современных язгулямских основ прош. времени являются вторичными по образованию, ср., например, pay-: payd 'пасти скот', perdar-: perbard 'держать', serafs-: serafst 'шипать, саднить', tafs-: tafat 'раскалывать(ся)', xarn-: xarnt 'покупать'. Лишь в отношении некоторых основ можно говорить как о рефлексах древнеиранского причастия прош. времени, которое, как известно, образовывалось от корня (а в позднедревнеиранском уже допускалось и образование от основы наст. времени).

8.3. В известных нам древнеиранских языках зафиксирован в основном один суффиксальный элемент, с помощью которого образовывалось причастие прош. времени - суффикс *-tā. Закономерными рефлексами этого

исторического причастия на *-tā являются следующие язгулямские основы прош. времени: vūst- от van(d)- 'связывать' < *basta- (ав. band-, прич. basta-); kūxt- от kās- 'смотреть' < *kašta- (ав. kas-); tūyd- от tež- 'течь, ходить' < *takta- (ав. tak-); nēvēšt- от nēvēš- 'писать' < *ni-pīšta- (ав. paēs-); šod- от супплетивной основы наст. времени bad-'идти, уходить' < *šūta- (ав. šuav-, прич. šūta-); k°ōxt- от kaw- 'колоть, резать животное' < *kūšta- (ав. kaoš-); šod- от šan- 'слышать' < *srūta- (ав. srav-); -šūd- в pērvūd- от pērvīw- 'свертываться, прокисать (о молоке)' < *šūta- (и.-е. teu- 'взбухать' в ав. tūiri- 'створожившееся молоко', рус. творог); waft- от waf- 'ткать' < *waftā- (и.-е. webh-, др.-инд. vabh-, ав. -ub в ubdaēna-); mad- от m- 'становиться, делаться' < *matā- (ср. и.-е. epā- 'брат' в рус. иметь, вах. ымы- 'становиться'); maht- от miz- 'мочиться' < *mištā- (ав. maēz-); vad- от v- 'быть' < *būtā-.

Но ряд язгулямских основ прош. времени имеют корневой гласный переднего образования на месте др.-ир. корневых *ā, *ǎ, *ū, *ī. А это свидетельствует об исторической i-умлаутной позиции. Отсюда можно предположить, что наряду с древнеиранским суффиксом *-tā- существовал также суффикс *-tī- или скорее *-tyā-, с помощью которого также образовывались причастия прош. времени. Закономерными рефлексамии этого древнеиранского причастия можно считать следующие язгулямские основы прош. времени: pist- от piš- 'спрашивать' < *prētī-, *prētyā- (ав. pēreš-); dād- от dād- 'давать' < *dāatī-, *dāatyā- (ав. dā-); west- от wad- 'уводить в жены' < *wastī-, wastyā- (ав. vad-); wint- от win- 'видеть' < *wintī-, *wintyā- (ав. vaēna-); rēt- от несохранившейся основы наст. времени 'выдернувшийся' < *rūtī-, *rūtyā- (и.-е. teu-, rū- 'дергать, выдергивать', ишк. rēt 'выдернувшийся'). Материал других памирских языков также подтверждает существование в древнеиранском причастия прош. времени на *-tī- или *-tyā- (ср. др.-перс. martiya- 'смертный').

8.4. Как и в других памирских языках, в язгулямском сохранились рефлексии не только исторического причастия прош. времени с элементом *-t-, но и с элементами *-w- и *-k-). Эти причастия не менее древние, ср. и.-е. mṛ-ucō- наряду с mṛ-tō- 'умерший', др.-инд. rak-vā- 'сваренный', ав. huška- 'высушенный, сухой'. Сюда относятся следующие язгулямские основы прош. времени: rūx°- от raš/ž- 'варить, печь' < *rak/xwa- (ав. rak-, ишк. p̄x-); xūg от x°ār- 'кушать, есть' < *xwṛk/a-, но ср. язг. x°ig- в x°iga(g) 'съеденный' < *xwṛkī- (и.-е. wuel-(k-), ав. xvar-, шугн. прич. xūy-š); yug- от yawn- 'молоть' < *arka- или *ṛka-, но ср. язг. ye/ig- в ye/iga(g) 'смолотый' < *arkī- или *ṛkī- (и.-е. al- 'молоть'), ав. aša- 'смолотый' из *ars/ša-, н.-перс. ard 'мука', шугн. yūy(š); k/keg- от k°en- 'делать' < *kṛkī-, но ср. язг. ki- в k(i)ya(g) 'сделавший' < *kṛwī- или *kṛya-, ср. ш. šu- < *kṛwa- и šūy-š, где šūy- < *kṛk/ša-, вах. -keš- < *kṛk/šī- наряду с kērt- < *kṛta- (в авестийском представлены причастия kēreta-,

karšta-, kaša- 'сделанный'); meg- от mar- 'умирать' < *mrkī-, так же язг. mig- в miga(g) 'умерший' (и.-в. mer(k-), ав. mar-, шугн. прич. mīŷ-j) и др.

8.5. Исторически производной от основы прош. времени является краткая причастная форма с суффиксом -a(g), употребляющаяся главным образом для образования формы перфекта, например: x̄^oanta(g) (от x̄^oant-) 'взвучившийся, грамотный', raða/eda(g) (от raðad-) 'загоревшийся'. У ряда глаголов при этом возможно изменение корневого гласного: šeda(g) (от šod-) 'пошедший', wašta(g) (от wešt-) 'умывшийся, искупавшийся', wasta(g) (от west-) 'женившийся', raх^oa(g) (от rux^o-) 'сваренный', miša(g) (от meg-) 'умерший' и др.

Заслуживает внимания наблюдение Д.И.Эдельман относительно того, что эта причастная форма от переходных глаголов имеет обычно активное значение (Эдельман, 1966, с. 60). Судя по материалу, эта форма от переходных глаголов довольно часто употребляется и в пассивном значении, ср., например: k(i)ya(g) 'сделавший', но daða(g) 'убитый', raх^oa(g) 'сваренный', nevešta(g) 'написанный' и др. Такая нейтральность этой причастной формы в отношении пассивности-активности свидетельствует и о нейтральности в этом плане основы прош. времени, что, в свою очередь, является лишним аргументом в пользу того, что и древнеиранское причастие прош. времени, рефлексом которого является современная основа прош. времени, также могло быть нейтральным в отношении пассивности-активности (подробнее об этом см. соответствующий раздел в очерке "Шугнанский язык").

О нейтральности современной основы прош. времени переходных глаголов в отношении пассивности-активности свидетельствует и вариативность в спряжении переходных глаголов, ср. áz-əm xúg 'я съел' и mún xúg 'мною съедено'.

Выражение лица и числа

8.6. Лицо и число в глагольных формах, образованных от основы наст. времени, выражается личными окончаниями, в глагольных формах, образованных от основы прош. времени, — энклитическими подвижными показателями.

Личные окончания

8.7. Личные окончания в языке следующие: ед. ч. 1 л. -in, 2 л. -ay, 3 л. -t (в основном после глухих согласных и сонантов) или -d (в основном после звонких согласных); мн.ч. 1 л. -em, 2 л. -it, 3 л. -an. Форма повелительного наклонения в ед. числе имеет нулевое окончание, а во мн. числе то же окончание, что и у формы настоящего будущего времени, т.е. -it.

С исторической точки зрения язгулямские личные окончания представляют собой рефлексы различных древнеиранских личных окончаний; как первичных, так и вторичных, как активных, так и медиальных, как от тематических основ, так и от атематических, как индикатива, так и конъюнктива и оптатива. Так, окончание I л. ед.ч. *-in* является закономерным отражением древнеиранского окончания I л. ед.ч. конъюнктива *-āni*. Окончание 2 л. ед.ч. *-au* < **-ahi*, а нулевое окончание повелительной формы продолжает древнеиранское окончание императива **-a*. Окончание 3 л. ед.ч. *-t/d* < **-ti* (первичное) или **-ta* (вторичное). Окончание мн.ч. I л. *-əm* < **-ama* или **-amni*, 2 л. *-it* < **-ita*, 3 л. *-an* < **antām*, т.е. мед. окончание императива.

Подвижные показатели лица и числа

8.8. В глагольных формах, образованных от основы прош. времени (прош. время, перфект, плюсквамперфект), лицо и число выражается, как уже выше было отмечено, энклитическими показателями. Они следующие: ед. ч. I л. *-əm*, 2 л. *-at*, 3 л. *-(ay)*; мн. ч. I л. *-an*, 2 л. *-əf*, 3 л. *-an* (обычно при непереходных глаголах), *-əf* (при переходных глаголах). Как правило, эти показатели лица и числа примыкают к первой синтагме во фразе, например: *imi n'əm-at na-pist?* 'ты не спросила ее имени?'; *wū mast-əf xəkərd* 'целый месяц они искали (его)'; *tí-ra-n vəg* '(это) тебе принесли'.

То обстоятельство, что эти показатели лица и числа совпадают с глаголом-связкой, дает возможность предположить, что они, будучи употребленными с непереходным глаголом, исторически представляют собой рефлексы личных форм древнеиранского глагола **ah-*, **-h* (ср. ав. *hənti* 3 мн.ч.) и с инфиксом **anh-* (ср. ав. **aṇhat* 3 ед. конъюнктив) 'быть' в презенсе. Если принять такое предположение, то для язгулямских показателей лица и числа могли бы быть следующие древнеиранские соответствия: а) ед. ч. I л. *-əm* < **ahmi* (ав. *ahmi*), 2 л. *-at* < **hatāh* (со вторичным окончанием медиального залога, ср. др.-инд. окончание *-thās*), 3 л. *-ay* < **ahyāt* (оптатив), а нулевой вариант < **hat* (конъюнктив), ср. 3 л. ед.ч. глагола-связки *-u/ū* (ср. *ṣig-u im-me?* 'что это у нее?') < **ahat*, т.е. 3 л. ед.ч. конъюнктив (ав. *aṇhat*); б) мн.ч. I л. *-an* < **anhmā* или **hampā*, 2 л. *-əf* возможно из **had/twai* (с первичным окончанием медиального залога), 3 л. *-an* < **hantām* (императив).

Показатели лица и числа, употребляющиеся при переходном глаголе, внешне почти целиком (за исключением 3 л. мн.ч.) совпадают с показателями лица и числа, употребляющимися с непереходным глаголом, но исторически они, по-видимому, представляют собой сочетание древнеиранского глагола **ah-*, **-h* 'быть' в 3 л. ед.ч. в одном из наклонений с энклитическим местоимением, т.е.: а) ед.ч. I л. *-əm* < **ahyāt + mai*, 2 л. *-at* < **ahat + tai*, 3 л. *-ay* < **ahyāt + hi*, а нулевой

вариант < *hat + hi; ó) мн.ч. I л. -an < *ahat + nāh, 2 л. -əf < *ahyāt + vāh, 3 л. -əf < *ahyāt + āb/fiš (т.е. твор. мн. от местоименной указательной основы *ā-). О соответствующих параллелях в других памирских и не-памирских языках см. в разделе "Сравнительно-исторический анализ морфологии".

Таким образом, в язгулямском, как и в других памирских языках, представлены два ряда омонимичных (за исключением 3 л. мн. числа), но исторически различных показателей лица и числа, употребляющихся при глагольных формах, образованных от основы прошедшего времени.

Личные формы глагола

8.9. Как уже отмечалось, все современные личные глагольные формы в язгулямском, как и в других памирских языках, вторичны по своему происхождению. Но в язгулямском сохранились и застывшие личные формы глагола. Они следующие: *yast* 'есть, имеется', *yest* 'пусть (так) будет!' и *xo* 'бы' (частица сослагательного наклонения). Форма *yast* скорее всего может быть восстановлена в *hāstā, т.е. 3 л. ед.ч. от редуцированной основы *h-ah- 'быть', менее вероятно из *astā или *astām (императив, мед. залог). Форма *yest* фонетически может отражать либо *hasti, т.е. 3 л. ед.ч. индикатива от редуцированной основы *h-ah- 'быть', либо *asti, т.е. 3 л. ед.ч. индикатива от основы ah- 'быть'. Но такая реконструкция наталкивается на семантические трудности, поскольку язг. *yest* имеет явно оптативное значение. Поэтому, думается, что эту форму можно было бы восстановить и по-другому, а именно: *histryāt, т.е. 3 л. ед.ч. оптатива от редуцированной основы *hi-at-'стоять, становиться' (и.-е. stā-, st-, si-stā-). Что касается частицы *xo* 'бы', то она по аналогии с русской частицей *бы*, которая развилась из др.-рус. аориста 2-го и 3-го л. ед.ч. от глагола 'быть' (Фасмер, 1964, с. 257), может быть восстановлена в форму 3 л. ед.ч. мед. залога аориста от основы *ah/x- 'быть', т.е. в *āhta (ср. ишк. -ъs < *āsta 3 л. ед.ч. мед. залога аориста от того же корня).

Базой для образования всех личных глагольных форм являются, как уже было сказано выше, две глагольные основы: основа наст. времени и основа прош. времени (исторически - причастие прош. времени).

8.10. От основы наст. времени прибавлением личных окончаний образуется глагольная форма настоящего-будущего времени и форма повелительного наклонения для 2-го лица ед. и мн. числа. Приводим парадигму спряжения глагола *laf-*: *laf* 'говорить' в форме настоящего-будущего времени:

Н а с т о я щ е - б у д у щ е е в р е м я

Ед.ч.	Мн.ч.
I л. <i>lafín</i>	<i>lafém</i>

2 л. lafáy

lafít

3 л. laft

lafán

В повелительной форме во 2-м лице ед. числа окончание отсутствует: laf 'скажи!' - lafit 'скажите!'.

Форма настояще-будущего времени выражает любое непршедшее действие, например: təməx-ta wandá ċi kār kʰenit? 'что вы здесь делаете?'; bu-da az wáy-ra ruqsat đabín 'потом я его отпущу'; xi đoyd đadd ni póc-ra! 'пусть он выдаст свою дочь за моего сына!'; Ĥʰovd taĥ-raĥ na-mit! 'как бы молоко не прокисло!'.

8.II. Основа прош. времени является базой для образования таких глагольных форм, как прошедшее время, перфект и плюсквамперфект. Форма прош. времени образуется путем сочетания основы прош. времени с подвижными показателями лица, например: áz-əm ĥod 'я пошел', žiw-əm sad 'я жала пшеницу'.

При переходном глаголе в прош. времени, как и в других глагольных формах, образованных от основы прош. времени, возможен и другой тип спряжения, а именно; mún sad 'я жала' (исторически - 'мною сжато'); mún pakáya soy bréĥt-a yát-əm 'я только что попил чай и пришел'. В случае, если во фразе представлено местоименное прямое дополнение, то оно, как и местоименное подлежащее, употребляется в косвенной форме, например: mún ž-im wint 'я видел ее'. Подобное построение не может не свидетельствовать о смешении в спряжении переходных и непереходных глаголов.

Как уже отмечалось выше, в 3-м лице мн.числа различаются показатели лица и числа для переходных и непереходных глаголов, а именно: -ef для переходных, -an для непереходных глаголов, например: wú mást-ef Ĥəkərd 'целый месяц они искали (его)'; xafa-(a)n mad 'они обиделись'. Но и в этом случае наблюдаются отступления от правила, т.е. показатель -an может употребляться не только при непереходном глаголе, но и при переходном, например: tí-ra-n vэг '(это) тебе принесли'. Хотя в принципе эти два -(a)n могут быть различны по происхождению (см. Подвижные показатели лица и числа).

Если же говорить о наиболее употребительном спряжении переходных и непереходных глаголов в глагольных формах, образованных от основы прош. времени, то оно имеет следующий вид: (см. таблицу на след. стр.).

Форма прош. времени выражает прошедшее действие независимо от его длительности и кратности, например: áz-əm ĥod i pír-i kaskáš-i kúđ 'я пошел в дом к старику-дровосеку'; penĵ-ĥu hív im qatay zindagonay kэг 'пять-шесть дней прожил он с ней'. В условном предложении с частицей хо эта форма выражает ирреальность условия: aga wú mást-əm хо waxt vad, bú-əm хо manor ĥoxt 'если бы у меня был месяц времени, тогда я бы больше ввучил'.

8.I2. Форма перфекта образуется сочетанием перфектного причастия на -a(g) с теми же показателями лица и числа, что и при форме прошед-

Парадигма спряжения переходного глагола
'говорить' и непереходного глагола
'идти' в форме прошедшего времени

Число	Лицо	Непереходный глагол	Переходный глагол	
			при местоименном подлежащем	без местоименного подлежащего
Ед.	1-е	áz-əm šod	mún laft	-əm laft
	2-е	tów-at šod	tu laft	-(at) laft
	3-е	āy(-ay) šod	im (ж.п.) laft way (м.п.)	-(ay) laft
Мн.	1-е	móx-an šod	mox laft	-an laft (šod)
	2-е	temóx-ef šod	temox laft	-ef laft
	3-е	íf-an šod	if laft	-ef laft

шего времени. Особенности в спряжении переходных и непереходных глаголов здесь те же. См. парадигму спряжения непереходного глагола vad-: šod 'идти' в форме перфекта:

П е р ф е к т

	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л.	áz-əm šeda(g)	móx-an šeda(g)
2 л.	tów-at šeda(g)	temóx-ef šeda(g)
3 л.	āy(-ay) šeda(g)	íf-an šeda(g)

Форма перфекта употребляется при выражении результата действия, имевшего место в прошлом, а также при передаче сообщения с чужих слов и при логическом заключении о действии: ni roc qatol meda 'мой сын стал взрослым'; šig-ay nevěta? 'что он написал?'; ana, u yoqa yašag veda! 'вот она какая оказалась, эта девушка!'.
8.13. Форма плюсквамперфекта образуется сочетанием перфектного причастия на -a(g) с вспомогательным глаголом v-: vad 'быть' в форме прош. времени'. См. парадигму спряжения того же глагола vad-: šod 'идти'.

П л ю с к в а м п е р ф е к т

	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л.	áz-əm šeda(g) vad	móx-an šeda(g) vad
2 л.	tów-at šeda(g) vad	temóx-ef šeda(g) vad

Форма плюсквамперфекта выражает либо действие, совершившееся ранее другого действия, либо безотносительное давнопрошедшее действие, например: *móx-an wú šenda nista-an vad ki wú sewer yāt* '(только) мы расположились в одном месте, как подъехал какой-то всадник'; *tów-at pəred na ita vad?* 'а раньше ты не приезжала?'

8.14. В язгулямском имеются еще две сложные глагольные формы, образование которых относится, по-видимому, к недалекому прошлому. Это – форма преждепрошедшего перфекта и глагольная форма, служащая для выражения таких оттенков, как предположение, условное допущение, пожелание и т.п., например: *íf-an dím-ra ičig na lafta(g) veda(g)* 'они ей, оказывается, ничего не сказали'; *u šeda(g) mit* 'он, должно быть, (уже) ушел'; *u bu ki veda mit?* 'кто бы это мог быть?'

Неличные глагольные формы

И н ф и н и т и в

8.15. Инфинитив образуется от основы наст. времени прибавлением суффикса *-aĵ:laf-aĵ* 'говорить', *bad-aĵ* 'отъезжать'. Являясь именем действия, инфинитив может выступать в предложении в любой именной функции, например: *móx-an mæg na xendaĵ* 'мы умерли от смеха'; *Šarif kasaĵ badin* 'я схожу проведать Шарифа'; *anəxtág-em š-way xaxaĵ* 'я забыла, как его месить'.

С исторической точки зрения суффикс инфинитива *-aĵ* является отражением элемента *-ākā-* ж.р., рефлекс которого представлены также в суффиксах инфинитива ряда других памирских и непамирских языков, ср. вах. *-ak* в *pəc-ák* 'варить, печь', ягн. *-ak* в *puč-ák* то же. Варианты этого суффикса представлены также в ишкашимском и частично в ваханском инфинитиве: ишк. *pac-ūk* 'варить, печь', *ryzin-uk* 'знать', где суффиксы *-u/ūk* < *-aka- м.р., вах. *win-g* 'видеть', где *-g* < *-ka-. Аналогичный суффикс представлен в имени действия в языке дари, ср. *rawāĵ* 'хождение'.

Возможно в язг. *xəayn* 'молотба' можно видеть реликтовый инфинитив на **-na-*. Такого рода инфинитив, как известно, сохраняется и в других иранских языках, ср. вах. *tuk-n* 'уезжать, отъезд', ягн. *puč-na* 'варить, печь'.

П р и ч а с т и е

8.16. В языке различаются причастия, образующиеся от основы наст. времени, и причастия, образующиеся от основы прош. времени. Кроме того, остаточно сохраняется причастие наст. времени, внешне совпадающее с основой наст. времени и продолжающее древнеиранское

причастие наст. времени на *-а, ср. др.-перс. -bara- в така-bara- 'несущий на голове шлем(?)'. В язгулямском эти причастия следующие: \check{y} u 'горящая палочка' < * \check{y} awa- (ср. и.-е. \check{d} au- 'гореть', ш. \check{y} aw- 'гореть'); \check{y} u 'хотящий, любящий' < * \check{y} awa- (ср. и.-е. \check{g} au- 'радоваться' в тох. В kaw- 'хотеть, желать'). Аналогичным по образованию, но в настоящее время уже не осмысляющимся как причастие, является причастие с суффиксальным элементом -ag в значении 'нуждающийся, хотящий' (подробнее о нем ниже).

8.17. От основы наст. времени образуются две причастные формы с суффиксами -ek/k' и -on и одна причастно-деепричастная форма на -agt. Наиболее употребительным является причастие на -ek/k' < *-ikā- (ср. ав. rašika- 'пекуший'), с помощью которого образуется имя действующего лица, например: raš-ek 'пекущий, готовящий пищу, повар' (ср. ш. riž-īš, р. raž-ūš/j м.р., raž-ēs ж.р., б. raž-ōs м.р., raž-ēs ж.р. то же значение); waš-ek 'убирающий (-ая) мусор', уборщица; ī^oay-ek 'боящийся, трус'; seš-ek 'ворующий, вор'; sey-ek 'жнец'; encaw-ek 'швей'.

Это причастие в сочетании с глаголом-связкой передает значение намерения, например: āz-əm nər Maršun badék vad, bóre p(ə)zé kasal-əm mad 'я собирался сегодня поехать в Мотраун, но занемог'.

В язгулямском остаточно сохраняется причастие настоящего времени жен. рода с суффиксом -eš/j < *āšī- в словах birayeš и dašeš 'беременная, роженица'.

Причастие с суффиксом -on < *-ana-, употребляющееся сравнительно редко, в основном имеет значение имени действующего лица: way-on 'плакса' (ср. ш. wāy-īn м.р., wāy-ān ж.р., р. naw-on м.р., new-ān ж.р. 'плакса'); x^oar-on 'обжора'. Возможно чередование этой причастной формы с причастием на -ek, напр.: way-on/way-ek 'плакса'; -endešon в šābug-endešon и -endizek в šāb-ēndizek 'встающий рано утром'. Но в этом причастии сохраняется также не только значение имени действующего лица, ср., например: pē-ber-ān 'выдерживающий, крепкий', ī^oil-ān 'свирель', где -an < *-ānā-, т.е. ж.р. к *-ana.

Форма на -agt (ш.-р. -ūgt) служит деепричастием, например: mōx-an zebanagt šod 'мы, подпрыгивая, пошли'; zaun tú-še wayagt 'я иду к тебе, плача'.

Причастие на -ag образуется почти исключительно от глаголов со значением естественных потребностей: x^oar-: xug'кушать', p(ə)xas-: p(ə)xovd 'спать', miž-: mašt 'мочиться' и др. Оно обозначает лицо, нуждающееся в совершении данного действия, например: x^oar-ag 'жалящий поесть', rexvag 'жалящий спать'. Это причастие представляет собой сложное образование, состоящее из инфинитива смыслового глагола (по-видимому, усеченного инфинитива) и элемента -ag, исторически являющегося причастием наст. времени *aga- 'нуждающийся, жалящий' от глагола *ag- (ср. и.-е. ā(i)gh- 'нуждаться, хотеть', ав. āzi-š, н.-

перс. az 'желание, страсть'). Таким образом, язг. x°ar-ag буквально означает 'нуждающийся в том, чтобы поест' или 'желающий поест'. Но в современном языке это уже застывшее образование.

В язгулямском сохраняется также сочетание, служащее для выражения намерения, это - k°əxtə-may '(скот), предназначенный для убоя'. Второй элемент -may (< *-mayā-) может быть сопоставлен с ш. -məj в navīst-məj и с с. -məy in navīst-məy 'собирающийся писать' (ср. и.-э. mei- 'думать, намереваться').

8.18. От основы прош. времени образуются две причастные формы: с суффиксом -a(g) и распространенное от этой формы причастие с суффиксом -in. Кроме того, в языке остаточно сохраняется причастие, совпадающее с основой прош. времени и продолжающее древнеиранское причастие прош. времени с элементом *-t-, например: raīt 'сломанный, раздавленный' < *pīštā- (и.-э. peis- 'раздавливать, размалывать', др.-инд. piṣṭā- 'молотый', ав. pištant- 'раздавливающий', ш. pišt 'тутовая мука'); rət- в rətk 'сгнившее, гнилушка' < *pūtya- (ав. rav- 'гнить'); с отрицательной частицей na- в na-k°əxt 'незарезанный, незаколотый (о скоте)', где -k°əxt < *kūšta-.

Причастие на -a(g) < *-ākā- в основном входит в состав сложных глагольных форм. Путем сочетания причастия на -a(g) с показателем лица и числа образуется глагольная форма перфекта (см. выше). Очень редко это причастие употребляется самостоятельно, например: x°antag-əш 'я грамотный' (букв. 'выучившийся'); rax°a yo na? '(яйцо) вареное или нет?'; tuti-ay badag 'попугай убит'. Отмечены также случаи субстантивации причастия на -ag, например: ki/əxtag 'нарезанные (яблоки)'.
Очень существенным является то, что причастие на -a(g) от переходных глаголов может иметь как пассивное, так и активное значение:

k(i)ya(g) 'сделавший', rax°a(g) 'сваренный' (Эдельман, 1966, с. 60). Это может свидетельствовать либо об изначальной залоговой нейтральности причастия прошедшего времени (ср. др.-инд. gatas 'он ушел' и grātas 'он достиг', Семереньи, 1980, с. 337), либо о формальной близости исторических пассивных и активных причастий, давших сходные рефлексy (ср. санскр. kṛta- 'сделанный' и kṛt(a)vant- 'сделавший'). Более подробно различные предположения на этот счет излагаются нами в соответствующем разделе очерка "Шугнанский язык".

Вторичное причастие, образующееся прибавлением к причастию на -ag суффикса -in (< *-ina, ср. ш. -in, р.б. -in, ишк. -i), является наиболее употребительным. Это причастие от переходных глаголов имеет обычно пассивное значение. Примеры: yūk-i fərəptagin zāz! 'возьми вот этот созревший (стручок)!'; dūki sujī mó-me nəmextagin 'это бедро у меня вывихнуто'; yūk-ay nəvəxtagin 'эта (страница) исписана'; Māšūn bidagin 'Мажлон (куда-то) пропала'.

ШУГНАНСКИЙ ЯЗЫК

Имя существительное

Основы

I.O. С синхронной точки зрения большинство имен существительных являются непроеводными. Имеющиеся в языке в большей или меньшей степени продуктивные аффиксальные элементы частично описаны в существующих синхронных грамматиках по различным языкам шугнано-рушанской группы (Карамшоев, 1963; Файзов, 1966; Карамхудоев, 1973; Курбанов, 1976; Бахтибеков, 1974; Мирзабдинова, 1983) и достаточно полно в кандидатской диссертации З.Миршакар (Миршакар, 1988). Мы их здесь касаться не будем.

I.I. Непроеводные именные основы с исторической точки зрения могут быть разделены на: а) неосложненные имена, т.е. имена, продолжающие исторически ту или иную именную основу, например, *nibōs* 'внук' < **narāt(s)a-* (ир. **narāt(s)-*, ав. *narāt-*); б) основы с суффиксальным наращением, которое в настоящее время уже не осознается как таковое, например, *ḍōr-g* 'палка' < **dāru-+-ka-* (ав. *dārav-*); в) именные основы с неосмысляющимся в настоящее время префиксальным наращением, например, *a-bīn* 'жена многоженца' < **ha(m)-raḥī-* (ав. *ra-ḥī-*); г) имена, представляющие исторически редуцированную основу, например, *pi-bīz-g* 'мочевой пузырь' < **pi-ḥīsa-+-ka-* (ср. и.-е. *reis-* 'дуть, надувать') или < **pi-ḥīsa-+-ka-* (и.-е. *pū-* 'вздуваться'; аналогичная семантическая ассоциация представлена в др.-инд. *budbuda-* 'водяной пузырь' к и.-е. *b(e)u-* 'вздуваться'); д) имена, представляющие исторически сложное слово, например, *piḥīnd* 'порог' < **raḥī-+-antuḥ*, т.е. 'напольный (или подножный) дверной брус' (и.-е. *ped-* 'нога', *ped-m* 'пол, земля', др.-церк.-сл. *podъ* 'пол', ав. *raḥī-*, *raḥīduḥ* 'нога' и и.-е. *anetā-*, др.-инд. *ātā-*, ав. *aḥīḥ-* 'дверной косяк').

Прежде чем перейти к анализу этих имен, необходимо сказать сле-

дующее. Хотя аффиксальные элементы в подобного рода именах срослись с именной основой настолько, что в настоящее время уже не воспринимаются говорящими как составные элементы, тем не менее наращение их нельзя отнести к далекому прошлому. Анализ этих имен с точки зрения умлаута показывает, что наращение этих аффиксальных элементов произошло после отпадения гласного конечного безударного слога именной основы, т.е. в период перехода от древнего к среднему состоянию языкового развития. Так, например, с синхронной точки зрения шугнанское слово *уās* 'девочка, девушка' представляет собой неразложимую основу. Исторический же анализ этого слова позволяет нам выделить в нем суффикс *-с* < **-šī-* и элемент *уā-*, который может быть восстановлен в виде **gātā-*, т.е. в виде причастия прош. времени от корня **gā-*, чему на индоиранской почве могли соответствовать два корня: 1) **gṛ-*, и.-е. *gṛā-*, *gṛem-* 'родиться' ав. *ni-jāma-* '(ново)рожденный' и 2) **gr-*, и.-е. *gen-*, др.-инд. *jan-*, ав. *zan-* 'производить на свет, родить'. Таким образом, ир. **gātā-* имело значение 'рожденная' (ср. аналогичное семантическое развитие в ш. *rizīn* 'дочь' < **fra-zantī-*, ав. *zan-* 'родить', *fra-zantay-* 'ребенок'). Поскольку в шугнанском аффиксате *с* может соответствовать иранской консонантной группе **tr* (или **t(s)r*), то ш. *уās* может быть восстановлено также в виде **gāt(s)rā-* 'рожденная' (ср. ав. *zaṽra-* 'рожденный' от корня *zan-*).

Сравнительно позднее наращение суффиксальных элементов особенно хорошо видно на примере тех имен, где этот элемент является еще продуктивным, ср., например, *pērn-ák* 'пятка' < **pārsnī-+-ākā-* (и.-е. *peršnā-*, *-snī-*, др.-инд. *pārsni-* ж.р., ав. *pāšna-* ср.р. 'пятка'). То есть в данном случае историческая основа на **-ī-*, преобразовавшись в ш. *pērn-*, впоследствии осложнилась суффиксом *-ak* < **-ākā-*. Или, например, ш. *mušt-ák* 'горсть, захват' < **muštī-+-ākā-* (ав. *muštay-* 'кулак').

Ряд имен в шугнанском имеет два или три суффиксальных наращения: *nē-z-ák* 'кончик у лучины' (ср. ш. *nēz* 'нос' < **nāhī-+-šī-+-ākā-* (и.-е. *nas-*, др.-инд. *nāsā*, *nāsikā*, ав. *nāh-* 'нос'); *šam-s-ák* 'хвостик' < **d/dušma/ī-+-šī-+-ākā-* (ав. *duma-*); *vīy-z-ēj* 'изголовье, подушка' < **vyūī-+-šī-+-āšī-* (ср. и.-е. *bhelgh-*, *bhleg-* 'пухнуть', 'подушка', др.-инд. *barhiś-*; ав. *barēziś-* 'подушка'); *sal-ūn-d-ák* 'лестничная ступенька' < **saṛ/lāh* (им.мн. от **saṛā-*, и.-е. *kel-* 'прислонять) + **-hāna* + **-tā-* (суффиксы собирательной множественности) + **-ākā-*. В дальнейшем при анализе именных основ мы будем иметь в виду их несложную часть.

1.2. Анализ шугнанских именных основ с точки зрения умлаута дает возможность соотнести каждую из них с определенным типом исторической основы. При этом следует иметь в виду следующие фонетические закономерности:

1) шугнанские корневые гласные *ā*, *a*, представленные на месте любого исторического гласного или **ī*, указывают на историческую позицию

ā-умлаута. Поэтому шугнанские основы с корневым гласным \ddot{a} являются рефлексамии исторических основ на * \bar{a} - или * \bar{a} + согласный. Примеры: wārg 'ягненок, овечка' < *wārnā-+kā- (и.-э. ζ eren-, др.-инд. uraṇa- 'баран', urā- 'овца', ср. ш. wīrn 'баран'); maḥ 'боб(ы)' < *māśā- или *māśāh им.мн. (др.-инд. māṣa-); zinaḥ 'невестка, сноха' < *snuśā- (и.-э. σ nuśós, др.-инд. snuśā); vaz 'коза' < *būzā- (и.-э. bhūśo-s, ав. būza-); maḥ 'овца' < *maīśā- (ав. maēša-, maēši-); sar 'голова' < *sarāh- (ав. sarah-);

2) шугнанские корневые гласные ē, ē, ī, представленные на месте ир. *ā, *ā̄, а также корневые гласные ū, ī < *ū, *au, гласный ī < *ai, *ī и гласные ē, ē < *ē указывают на историческую позицию i-умлаута. Поэтому шугнанские основы с этими корневыми гласными, развившимися из указанных исторических гласных, являются рефлексамии древнеиранских основ на *-ī-, *-ya-, *-au- или "ī + согласный" и т.п. Примеры: wēb 'связка, охашка, сноп' < *wāb/rua-, * wāb/pī- (и.-э. ζ ebh-, * ζ er- 'ткать, связывать', ср. ш. wāf- 'ткать'); nēz 'нос' < *nāhī-+čī- (др.-инд. nāsikā- 'нос, ноздри', ав. nāh-, naḥnan-); čēd 'нож' < *kṛtī- (др.-инд. kṛtī-); pišēn 'точильный камень, осёлок' < *uraśānī- (др.-инд. aśāni-, ав. aśēnga-); niwēnc 'невеста' < *nī-wan(dī-+čī- (и.-э. ζ edh-, ζ end- 'выходить замуж', др.-инд. vadhū-, ав. vādū- 'невеста'); ūin 'жена' < *gānī- (и.-э. g^henī-, др.-инд. jani-, ав. jāni-, jāini-; ср. р.б. ūan < *gānā-, и.-э. g^hēnā-, ав. gēnā-, ūnā-); rizīn 'дочь' < *fra-zantī- (ав. fra-zantay- 'ребенок'); žīr 'камень' < *gari- (ав. gairi-); čīrm 'червь' < *kṛmi- (др.-инд. kṛmi-); muḥ 'кулак, горсть', muḥt-āk 'горсть, захват' < *muḥti- (ав. muḥtay-); siḥvd 'плечо' < *supti- (ав. suptay-); siž 'игла' < *sūčī- (ав. sūkā); kūvd 'молоко' < *(k)šūptī-, *kšūptya- (и.-э. σ eu-, * κ eu- 'сок, жидкость' в др.-исл. saup 'молоко', др.-инд. vīra- 'суп', ишк. x^hm 'молоко'); žiniž 'снег' < *snīga-, но ср. р. žiniž, б. žiniž 'снег' < *snažya- (ав. snašša-); le- в lē-šlák 'полотенце' < *rōd/vāy-, *rōd/vī- (ав. raoda- 'лицо'; ср.р. ri- в ri-gūy 'свадебное покрывало на лицо' < *rūd/vāy- и ор. la- в la-gūy 'свадебное покрывало на лицо' < *raud/vā-, *rūd/vā-);

3) шугнанские корневые гласные ē, ū, ū, развившиеся из *ā, *ā̄, а также гласный u из *a, *ā̄, корневой ē, развившийся из *ai, гласный ū из *au, корневой ū < *u и i < *ī, указывают на историческую позицию a/u-умлаута (или нейтральную позицию). Поэтому шугнанские основы с этими корневыми гласными, представленными на месте указанных исторических гласных, являются рефлексамии древнеиранских основ на *-a-, *-u- или "-a + согласный" или "u + согласный". Примеры: niḥs 'внук' < *narāt(s)a- (ав. narāt-; ср. ш. niḥs 'внучка' < *narāt(s)-f-); vīrōd 'брат' < *brātar- (ав. brātar-); rōb 'нога' < *rād/da- (ав. rāda-; ср. с. red 'нога' < *rad/da-, rad- в radvun 'подошва' < *rād/bā-); dōrg 'палка' < *dāru-+ka- (ав. dārav-); nūm 'имя' < *nāma(n)- (др.-инд. nāma-, ав. nāman-); niḥš 'ножны' < *ni-

d/ḍāna-+-ka- (др.-инд. nidhāna-); pūnd 'дорога, путь' < *pānta- (ав. pantā-, paṅā-; ср. р. pānd < *pantā-); mud 'мать' < *mātar (ав. mātar-); yūrḥ 'медведь' < *arḥa- (др.-инд. ṛkṣa-, ав. arḥa-); wurḥ 'волк' < *wṛka- (др.-инд. vṛka-); xēd 'грязь, пот' < *xwaid/ḍa- (и.-е. sçoido-, др.-инд. svēda-, ав. xwāda- 'пот'); mēxak 'горный баран, архар' < *maiā-+-ākā- (др.-инд. mēśā-, ав. maēśa-); ḍew 'сумасшедший' < *d/ḍaiwa- (ав. daēva-; ср. р. б. ḍiw < *d/ḍaiwi-); pid 'отец' < *pitar- (ав. pitar-); ḍibūd 'голубь' < *kapauta- (др.-инд. karḍta-, н.-перс. kabūtar); ḍum 'хвост' < *d/ḍuma- (ав. duma-).

1.3. Из приведенных примеров можно видеть, что в ряде случаев шугнанской основе в других языках группы может соответствовать иной вариант, ср., например, ш. ŷin-р.б. ŷan 'жена', ш. pi-sēn-б. pi-sōn, но pi-san-iḡ 'точильный камень' и др. Такая вариативность основ наблюдается не только между языками, но и внутри одного и того же языка. Примеры: ш. wīrn 'баран' < *warni- и wārg 'барашек, ягненок' < *warnā-+-kā- (и.-е. ueren-, др.-инд. uraṅ-, uraṅa-, н.-перс. barra); ш. pūrg 'мышь' < *pūryā-+-kā- и pirg-ič 'мышонок' < *pūryā-+-kā-+-ika- (ср. и.-е. pō(u)-lo-s 'маленькое животное', вах. pyrḡ, ишк. pūrḡ, язг. purg, с. pyrḡ 'мышь'); ш. wōx 'трава, сено, солома' < *wāstra- или скорее *wākā- и wix- в слове wix-tēn 'сеновал' < *wāstryā- или *wakūyā- (и.-е. ues- в ав. vāstra- 'корм, трава' и vāstrya- прил. к vāstra-; но ср. р.б. wōx 'трава, сено' и waḥ- в waḥ-jēn 'сеновал' < *wāstrā- или *wakā-); ш. xūf 'гора, горка' и kaf 'гора, горка' (Додыхудоев, 1980) < *xaufā- (и.-е. keu- в ав. kaofa-, др.-перс. kaufa- 'гора'; но ср.р. xūf < *xaufī-, xūfī-); ш. xōd 'усадебный двор' < * (k)ḥad/ḍa- и xēd 'загон для скота на летовье, хлев' < * (k)ḥād-/ḍī-, * (k)ḥād/ḍyā- (и.-е. sed-, *ksed- 'усаживать, ставить', англ.-сакс. set 'местопребывание, резиденция, хлев'; ср. вах. ḥād/ḍ 'двор, летний загон' < * (k)ḥād/ḍā-); ш. maḥ 'боб(и)' и moḥ 'фасоль' < * māḥā- (др.-инд. māḥa-) и др.

Количество вариантов основ в шугнанском может быть и более двух: uēd 'мост' < *haitwa-, *haitu-, то же в сложениях -yīd < *haitwī- и -yāt (Додыхудоев, 1980) < *haitwā- (и.-е. sei-, ав. hā(y)- 'святить', ав. haētu- 'мост'); wēd, wēd, wōd, wād (Додыхудоев, 1980) 'арык, канал', где первые два слова < *wād/ḍī-, вторые - < *wād/ḍā- (и.-е. aued- в ав. vaiḍī- 'течение воды, канал', аоба- 'родник, источник'); xas 'вода', xus 'жидкость', xos- в xos-in-ēv 'место, где много воды' и xīs- в xīs-āḥ 'в сторону воды' (Додыхудоев, 1985), где первые три варианта < * (k)ḥūtā-, а последний вариант - < * (k)-ḥūtṣya- (и.-е. seu, sū- 'жидкость', др.-ирл. suth- 'сок', ав. xṣud/ḍga- 'текущий, жидкий') и др.

1.4. Некоторые шугнанские основы с исторической точки зрения представляют собой, как уже было отмечено выше, рефлексны редуцированных основ. Примеры: ḍi-dīrm 'веник, метла, щетка' < *d/ḍr-dṛmi-

(и.-е. *der-* 'драть, сдирать', чешск. *drdati* 'вырывать'); *yi-ŷir* 'зоб (болезнь)' < **g/ŷri-g/ŷarĩ-* (ср. и.-е. *gel* в др.-в.-нем. *kelah* 'опухоль на шее'; *yi-ŷar* 'колос проса' < **g/ŷra-g/ŷarā-* (ср. и.-е. *gher-* в греч. *χέχρος* 'просо'); *xi-ŷil-ān* 'свирель' < **xwi-(k)ŷwilyā-+ānā-* (и.-е. *ŷei-*, *ŷi-* 'свистеть, дуть', язг. *ŷōilān* 'свирель', бадж. *xi-ŷēlāk* 'свист', м. *xēilēna* 'свирель'); *pi-bīzg* 'мочевой пузырь' < **pi-pīŷuā-+ka-* (и.-е. *reis-* 'вздуваться, пузриться') или < **pu-pūŷuā-+ka-* (и.-е. *reu-*, *pū-* 'вздуваться, пузриться' в лит. *pūslė* 'мочевой пузырь'; ср. также и.-е. *b(h)eu-* 'вздуваться, пузриться' в др.-инд. *bud-buda-* 'водяной пузырь').

1.5. Ряд шугнанских именных основ представляют собой, как уже было отмечено выше, рефлексы исторических композитов, составные части которых в настоящее время уже не осмысляются (или почти не осмысляются). Примеры:

1) *yi-ŷid* 'скотный двор, хлев' < **g/ŷūya-+kati-* (ав. *gav-* 'бык, корова', *gavya-* прилагательное к *gav-* и ир. **kata/i-* в н.-перс. *kad*, ш. *šid*, язг. *kūd* 'дом');

2) *wix-tēn* 'сеновал' < **wāksyā-* (или **wāstryā-*) + *stāni-* (ав. *vāstrya-* прилагательное к *vāstra-* 'трава, корм' и ав. *stāna-* 'место)положение'; для второй части возможно также **tāni-* от корня ир. **d/tā-* 'класть, помещать');

3) *xid-ōrj* 'водяная мельница', по-видимому, из **xwātya-* (или **xwītyā-*) + *ār(n)a-+ka-* (ср. и.-е. *ŷū(i)-* 'приводиться в движение, крутиться, вертеться') и и.-е. *al-* 'молоть', ав. *aša-* 'смолотый', н.-перс. *ārd* 'мука'; в других памирских языках это слово представлено в следующем виде: с. *xad-urj/š*, язг. *x'au-erg*, ишк. *xbd-ōri*, вах. *xad-ōrg* 'мельница'; ср. Г.Моргенштерне < **xwata-arna-ka-*, т.е. 'самомелющая';

4) *far-ŷēm-s* 'телка, первотелая корова, первородка' < **farwa-* (// **farā-*) + *gamīr-* // **gamūā-*) + *šī-* (для первой части ср. и.-е. *prō-* до- в др.-перс. *paŷva-*, ав. *paŷva-* 'перый', а для второй части ср. и.-е. *g^hem-* 'приходить, являться на свет, рождаться', ав. *ni-ŷāma-* '(ново)рожденный'; м. *fra-ŷōmēu* 'годовалая коза', вах. *ra-ŷūm* 'первотелая корова'; ср. модель др.-инд. *paŷ-yāriṅī-* 'первотелая корова');

5) *an-ŷūm* 'годовалый баран' < **anā-+g/ŷama-*, ш. *an-ŷēm* 'годовалая овца' < **anā-g/ŷamī-* (для первой части ср. и.-е. *en-* 'год', а для второй и.-е. *g^hem-* 'рождаться', ср. предыдущее слово; р. *inzamaš* м.р., *inzem* ж.р.; с. *na-ŷom* 'ягненок, ярка', язг. *enŷem(ūg)*, *enŷam* то же, вах. *in-ŷum* 'годовалая овца'; ср. рефлекс и.-е. *iē-ro* 'год' (ав. *uŷe* 'год') в рус. ярка 'годовалая овца');

6) *šid-īr* 'сажа' < **kadyā-+airuā-* или **kadī-+airī-* (для первой части ср. и.-е. *ked-* 'коптить, дымить' в рус. чад, кадило, а для второй части ср. и.-е. **ei-r-*, **ei-k-* в сар. *iš* 'сажа', т.е. в целом значение ш. *šid-īr* можно было бы передать как 'копоть-сажа');

7) fil-lā 'молозиво' (букв. 'молочные нечистоты') < *fīl/ra- + lawā- (для первой части ср. и.-е. rei-, rī- 'становиться жирным', rī-ū-er- 'жир', ав. paṣaḥ- 'молоко', а для второй части ср. и.-е. leu-, leuce- 'нечистоты, грязь');

8) fil-wōd 'дышло плуга' < *falya- (или *falī-)+ *wāda- (ср. др.-инд. phāla- 'лемех' и и.-е. ŷedh- 'связывать, скреплять, соединять' в др.-ирл. fedan 'упряжь', fedil 'ярмо'; р. fala-wūd 'дышло плуга');

9) l̄bzar 'ледник, глетчер' < *lāha-zarā- 'смерзшийся лёд' (ср. и.-е. l̄b/ē- в рус. лето, лёд, ср. антоним и.-е. k/kel- 'холодный, тёплый'; для второй части -zarā- ср. и.-е. gel- в лат. glacies 'лёд'; ср. модель нем. Eis-keller 'лёд-лац');

10) žind-ūrv (м.р.) 'оборотень, алчный' < *gandya-+-arba-, т.е. 'жадное ничтожество' (и.-е. g^hhedh- 'жалать, требовать' в рус. жадный, лит. gbdas 'алчность, жадность', ав. gad- 'просить', ишк. žūnd-ūk 'голодный' и и.-е. orbho- 'ничтожный, слабый' в др.-исл. argr 'убогий, жалкий, несчастный', др.-инд. ārbha- 'слабый, ничтожный') и др.

В шугнанском имеются также композиты, составные части которых в большей или меньшей степени осмыслиются говорящими, например: yumbiḥt 'особый сорт пшеничной муки' (из *g/yantuma- 'пшеница' и *pišta- 'измельченный'); kam-wḥi 'бестравье' (из kamā- и wākḥa- или *wāstra- 'трава'); rōd-viy-ōj 'с босыми ногами' (из *rād/da- 'нога' и *b/vahya- 'босой', и.-е. bhov- 'босой'); sa-būst 'отруби' (букв. 'зерна шелуха') < *s^h(n)a- + pausta- (для первой части ср. и.-е. g^h-no-m 'зерно, зерновой хлеб' в пуш. zeḡ/ṣay 'ядро'; соответствующее слово в сар. sa-bast, язг. sa-best 'отруби', ср. также вах. se-в se-dēn 'место для хранения зерна') и др.

Род

2.0. Шугнанский язык, как и другие языки шугнано-рушанской группы (кроме зарубежного сарыкольского), сохраняет категорию рода. Но проявление ее в современном языке изменилось. Как известно, родовая принадлежность имени в шугнанском языке определяется в основном синтаксическим, т.е. либо при сочетании имени существительного с дифференцирующимся по роду прилагательным или местоимением, либо при сочетании имени существительного с глаголом в одной из форм прошедшего времени, представляющей собой или включающей в себя историческое причастие прошедшего времени, например: kat sūg 'короткая сказка' (kat ж.р. - kut м.р.); yā ḥāb 'та ночь' (yā ж.р. - yu м.р.); uḡj̄j̄ tis sut 'мука рассыпалась' (sut м.р. - sat ж.р.).

Синтаксическая родовая оппозиция имени иногда осложняется семантической вариативностью, ср., например: tāx 'гора' (м.р.), 'камень' (ж.р.); zbrō 'сердце, душа' (м.р.), 'сердце как орган' (ж.р.); žin-

dam 'поле, засеянное пшеницей' (ж.р.), 'пшеничный умолот' (м.р.). Исторически же слова tāx и žindam отражают основу жен. рода (ср., например, žindam < *gantumā-, но ав. gantuma- м.р.), а zōrd - муж. или ср. рода (ср. ав. zered- ср.р.). Следует заметить, однако, что в этих словах можно видеть также рефлекс исторических флективных форм. Так, например, слово zōrd может быть истолковано как рефлекс древнеиранских форм: 1) *zrd/daм вин. ед. муж. или жен. рода от *zrd/d-; 2) *zrd/daн род. ед. муж., жен. или ср. рода; 3) *zrd/daт отл. ед. муж. или жен. рода.

2.1. Что касается лексического проявления грамматического рода, то оно более или менее актуально для сравнительно небольшого числа имен существительных, причем в основном одушевленных. Внешне родовая оппозиция в этом случае проявляется в чередовании корневого гласного, обусловленного историческим чередованием умлаутного типа: а) а- и ä-умлаутных основ или основ на *-ya// *-yā-; б) а- и i-умлаутных основ; в) i- и ä-умлаутных основ; г) i- и ī-умлаутных основ, т.е. исторических основ мужского//среднего и женского родов. Примеры: buč 'козел' < *buka- (и.-е. bhukko-а, др.-инд. bukka-) - vaz 'роза' < *būzā- (и.-е. bhūgo-с, ав. būza-); bukul 'теленоч' < *būkala- - bakal 'тёлка' < *būkalā- (и.-е. b(e)u-, bh(e)u- в др.-инд. bukkati 'мычит, лает', ав. buxtay- 'рев, вой', курд. boṽ/xə, сор. рохə 'бык', пуш. baxūṛay 'чучело теленка'); bux 'петух', бах 'курица' < *krkḷā- (др.-инд. krkara- 'вид куропатки', kṛka-vāku- 'петух', ав. kaṛka- 'петух'); xēr 'племянник, племянница' < *xwaryā- (и.-е. swelijo(n)- 'свояк, свояченица', вах. хэруан, хэруун 'племянница, племянник'); žind-ūrв м.р., žind-ārv ж.р. 'оборотень, алчный, -ая' < *gandyā-arbā- (ср. и.-е. g^hedh- 'желать, требовать' в рус. жадный, лит. gōdas 'жадность', ав. gad- 'просить, требовать', ишк. žindūk 'голодный'; для второй части ср. и.-е. orbho- 'слабый, ничтожный', др.-исл. armr 'убогий, жалкий, несчастный', др.-инд. ārbha- 'слабый, ничтожный'); nibōs 'внук' < *napātsa- - nibēs 'внучка' < *napātsī- (и.-е. nepōt-, nepī-, др.-инд. napāt-, naptī-, ир. *napāt(s)-, ав. napāt-, naptī-); vōrj 'конь' < *bāra-ka- - vērz 'кобыла' < *bārī-čī-; -žūm в an-žūm 'годовалный баран' < *gama- -- žem в an-žem 'годовалая овца' < *-jāmī (и.-е. g^hem- 'приходить, появляться на свет, рождаться', ав. ni-jāma- 'новорожденный'); wūrj 'волк' < *wṛka- - wirz-in 'волчица' < *wṛcī- (др.-инд. vṛka- 'волк', vṛkī- 'волчица', ав. vēhrka- 'волк'; ср. ор. warj-an 'волчица' < *wṛkā-); miṽ- в miṽ-īj 'баран' < *maiši- - maṽ 'овца' < *maišā- (ав. mašā- м.р., mašēi- ж.р.); wīrn/m 'баран-производитель (нехолощенный)' < *warni- - wār-g 'ягненок, ярка' < *warnā-+-ka- (и.-е. ueren-, др.-инд. urana-, urā 'овца'); xis(s)ur 'свекор' < *xwasura- - xiḫ 'свекровь' < *xwasrwī- (др.-инд. śvāsura- 'свекор', śvaśrū- 'свекровь', ав. xwasura- 'свекор'); kud 'пес' - kid 'сука' < *ku(n)tī- (ср. и.-е. kuon, kun- 'собака', *kun- в лтш. suntana 'большая собака' и kuia

'сука', др.-инд. ś(u)vā 'пес', śunī 'сука', ав. vṛṇa- 'собака'); pṛs 'баран или овца (как меновая единица)' < *raswī- (ав. rasav-).

В ряде случаев шугнанский сохранил какую-либо одну родовую основу, а ее родовая пара представлена в другом из языков шугнанской группы. Примеры: ш. gōrd 'перепел', р. garḍ 'перепелка' < *gwṛtā- (др.-инд. vārtikā, язг. gwīd, ишк. worc, вах. wolč); ш. rūrc 'лис(а)' (исторически муж. род), с. garc 'лиса' (исторически жен. род) < *raur(i)sā- (др.-инд. loraśā-, ав. raori-ə); ш. žow 'корова' (исторически ср. род), но б. žaw 'корова' < *gawā- (ав. gav-); ш. yūrḥ 'медведь' < *arša-, но ор. yirḥ-an 'медведица' < *aršī- + суф. (др.-инд. ṛkṣa-, ав. arša-).

Встречаются также случаи нейтрализации исторической родовой позиции в шугнанском, ср., например, ш. gid-ík, gad-ík 'баран (некурдючный)'. Исторически gid- < *gwati- м.р., а gad- < *gwatā- ж.р. (ср. и.-е. cet- в др.-в.-н. widar 'баран', др.-брет. guis 'свинья').

Еще меньше в языке неодушевленных имен существительных, имеющих родовые пары: wēd 'канал, арык' < *wād/dī- муж. или жен. род, wōd (Додыхудоев, 1980) < *wād/da- м.р. (ав. vaidi- 'канал', aoda- 'родник, источник'); xēd 'загон для скота на летовье' < *(k)šād/dī- муж./ср. или жен. род, xōd 'усадебка, двор, огороженное место' < *(k)šād/da- м.р. (и.-е. sed-, *ksed- 'ставить, усаживать, сажать', англ.-сакс. set 'местопребывание, лагерь, хлев, загон для скота'); yed м.р., -yāt ж.р. 'мост' (в топонимах, Додыхудоев, 1980) < *hai-twā- (др.-инд. sētu-, ав. haētu-); xūf м.р., kaf ж.р. 'гора, горка' (Додыхудоев, 1980) < *kaufā- (ав. kaofa-); xuc м.р. 'жидкость, бульон' < *(k)šūtī-+-čī- или *(k)šūtsī-, xac ж.р. 'вода' < *(k)šūtā-+-čī- или *(k)šūtsā- (и.-е. seu-, sū-, *kseu-, *kēu- 'жидкость, влага, сок', др.-ирл. yuth 'сок', ав. xšudra- 'текущий'); buq м.р., баq ж.р. 'холм, бугор' < *būkā- (и.-е. bū- 'пухнуть, вздуться', *buk- в др.-в.-н. būhil 'холм, возвышенность', др.-инд. budbuda- 'пузырь') и др.

Ряд шугнанских одушевленных имен не имеет родовых пар, но поскольку они обозначают имя того или иного пола, то их родовая принадлежность не вызывает сомнений. Примеры: yin 'жена' < *g/yani- (и.-е. g^uenī-, g^uēnā-, ав. genā-, ynā-, Jani-; р.б. yan < *g/yana-); rizin 'дочь' < *p/fra-zanti- (ав. fra-zantay- 'ребенок'); a-bin 'жена многоженца' < *ha(m)-pañī- (ав. ha-pañī-); zinaḡ 'невестка' < *snūšā- (др.-инд. snuṣā-); čōr 'мужчина, человек' < *kāra- (и.-е. k^uel- в др.-инд. kṛṣṭī- 'люди', рус. челядь, человек); xisīr-ž 'деверь, шурин, зять' < *xwāsurya- (и.-е. swékuro-, др.-инд. śvāsura-, ав. xwāsiḡa- 'родственник по линии тестя или свекра'); zarīz ж.р. 'куропатка' < *zarā-+-ičī- (и.-е. gā- и ger- 'кричать (о птицах)', лит. gérė 'журавль'); ḡāž ж.р. 'галка' < *ḡāgā- (ср. и.-е. ḡhāg^uh- назв. птицы, шахд. žāḡ, н.-перс. zāy 'галка, ворона'); čūk м.р. 'дм-

лин' < *kūka- (и.-е. kāu-, kū- в др.-инд. kōka- 'сова', вах. kīm 'сова'); kūrṇ 'ворона' (исторически м/ср.р.) < *k/xurṇa- (и.-е. kūr- в др.-инд. śakṛga- 'вид куропатки; рус. кура, язг. x°orn 'ворон (а)').

2.2. Родовая принадлежность неодушевленного имени существительного может быть восстановлена в той мере, в какой может быть восстановлена основа имени. И тут следует сказать, что в большинстве случаев современная родовая принадлежность имени совпадает с исторической. Как уже было отмечено выше (см. "Основы"), все имена с корневым гласным ā являются рефлексами ā-умлаутных основ, т.е. в основном исторических основ жен. рода (реже - среднего). Примеры: śindam 'поле, засеянное пшеницей' < *gantumā- (ав. gantuma-); ħas 'вода' < *(k)ḡūtā-+-čī- или *(k)ḡutsā- (и.-е. seu-, *kseu- 'влага, сок', др.-инд. ksudrā-, ав. xūdra- 'текущий, жидкий'); ħar 'колючка, шип' < *kṣūrā- (и.-е. kes-, kseu- в др.-инд. kṣurā- 'колючка'); sitan 'столб, колонна' < *stūnā- (ав. stūnā-); wān 'ива, тал' < *wainā- (и.-е. wei-н- в алб. vēnē 'виноградная лоза', ав. vēiti- 'ива'); pāy (м.р.) 'кислое молоко' < *paūh- (ав. paūh- ср.р.); sar 'голова' < *sarāh- (ав. sarah- ср.р.; sāra- м.р.).

Все имена с одним из корневых гласных: а) \bar{a} , \bar{u} , \bar{u} < *a, у < *a, б) \bar{e} < *ai, в) \bar{u} < *au, г) i < *ī, д) u < *ū являются рефлексами а/у-умлаутных основ, т.е. исторических основ мужского или среднего родов. Примеры: virōd 'брат' < *brātar- (ав. brātar-); pōb 'нога' < *pād/da- (ав. pāda-); wōḥ 'трава, сено, солома' < *wākṣā- или wāstra- (и.-е. wes-, ав. vāstra-; dorg 'палка' < *d/dāru-+-ka- (др.-инд. dāru-, ав. dārav-); yūḥk 'слеза' < *asru-+-ka- (ав. asrav-); nūm 'имя' < *nāman- (ав. nāman-); zūn 'колено' < *zānu- (др.-инд. jānu-); ni-ōmṣ 'ножны' < *ni-d/dāna-+-ka- (др.-инд. nidhāna-); pūn(d) 'дорога, путь' < *pānta- (ав. panta-); sipun 'сошник, лемех' < *sṛṇa- (и.-е. (s)p(h)el- в др.-инд. phāla- 'лемех'); ḡew 'сума-сборный' < *d/daiwa- (ав. daēva-); xēd 'грязь, пот' < *xwaid/da- (ав. xwāēda-); p. pid 'отец' < *pitar- (ав. pitar-); ħiniḡ 'снег' < *snīga- (др.-инд. snēha- 'снег', ав. snaēza- 'снежить'); ḡum 'хвост' < *d/duma- (ав. duma-); yuḡ 'ярмо' < *yug/ya- (др.-инд. yugā-); dust 'рука' < *d/dūsta- (и.-е. dous-, др.-инд. doṣ- 'рука', ав. daoṣ- 'плечо'; для чередования а/ḡ ср. др.-перс. dauṣtar-, н.-перс. dūst 'друг') и др.

Но у нескольких имен с указанными выше корневыми гласными родовая принадлежность не соответствует исторической, т.е. в современном шугнанском они принадлежат к женскому роду, а исторически они являются рефлексом имен среднего рода. Случаи перехода имени среднего рода (даже одушевленного) в имя жен. рода засвидетельствованы еще в санскрите. Вот что пишет по этому поводу Т.Барроу в своей работе "Санскрит": "Основа jāni- 'женщина' имеет род. ед. jānyus с окончанием

-ие, выступающим также в *vákhuus, patuys* и явно заимствованным из терминов родства (*pitus* и т.п.). Во всех трех случаях заменено нормальное окончание род. ед. -ав. В Авесте имеется *Januōiš* - компромиссная форма, заменяющая **Januav*. Окончание род. падежа такого типа показывает, что эта основа является древним существительным среднего рода, перешедшим в женский род" (Барроу, 1976, с. 233). Этим, по-видимому, может быть объяснено и чередование в авестийском именной флексии именительного падежа ед. числа жен. рода -ā // -а, ср. ав. *daēnā* от основы ж.р. *daēnā* - 'религия', но *urvara* от основы ж.р. *urvarā* - 'расение'.

Итак, ряд шугнанских существительных жен. рода могут быть истолкованы либо как рефлексы основ среднего рода, либо как рефлексы флективной формы им. падежа ед. числа жен. рода. Эти существительные следующие: *vōud* ж.р. (*vūyd* м.р.) 'алой дух' < **bak/xta(-)* (ср. ав. *bahta-*; в орошорском *vōud* м./ж.р., а в рушанском *vāud* ж.р., *vuyd* м.р.); *šōw* 'корова' < **gāwa(-)* (ав. *gav-*); *šipōrn* ж.р. 'плуг' < **špārna(-)* (и.-е. (s)p(h)el- в др.-инд. *phāla-* 'лемех плуга'); *šōxt* ж.р. 'заплечные носилки для снопов' < **kāsta(-)* (ср. др.-инд. *kāṣṭham* 'деревянная палка', язг. *kēxt*, ишк. *kmēt* *вах.kmēt* 'заплечные деревянные носилки для снопов'); *wēd* ж.р. 'ива' < **waita(-)* (ав. *vaēiti-*) и др.

Что касается шугнанских имен с корневым гласным переднего ряда, а также *ō*, *ē*, развившимся из **ō* в позиции i-умлаута, и *ū*, развившимся из **au*, **ū* также в позиции i-умлаута, то они, являясь рефлексами i-умлаутных основ, могут продолжать как имена жен. рода (в случае исторической основы на *-ī-, **ya-* и т.п.), так и имена муж. и ср. родов (в случае исторической основы на *-i-, **ya-* и т.п.). Примеры: *sēm* м.р. 'глаз' **śašmi-* или **śašmi* им.-вин. дв. от **śašman-* (ав. *śašman-*, др.-перс. *śašma-*); *nēz* ж.р. 'нос' < **nāhī-+-šī-* (др.-инд. *nāsikā-* 'нос(, ноздр)', ав. *nāh-*, *nāphan-* м.р.); *šēd* 'нож' < **kṛti-* (др.-инд. *kṛti-* м., ж.р.); *šīrn* ж.р. 'чернь' < **kṛmī-* (др.-инд. *kṛmī-*); *šīr* ж.р. 'камень, скала' < **gari-* (ав. *gairi-* ж.р.); *pīd* м.р. 'след' < **pad/ōyā-* (ав. *paīdūā-* ж.р. 'нога, поступь'); *xīr* 'солнце' м.р. < **xūrya-* (др.-инд. *sūrya-* м.р.); *sīvd* м.р. 'плечо' < **supti-* (ав. *suptay-* ж.р.); *šiz* ж.р. 'иголка' < **sū-šī-* (ав. *sūkā-* ж.р.); *angišt* ж.р. 'палец' < **angūštī-* (ав. *angūšta-* м.р.); *zīl* м.р. 'гетива, струна' < **z/zīlay-*, **z/zīlī-* (и.-е. *g^hhīslō-*, арм. *žil*); *yūnj* ж.р. 'волос(н)' < **g/yūni/a-+-ka-* (ав. *gaona-* ср. р.); *šūvd* м.р. 'молоко' < *(k)šūptī-, *(k)šūptyā- (ср. и.-е. *seu-*, **kseu-* 'сок, жидкость' в др.-исл. *saup* 'молоко, сливки', ишк. *xēm* 'молоко'); *lē-* в *lēmōlak* ж.р. 'полотенце', букв. 'вытирающее лицо' < **r/ōdī-* или **l/rōdyā-* (ав. *raoda-*, н.-перс. *rūy* 'лицо', ср.р. *ri-* в *ri-gūy* 'свадебное покрывало на лицо' < **rūdī-* или **rūdyā-*); *šamōv* м.р. 'угар' < *(t)šmōvī- (и.-е. (s)meuk(h)-, *(s)meuk'- 'дым', ср.-н.-н. *smouch* 'дым, угар').

2.3. Таким образом, родовая принадлежность любого шугнанского имени существительного может быть восстановлена в той степени, в какой может быть восстановлена основа имени. Большое значение при этом имеет этимологический анализ имени с учетом умлаута. Попытки некоторых исследователей установить на синхронном уровне какую-то зависимость между качеством корневого гласного имени и его родовой принадлежностью ни с синхронной, ни тем более с исторической точки зрения неправомерны. Можно привести ряд имен мужского и ряд имен женского рода со всеми имеющимися в языке корневыми гласными фонемами для каждого из родов, например:

Муж.род		Жен.род	
rāu	'кислое молоко'	yās	'девочка, девушка'
uḅc	'огонь'	zōw	'корова'
wūrj	'волк'	mūd	'мать'
zūn	'колени'	sūg	'сказка'
mēx	'гвоздь'	nēz	'нос'
sēm	'глаз'	mēv	'день'
xīr	'солнце'	rizīn	'дочь'
zīniĵ	'снег'	yīn	'жена'
pus	'сын'	mul	'род киселя'
pac- в pac-ēn	'сыновья'	ħac	'вода'

Как можно видеть, суть не в том, какой корневой гласный представлен в том или ином современном имени, а в том, чему этот корневой гласный соответствует исторически и в какой исторической позиции. Так, например, гласный *i* в слове муж. рода *xīr* 'солнце' развился из гласного **ū* в позиции *i*-умлаута, т.е. из **xūrya-* (др.-инд. *sūrya-m.p.*), а в слове жен. рода *rizīn* 'дочь' тот же гласный *i* развился из гласного **a* в позиции *i*-умлаута, т.е. из **p/fra-zantī-* (ав. *fra-zantay-*, *fra-zainti-* ж.р.). Или другой пример: в слове *pus* 'сын' гласный *u*, характеризующийся открытостью, развился из гласного **u* в позиции *a/u* -умлаута (или нейтральной позиции), т.е. из **put(s)ra-* (ав. *puṽra-*), но тот же гласный *u* в слове жен. рода *mul* 'род киселя', имеющий более узкое звучание, развился из гласного **ū* в позиции *i*-умлаута, т.е. из **mūrī-* (ср. и.-е. *meu-*, *mū-* 'нечистая жидкость', др.-инд. *mūtra-*, ав. *mūṽra-* 'слизь, грязь', арм. *mōr* из **meu-ri-* то же).

Число

3.0. В современном шугнанском языке, как известно, различаются единственное и множественное число. Имя в ед. числе совпадает с основой: *yās* 'девочка, девушка', *tāx* 'гора', *ħac* 'вода', *xār* 'племян-

ник', *ġib* 'ложка', *ġāb* 'ночь' и др. Форма мн. числа образуется прибавлением к основе имени одного из следующих ударных суффиксов: *-ġn*, *-in-* (редко), *-ġn*, *-yġn*, *-gġn*, *-ġrġ*, *-ġrġ/ġ*, *-ār* (б.хуф.ор. *-ārġ*).

Наиболее употребительным является суффикс *-ġn*, например: *yāc-ġn* 'девочки, девушки', *tāx-ġn* 'горы', *ġib-ġn* 'ложки'. Взаимозаменяемые сложные суффиксы *-yġn* и *-gġn* (реже *-ġ-ġn*), по наблюдению Д.Карамшоэва, чаще употребляются при одушевленных именах существительных, например: *xġr-gġn* // *xġr-ġn* 'племянники', *nibōs-yġn* // *nibōs-ġn* 'внуки'. Суффикс *-ār* и производные от него, но с другим начальным гласным, *-ġrġ*, *-ġrġ/ġ* (б.хуф.ор. *-ārġ*) употребляются в основном при терминах родства: *virōd-ār(ġ)* 'братья', *rizġn-ġrġ* 'дочери', *abġn-ġrġ* 'жены многоженца', но ср. также *maġ-ġrġ* 'бобовые, бобы'.

Кроме перечисленных суффиксов мн. числа в шугнанском сохраняются также такие непродуктивные суффиксы, как *-d-* (ср. *sal-ġn-d-ak(-ġn)* 'лестничные ступеньки'), суффикс "(гласный)+*ġ/ġ/ġ(-)*" и *-ġ*.

3.1. Из всех этих суффиксов мн. числа два, т.е. суффикс "гласный + n" и суффикс "гласный + v/f", имеют историческое объяснение в специальной литературе. Среди исследователей уже давно установилось мнение о том, что эти суффиксы, имеющиеся кстати во многих иранских языках, отражают древнеиранские именные флексии мн. числа родительного падежа **-nām* и отложительно-дательного падежа **-byah*. Думается, что это не совсем безупречное мнение. Оно уязвимо как с фонетической, так и с грамматической точек зрения. С точки зрения умлаута др.-ир. **-nām* в любом случае должно было дать суффиксальный элемент с начальным гласным *ā*, т.е. *-ān*, в то время как в языках мы имеем варианты этого суффикса с начальным гласным как переднего, так и заднего рядов, т.е. *-ġ/ġn*, *-ġ/ġn* и др. Что же касается др.-ир. **-byah*, то эта флексия должна была дать рефлекс с гласным только переднего ряда, т.е. *-ġ/v/f*; в то время как в языках представлены не только эти варианты, но и *-ġv/f*, *-bv/f* (ср. ишк. *aw-ġn-d-ov* 'они', курд. *mer-ov/f*, *mer-bv/f* 'люди, человек (вообще)').

Некоторое сомнение вызывает и грамматическое поведение в современных языках этих древнеиранских флексий. Думается, что уместно поставить такой вопрос: ведь не превратились же древнеиранские глагольные флексии в процессе развития языков в аналитические суффиксальные элементы, а почему это произошло с древнеиранскими именными флексиями? Как известно, суффиксы мн. числа в современных иранских языках могут оформлять не только слово, но и целое словосочетание. Довольно часто они безотносительны к падежу и нередко - к числу, выражая не столько множественность, сколько собирательность, совокупность, ср., например, ш. *sal-ġn-ak* '(приставная) лестница, т.е. совокупность лестничных ступенек, ш. *ġos-in-ġv* 'место, где много вод' или курд. *mer-bv/f* 'прям. падеж, me/er-bv 'косв. падеж 'люди, человек (вообще)'. Немаловажное значение для уяснения их природы имеет и факт их взаимозаменяемости, ср., например, ишк. *aw-on-d-*

on/v 'они', а также нанизывания их один на другой, ср. ш. virōd-ār-ēn 'братья', уах-з-ин-ēп 'сестры', sal-ūn-d-ak-ēп 'ступеньки у приставной лестницы, приставная лестница', курд. mer-ov-an 'люди', mer-(b)v-an-i//mer-ov-t-i 'человечность'.

Сказанное выше наводит на мысль о том, что приведенные выше суффиксы мн. числа исторически представляют собой рефлексы именных основ со значением собирательности, совокупности, единства чего-либо. В этом нас убеждает и такое слово, как тадж. mard-um, н.-перс. mārd-om 'народ, люди', где -u/om может быть сопоставлено с ларским ma- в ma-kev 'все люди', ma-či 'все', ma-ja 'всюду' (Молчанова, 1987) и возведено к *hama- (и.-е. sem-, sm- 'единство, совместность, совокупность', др.-инд. sama-, ав. hama-^I). Таджикское mard-um семантически и почти материально равно тадж. mārd-on, как и н.-перс. mārd-om равно н.-перс. mārd-an 'люди, народ', где -o/an < *hanā- из инд.-ир. *sm-nā- в значении 'единство, совместность, совокупность'. В классическом персидском, как известно, употребителен также вариант mārd-om -an, где представлено обычное нанизывание суффиксов собирательной множественности. Таким образом, если принять такой ход рассуждения, то суффикс мн. числа ш. -ēп, -in (ср. уах-з-ин-ēп 'сестры) может быть восстановлен в *hani(-), а суффикс ш. -ūп < *hana(-), где *ha-, как уже было отмечено выше, из инд.-ир. *sm-, а -na(-) - суффиксальное наращение (ср. др.-инд. samana- 'совокупность, собрание').

Суффиксы -ēr-з, -ōr-ǰ и -ār-(з) являются сложными. Что касается первого элемента, то он может быть сопоставлен с суффиксом множественности одного из дардских языков - башкирик -ār, ср. pī 'плечо' - pī-ār 'плечи'. Наиболее подходящим соответствием для первой части этих суффиксов будет и.-е. al- в др.-в.-н. all 'весь, все, всё', гот. ala-mans 'все люди'. В таком случае ш. -ēr- < *āri(-), ш. -ōr- < *āra(-), а ш. -ār < *ārā(-). Но возможна также связь иранского суффикса множественности "гласный + r" с и.-е. solo- 'весь, все' в др.-инд. sarva-, ав. haurva-, н.-перс. har 'всякий, каждый'. Этот суффикс мн. числа остаточно сохраняется в ваханском (ср. yōd-ōr-g 'стадо яков') и в ишкашимском (ср. ixo-d-ar-ēп 'сестры'). Думается, что сюда же будет относиться и широко распространенный в некоторых диалектах Ирана суффикс мн. числа -al, соответствующий тадж. -ol в čang-ól 'когти' и ос. -āl- в mad-āl-tā 'матери' (ед.ч. mad).

Второй компонент суффиксов -ēr-з, -ōr-ǰ может быть восстановлен в *-ka-, *-či-. В неосложненном виде с начальным гласным он представлен в ш. miǰ-aǰ-ēп 'бараны, овцы (собирательно), vizn-ēč 'козы (собирательно), а в сочетании с другими суффиксами собирательной множественности - в ш. уах-з-ин-ēп 'сестры' (ед.ч. уах), б. nabās-ǰ-ōп 'ввуки' (ед.ч. nabēs). Из других памирских языков он имеется в ваханском (ср. рнǰ-рнǰ-g 'с босыми ногами', yōd-ūr-g 'стадо яков') и в ишка-

^I Более подробно о показателе множественности -o/um см.:

Иранское языкознание. Ежегодник. М., 1991.

шимском (ср. z̄yṣn-ok-ēn мн.ч. от zomān 'мальчик, юноша').

3.2. В шугнанском сохраняются также именные основы, представляющие собой рефлексы древнеиранской флективной формы мн. числа. Это, прежде всего, имена с корневым гласным *ā*, представленным на месте др.-ир. **ā*, **ā̄*, **au*, **ū*, **ai*, **ī* в позиции *ā*-умлаута. Эти именные основы являются отражением флективной формы мн. числа им. падежа от основ на **-ā̄*-. В шугнанском языке такого типа основы, как правило, самостоятельно, без дополнительного суффиксального показателя мн. числа, не употребляются. В бартангском языке такие (т.е. умлаутные) основы мн. числа могут употребляться самостоятельно. Примеры: рус 'сын' - расен 'сыновья', где рас- <*put(s)āh или *put(s)rāh им. мн. от *putsa- или put(s)ra- (ав. puṽra-); kud 'пес' - kad-ēn 'псы', где kad- <*kū(n)tāh им. мн. от *kū(n)ta- (ср. и.-е. kun- 'собака'); yāv 'экскременты' <*g/yūṽāh им. мн. от *g/yūṽa- (ав. gūṽa-); di-āīd 'крыша' - di-āad-ēn 'крыши', где -āad- <*k/čūtāh им. мн. от *k/čūta- (и.-е. (s)keu-, (s)kū- 'покрывать, укрывать', др.-инд. skāuti 'покрывает', арм. ciw 'крыша', язг. skād, ишк. kb-sku(d), вах. kut 'крыша'); maḥ-ōrj 'бооб', где maḥ- <*māšāh им. мн. от *māšā- (др.-инд. māṣa-); xāb-a-jēv 'по ночам', где xāb- <*kšārāh им. мн. от *kšārā- rā- или <*kšārān им.-вин. мн. от *kšārān- (ав. xšar-, xšarān-).

В рушанском и бартангском языках количество подобного рода именных основ больше, например: р. rizēn 'дочь' - rizan-ērz 'дочери', где rizan- <*p/fra-zantāh им. мн. от *p/fra-zantā- (ав. fra-zantay- 'ребенок'); ó. nabōs 'внук' - nabās-j-ōn 'внуки', где nabās- <*napātsāh им. мн. от *napātsa- (ав. napāt-); ó. virōd 'брат' - viradār 'братья', где virad- <*brātīnām род. мн. от brātar- (ср. модель др.-инд. pitīnām род. мн. от pitar- 'отец') или <*brātāh им. мн. от усеченной основы *brāta- (ср. усеченную основу в ср.-н.-н. bōle 'брат, родственник'); ó. kadōrj 'мельница' - kadarj-īf 'мельницы', где kadar- <*xwātāh + *ār(n)āh им. мн. от основ на **-a* (для первой части ср. и.-е. vūē(i)- 'приводиться в движение, вращаться', а для второй части - и.-е. al- 'молоть' в ав. āā- 'смолотный', н.-перс. ārd 'мука').

Но не только корневой гласный *ā* именной основы может быть признаком исторической формы мн. числа. В качестве рефлексов такой своего рода вокалической инфлексии могут выступать также и другие корневые гласные, в частности, например, *ō*, *ū* <**ā* в позиции *a/u*-умлаута от основ на согласный, корневые гласные *ī*, *ū* <**ū*, **au* в позиции *i*-умлаута от основ на **-ī*- и др. Примеры: ш. xidōrj 'мельница' - xadūrj 'мельницы', где xad-ūr- <*xwatāh + ār(n)āh (им. мн. от основы *ār(n)-), ср. выше; viznēc 'козы, козлы', где vizn- <*būznīš им. мн. ж.р. от *būznī- или <*būznuyah им. мн. м.р. от *būzni- (ав. būza-; цыган. buzni); minēc 'овцы, бараны', где min- <*minīš им. мн. ж.р. от *minī- или <*minuyah им. мн. м.р. от *mini- (и.-е. mei-, min(u)- 'блелять', др.-инд. māyū 'блещая, блеяние', вах. may

'овца'); miḡajēn 'бараны', где miḡ- < *maiḡyah или *miḡyah им. мн. м.р. от *maiḡi- (ав. maēḡa-, maēḡī-); -bus в хариḡ-bus 'дети' < *b/put(s)ryah им. мн. м.р. от *b/put(s)ri-или < *b/put(s)riḡ им. мн. ж.р. от *b/put(s)ri- (др.-инд. putrī- 'ребенок'); p.ḡitērg 'звезда' - ḡitūrj 'звезды', где ḡitūr- < *(k)ḡtārah т.е. им. мн. м./ср.р. от *(k)ḡtār- (и.-е. stēr-, ав. stār-, н.-перс. sitāra, axtar 'звезда').

3.3. В шугнанском сохраняются также именные основы, являющиеся рефлексамы исторической формы двойственного числа. Примеры: rōb 'нога, ноги' < *rād/ḡa, т.е. им.-вин. дв. м./ж. р. от *rād/ḡ- (ав. rād-, ср. б. rēb 'нога, ноги' < *rad/ḡai им.-вин. дв. ср. р. от *rad/ḡa-, ав. rad/ḡa- ср.р.; р. rād- 'ноги' < *rādān род.м./ж.р.); zūn 'колени, колени' < *zānū- им.-вин. дв. от *zānū- (др.-инд. jānu-); cēm 'глаз(а)' < *caḡmai им.-вин. дв. ср./ж.р. от *caḡmā-или < *caḡmāi им.-вин. дв. ср.р. от *caḡman- (ав. caḡman-, др.-перс. caḡma-); divi, divē 'дверь, двери' < *dwāri им.-вин. дв. ср. р. от *dwār- (ав. dvar- м.р.); ḡind-ūn 'зуб(ы)' (первоначально - 'бивни, клыки') < *d/ḡantai им.-вин. дв. ж./ср. р. от *d/ḡantā-или *d/ḡantāi им.-вин. дв. ср. р. от *d/ḡantan- (др.-инд. danta- м./ср. р., datā- ж.р., ав. dantan- ср. р., datā- ж.р.); ḡuḡ 'легкое, легкие' < *(k)ḡuḡi им.-вин. дв. ср. р. от *(k)ḡuḡ- (ав. suḡi дв. ср. р.; ср. р. suḡ 'легкое, легкие' < *suḡi).

Падеж

4.0. В современном шугнанском, так же как и в других языках шугнано-рушанской группы, кроме сарыкольского, падежные отношения выражаются с помощью предлогов и послелогов, например: ḡitur as ḡig na ḡirt 'верблюд не съест теленка'; wuz rōḡḡō-xēz sām, dōb kinūm 'я пойду к царю, пожалуюсь'. В сарыкольском различаются две падежные формы: прямая и косвенная. Это различие формально выражено только во мн. числе. Прямая форма мн. числа имеет показатель -ḡēyl, а косвенная форма - показатель -ēf, например: ун yoc yot 'та девушка пришла'; az wī yoc pars! 'спроси у той девушки!'; wī yoc-ir levd '(он) сказал той девушке'; ун yoc-xēyl-af yot 'те девушки пришли'; az wī yoc-ēf pars! 'спроси у тех девушек'; wī yoc-ēf-ir levd '(он) сказал тем девушкам'. Сарыкольскому показателю мн. числа прямой формы -ḡēyl соответствует ш. -ḡēl. Исторически это - показатель собирательной множественности. Он может быть восстановлен в виде *k/xaila- (ср. и.-е. kai-, kai-lo-, kai-ko- 'весь, все', вав. kī-ḡt, ишк. ḡyk 'весь, все, всё', курд. ḡyḡt/k 'весь, все'). Что касается сарыкольского показателя мн. числа косвенной формы -ef, то он, как уже отмечалось выше, является рефлексом древнеиранской именной основы со значением собирательной множественности *ap/fi- (см. "Число").

4.I. Хотя в современном пугнанском отсутствует категория падежа, но следы ее сохраняются. Зная этимологию слова, можно по качеству корневого гласного имени определить историческую позицию (умлаут) и, таким образом, восстановить ту иную падежную форму.

Выше уже приводились в качестве примеров имена, являющиеся рефлексами исторических именительного, именительно-винительного, родительного, местного падежей мн. и дв. чисел. Напомним некоторые из них: рас- 'сыновья' < *put(s)rāh им. мн. от *put(s)ra-; р. rizan- 'дочери' < *p/fra-zantāh им. мн. от *p/fra-zantā-; pōd 'ноги' < *pād/ōa им.-вин. дв. м./ж. р. а р. pad- в padviyūj 'босои' < *pād/ōah род. дв. от *pād/ō-; ó.virad- 'братья' < *brātṛnām род. мн. от *brātar- или *brātāh им. мн. от усеченной основы *brāta-; divu 'двери' < *dvara, т.е. им.-вин. дв. м./ж.р. от *dwar- и др. К этому можно добавить рефлекс исторического звательного падежа мн. числа: 1) -rōd- в a-rōd-ār обращение к равным < *rōtīš зв. мн. от *rōtī- или < *rōtyah зв. мн. от *rōtī-, а также -lā в a-lā обращение общее < *lātāh зв. мн. от *lōtā-, также < *lōtā зв. ед. (и.-е. leudhi-, *leut(h)i- 'народ', алб. vëla 'брат' из *sue-loudhā 'товарищество', др.-в.-н. liut 'человек, человеческий род, люди', рус. люди); 2) -šen в a-šen 'эй, ребята!' (обращение) < *kanyah м.р. или *kanīš ж.р. зв. мн. от *kanī- (и.-е. ken- в рус. чадо, др.-инд. kanya-, ав. kaini- 'девушка', язг. -ken в бес-ken, ишк. -kaš в baš-kaš 'ребята, дети').

Но в пугнанском сохранились также следы исторических падежных форм не только мн. и дв. чисел, но и ед. числа. Примеры:

1) yax 'сестра' < *hwaḥā им. ед. от *hwaḥar- (др.-инд. svāsar- ав. хваḥar-);

2) -ōa в a-ōa 'эй, парень!' (обращение) < *d/ōahā зв. ед. от *d/ōaha- (ср. сакс. daha- 'человек');

3) -rō(d) в a-rō(d) обращение к равному, lōd-ik ласковое обращение к любимому человеку и lō в a-lō обращение девушки или женщины к соплеменнице < *r/lōtai м.р., *r/lōtī ж.р. зв. ед. от *r/lōtī-; для жен. рода возможен также прототип *r/lōtai зв. ед. от *r/lōtā- (и.-е. leudhi-, *leut(h)i- 'народ', алб. vëla 'брат' из *sue-loudhā 'товарищество', др.-в.-н. liut 'человек, человеческий род, люди', н.-н. lūd 'девушка, девушка', рус. -люд- в простолюдин, люди; дард. lā 'брат', язг. le 'брат', также обращение к мужчине);

4) zim- в zim-с 'участок земли, поле' < *zami местн. ед. от *zam- (ав. zam- ж.р., местн. ед. zemē), ср. zimāb'земля' < *z(a)mad/tā твор. ед. от древнего отл. ед. *z(a)mat;

5) -sīd в a-sīd 'в этом году' < *srdī местн. ед. ср. р. от *srd- (ав. sārēd- 'год'), а соответствующее р. -sođ в a-sođ < *srdad/t отл. ед. от того же корня;

6) mēst 'луна, месяц' < *māsti местн. ед. от *māst- (др.-инд. māḥ-, māvi местн. ед., ав. māh-) и др.

Большой интерес представляет хуф.кбс- в кбс-кбна 'хлев', которое может быть восстановлено в *kaus/šah, т.е. род. ед. или мн. от *kaus/š-, что, в свою очередь, является формой род. ед. от *kaw- (ср. и.-е. g^hou-, ав. gav- 'корова, бык', ишк.кьž-ūk 'бык' наряду с ишк. yu, хуф. žōw 'корова'). Аналогичные переходы из одной падежной формы в другую довольно часто можно наблюдать уже в авестийском, ср. на- пример: ав. rābave дат.-отл. дв. от rāda, являющегося, в свою очередь, формой им.-вин. дв. от *rād-.

4.2. Таким образом, в шугнанском, как и во всей шугнано-рушанской языковой группе, нашли отражение многие древнеиранские падежные формы всех трех чисел и трех родов. Они следующие:

		Др.-ир.	Ш.-р.
			Ед. число
Им.	*brātā		- б.р. virad- 'брат'
	*hwaḫā		- ш.-р. yaḫ 'сестра'
Вин.	*sṛdam		- р.- sod в a-sod 'в этом году'
Отл.	*sṛdat		
Твор.	*zamad/tā		- ш. zimād 'земля'
Местн.	*zamai		- ш. zim-с 'поле'
	*sṛdi		- ш. -sīd в a-sīd 'в этом году'
Зват.	*d/šahā		- ш. -da в a-da 'эй, парень!'
	*l/rōtī		- ш. -rō(d), -lō обращение к соплеменнику

Дв. число

Им.-вин.	*rād/da м./ж.р.	- ш. rōd 'ноги'
	*rād/dai ж./ср.р.	- б. рēd 'ноги'
	*dwara м./ж.р.	- ш. divu 'двери'
	*dwārī ср.р.	- ш. divi/š 'двери'
	*(k)šūši ср.р.	- ш. šuḫ 'легкие'
Род.	*rād/dā м.р.	- р. rād- 'ноги'
	*rādān м./ж.р.	

Мн. число

Им.	*put(š)rān	- ш.-р. ras- 'сыновья'
	*brātān //	} б.р. virad- 'братья'
	*brātrān	
Род.	*brātṛnām	
Зват.	*rōtīs	- ш. -rōd в a-rōd-ār
	*l/rōtān	- ш. -lā в a-lā обращение к соплеменникам

Основы

5.0. Шугнанские прилагательные не имеют каких-либо специальных внешних показателей, ср., например, *cīg šīg* 'новорожденный теленок, сосунок', *katā kurta* 'большая рубашка'. Лишь относительные прилагательные, образуемые от существительных, имеют особые суффиксы. Это *-in*, *-ē/inj/ž*, *-ūnj*, например: *mēš-in* // *mēš-in-inj* 'дневной', *mid-ēnj* 'средний', *mažž-ēnj* ж.р., *mažž-ūnj* м.р. 'голодный'. Некоторые относительные прилагательные имеют осложненные варианты этих суффиксов, т.е. *-nē/inj*, *-nūnj*: *pirē-nēnj* 'передний', *börn-inj* // *börnūnj* 'вечерний'.

Хотя в современном языке не различаются классы основ прилагательных, но связь каждого из них с той или иной исторической основой не утрачена. По качеству корневого гласного прилагательного может быть восстановлена его историческая основа. Фонетические закономерности здесь те же, что и в случае с основами имен существительных (см. "Имя существительное"). Примеры.

1) Шугнанские прилагательные - рефлексy исторической основы на **-a*: *ūm* 'необразованный' < **āma-* (др.-инд. *āma-* 'незрелый, неспелый, недоваренный', вах. *ing/č*, пушту *ū/əm* то же); *sipē-* в *sipē-šum* 'белохвостка' < **šwaita-* (и.-е. *kuei-*, ав. *sraēta-*); *sōx* 'взъерошенный, лохматый' < **t(s)raušā-* (и.-е. *treu-s-* 'увеличиваться, расти', ав. *šraoš-*) или < **tšaušā-* (и.-е. *teu-s-*, **tseu-s-* в др.-инд. *tūsa-* 'опушка, кисть', норв. *tūst* 'лохматый').

2) Шугнанские прилагательные - рефлексy исторической основы на **-ā*; *naw* 'новый' < **nawā-* (ав. *nawā-*); *šar* 'далекий, далеко' < **dūrā-* (др.-инд. *dūra-*, ав. *dūrāt* 'далекий'); *xāž* 'сладкая' < **xw-gyāš-*, **xūrgyā-* (и.-е. *vū-ro-* 'кислый, соленый', ав. *xvarezišta-* 'наисладчайший', язг. *xūž* 'сладкий') или < **xgyā-* (и.-е. *sal-* 'соль', лит. *sālti* 'становиться сладким', др.-инд. *sal-ila* 'соленый').

3) Шугнанские прилагательные - рефлексy исторической основы на **-ī*, **yā*: *tār* 'черный' < **tāšgyā-* (ав. *tašgya-* 'черный'); *šitid* 'густой, вязкий' < **strti-*, **strtyā-* (и.-е. (s)*tēr-* 'густой', др.-исл. *stirðr* 'густой', ос. *sutyg*, вах. *törg*, ишк. *tygyk* 'густой, вязкий'); *šir* 'нижний, низинный' < **d/šarī-*, **d/šaryā-* (и.-е. *dhel-* в ср.-н.-н. *dal* 'нижний, внизу', рус. дол); *iš* 'холодный' < **ai(k)šyā-*, **i(k)šyā-* (и.-е. *ei-s-* 'мороз, лед', ав. *isav-* 'ледяной', абха- 'мороз', с. *iš* 'холодный', вах. (y)*iš* 'лед', сюда же ш. *yāx* и язг. *yax* 'лед', пушту *asaī* 'мороз'); *kil* 'лысый, плешивый' < **kilī-*, **kilyā-* (и.-е. *koi-lo-* 'лысый'); *-luč* 'голый' < **lūšya-+ka-* (и.-е. *leue-* в гот. *laus* 'голый'; ср. рус. лысый; сюда же ш. *lūš-* в топониме *lūš-para* 'Голая скала' (Додыхудоев, 1985); *šix*, *ciš* 'лохматый, взъерошенный' < **traušyā-* (и.-е. *treu-s-* 'увеличиваться, расти', ав.

ṽraēē-) или < *tsauṽyā-, *tsūṽyā- (и.-е. .teu-s, *tseu-s- в др.-инд. tūṣa- 'опушка', норв. tūst 'лохматый').

Некоторые имена прилагательные в настоящее время самостоятельно не употребляются. Выступая в качестве определения к последующему имени существительному, они в большинстве случаев настолько с ним срослись, что уже не воспринимаются как таковые. Примеры: sipē-dum 'белохвостка' < *śwāita- + d/ḍuma- (ав. spaēta- 'белый' и duma- 'хвост'); ḡa-sitan 'главный столб в жилище' < *kṣāyā- + stūnā- (ав. kṣā(y)- 'иметь силу, главенствовать' и stūna- 'столб, колонна'; ср. также ш. ḡē- в ḡē-jib 'большая ковшеобразная ложка' < *(k)ṣāya-); -viy- в pōḍ-viy-ōj 'с богами ногами' < *b/vahyā- (и.-е. bhoso-s 'нагой, обнаженный'); žind-ūrv м.р., žind-ārv ж.р. 'жадный, оборотень, злое существо' < *gandyā- + arbā- (и.-е. g^hhedh- 'желать' в рус. жадный, ав. gad- 'просить', ишк. žond-ūk 'голодный, алчный' и и.-е. orbho-, др.-инд. ārbha- 'жалкий, убогий, злой, плохой'). Интересно отметить, что прилагательному ш. žind-ūrv м.р., žind-ārv ж.р. в рушанском соответствуют žind-ury м.р., žind-iry ж.р. < *gandyā- + arya- м.р., + aryyā- // *aryī- ж.р. (для второго компонента ср. и.-е. elk/g- 'жалкий, убогий, злой' или и.-е. ergh- в нем. arg 'злой, дурной').

Род, число, падеж

5.1. В шугнанском (как и во всей шугнано-рушанской группе, кроме сарыкольского) в отличие от других памирских языков сохраняется родовая оппозиция в сравнительно небольшом количестве прилагательных. Это противопоставление по роду отражает историческую оппозицию мужской/средний род - женский род. Примеры: xīṽ 'сладкий' < *xwṽyua-, xḡṽ ж.р. < *xwṽyā- (см. "Основы"); kut 'короткий' < *kṛta-, kat ж.р. < *kṛtā- (ср. ав. karet- 'резать'); žul 'маленький' < *žar/la-, žal ж.р. < *žar/lā- (и.-е. g^her- 'маленький', ср. ав. žara- в žarāhēhē 'меньшие'); rūst 'красный' < *rūstya-, rōst ж.р.

< *rōstya- (и.-е. reudh-, rudh-so-, reudh-s-to- 'красный', др.-инд. rōhita-, ав. raōḍita-, х.-сакс. rrusta- 'красный'; ср. р. rost м.р., rāst ж.р. - < *rūstā-); р. loḡ 'голый', lēḡ ж.р. < *lōṽyā- (и.-е. leus- в гот. laus 'голый', рус. лысый) и др.

Такие прилагательные, как vūṽž 'длинный' (vōṽž ж.р.), rūrv 'светлорыжий' (rōrv ж.р.) интересны в том отношении, что они проливают свет на развитие родовой оппозиции в шугнанском. С исторической точки зрения родовые корреляты vūṽž м.р. и vōṽž ж.р., а также rūrv м.р. и rōrv ж.р. отражают прилагательные муж. и ср. рода, т.е. vūṽž, vōṽž < *bṽg/yaṽt+-čī- (ср. и.-е. bheregh- 'высокий', ав. berez- 'высокий', вах. verz, ишк. vḡḡd-ūk 'длинный'), а rūrv, rōrv < *rabra- (и.-е. ḡreb(h)- 'темнокрасный', др.-исл. refr 'лиса', рус. рябой). Позже в процессе развития языка прилагательные среднего рода перешли в прилагательные женского рода. Аналогичное явление мы наблюдали и в име-

нах существительных (см. "Имя существительное"). Вообще следует сказать, что переход исторических имен среднего рода в имена женского рода — довольно частое явление в языках шугнано-рушанской группы и особенно в шугнанском языке. С этой точки зрения несомненный интерес представляет следующее шугнанское определительное словосочетание: *kat ðum žow* 'корова с коротким хвостом'. Исторически слова *žow* и *ðum* среднего рода, а слово *kat* — женского рода.

Это явление наблюдается не только в именах существительных и прилагательных, но и в указательных местоимениях и отглагольных именах, ср., например: ш. *dam* указ. мест. среднего ряда косв. формы ж.рода < **aitahmāt* отл. ед. м./ср. р. от **aita-* (ав. *aētahmāt*); ш. *tūyd-* м.р. и *tūyd-* ж.р. основа прош. вр. к *ti-* 'идти, ехать' < **takta-* м./ср.р. (ав. *tak-*).

В противоположность шугнанскому другие диалекты группы чаще отражают историческую родовую оппозицию "муж.род — жен. род", ср., например, р. *vuz* 'длинный' < **bṛza-*, *vawz* ж.р. < **bṛzā-*, р. *gurv* 'светлорыжий' < **rabra-*, *rārv* ж.р. < **rabrā-*, р. *tuyd-* м.р. < **takta-*, *tūyd-* ж.р. основа прош. вр. к *tē(y)-* 'идти' < **taktā-* и др.

5.2. В отличие от существительных прилагательные не изменяются по числам, например: *katā čīd* 'большой дом' — *katā čadēn* 'большие дома'; *rōšt mūn* 'красное яблоко' — *rōšt mūnēn* 'красные яблоки'.

Степени сравнения

5.3. Сравнительная степень образуется прибавлением к прилагательному суффикса *-di* (< **tari-*); *ðar-di* 'дальше', *katā-di* 'больше'. Возможен также удвоенный вариант суффикса, т.е. *-didi* или *-dar-di*: *ðar-didi* 'дальше'. После глухого исхода прилагательного отмечен также вариант суффикса сравнительной степени с начальным глухим, т.е. *-tīr* м.р., *-tār* ж.р., например: *fiš-tīr* 'младший, меньший', *fiš-tār* ж.р..

В шугнанском сохраняются также рефлексы исторической сравнительной степени, которая образовывалась не от основы, а от корня: *fiš-* в *fiš-tīr* м.р., *fiš-tār* ж.р. 'младший, меньший' < **fišyāh* (ср. и.-е. *peis-*, *pis-*, **pheis-*, **phis-* 'мельчить, крошить'); *bēx* 'больше' < **wakšyāh* (ср. и.-е. *pek-s-* 'умножать') или < **wīšyāh* (и.-е. *weis-* 'увеличиваться', н.-перс. *biš-* в *bištār* 'больше'), либо, наконец, < **barsyāh*, **bṛsyāh* (и.-е. *bhel-* в др.-в.-н. *boln* 'большой', рус. 'большой'); *bī-* в *bī-di* 'лучше' < **wahyāh* (и.-е. *uesu-*, ав. *vahu-* 'хороший', н.-перс. *behtār* 'лучше'), менее вероятно из *bīd-di*, где *bīd-* < **badyāh* (и.-е. *bhad-* 'хороший', др.-инд. *bhadra-* 'хороший', ав. *hu-babra-* 'счастливый').

Превосходная степень образуется путем препозиции элемента *sar-* 'най-, самый', например: *sar-ðar* 'самый дальний'.

Числительное

6.0. Числительное $y\bar{i}(w)$ 'один' не различается по диалектам и может быть восстановлено в * $aiwa-$ или * $aiwi-$ ср. род. (ав. $a\bar{e}va-$, др.-перс.

Числительное 'два' различается по диалектам огласовкой: ш. δu и $\delta i-$ (в $\delta i-y\bar{u}n$), с. $\delta\bar{e}w$ < * $d/\delta uwa\bar{i}$ им.-вин. дв. ж. или ср. р. (ав. $duye$); р.б. δaw , с. $\delta a(w)$ < * $d/\delta uwa\bar{a}$ им.-вин. дв. м.р. Кроме того, в шугнанском сохраняются рефлексы древнеиранского порядкового числительного (или числительного-прилагательного) * $dwaya-$ 'второй' в ш.-р. $v\bar{d}$, $xu\bar{f}$. $vo\bar{y}$ 'опять, снова' (ишк. $d\bar{v}$ 'опять, снова') и в ш.-р. $bi-$ в слове $bi\bar{u}br$ 'вчера', т.е. 'второго дня' (и.-е. $\bar{a}ier-$ 'день').

В шугнанском слове $var\bar{v}$ 'оба', возможно, представлен рефлекс ир. * $ub\bar{a}$ - 'оба', т.е. * $ub\bar{a}-\bar{v}r\bar{a}-$ или * $ub\bar{a}+-\bar{a}r\bar{a}+-\bar{v}\bar{a}-$,

Числительное ш.-р. $ar\bar{e}u$ 'три' закономерно продолжает древнеиранскую форму род. падежа мн. числа муж. рода * $\check{v}/hray\bar{a}m$. Сарькольский вариант $arou$ 'три' < * $\check{v}/hrayah$, т.е. им.мн. м.р. (ав. $\check{v}ray-$, ягн. вост. $sara\bar{i}$, зап. $tirai$).

Числительное ш.б. $sav\bar{o}r$, р. $sav\bar{u}r$, с. $savur$ 'четыре' закономерно продолжает др.-ир. * $\check{s}av/hw\bar{a}rah$ им.мн.м.р. Другие рефлексы этого числительного, но уже порядкового, представлены в ш. $widir$, р. $y/widir$ 'послепослезавтра' (ср. гот. $fidur-$) < *(k) w turya- (и.-е. (k^h) $tur-$ io-, ав. $t\bar{u}rya-$) и в р. $pur-$ в $pur-nabasa$ 'прапраправнук' < *(k) $\check{v}/hw\bar{a}ra-$ (ср. тадж. $far-$ в $far-nabira$ то же).

Для числительного 'пять', имеющего в диалектах один и тот же конечной гласный, т.е. $r\bar{i}n\bar{z}$, следует, по-видимому, восстановить вариант * $ran\bar{c}\bar{i}$, т.е. форму ср. рода (ав. $ran\bar{c}a$, для ир. * $ran\bar{c}\bar{i}$ ср. ав. $\check{v}r\bar{i}$ ср.р. 'три' и др.-инд. $\check{c}atv\bar{a}ri$ ср.р. 'четыре'). Менее вероятным представляется развитие ш.-р. $r\bar{i}n\bar{z}$ из * $rank/\check{c}ti-$ (ср. др.-инд. $ra\check{c}kti-$ 'пять, пятеро') или из * $rank/\check{c}ai\bar{s}$ твор. мн. м.р.

Числительное 'шесть' различается по диалектам не только гласным, но и конечным согласным: 1) ш. $x\bar{o}y$, бадж. $x\bar{o}w$ и р. $x\bar{u}w$ < * $xwa\bar{s}a-$, * $xwa\bar{s}ah$, т.е. либо тематизированная основа, либо форма им. мн. от основы на согласный (ав. $x\bar{e}va\bar{s}$); 2) б.ор. $x\bar{o}w$ продолжает $i-$ умлаутный вариант основы, т.е. * $xwa\bar{s}\bar{i}$ ср.р.; 3) с. xel (по-видимому, из * xed , ср. вах. $\bar{s}ad/1$ 'шесть') представляет собой рефлекс древнеиранского либо порядкового, либо собирательного числительного, т.е. * $xwas/\check{c}ti-$ 'шесть, шестеро, шестой' (ср. др.-инд. $\check{s}a\check{s}tha-$, ав. $x\bar{s}tva-$ 'шестой', но ср. др.-инд. $ra\check{c}kti-$ 'пять, пятеро'). Другой рефлекс этого числительного представлен в ш.р. $\bar{x}i-$ в словах ш. $\bar{x}i-\check{c}ern$, р. $\bar{x}i-\check{c}ern$ 'локоть' (как мера длины), что может быть восстановлено в *(k) $\bar{s}wa\bar{s}\bar{i}+$ + $k\bar{a}r\bar{n}\bar{i}-$ '(длиной) в шесть локтей'. Первая часть представляет собой числительное 'шесть' ср. или жен. рода (ср. приведенные выше ав. $\check{v}r\bar{i}$ ср.р. 'три', др.-инд. $\check{c}atv\bar{a}ri$ ср.р. 'четыре', а также ав. $a\bar{s}tay-$ ж.р. 'мера длины в четыре пальца'). Для второй части * $-k\bar{a}r\bar{n}\bar{i}-$ 'локоть' ср.

и.-е. (s)kel- 'гнуть', 'изгиб, сустав, колено', (s)kel-no- 'изогнутый'. Этот же корень представлен в ш. wiḫ-ṣērn 'локоть' (исторически - '(длиной) в восемь локтей').

Числительное 'семь' во всех диалектах представляет собой рефлекс др.-ир. *hapta (ав. hapta, др.-перс. haftā), т.е. ш.-р. (w)ūvd, с. mvd.

Числительное waḫt 'восемь' во всех диалектах, кроме сарыкольского, отражает древнеиранскую форму им.-вин. падежа дв. числа *āstā (др.-инд. aṣṭā, ав. ašta). Сарыкольское waḫt < *ašta. Как уже выше было отмечено, рефлекс этого числительного представлен также в ш. wiḫ-ṣām, р. wiḫ-ṣērn 'локоть' < *ašti + kārnī- (длиной в восемь локтей!), где *ašti- может быть сопоставлено с ав. aštay- ж.р. 'мера длины в четыре (?) пальца'. Но не исключено, что ḫi- и wiḫ- < *aikša- 'один', ср. др.-инд. ēka- 'один'.

Числительное ш.х. nōw, р. б. nāw 'девять' продолжает др.-ир. *nawā (ав. navā). Сарыкольский вариант new отражает i-умлаутную основу, т.е. *nawī ср.род.

Числительное 'десять' представлено в диалектах в следующем виде: р. бов < *d/daša (ав. dāšā); ш. dīs, с. des, б. dšs < *d/daši ср. р. или *d/dašwī ж.р. от основы *d/dašu- (ср. и.-е. deka-, deku- 'десять').

При счете после десяти обычно употребляются таджикские числительные, в сарыкольском - таджикские и уйгурские. Но собственно шугнанский счет в шугнанском также сохраняется, ср. например, ш. dīs-at uīw '11', dīs-at dīyūn '12', du dīs '20' и т.д.. Наименования десятков образуются путем сочетания названия единицы и числительного dīs '10': du dīs 20, aray '30' и т.д.

6.1. Порядковые числительные в шугнанском образуются с помощью суффикса -um < *-ama- (др.-инд. -ama, ав. -ama-): uīwum 'первый', dīyūnum 'второй', arāyūm 'третий' и т.д. В языке сохраняются также реликтовые порядковые числительные (см. выше).

Местоимение

Личные местоимения

7.0. Личные местоимения имеют два лица: 1-е и 2-е. Роль личных местоимений 3-го лица выполняют указательные местоимения. Личные местоимения имеют две падежные формы: прямую и косвенную. Во мн. числе эти формы совпадают. Личные местоимения всех диалектов могут быть представлены таблицей (см. след. стр.).

Общеиранское происхождение местоимений, кроме местоимений 2-го лица мн. числа, очевидно.

Шугнанское местоимение 1-го лица ед. числа прямой формы wuz закономерно продолжает др.-ир. *azam (и.-е. eǵ-, eǵ(h)om, eǵō, др.-инд. aśam, ав. azem, др.-перс. adam). Соответствующее местоимение во

всех остальных диалектах, т.е. р. az, б, āz, х.с. waz 'я', отражает ā-умлаутную позицию и поэтому должно быть восстановлено в виде *azā(m) (ср. и.-е. égō, ав. azēm). Местоимение I-го лица ед. числа косвенной формы ш. рх. mu, б.ор. mu(n), с. my(n) является рефлексом древнеиранского местоимения род. падежа ед. числа *mana (ав. mana, др.-перс. manā).

Лицо	Число Форма	Ед. число					Мн. число			
		ш.	р.	х.	б.	ор.	с.	ш.рх.	б.ор.	с.
I-е	Прямая	wuz	az	waz	āz	waz		māš maš		
	Косв.	mu		mu(n)		my(n)				
2-е	Прямая	tu		tū	tu	têw	tama tamāš tamaš			
	Косв.	tu	tā	taw, tā	tā					ta, ty

Во мн. числе для обеих форм I-го лица представлено одно местоимение ш.-р. māš, с. maš 'мы', которое соответствует авестийской форме род. падежа мн. числа ahmākem. Но корневой гласный местоимения māš указывает на ā-умлаутную позицию и поэтому для него следует восстановить форму в виде *ahmākā(m).

Местоимение 2-го лица ед. числа прямой формы ш.-р. tū 'ты' продолжает др.-ир. форму им. падежа ед. числа *tuwam (ав. tvēm, tūm). Соответствующее сарькольское tēw // taw 'ты', по-видимому, отражает др.-ир. форму вин. падежа ед. числа *tuwām (др.-инд. tvām). Местоимение 2-го лица ед. числа косв. формы ш. tu и с. ty < *tawa род. ед. (ав. tavā), а остальные варианты, т.е. рх. б.ор. tā, х. taw, с. ta < *tawā род. ед. (ав. tavā).

Что касается местоимения 2-го лица мн. числа ш. рх. tama, б.ор. tamāš, с. tamaš, то для него не засвидетельствовано соответствия в известных нам древнеиранских языках. По аналогии с местоимением I-го лица мн. числа māš 'мы' < *ahmākām оно может быть восстановлено в *tahmākā(m). Первый элемент этого местоимения *ta- представляет собой основу косвенных падежей 2-го лица ед. числа, элемент *-hmā- - суффикс мн. числа. Элемент *-k- обычно характеризует форму род. падежа мн. числа. А конечный элемент *-ā(m) известен нам из других др.-ир. местоимений, ср. ав. azēm, tvēm, ahmākem, ušmākem, yavākem.

7.1. Итак, в шугнано-рушанской группе языков сохранились рефлексные следущих древнеиранских местоименных форм:

Ед. число

- 1-е л. им. *azām (ав. azām) - Ш. wuz, X.p. c. waz, p. az, б. āz
 род. *mana (ав. mana) - Ш.р. X.mu, б. mu(n) c.мы(n)
- 2-е л. им. *tuwam (ав. tvām) - Ш.рх.ор. tu, б. tū
 вин. *tuwām (ав. tvām) - c. tē/aw
 род. *tawā (ав. tavā-) - Ш. tu, рх. б.ор. tā, х. taw, c. ta, ты

Мн. число

- 1-е л. род. *ahmākām (ав. ahmākem) - Ш.рх.б.ор. māš, c. maš
 2-е л. род. *tahmākām - Ш.рх. tama, б.ор. tamāš

Указательные местоимения

7.2. Указательные местоимения делятся на три ряда в зависимости от степени удаленности указываемого объекта: дальний, средний и ближний. В каждом из рядов различаются ед. и мн. число, а также прямая и косвенная падежные формы. Местоимения ед. числа косв. формы имеют форму муж. и жен. рода. В сарккольском родовые различия почти стерты: формы жен. рода употребляются очень редко. В шугнанском в отличие от других диалектов родовое различие имеется также у местоимений прямой формы ед. числа дальнего ряда. Все указательные местоимения могут быть представлены следующей таблицей.

Число Диалект		Ед. число					Мн. число									
		Ш., бдж.	р.	х.	б. ор.	с.	ш.	рх.	б.	ор.	с.					
Ближний ряд	Прямая		yam	yim	yam	yim	yam	māš				moš				
	косв.	М.р.	mi	may		mī	mi	mi	mēv				muf	mif	maf	mef
	Ж.р.	Ш. mam	mum		mim		mam	mem								
Средний ряд	Прямая		yid			yad			dāš			doš				
	косв.	М.р.	di	day		dī	di	di	dēv				duf	dif	daf	def
	Ж.р.	Ш. dam	dum		dim		dam		dem							
Дальний ряд	Прямая		yu													
	косв.	М.р.	wi	way		wī	wi	wi	wēv				(w)uf	uf	waf	wef
	Ж.р.	Ш. wam	(w)um		um		wam		wem							

Прямая падежная форма употребляется в функциях подлежащего и именного сказуемого (или при имени в функции подлежащего или именного сказуемого), например: *yu tūyd* 'он ушел'; *yu yīdā tūyd* 'тот парень ушел'; *yā yās tūyd* 'та девушка ушла'; *wād-ēn tūyd* 'они ушли'; *wād ḥorikēn-ēn tūyd* 'те мужчины ушли'; *mi oḫno - yu* 'мой знакомый - тот'. Косвенная падежная форма употребляется в функции прямого или косвенного дополнения (или при имени в функции дополнения), например: *as wi pēḫst* '(он) спрашивает его'; *as wi virōd pēḫst* '(он) спрашивает того брата'; *ḥāy wēv wīnt* 'кто их видел?'; *wēv ziryōtēn-um tar maktab bōḫṣat* 'тех детей я послал в школу'. В рушанском, хуфском и бартангском диалектах указательные местоимения в косвенной форме могут употребляться в роли подлежащего при переходных глаголах в прошедших временах, например: *p. way ḥōḫt* 'он посмотрел' (ср. ш. *yu ḥūḫt* 'он посмотрел'); *ḥ. wī-yī lap vūg* 'он много принес'.

7.3. Что касается происхождения указательных местоимений, то тут нужно сказать следующее. Нетрудно заметить, что для всех местоимений каждого из трех рядов характерен определенный согласный элемент: для местоимений ближнего ряда элемент-ш-, для местоимений среднего ряда элемент-d-, для местоимений дальнего ряда элемент-w-. Это указывает на то, что все местоимения ближнего ряда представляют собой рефлекс той или иной флективной формы от древнеиранской местоименной основы *imā- 'этот, эта' (ав. imā-). Все местоимения среднего ряда являются рефлексами той или иной флективной формы от древнеиранской местоименной основы *aitā- или *ētā- 'тот, та' (ав. aētā-). И, наконец, все местоимения дальнего ряда представляют собой рефлекс той или иной флективной формы от древнеиранской местоименной основы *awā- 'тот, та' (ав. avā-).

Второе общее замечание касается следующего. Если та или иная современная падежная или числовая форма является, если так можно сказать, последовательным отражением определенной древнеиранской формы, то этого нельзя сказать о современных родовых формах. Только родовая пара ш. *yu* 'тот' - *yā* 'та' точно соответствует древнеиранской родовой паре *awah им. ед. м.р. - *awā им. ед. ж.р. от основы *awā-. Что касается родовых пар местоимений косвенной формы, то здесь наблюдается следующая картина. Современные местоимения жен. рода всех трех рядов исторически являются рефлексами местоимений среднего рода тех падежей, где представлен др.-ир. элемент *-hm-. Местоимения же муж. рода всех трех рядов, отражающие историческую i-умлаутную позицию, представляют собой рефлекс местоимений мужского рода род. падежа. То есть в местоимениях, как и в именах существительных (см.), происходил процесс перехода из среднего рода в женский.

Итак, указательные местоимения шугнано-рушанской группы языков имеют следующие древнеиранские соответствия. Местоимения ед. числа ближнего ряда прямой формы ш.х.с. *yam* < *imā(-), т.е. либо основа

жен. рода (ав. imā-), либо форма им. падежа (ав. imā). Корневой гласный а в ш.х.с. уам, указывающий на историческую а-умлаутную позицию, дает также возможность возродить это местоимение к форме вин. падежа, т.е. к *imām (ав. imam). Соответствующая форма других диалектов р. (y)im, б. ср. yim < *ima(-), т.е. либо основа муж. рода (ав. ima-), либо форма им. падежа (ав. imah). Корневой гласный этого местоимения i, указывающий на историческую нейтральную или а/у--умлаутную позицию, дает также возможность возродить р.б.ор. yim к форме вин. падежа муж. рода, т.е. к imam (ав. imem).

Местоимения ед. числа ближнего ряда косвенной падежной формы муж. рода ш.ор. с. mi, б. mī < *imahya род. м.р., а р.х. may < *imayā твор. ж.р. от основы *imā-. Соответствующие местоимения жен. рода ш.ор. mam < *imahmāt отл. ср. р. (ср. ав. aētahmāt, р.х. mum < *imahmat отл. ср. (ср. форму отл. падежа с кратким -а- мест. I-го лица ед. числа ав. mat); бадж. б. mim, с. mem < *imahmāi дат. ср. р. (ср. ав. aētahmāi) или *imahmi местн. ср. р. (ср. ав. aētahmi).

Аналогичные соответствия в падеже и в роде будут наблюдаться и у местоимений ед. числа среднего и дальнего рядов. Местоимения прямой формы среднего ряда ш.рх. б. ор. yid < *aita- или *aitah им. м.р., либо < *aitam вин. м.р. (ав. aētēm-), с. yad < *aitā(-) основа или им. ж.р., либо *aitām вин. ж.р. (ав. aētam). Местоимения косвенной формы муж. рода ш.ор. с. di, б. dī < *aitahya род. м.р. (ав. aētahe), а р.х. day < *aitayā твор. ж.р. (ав. aētaya); местоимения жен. рода ш.ор. dam < *aitahmāt, рх. dum < *aitahmat отл. ср.р. (ав. aētahmāt); бадж. б. dim, с. dem < *aitahmāi дат. ср. (ав. aētahmāi) или *aitahmi местн. ср. р. (ав. aētahmi).

Местоимения ед. числа дальнего ряда прямой формы ш.уч м.р., с. уы < *awa- основа м.р. или *awam им.-вин. м.р. (ав. aom); ш. (ж.р.) р.б.ор. yā, хуф. yaw < *awā(-), т.е. основа ж.рода или им. падеж, либо *awām вин. ж.р. (ав. awam). Соответствующие местоимения косвенной формы муж. рода ш.ор.с. wi, б. wī < *awahya род. м.р. (ав. awahe), р.х. way < *awayā твор. ж.р., местоимения жен. рода ш.ор. wam < *awahmāt, р.х. (w)um, б. um < *awahwat отл. ср.р., с. wem < *awahmāi дат. ср.р. или *awahmi местн. ср.р..

7.4. Местоимения мн. числа представляют собой сочетание местоименной основы, отражающей ту или иную историческую падежную форму мн. числа, и одного из следующих показателей мн. числа: 1) для прямой формы -d < *-d/tā- (ср.ш. sal-ūn- d-ak(-ēn) 'лестничные ступеньки', инк. aw-ōn- d-on, ос. u-d-on 'они, те'); 2) для косвенной формы -v/f < *ab/fi- (подробнее о происхождении см. "Имя существительное").

Итак, шугнано-рушанские указательные местоимения мн. числа имеют следующие исторические соответствия: 1) ш.-р. wā- в wād и ор. wa- в waf < *awāhām, т.е. род. ж.р.; ш. wē- в wēv и с. we- в wef <

*awaišām, т.е. род. м.р. (ав. aṽaēšām) ; р.б. (w)u- в (w)uf, с. wo- в wođ < *awāhu, т.е. местн. ж.р.; 2) ш.-р. dā- в dāđ и ор. da- в dāf < *aitāhām, т.е. род. ж.р.; ш. de- в dēv, б. di- в dif и с. de- в def < *aitaišām, т.е. род. м.р. (ав. aētaēšām); р.х. du- в duf и с. do- в dođ < *aitāhu, т.е. мест. ж.р.; 3) ш.-р. mā- в māđ и ор. ma- в maf < *imāhām т.е. род. ж.р.; ш. mē- в mēv, б. mi- в mif и с. me- в mef < *imaišām, т.е. род. м.р.; р.х. mu- в muf и с. mō- в mođ < *imāhu, т.е. мест. ж.р. Следует сказать, что местоимения с гласным переднего ряда (ш. wēv, dēv, mēv, б. dif, mif и с. wef, def, mef) могут быть истолкованы и как состоящие из рефлекса древнеиранского местоимения род. падежа ед. числа муж. или жен. рода и показателя мн. числа. Но поскольку соответствующие им местоимения в других диалектах этой группы с гласным непреднего ряда не могут быть объяснены таким образом, то, думается, что наиболее вероятным является предположение о происхождении их из древнеиранской формы род. падежа мн. числа муж. рода.

7.5. Таким образом, в шугнано-рушанской группе языков нашли отражение следующие древнеиранские формы указательных местоимений:

Др.-ир.

Ш.-р.

I. О т о с н о в ы *awā-

Ед. число

Им.-вин. *awam	м.р.	-	ш.	с. ун
Им. *awā	ж.р.	-	ш.-р. уā,	хуф. yaw
Вин. *awām	ж.р.			
Дат. *awahmāi	ср.р.	-	ш.ор.с. wi-	б. wī
Местн. *awahmi	ср.р.			
Отл. *awahmāt	ср.р.	-	ш.ор. wam,	р.х. (w)um, б. um
Твор. *awayā	ж.р.	-	р.х. way	

Мн. число

Род. *awāhām	ж.р.	-	ш.-р. wā-	(в wāđ), ор. wa-	(в waf)
*awaišām	м.р.	-	ш. wē-	(в wēv), с. we-	(в wef)
Местн. *awāhu	ж.р.	-	р.б. wu-	(в wuf), с. wo-	(в wođ)

II. О т о с н о в ы *aitā-

Ед. число

Им. *aitah	м.р.	-	ш.-р. yid
Вин. *aitam	м.р.		
Им. *aitā	ж.р.	-	с. yad
Вин. *aitām	ж.р.		

Род. *aitahya м.р.	-	ш.ор.с. di, б. di
Дат. *aitahmāi ср.р.	-	бадж.б. dim, с. dem
Местн. *aitahmi ср.р.		
Отл. *aitahmāt ср.р.		ш.ор. dam, р.х. dum
Твор. *aitayā ж.р.	-	р.х. day

Мн. число

Род. *aitāhām ж.р.	-	ш.-р. dā- (в dād), ор. da- (в daf)
*aitaišām м.р.	-	ш. dē- (в dēv), б. di- (в dif), с. de- (в def)
Местн. *aitāhu ж.р.	-	с. do- (в dođ), р.х. du- (в duf)

Ш. О т о с н о в ы *imā-

Ед. число

Им. *imah м.р.	-	р.б.ор. yim
Вин. *imam м.р.		
Им. *imā ж.р.	-	ш.хуф.с. yam
Вин. *imām ж.р.		
Род. *imahya м.р.	-	ш.ор.с. mi, б. mi
Дат. *imahmāi ср.р.	-	бадж.б. mim, с. mem
Местн. *imahmi ср.р.		
Отл. *imahmāt ср.р.	-	ш.ор. mam, р.х. mum
Твор. *imayā ж.р.	-	р.х. may

Мн. число

Род. *imāhām ж.р.	-	ш.-р. mā- (в māđ), ор. ma- (в maf)
*imaišām м.р.	-	ш. mē- (в mēv), б. mi- (в mif), с. me- (в mef)
Местн. *imāhu ж.р.	-	с. mo- (в mođ), р.х. mu- (в muf)

Вопросительные местоимения

7.6. Они следующие: 1) ш.рх. šāy, с. šoy (косвенная форма šī), б. šī, ор. šī 'кто'; 2) ш.рх.ор. šīz, б. šiz, с. sayz 'что' (относится к неодушевленным предметам и животным); 3) ш. šidūm, рх. ор. šidōm, б.с. šidum 'какой, который'; 4) са 'какой, что за'; 5) ш. sūnd, р.б. sōnd, с. cund 'сколько' и др. Примеры: ш.р. šāy yat?, ор. šī yat? 'кто пришел?'; ш. бадж. šāy tu pid? 'кто твой отец?'; ш. šī qīwi? 'кого ты зовешь?'; ш. šīz fikri kini 'о чем ты думаешь?'; ш.

(бадж.) tu ta čidūm maktáb -ind kor kini? 'ты в какой школе работаешь?'; ш. sã-t biyūr mā yat? 'что же ты вчера не пришел?'; ш. cūnd waḡāq-at nivišt? 'сколько листов ты написал?'.
С исторической точки зрения большинство вопросительных местоимений представляют собой различные образования от основы *ka- или *kau-, *čī-, Сарыкольское čou является рефлексом др.-ир. *kayah им. ед. м.р. или *kauam вин. ед. м.р., а ш.рх. čāu < *kauā им. ед. ж.р. или *kauām вин. ед.ж.р. Соответствующая косвенная форма čī < *čīhya (от основы *čī-) род. ед. м.р. Что касается местоимения čiz 'что', то несомненно, что оно представляет собой осложненную др.-ир. основу *kau-, *čī- (ср. и.-е. k^hi-d им. ед.ср.р., др.-инд. cid/t, ав. čit).

Местоимение ш. čidūm, рх.ор. čidōm, б.с. čidum 'какой' < *čītāma- или *katāma- (ср. др.-инд. kathamā-, ав. katāma- 'какой'). Местоимение ш. cūnd, р.б. cōnd с. cund 'сколько' может быть восстановлено в *k/čanta- (ср.др.-инд. kati 'сколько'), а соответствующее ш. dūnd, р.б. dōnd, с. dund 'столько' < *tanta- (ср.др.-инд. tāti 'сколько').

Возвратно-определятельное местоимение

7.7. Это местоимение во всех диалектах имеет прямую и косвенную формы: ш.рх.б.ор. xúbaṽ, с.х^hbaṽ 'сам(а), сами', косв. форма ш.рх. б.ор. хu, с. хu 'свой, своя, свои'. Примеры: р. xúbaṽ-at wunt 'ты видел'; р. хu kitōbēn-i zūxt '(он) взял свои книги'.

Прямую форму ш.рх.б.ор. хubaṽ с. х^hbaṽ, по-видимому, следует восстановить в виде *хва-раṽā(-), где первая часть представляет собой посессивную основу возвратного местоимения (ср. ав. hva-, хва-), а вторая часть - либо основу жен. рода *раṽā-, либо форму твор. падежа ед. числа м.рода от основы *раṽa- (ср. и.-е. rotī- 'господин' в лит. rātis 'сам', др.-инд. sva-rati-, ав. хваē-rati- 'он сам'). Употребление твор. падежа вместо именительного, как известно, довольно часто встречается в Авесте. Косвенная форма возвратно-определятельного местоимения ш.рх.б.ор. хu, с.хu закономерно продолжает др.-ир. посессивную основу *хва- (ав. hva-, хва-).

Глагол

Основы

8.0. Во всех языках шугнано-рушанской группы различаются два типа основ: основа наст. времени и основа прош. времени. Эти две основы составляют ядро всей глагольной системы. От них образуются все личные глагольные формы. От основы наст. времени образуется форма настоящего-будущего времени и форма повелительного наклонения. От основы прош. времени образуются глагольные формы прошедшего времени, перфекта, плюсквамперфекта или давнопрошедшего времени.

8.1. Основа наст. времени с синхронной точки зрения не имеет каких-либо специальных показателей. Она нейтральна в модальном (если не считать вторичных каузативных форм) и видовом отношениях. Лишь благодаря сравнительно-историческому анализу основ наст. времени могут быть выявлены рефлексии древнеиранских тематических и нетематических основ, а также рефлексии основ всех трех древнеиранских наклонений: индикатива, конъюнктива и оптатива. При этом необходимо учитывать как консонантные элементы современных основ, так и качество их корневого гласного. Зная происхождение той или иной основы, а, стало быть, и фонетические закономерности в ее развитии, можно благодаря качеству корневого гласного современной основы восстановить историческую позицию, оказавшую влияние на его развитие, т.е. либо позицию *ā*-умлаута, либо позицию *i*-умлаута, либо, наконец, позицию *a/u*-умлаута. А знание этих исторических позиций для современных глагольных основ наст. времени равносильно знанию того, рефлексом какого типа исторической основы — тематической или нетематической, основы индикатива, конъюнктива или оптатива — она является. О фонетических закономерностях, связанных с умлаутом в этих случаях см. Пахалина, 1983.

Таким образом, сравнительно-исторический анализ основ наст. времени дает возможность разделить их на следующие три группы.

1) Шугнанские основы — рефлексии исторических основ индикатива: *pōu-* 'пасти' < **pāya-* (ав. *pā(y)-*); *χōu-* 'читать, учиться' < **k/-xāya-* (ав. *xsā-* 'учить'); *wikōu-* 'отдыхать' < **awi-kāya-* (и.-э. *k^heiē-* 'отдыхать', рус. по-кой); *mōz-* 'делать, строить' < **māza-* (и.-э. *mag-* в англ.-сакс. (*gi*)-*makōn* 'делать, строить'); *wizūn-* 'знать' < **awi-zāna-* (и.-э. *gen-*, ав. *zan-*); *lūv-* 'говорить, петь' < **l/raba-* (и.-э. *lep-* в др.-инд. *lāpatī* 'говорит', ишк. *b^h-lav-* 'говорить'); *parwēz-* 'просеивать' < **parā-waik/ča-* (ав. *vaēk-*); *mēz-* 'мочиться' < **maiza-* (ав. *maēz-*); *rūb-* 'мести, сгребать' < **raub/ra-* (ср. и.-э. *reu-b-* в гот. *raurjan* 'срывать, дергать', н.-перс. *rūb-* 'мести'); *dūz-* 'домить' < **daug/ǰa-* (и.-э. *dheugh-* в др.-инд. *dogdhi* 'домит'); *ziyūy-* 'засыхать, увядать' < **us-hauša-* (и.-э. *saus-*, ав. *haoš-*); *win-* 'видеть' < **waina-* (ав. *vaēna-*); *-ǰīs-* в *naǰ-ǰīs-* 'переходить' < **ǰasya-* или **ǰasai-* (ав. *gam-* 'идти'); *niǰ-* 'сидеть' < **ni-haǰya-* (ав. *had-*); *χofs-* 'спать' < *(*k*)**šwapa-* или *(*k*)**šupa-* (и.-э. *sup-*, ав. *xvar-*; ср.ш. *ni-χēb-* 'усыплять' < **ni-(k)šwāpai-* осн. оптатива); *ris-* 'оставаться' < **risa-* или **risya-* (и.-э. *lē(i)-* 'оставаться'); *pidīs-* 'зажигаться' < **ura-d/ōisa-* или **ura-d/ōisy-* (и.-э. *dei-* 'светить, сиять', др.-инд. *diprate* 'пламенует'); *vi-* 'быть' < **būya-* (ав. *bav-*); *pi-* 'гнить' < **pūya-* (ав. *raw-*); *dāō-* 'давать' < **d/ōa-d/ōā-*, т.е. редуцированная основа либо индикатива, либо конъюнктива.

2) Шугнанские основы — рефлексии исторических основ конъюнктива:

ġān- 'рыть, копать' < *kāna-, ср. 3 л. ед. ūnt, где ūn- < *kana-, т.е. осн. индикатива (ав. kan-); sāw- 'идти, отправляться' < *sawā- (ав. šav-); wāf- 'ткать' < *wāfā-, ср. 3 л. ед. wōft, где wōf- < *wāfa-, т.е. осн. индикатива (и.-е. ūebh-); yad- 'прибывать, приходить' < *yatā- (и.-е. iet-, др.-инд. yat-, ав. yat- 'приводить в движение', ав. grā-yat- 'приходить') или < *aitā-, itā- (и.-е. eidh-, i-tā-, iā-, ав. ay- 'идти'); yān- 'молоть' < *arnā-, *fnā- (и.-е. al- в ав. aā- 'смолотый', н.-перс. ārd 'мука'); xīkafc- 'расцветать, распускаться' < *s/škap/fsā- (и.-е. (s)kēr-, (s)kēb(h)- 'раскалывать' в н.-перс. šikāftan 'раскалывать(ся), трескаться, лопаться', šikuftān 'распускаться, расцветать'); kaŷ- 'убивать, резать (животное)' < *kūbā-, ср. 3 л. ед. kīŷd, где kīŷ- < *kūbāi-, т.е. осн. опатива (ав. kaoš-); wīkaŷ- 'чесать, причесывать' < *wi-kūšā-, ср. 3 л. ед. wi-xīŷd, где xīŷ- < *kūšāi- (и.-е. kseu-э- 'скрести, чесать, причесывать'); bāf- 'быть возможным' < *būfā- (и.-е. beu-, bheu- 'распухать, вздуться', др.-инд. bhū-ri-, ав. būiri- 'обильный, сильный, много') или < *pūfā- (и.-е. p(h)eu-, p(h)ū- 'вздуться, пухнуть'; для развития значения ср. и.-е. teu-, tū- 'распухать, вздуться' в ав. tav- 'мочь').

3) Шугнанские основы – рефлексы исторических основ опатива: pīz- 'варить, печь' < *pašai- или *pašī- (ав. pak-); šis- 'смотреть' < *kasaī- или *kasī- (ав. kas-); kin- 'делать' < *kpnī- (ав. kar-); wērv- 'кипятить', где элемент wēr- < *wārai-, *wārī-, ср. ш. wōr-v- 'кипеть' < *wāra-, т.е. осн. индикатива (и.-е. ūer- в рус. варить); vēw- 'жечь' < *ŷawai-, *ŷawī-, ср. ш. ŷaw- 'гореть' < *ŷāwā-, т.е. осн. конъюнктива (ср. и.-е. dāu- 'гореть'); ni-xēb- 'усыплять, качая колыбель' < *nī-(k)šwāpai- или *nī-(k)šupai-, ср. ш. xōfc- 'спать' < *(k)šwarsa-, т.е. осн. индикатива (и.-е. sūer-, sup-, ав. xvar- 'спать', ni-xvar- 'усыплять'); pid-wid- 'засучивать (рукава)' < *pati-wida(i)- (ср. и.-е. uēidh- 'крутить, сгибать, загибать'); xīn- 'слышать' < *srunī- (и.-е. klū-, klū-n- 'слышать', ав. surunaoitī 'слышит'); zēz- 'брат' < *zāzāi- (ср. и.-е. ghē(i)- в греч. χωρᾶι 'хватать'); sipēn- 'сыпать, пересыпать' < *us-rpnai-, *us-rpnī- (и.-е. pel- 'наполнять, сыпать', ав. par- 'наполнять').

Таким образом, все засвидетельствованные в древнеиранских языках типы основ наст. времени, – как тематические, так и нетематические, во всех трех наклонениях, – нашли отражение в шугнанском языке.

Основа прошедшего времени и ее производные

8.2. Признаком основы прош. времени для большинства шугнанских глаголов является конечный смычный -t (в основном после глухого согласного) или -d (после звонкого согласного или гласного): bād- 'давать', vūst- 'связывать', tūyd- 'уходить'. Исторически этот конечный

-t/d является рефлексом согласного элемента суффикса древнеиранского причастия прош. времени *-t-, ср. ав. dāta- 'данный', bāsta- 'священный'.

В других диалектах шугнано-рушанской группы небольшое число глаголов имеет исход. основы прошедшего времени на -g: р.б. ōg-, с. ōawg- 'делать' (ш. ōūd-), р.б. mīg-, с. mawg- 'умирать' (ш. mūd-), б. xīg-, с. хг- 'кушать' (ш. xūd-) и др. В данном случае можно было бы предположить существование на древнеиранской почве причастия прош. времени на *-kā-, т.е. ōg- < *krka-, mīg- < *mrka-, xīg- < *xwṛka-. В подтверждение существования такого причастия на древнеиранской почве можно сослаться на ав. huška- 'высохший' (у Бартоломе- 'ausgetrocknet, trock.en') от корня ав. haōš- 'сохнуть', за которым, по-видимому, очень рано закрепилось значение прилагательного 'сухой'. А причастное значение 'высохший' в авестийском передавалось формой hušata-. Рефлексы причастных форм от этого глагольного корня сохранились в языках шугнано-рушанской группы: ш.рх.б. zi-yušt-, с. zi-yašt- < *us-huštā- (ав. hušata-, н.-перс. xušidā 'высушенный') и, с другой стороны, ш.рх. б. xišk-, с. хшк 'сухой' < *huška- (и.-е. *(k)sus-, др.-инд. śus- из *sus-, ав. hāōš- 'сохнуть', др.-инд. suṣka-, ав. huška- 'высохший, сухой'). Палатальный вариант древнеиранского суффикса причастия прош. времени *-ka- должен был бы иметь вид *-š/ša-. Причастия с этим суффиксом засвидетельствованы в авестийском, ср. aša- 'смолотный', maša- 'смертный, человек' (при др.-перс. martiya-), kaša- 'занятый делом' (наряду с ав. kereta- 'сделанный'). Чередование древнеиранских суффиксов причастия прош. времени *-ka- и *-š/ša- нашли отражение и в языках шугнано-рушанской группы, ср. хуф. ōug- в ōug-š- и ш. ōū- в ōū-š 'сделанный'. А в сарыкольском наряде с mešš 'умерший' употребляется и мыгук 'мертвый'.

Анализ перфектных основ (см. дальше) и параллельно употребляющихся других вариантов основ прош. времени подобного типа глаголов показывает, что в шугнано-рушанской группе сохранялись кроме того рефлекс древнеиранского причастия прош. времени на *-wā-, *-wī- (ср. и.-е. mṛ-uc- 'умерший, мертвый', др.-инд. rakvā- 'сваренный, зрелый'). Так, варианты основ прош. времени глаголов ш. ōu-, рх. ōo-, ōo- 'делать' и рх. xo- 'кушать' могут быть восстановлены в *kr-wa- и *xwṛ-wa-. Соответственно р. ōūš- и хшš- краткие формы причастия прош. вр. м. рода от гл. kin-: ōg 'делать' и хг-: xūg 'кушать' < *krwa-+-ka- и *xwṛwa-+-ka-, а форма ж. рода и мн. числа р. ōiw- в ōiws- < *krwī- (-)+-šī-, форма мн. числа р. ōō- в ōōš- < *krwah-+-ka-. Рефлекс этого же древнеиранского причастия прош. времени представлен и в рушанских причастных формах от глагола mīr-: mīg 'умирать', т.е. р. mū- в mūš- ед. ч. м.р. < *mrwa-+-ka-, mō- в mōš- мн.ч. < *mrwah-+-ka-, р. mīw- в mīwš- ж.р. < *mrwī-+-šī-.

Но учитывая одну фонетическую особенность рушанского, приведенные выше варианты основы прош. времени могут быть истолкованы и по-друго-

му. Дело в том, что р. -w(-) может соответствовать др.-ир. *-š-, ср., например, р. xšw 'шесть' < *xwāša(-), ав. xšvaš. Поэтому р. šīw- в šīws- может быть восстановлено в *kršī- (ср. ав. kaša- 'быть занятым делом'), а р. mīw- в mīwz- < *mršī- (ср. ав. māša- 'смертный').

Возвращаясь к современным основам прош. времени на -g, следует сказать, что они продолжают либо, как уже было отмечено, древнеиранское причастие прош. времени на *-kā-, либо древнеиранское причастие прош. времени на *-wā-, *-wī-, но в последнем случае - только от корня, осложненного суффиксом *-k-. Поэтому р.х. xūg- 'кушать, есть' может быть восстановлено не только в *xwṛg-ka-, но и в *xwṛk-wa- (ср. и.-э. vceŕk- 'кушать'). Точно так же и р.х. mūg- 'умирать' может быть рефлексом и *mrṛg-ka-, и *mrṛk-wa- (и.-э. mer-k- 'умирать', др.-инд. marśáyatī, ав. merēncāiti 'повреждает, ранит, губит', др.-инд. mrṛkta- 'поврежденный') и р.х. šūg- 'делать' < *krṛg-ka- и *krṛk-wa-. А хуфскую форму краткого причастия прош. времени жен. рода mīg-z от глагола 'умирать', по-видимому, можно восстановить только в *mrṛkwī-+-šī-, поскольку вряд ли можно было бы предположить сохранение заднеязычного смычного в позиции перед гласным переднего ряда -i. Аналогичные причастия прош. времени засвидетельствованы и в языке дари, ср. dar-миš // raž-mogda- 'увядший, подавленный'.

В шугнанском и сарккольском глаголы с исходом основы настоящего времени на *r имеют особую основу прош. времени, которая входит в состав перфектной причастной формы, но самостоятельно не употребляется. Эта основа прош. времени образована от корня на *-r с суффиксом *-s/ša- (из. и.-э. -ko-). Примеры: ш. šūṛ- в šūṛš-, с. šəṛ- в šəṛš- 'делать' < *kršai- (ав. kaša- 'быть занятым делом'); ш. mūṛ- в mūṛš-, с. my/eṛ- в my/eṛš- 'умирать' < *mrša/i- (ав. māša- 'смертный'); ш. xūṛ- в xūṛš-, с. xyṛ- в xyṛš- 'кушать' < *xwṛša- (ав. xwāša- 'еда' от корня xwar- 'кушать'); ш. uṛ- в uṛš- 'молоть' < *arša- (ав. āša- 'смолотый', н.-перс. ārd 'смолоное, мука') и др. Следует, однако, сказать, что в отношении ав. xwāša- Х.Бартоломе высказывает предположение о том, что эта основа могла образоваться из др.-ир. *xwarša- (Bartholomae, 1904). Но развитие древнеиранской группы *-rā- в шугнано-рушанской группе в -š/ṛ- вряд ли возможно.

8.3. Большинство современных основ прош. времени являются вторичным по происхождению, поскольку они продолжают образования не от корня, как это имело место в древнеиранском, а от основы наст. времени, ср., например, ш. tān-: tānt 'натягивать основу при тканье'. Причем довольно часто в этом случае основа прош. времени образуется от другого варианта основы наст. времени, ср., например, ш. mōz-: mīzd 'делать, обрабатывать', где mōz- является рефлексом исторической основы индикатива *māza-, а mīz- в mīzd - рефлексом исторической основы опатива *māzai- (ср. и.-э. maḡ- в англ.-сакс. (gi)-nakōm 'делать, строить').

Но ряд шугнанских глаголов, по-видимому, сохраняет рефлекс корневого образования основ прош. времени, например: $\check{x}\ddot{o}vd-$ 'спать' < *(k)šwapta- или *(k)šupta- (и.-е. *suer-, sup-*, ав. *xvar-*, прич. прош. вр. *xwarta-*); $m\check{i}\check{x}t-$ 'мочиться' < * $m\check{i}\check{s}ta-$ (ав. *maēz-*); $vud-$ 'быть' < * $b\check{u}ta-$ (ав. *bav-*, прич. прош. вр. *būta-*) и др. Следует заметить, что откорневое образование глагольного причастия прош. времени было характерно в основном для раннего состояния древнеиранского языка-основы. В процессе развития языка оно постепенно заменялось образованием от различного типа основ настоящего времени. Аналогичный процесс имел место и в древнеиндийском (Барроу, 1976, с. 342). Поэтому в ряде случаев бывает трудно установить, первичной или вторичной по своему образованию является та или иная современная основа прош. времени.

8.4. Как известно, древнеиранское причастие прош. времени, отражением которого является шугнанская основа прош. времени, как и любое другое имя, различалось по роду, ср. ав. *basta-* м.р. 'связанный', *bastā-* ж.р. Следы древней родовой оппозиции сохраняются и в шугнанских основах прош. времени. Примеры:

1) шугнанские основы прош. времени - рефлекс исторического причастия прош. времени муж.// ср. рода: $\check{x}\ddot{o}vd-$ 'спать' < *(k)šwapta- или *(k)šupta- (ав. *xvar-*, прич. прош. вр. *xwarta-*); $\delta\delta d-$ 'давать' < * $d/\delta\ddot{a}ta-$ (ав. *dā-*, прич. прош. вр. *dāta-*); $l\ddot{u}vd-$ 'говорить' < * $l/wapta-$ (и.-е. *lep-* в др.-инд. *lāpati* 'говорит'); $v\ddot{u}st-$ 'связывать' < **basta-* (ав. *band-*, прич. прош. вр. *basta-*); $\check{x}i\check{x}u\check{x}t-$ 'резать, рубить' < * $\check{s}ka\check{s}ta-$ (ав. *skand-*); $anc\ddot{u}vd-$ 'шить' < * $ha(m)-tr\check{p}ta-$, * $ha(m)-trapta-$ (ср. и.-е. *derbh-* в др.-инд. *dr̥bhaṭi* 'связывает', ав. *derōwda-* 'связка мышечная', н.-перс. *darpi* 'заплата'); $m\check{i}\check{x}t-$ 'мочиться' < * $m\check{i}\check{s}ta-$ (ав. *maēz-*); $nivi\check{s}t-$ 'писать' < * $ni-pi\check{s}ta-$ (ав. *raēs-*, прич. прош. вр. *pi\check{s}ta-*); $pi-\delta\ddot{i}d-$ 'зажигаться' < * $ura-d/\delta\check{i}ta-$ (и.-е. *dei-* 'светить, сиять'); $vud-$ 'быть' < * $b\check{u}ta-$ (ав. *bav-*, прич. прош. вр. *būta-*); $ku\check{x}t-$ 'убивать, резать (животное)' < * $ku\check{s}ta-$ (ав. *kaōš-*); $\check{x}ud-$ 'слышать' < * $\check{s}r\check{u}ta-$ (и.-е. *kleu-*, *kīb-* в ав. *surumaoti* 'слышит'); $ziyu\check{x}t-$ 'сохнуть, вянуть' < * $us-hu(x)\check{s}ta-$ (и.-е. *saus-*, *sus-*, ав. *haōš-*, прич. прош. вр. *hu\check{s}ata-*, н.-перс. *xu\check{s}idā* 'высушенный');

2) шугнанские основы прош. времени - рефлекс исторического причастия прош. времени жен. рода: $vad-$ 'быть' < * $b\check{u}tā-$ (ав. *bav-*); $rad-$ 'гнить' < * $r\check{u}tā-$ (ав. *rav-*); $\check{v}ad-$ 'гореть, зажигаться' < * $\check{v}ūtā-$ (ср. и.-е. *dāu-* 'гореть'); $ziyu\check{x}t-$ 'сохнуть, вянуть' < * $us-hu\check{s}tā-$, (ав. *haōš-*); $r\check{e}d-$ 'оставаться, отставать' < * $r\check{i}tā-$ (и.-е. *lē(i)-* 'оставаться', ишк. *fris-*, **frin-*); $wi-r\check{e}\check{x}t-$ 'разрезать, распаривать' < * $w\check{i}-r\check{i}\check{s}tā-$ (и.-е. *reis-* 'резать, рвать', ав. *raēša-* 'щель в земле'); $ri-wa\check{x}t-$ 'летать' < * $p/fra-wa\check{s}tā-$ (ав. *vaz-*, прич. прош. вр. *va\check{s}ta-*).

Следует заметить, что шугнанские основы прош. времени с корневым гласным, отражающим древнеиранский корневой гласный в позиции а/у-умлаута (в шугнанском это чаще всего корневой гласный о), могут быть основами как мужского, так и женского рода, например: ш. xōvd- м./ж. р. 'спать', tōyd- ж.р. (м.р. tūyd-) 'уходить', zōd- ж.р. 'рождать', mōd- ж.р.(м.р. mūd-) 'умирать' и др. Исторически они отражают древнеиранское причастие прош. времени мужского и среднего рода на *-ta-. Следовательно, приведенные выше современные основы прош. времени жен. рода следует рассматривать как рефлекс исторического причастия прош. времени среднего рода. Аналогичный переход исторических имен среднего рода в разряд имен женского рода мы отмечали уже для имен существительных и местоимений, ср., например, ш. vūyd м.р., vōyd ж.р. 'нечистая сила' < *bak/xta- м./ср.р. (ав. baxta-), ш. dam указательное местоимение косв. формы жен. рода < *aitahmēt отл. ср. р. от основы *aita- и др. Это явление встречается не только в шугнано-рушанской группе языков, но и в других памирских (и шире - иранских) языках, ср., например, ишк. žonj 'женщина' < *gana-+-ka- (и.-е. g^hēnā-, ав. genā-). По поводу перехода этого слова из разряда имен среднего рода в разряд имен женского рода см. комментарий в нашей работе (Пахалина, 1983, с. 58) со ссылкой на Т.Барроу.

8.5. Как можно видеть из приведенных выше примеров, исторически род различался у основ прош. времени как непереходных, так и переходных глаголов. Увязывание родовой оппозиции в основах прош. времени с переходностью/непереходностью глаголов неправомерно не только с точки зрения исторической, как это уже было показано выше, но и с синхронной точки зрения (Карамшоев, 1963; 1978). Можно привести ряд современных основ прош. времени непереходных глаголов, в которых род может быть внешне выраженным и невыраженным, например: ēint- 'смяться' (исторически м./ж.р.); ōod- 'пуститься, броситься' (исторически м./ср.р.); yat- 'приходить' (исторически ж.р.); xōvd- 'спать' (исторически м./ср.р.), в других диалектах: р. xōvd- м.р., xōvd- ж.р., б. aḫōvd- м.р., aḫāvd- ж.р.; но ср. ш. vud- м.р. (исторически м./ср.р.), vad- ж.р. (исторически ж.р.) 'быть'; tōyd- ж.р. (исторически м./ср.р.), tūyd- м.р. (исторически м./ср.р.) 'уходить'. Также можно привести ряд основ прош. времени переходных глаголов, в которых род внешне может быть выраженным и невыраженным, например: ziduḫt- м.р. (исторически м./ср.р.), zidaḫt- ж.р. (исторически ж.р.) 'рвать, рваться'; р. čūg- м.р. (исторически м./ср.р.), čōg- ж.р. (исторически м./ср.р.) 'делать', zê- в zêc- ж.р. 'рождать' (< *zātī-+-čī-), но ср. vūd- м./ж.р. (исторически м./ср.р.) 'приносить', yūd- м./ж.р. 'молоть' (исторически м./ср.р.) и др.

8.6. Древнеиранские причастия прош. времени, как известно, различались не только по роду, но и по числу. Следы исторической числовой оппозиции также сохранились в шугнанских основах прош. времени. Примеры: vad- ед. ж.р. 'быть' < *būtā(-) ед.ж., но та же основа vad-

мн.ч. < *būtāh им. мн. м./ср., ж.р. от *būtā- (ав. bav- 'быть'); pad- ед.ж. 'гнить' < *pūtā(-) ед. ж., но та же основа pad- мн.ч. < *pūtāh им. мн. м./ср., ж.р. от *pūtā- (ав. pav-); ziyāxt- ед.ж. 'сохнуть, вянуть' < *us-huštā(-) ед.ж., но та же основа ziyāxt- мн.ч. < *us-huštāh им. мн. м./ср., ж.р. от *us-huštā- (ав. haō-); riwāxt ед. ж. 'летать' < *p/fra-waštā(-) ед.ж., но та же основа riwāxt- мн.ч. < *p/fra-waštāh им. мн. м./ср., ж.р. от *p/fra-waštā- (ав. vaz-) и др. Как можно видеть, признаком основ прош. времени мн. числа в приведенных выше глаголах является корневой гласный *ā*, отражающий любой исторический гласный в позиции *ā*-умлаута (ср. флексии мн. числа *-āh). А поскольку корневой гласный шугнанских основ прош. времени ед. числа жен. рода также отражает исторический гласный в позиции *ā*-умлаута (ср. основу жен. р. ед. ч. на *-tā), то и получилось внешнее совпадение шугнанских основ прош. времени ед. числа жен. рода и мн. числа.

Сравнительно небольшое число шугнанских основ прош. времени мн. числа имеют корневой гласный *ō*, представленный на месте др.-ир. *a в позиции a/u-умлаута (или так называемой нейтральной позиции). Эти основы являются рефлексамии исторической флексивной формы мн. числа им. падежа м./ср. рода. Примеры: tōyd- мн. ч. 'уходить' < *taktah (ав. tak-); nōst- мн. ч. 'сидеть' < *ni-hastah (ав. had-); pi-rōst- мн.ч. 'рваться, разрываться' < *apa-rastah (и.-е. rend-); pi-dōvd- мн.ч. 'начинать, приниматься за' < *upa-d/āptah (и.-е. dhābh- 'приступать, начинать') и др. Следует сказать, что флексия им. падежа мн. числа м./ср. рода от основ на *-a с кратким гласным (т.е. *-ah) отмечена только для авестийского языка, ср. ав. асра 'лошади' (др.-ир. *avrāh) им. мн. м.р. от основы *асра-. Приведенные шугнанские основы прош. времени мн. числа tōyd-, nōst- и др. внешне совпадают с основами прош. времени ед. числа жен. рода. В этом случае они, как уже было отмечено выше, отражают историческую основу прош. времени ед. числа ср. рода, перешедшую затем в разряд основ жен. рода, т.е. ш. tōyd- ед. ж. < *takta- ед. ср., ш. nōst- ед. ж. < *ni-hasta- ед. ср. и т.д. Отсюда можно предположить, что и шугнанские основы мн. числа типа tōyd- исторически также бывают скорее среднего рода, чем мужского.

8.7. Следы исторических флексивных форм обнаруживаются не только в шугнанских основах прош. времени мн. числа, но и в основах прош. времени ед. числа. Так, например, ш. vūst- м.р. ед.ч. 'связывать' может отражать не только историческую основу м.р. ед. числа *basta- (ав. basta-), но и историческую флексивную форму ед. числа муж. рода либо им. падежа *bastah, либо вин. падежа *bastam, а ш. vad- ед. ч. ж.р. 'быть' может отражать не только историческую основу жен. рода ед. числа *būtā- (ав. būta-), но и историческую флексивную форму ед. числа жен. рода либо им. падежа *būtā, либо вин. падежа *būtām. Точ-

но также основы типа ш. t̄būd- ж.р. ед. ч. 'уходить' отражают не только историческую основу ср. рода. ед. числа *takta-, но и историческую флективную форму: либо форму им.-вин. падежа, ед. числа ср. рода *taktam, либо форму им. падежа ед. числа жен. рода *takta при нормальном др.-ир. *taktā (ср. ав. urvara им. ед. ж.р. от основы urvarā- 'растение' и ав. daēnā им. ед. ж.р. от основы daēnā- 'религия').

8.8. Корневой гласный ряда основ прош. времени и кратких причастных форм муж и жен. рода, как ед., так и мн. числа, указывает на историческую позицию i-умлаута. А это может свидетельствовать о следующем: либо на древнеиранской почве существовали причастия прош. времени не только на *-tā-, (*-tā-), но и на *-tī-, *-tyā-, либо такого рода основы отражают i-умлаутную флективную форму от основы на *-tā- (или *-tī-). В принципе и то, и другое возможно,

Подтверждением того, что на древнеиранской почве могло существовать причастие прош. времени на *-tī-, *-tyā- является др.-перс. martiya- 'смертный' (др.-инд. martya-) и ав. fra-zaintay- ж.р. 'ребенок' (букв. 'рожденная') наряду с ав. zāta-, -zanta- 'рожденный'. Вариативность суффиксальных элементов с гласными *-ā и *-ī вообще довольно частое явление в языках, ср., например, ведический герундий на -tvā и -tvī (kr̥-tvā // kr̥-tvī 'сделав'), ав. jāna- // jāini- 'убивающий', древнеиранский суффикс причастия аориста жен. рода на *-atī- и т.д. Кроме того, анализ шугнано-рушанских основ прош. времени с исходом на гласный и на -g позволил восстановить, как выше было показано, древнеиранское причастие прош. времени не только на *-wā-, но и на *-wī-. Все это не может не давать основания для предположения о существовании в древнеиранском причастии прош. времени на *-tī- или *-tyā-. Исходя из этого, все i-умлаутные шугнанские основы прош. времени можно восстановить в причастия на *-tī- или *-tyā- (в дальнейшем мы будем восстанавливать одну из этих форм). Примеры: -jīd- в naŷ-jīd- м./ж.р. 'переходить, переправляться' < *-gatī- (ав. gata-); wīft- 'ткать' < *wafī- (и.-е. webh-, др.-инд. vab-); wi-zēnt- 'знать' < *wī-zantī- (ав. zan-); xīcīft- 'трескаться, лопаться' < *ākaftī- (и.-е. skēbh-, skēp- в н.-перс. šikāftan 'трескаться, лопаться'); dūyd- 'дойти' < *d/dūytī- (и.-е. dheugh- в н.-перс. dūxtan 'дойти'); rūvd- 'мести, сгребать' < *rūptī- (и.-е. reu-, rū- в н.-перс. rūftan 'мести'); p. vid- 'быть' < *būtī- (ав. bav-, прич. būta-); б. nōst- м.р., nēs- в nēsc- ж.р. 'сидеть' < *ni-hastī- (ав. had-); ш. zē- в zēs- 'рождать' < *zāntī- (ав. zan- в fra-zaintay- 'рожденная'); par-wīx- в par-wīxs- ж.р. и мн. ч. 'сваливаться в воду с турсука, перевернувшись' < *parā-warētī- (*-wṛētī-) ж.р., *parā-warētīē (*-wṛētīē) им.мн. или *parā-warētī (*wṛētī) им.-вин. дв. (ср. и.-е. uel-, *uel-s- 'валить(ся)').

Если же эти шугнанские основы рассматривать как рефлексы флективных форм от основы на *-tā, что все же менее вероятно, то они могли

бы быть восстановлены следующим образом: -*ġid* в *paŷ-ġid* 'переходить' < **gatai* дат. ед. м.р. или **gatai* местн. ед. м./ср. р. или ж.р.; *wift*- 'ткать' < **waftai* дат. ед. м.р. или **waftai* местн. ед. м./ср. или ж.р.; р. *vid*- м.р. 'быть' < **būtai* дат. ед. м.р. или **būtai* местн. ед. м.р. и т.д.

Итак, шумянские основы прош. времени продолжают следующие древнеиранские причастия прош. времени: 1) причастие на *-*tā-* (и, возможно, на *-*ŷā-*; 2) причастие на *-*tī-* или *-*tuā-*; 3) причастие на *-*wā-*, *-*wī-* и, возможно, 4) на *-*kā-* // *-*āā-*. Все шумянские основы прош. времени сохранили следы исторических родовых, числовых и падежных форм, что нашло отражение в корневом гласном основы.

8.9. Древнеиранское причастие прош. времени, как известно, имело пассивное значение при переходном глаголе и активное значение при непереходном глаголе, ср., например, ав. *basta-* 'связанный', *gatō* 'выступивший'. Следы исторической оппозиции "пассивность-активность" сохраняют основы прош. времени рушанского, хуфского и бартангского диалектов. Это проявляется в особом спряжении переходных и непереходных глаголов в формах, образовавшихся от основы прош. времени. Особенно четко это проявляется в рушанском и хуфском, ср. р. *mi būg* 'мною сделано', но *áz-um yat* 'я пришел', т.е. 'я есть пришедший'. В бартангском наблюдается некоторое нарушение этой исторической оппозиции, ср. *mūp-um būg* 'я сделал' - *áz-um yat* 'я пришел'. В шумянском эта историческая оппозиция внешне не нашла отражения, ср. *wīz-um būd* 'я сделал' и *wīz-um yat* 'я пришел'. Залоговая недифференцированность отмечена также и для рушанского и бартангского, ср. р. *áz-um būg* // *mi būg* 'я сделал', для второго случая также - 'мною сделано', но *áz-um yat* 'я пришел'.

В основе этих нарушений, как нам представляется, могли лежать следующие процессы. Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это то, что в древнеиранском к пассивному причастию прош. времени мог добавляться притяжательный суффикс *-*want*, ср. ав. *fra-zaintivant-* (ж.р. *-vaitī-*) 'тот, кто имеет кого-то рожденным', а это, естественно, предполагало активное значение, т.е. ав. *fra-zaintivant-* одновременно могло пониматься и как 'родивший'. Суффикс этого причастия *-*tāwant-*, *-*tīwant-* мог иметь вариант *-*twant-* (ср. аналогичную редукцию в др.-ир. суффиксе причастия среднего залога *-*ma-*, др.-инд. *-māna-*). В таком случае рефлекс древнеиранских причастий прош. времени на *-*ta-* с пассивным значением и на *-*twant-* с активным значением для переходных глаголов совпали и в результате др.-ир. **kṛta-* 'сделанный' и **kṛtwant-* 'сделавший' дали в шумянском один и тот же рефлекс *būd-*. Думается, что этим можно было бы объяснить залоговую нейтральность шумянской основы прош. времени переходных глаголов.

Аналогичный процесс имел место в санскрите. Санскритское *kṛtāvant-* 'тот, кто имеет что-то сделанным' со временем стало пониматься как 'сделавший'. Вот что пишет Т.Барроу по этому поводу: "Позже причастие на *-tavant-* // *-navant-* (когда в причастии корень принимает *-na*) начинает употребляться самостоятельно вместо прошедшего времени действительного залога, при этом связка подразумевается: на *mām kaścid dṛṣṭāvān* 'никто не (у)видел меня'. В классическом языке это обычный способ выражения, являющийся альтернативой к употреблению прошедших времен, в добавление к страдательной конструкции" (Барроу, 1976, с. 345). Близки к этому, как нам представляется, следующие две конструкции в английском языке: *he has it done* 'он имеет это сделан-

ным', 'у него это сделано' и he has done it 'он это сделал' (Маслов, 1983).

Другой причиной залоговой недифференцированности шугнанских основ прош. времени могла быть контаминация древнеиранских пассивных причастий на *-tā-, *-tī- (или *-tuā-) с нейтральными в залоговом и во временном отношениях причастиями аориста на *-a(n)t- м.р., *-atī- ж.р. (ср. ав. vaṇhent- м.р., vaṇhentī- ж.р. 'победивший'). Так, например, др.-ир. *pač-ata- м./ср. р. (др.-инд. pac-ata- 'сваренный, сваренное' (пассивное причастие прош. вр. на *-ata-) и др.-ир. *pač-atī- ж.р. 'сваренная, сварившая' (причастие аориста) со временем вполне могли контаминироваться (ср. вах. pəc-et-k причастие прош. вр. 'сваренный, сваривший').

Заслуживает также внимания предположение М.Н.Боголюбова о переходе пассивного значения глагола к активному через возвратное значение, т.е. 'сделанное' - 'сделалось' - 'сделал' (Боголюбов, 1982).

Наконец, не следует сбрасывать со счетов и возможность изначального совмещения активного и пассивного значений в ряде древнеиранских причастий прош. времени на *-tā-, *-tuā-. Вот что пишет Т.Барроу по этому поводу: 'Как и в других случаях, специфическая функция этого суффикса не была свойственна ему с самого начала, а была воспринята им постепенно. Исходное значение, например, слова klutō-, как и любой другой формы прилагательного того же типа, не более чем 'связанный со слушанием, имеющий отношение к слушанию'. В греческом языке специализация значения не пошла так далеко, и наряду с пассивным значением мы часто встречаем и активное: δυνατός 'возможный' и 'способный', δυνατός 'понятный' и 'понятливый' и т.д. В санскрите активное значение видно в слове sūtā- 'возница' ('погонщик', т.е. тот, кто связан с *sū-t- (букв. 'погоняние'), от sū-, sūvāti), а также в nāpitā- 'циральник' (Барроу, 1976, с. 159). Об этом говорит и др.-инд. grātas (из pra-ār-tas) 'он достиг' наряду с gatas 'он ушел' (Семереньи, 1980, с. 337).

Но наиболее вероятным нам представляется все же следующее. Историческое пассивное значение причастия прош. времени при переходном глаголе и активное значение при непереходном сохранилось в основах прош. времени всех иранских (да и вообще иранских) языков. Но в результате звуковой близости, а иногда и материального совпадения различных по происхождению двух рядов показателей лица и числа (при переходных и непереходных глаголах), употреблявшихся с современной основой прош. времени при образовании личных глагольных форм, создалось впечатление залоговой недифференцированности современных основ прош. времени (ср. ср.-перс. raft ham '(я) ушедший емь' и i-m kart // kart i-m 'есть мною (// мое) сделанное' // 'сделанное есть мною (// мое)'; ср. также модель ягн. viyortam-x 'найденное мною (// мое) есть' и vutaim '(я) ставший').

Итак, подводя итог всему вышесказанному относительно основ прош. времени, можно констатировать следующее. В шугнано-рушанской группе языков нами отражены древнеиранские причастия прош. времени на *-tā-, *-tuā- или *-tī-, *-wā-, *-wī- и на *-kā- // *-āā-. Все основы прош. времени первичного образования сохранили следы исторической оппозиции по роду (муж., ср., жен.), по числу (ед., дв., мн.) и, возможно, по падежу.

8.10. Исторически производной от основы прош. времени является краткая форма причастия прош. времени, не осмысляющаяся в настоящее время говорящими как причастие и выступающая как своего рода основа для образования глагольной формы перфекта. Признаком этой так называемой перфектной основы

сравнительно с основой прош. времени является конечная аффриката -ǰ (после звонкого согласного или гласного) или -č (в основном после глухого согласного) для муж. рода и аффриката -ǰ (после звонкого согласного) или -c (после глухого согласного или гласного) для жен. рода. Исходные согласные основы прош. времени -d, -t при образовании перфектной основы, как правило, либо выпадают, либо спонантизируются. Примеры: осн. прош. вр. vüst- - осн. перф. vüšč- 'связывать'; dda- - dđđǰ 'давать'; tūyd- м.р. - tūyǰ-, tōyd- ж.р., мн. ч. - tic ж.р., мн.ч., tōyǰ мн.ч. 'уходить'; yat- - yačč- 'приходить'; ziduxč- м.р. - ziduxč-, zidačč- ж.р., мн.ч. - zidičс ж.р., zidačč- мн.ч. 'рвать(ся), разрывать(ся)'; švd- м.ж.р. - šdvǰ- м.р., ševǰ- ж.р., мн.ч. 'спать' и др.

У небольшого числа шугнанских глаголов с исходом основы наст. времени на -r перфектная основа образуется от другого варианта основы прош. времени, самостоятельно не употреблявшегося, например: čūd- осн. прош. вр. 'делать' < *krta- (ав. kereta- 'сделанный') - čūy-ǰ перф. основа < *krša-+-ka- (ср. ав. kaša- 'сделанный'); mūd- 'умирать' < *mrta- (ав. mereta- 'умерший, смертный') - mūy-ǰ- м.р. < *mrša-+-ka- (ср. ав. maša- 'смертный, человек'), mīy-ǰ- ж.р. того же глагола < *mršā-+-ka- (ср. ав. maša- 'смертный, человек'), mīy-ǰ- ж.р. того же глагола < *mršāh-+-ka-; yūd- 'молоть' < *arta- (ср. н.-перс. ārd 'мука', т.е. 'смоло-тое') - uyūy-ǰ- < *arša-+-ka- (ав. aša- 'смолотый'); xūd- 'кушать' < *xwta- или *xwarta- (ав. корень xvar-) - xūy-ǰ- < *xwša-+-ka- (ср. ав. xwāša- 'еда, кушанье'); zidū- 'мести, подметать' < *us-trta- - zidūy-ǰ- перф. основа < *us-trša-+-ka- (н.-е. ter- 'тереть, вытирать'); p. čīw-с- ж.р. и мн. ч. 'делать' < *krwī(-)+-čī- (ав. kar-); mīw-ǰ- 'умирать' < *mrwī(-)+-čī- (ав. mar-), х. mig-ǰ- 'умирать' < *mrkwī-+-čī- и др.

Итак, в шугнано-рушанской группе языков краткая форма причастия прош. времени (или перфектная основа) являлась отражением древнеиранского причастия прош. времени с одним из следующих сложных суффиксов: *(-tā)-kā-, *(-tī)-ka-, *(-tī)-čī, *-ša/i-+-kā- (//-čī), *(-wā)-kā-, *(-wī)-čī.

Выше уже говорилось о том, что современная перфектная основа служит для образования формы перфекта. Но в языке сохраняются субстантивировавшиеся формы этого исторического причастия, ср. ш. xičс 'сдобная булка' < *xwas-/štūā-+-čī- и ш. -xačč в run-xačč 'сдоба' < *xwas/štā-+-kā (н.-е. vāgr- 'сладкий, вкусный', др.-инд. svāda- 'вкус', ав. xvastō 'вкусно испеченный'); ш. mičс 'моча' < *mišta- (или *mištūā-)-ka- (ав. mašz-).

8.II. Перфектная основа, являющаяся исторически причастием прош. времени, служит базой для образования глагольной формы плюсквамперфекта, т.е. давно-прошедшего или преждепрошедшего времени. В этом случае она сочетается с личной формой вспомогательного глагола 'быть' в форме прош. времени. В баргантском и оршорском диалектах в качестве вспомогательного используется глагол vaw-: vud 'быть', например, б. luvǰ vud 'он(а) сказа(а), suč vud 'он ходил' - sic vad 'она ходила'. Эта глагольная форма в этих диалектах является аналитической. Основа прош. времени вспомогательного глагола является отражением древнеиранского причастия прош. времени, т.е. vud- м.р. < *būta-, a vad- ж.р. < *būtā- (ав. būtā- от bav- 'становиться').

В остальных диалектах группы в качестве вспомогательного используется глагол, являющийся рефлексом древнеиранской основы *ah-, *h- 'быть', который в настоящее время самостоятельно не употребляется (за исключением застывшей формы 3 л. ед. ч. yast 'есть, имеется'). В шугнанском и в хуфском основа

прош. времени от этого глагола имеет вид -at (ср. ш. lúvĵ-at 'он(а) сказал(а)'), а в рушанском и сарыкольском - -it (ср. р. lúvĵ-it 'он(а) сказал(а)').

Поскольку элементы -at, -it говорящими не осмысляются, то вся глагольная форма в целом с синхронной точки зрения считается синтетической. С исторической точки зрения ш.х. -at является отражением древнеиранского причастия прош. времени на *-atā- от глагола *ah-, *h- 'быть', т.е. *hatā-. А р.с. -it отражает причастие прош. времени на *-atī- или *-ita- от того же глагола, т.е. *hatī- или *hīta-. Суффикс *-ata- наряду с *-ta в причастиях прош. времени зафиксирован, как уже отмечалось выше, в древнеиндийском и авестийском, ср. др.-инд. pasata- 'сваренный, испеченный', ав. hušata- 'высохший, сухой'. Также существовал и суффикс *-atī- наряду с *-tī- и *-itā-. Менее вероятным с фонетической точки зрения было бы предположение видеть в -at и -it рефлексы исторического причастия прош. времени на *-tā-, *-tī- от глагола *ah- 'быть', т.е. *astā-, *astī-, поскольку консонантная группа *-st сохраняется в языке.

Выражение лица и числа

8.12. Лицо и число в глагольных формах выражается по-разному. В глагольных формах, образованных от основы наст. времени (настояще-будущее время и форма императива), лицо и число выражается личными окончаниями, а в глагольных формах, образованных от основы прош. времени (форма прошедшего времени, перфекта, плюсквамперфекта), лицо и число выражается особыми подвижными показателями энклитического типа.

Личные окончания

8.13. Личные окончания в диалектах следующие: а) 1 л. ед. ч. ш.рх.б.ор. -um, с.-ам; мн.ч., ш. -ām, рх. -am, б.ор.с. -an; б) 2 л. ед. ч. ш.рх.б. -i, ор.с. ноль; мн.ч. ш. -ēt, рх.б.ор. -at // -af, с.-it; в) 3 л. ед. ч. во всех диалектах -t или -d, мн. ч. ш. -ēn, рх.б.ор. -an, с.-in.

Исторически все личные окончания закономерно продолжают известные древнеиранские личные окончания, первичные или вторичные, активного или медиального залого. Исключение составляет окончание 1 л. мн.ч. б.ор.с. -an, для которого не засвидетельствованы соответствия в известных нам древнеиранских языках, а также в древнеиндийском. За пределами этих языков личное окончание 1 л. мн.ч. -an можно было бы сопоставить с хеттским личным окончанием 1 л. мн.ч. -meni (ср. х.-сакс. -mane, согд. -'umn) или скорее с хет. -weni, а также с лувийским -ēni. Исходя из этого на индоиранской почве можно предположить существование окончания 1 л. мн.ч. *-man(i), *-wan(i), а также *-manā, *-wanā по аналогии с окончанием 2 л. мн.ч. *-ta // *-tana, *-tha // *-thana (ср. др.-инд. bhāraṭha 'вы несете', vadathana 'вы говорите', bharaṭa 'несите', hantaṇa 'убейте'). В таком случае окончание 1 л. мн.ч. б.ор.с. -an можно было бы восстановить в виде *-a-w(a)nā. Для окончания с элементом -w- ср. окончание 1 л. дв.ч. ав. -va.

Что касается остальных окончаний, то они являются рефлексамы следующих древнеиранских личных окончаний: а) 1 л. ед. ч. ш.рх.б.ор. -um < *-a-ma, с.-am < *-a-ma (ав. -mī); мн.ч. ш.-ām, рх. -am < *-ā-mā (ав. -mā);

б) 2 л. ед. ч. ш.рх.б. -i < *-a-hi (ав. -hi →) о.р.с. ноль звука < *-h (ав. -h) или *-a, т.е. окончание императива (ав. -a); мн.ч. с. -it < *-ī-ta, ш. -ēt < *-ī-tām, рх.б.ор. -at < *-ā-tām (ир. *-tām дв.ч.), рх.б.ор. -af, по-видимому, из *-ā-twam (ав. -dvam); в) 3 л. ед. ч. -t/d < *-ti или *-tā; мн.ч. ш. -ēn, с. -in < *-a-nti (ав. -nti), рх.б.ор. -an < *-ā-ntām (императив, ав. -ntam). В некотором разъяснении нуждается восстанавливаемое окончание 1 л. ед.ч. *-mā (ав. -mi). Его мы реконструируем по аналогии с окончанием 3 л. ед.ч. *-ta, которое существовало наряду с окончанием *-ti и *-tu, ср. ав. asti (индикатив, акт. залог), astu (императив акт. залог) и *(a)hata (конъюнктив мед. залог) от *ah- 'быть' (см. Барроу, 1976, с. 293). Аналогично чередующиеся окончания были представлены и в 1 л. ед.ч. конъюнктива, т.е. *-āni // *-āna.

Подвижные показатели лица и числа

8.14. В отличие от личных окончаний подвижные показатели лица и числа могут присоединяться к любому (чаще, однако, к первому) члену предложения, например: ш. wāḍ-ēn lūvd-at yu nivāḥt-i 'они говорили, а он записывал'; wāz-um di śinḍw gār na-ḥud 'я не слышала подобных слов'.

Эти показатели в диалектах следующие: а) 1 л. ед.ч. ш.рх.б.ор. -um, с. -am; мн.ч. ш. -ām, рх. -am, б.ор.с. -an; б) 2 л. ед.ч. -āt; мн.ч. ш. -ēt, рх.б.ор.с. -af, б. -at; в) 3 л. ед.ч. ш.рх.б.с. -(i); мн.ч. ш. -ēn, рх.б. -an, б. -af (последний обычно при переходных глаголах), о.р.с. -af.

Показатели лица и числа в шугнанском внешне совпадают с предикативной связкой. В других диалектах есть небольшие расхождения, так, например, в рушанском показателем 2 л. мн.ч. является -af, а предикативная связка может быть -af и -at (реже). В бартангском в 3 л. мн.ч. в качестве предикативной связи употребляется только -an.

8.15. Исторический анализ показателей лица и числа показывает, что они, будучи употребленными с непереходным глаголом, являются закономерными рефлексамми личных форм глагола *ah-, *h- 'быть' в настоящем времени, причем в одном лице это может быть рефлекс индикатива, в другом - конъюнктива или опатива. Показатели 1 л. ед. числа -um, -am продолжают личную форму *ahmā. Показатель 2 л. ед. ч. -at может быть восстановлен в *hatēh, т.е. форму конъюнктива 2 л. ед. числа. Для окончания *-tāh ср. др.-инд. вторичное окончание 2 л. ед. ч. -thās (Барроу, 1976, с. 286). Показатель 3 л. ед. ч. -i отражает форму опатива 3 л. ед. ч. глагола *ah- т.е. *ahyāt. Нулевой вариант этого показателя является рефлексом формы конъюнктива активного залога *-hat (ав. aḥat) или формы опатива *hyāt.

Показатели мн. числа продолжают следующие личные формы глагола *ah-, *h- 'быть': а) 1 л. -ām < *ahmā, -an < *ahmā (от основы *anh-, ср. ав. aḥat конъюнктив 3 л. ед. ч. от *aḥh- 'быть'); б) 2 л. -ēt < *hyāta или *hīta (опатив), -af (через этап *-av, ср. вах. -ev) < *hatwām (для вах. *hatwai) конъюнктив (ср. авест. окончания -dūm и -duyō); в) 3 л. -ēn < *hanti (индикатив) или *hyānta (опатив), -an < *hantām (императив). Что касается показателя 3 л. мн. числа б.ор.с. -af, то он совпадает с показателем 2 л. мн. числа рх.б. ор.с. -af (ср. также ваханские показатели мн. числа 2-го и 3-го лица -av). Контаминация окончаний 2-го и 3-го лица для не-единственного числа, по-видимому, была не так уже невозможной. Очень близки были, например, окончания 2-го и 3-го лица дв. числа, ср. *-ḥah и *-tah (первичные),

*-там и *-tām (вторичные). Но вместе с тем можно было бы восстановить для показателя 3 л. мн.ч. -af и императивную форму *hantwa(?).

Эти же показатели лица и числа употребляются и при переходных глаголах. Но в этом случае они, как нам представляется, имеют другое происхождение, а именно: они отражают историческое сочетание древнеиранского глагола *ah-, *h- 'быть' в 3 л.ед.ч. в одном из наклонений с энклитическим местоимением, т.е.: а) ед.ч. I л. -am, -am < *ahat+mai (где *ahat форма конъюнктива акт. залога); 2 л. -at < *ahat+tai; 3 л. -i < *ahyāt+hi (где *ahyāt форма опатива акт. залога), а нулевой вариант в этом лице отражает древнеиранскую форму конъюнктива активного залога *hat + hi; б) мн.ч. I л. -ām < *ahat+ ahm̄ (твор.мн.), вариант -an < *ahat + nāh; 2 л. -ēt < *ahyāt + tai, а вариант -af < *āhat + vāh; 3 л. -ēn < *ahyāt + anāiš (твор.мн. от мест: основы *ana-), рх.б. -an < *ahat + *anāiš, а б.ор.с. -af < *ahat + āb/fiš (твор.мн. от мест. основы *ā-).

Личные формы глагола

8.16. В шугнанском, как и в других диалектах группы, представлены следующие глагольные формы: настоящее-будущее время, прошедшее время, перфект и плюсквамперфект. В сарыкольском, кроме того, имеются две сложные глагольные формы: прошедшее предположительное время и преждепрошедший перфект. К этому следует добавить еще представленную во всех диалектах форму повелительного наклонения. В отличие от именной глагольная система в языках шугнано-рушанской группы претерпела более значительные изменения сравнительно с древнеиранской. Из всех современных глагольных форм лишь две типологически продолжают древнеиранские. Это - форма повелительного наклонения и форма настоящего-будущего времени. Остальные формы представляют собой хронологически различные новообразования.

Но в шугнано-рушанской группе языков, как и в других памирских языках, сохраняется также застывшая личная глагольная форма. Это - yast 'есть, имеется'. Она может быть восстановлена в *hastam, т.е. в форму 3 л. ед.ч. императива, медиального залога от основы *hah- (редуплицированная) 'быть'. А соответствующая отрицательная форма ništ 'не есть, не имеется' отражает форму индикатива 3 л. ед.ч. активного залога того же глагола *ah- 'быть', т.е. *asti.

Возможно собственно шугнанской является и застывшая глагольная форма bēst 'стой!'. Она может быть восстановлена в *ura-histdi или в *ura-histhwa, т.е. в форму 2 л. ед.ч. императива активного или медиального залога от редуплицированной основы *his/št-, образованной от корня *st-, *stā- 'стоять' (ср. авест. основу hišt-).

8.17. Форма повелительного наклонения ед. числа во всех диалектах группы внешне совпадает с основой наст. времени, например: ш. lūv, рх.б. ор. luv, с.lev 'скажи, говори!'. Нулевая флексия в этой форме явилась результатом отпадения безударного окончания 2 л. ед. числа императива *-a, ср. ав. bāg-a 'неси!'. Во мн. числе форма повелительного наклонения совпадает с формой настоящего-будущего времени 2 л. мн. числа, например: ш. lūv-ēt, рх.б.ор. luv-at // luv-af, с.lev-it 'скажите, говорите!'.
8.18. Форма настоящего-будущего времени образуется прибавлением к основе наст. времени безударных личных окончаний, например: ед.ч. I л.

ш. lūv-um, 2 л. lūv-ī, 3 л. lūv-d; мн. ч. 1 л. ш. lūvām, 2 л. lūv-ēt, 3 л. lūv-ēn. Эта форма выражает любое непроедшее действие. Так, ш. vāgim в зависимости от контекста может означать 'принесу, принесу-ка, буду приносить'. Конкретизация значения в какой-то степени осуществляется за счет подвижных энклитических частиц, например: ш. yū-ta tīnd 'он (обязательно) уйдет'; ġī-r-ta yūd-īnd kini? 'что ты тут делаешь?'; wāz-ta ar Dušambi kb̄r kinum 'я работаю в Думанбе'; nūr-ta ġo-lu ġiniġ ōbā 'сегодня, наверное, пойдет снег'.

8.19. Как уже отмечалось выше, базой для образования всех глагольных форм, выражающих не-настоящее время, является основа прошедшего времени, развившаяся из древнеиранского причастия прошедшего времени (подробнее см. "Основы"). От этой основы, как уже говорилось, в современном мугтанском образуется вторичная основа перфекта. Путем сочетания основы прош. времени или основы перфекты с подвижными показателями лица и числа (см. выше) образуются форма прошедшего времени и форма перфекта.

Ни та, ни другая форма не являются продолжением какой-либо древнеиранской формы. В этом отношении они представляют собой новообразования. Но поскольку аналогичные формы имеются в целом ряде иранских языков, причем как современных, так и языков среднеиранского периода, то можно думать, что такого типа новообразования не так уж новы и что возникли они где-то на рубеже древнеиранского и среднеиранского периодов.

8.20. Ниже приводим спряжение глагола ш. lūv-: lūvd 'говорить' в формах прошедшего времени и перфекта.

П р о ш е д ш е е в р е м я

Ед.ч.

Мн.ч.

1 л. wūz-um lūvd

māš-ām lūvd

2 л. tú-(a)t lūvd

tamā-(ē)t lūvd

3 л. yū-(i) lūvd

wāš-ēn lūvd

П е р ф е к т

Ед.ч.

Мн.ч.

1 л. wūz-um lūvġ

māš-ām lūvġ

2 л. tú-(a)t lūvġ

tamā-(ē)t lūvġ

3 л. yū-(i) lūvġ

wāš-ēn lūvd

Форма прошедшего времени выражает прошедшее действие независимо от его длительности и кратности. Так, например, ш. wūz-um sut может означать 'я пошел', 'я шел', 'я (с)ходил'. Кроме того, форма прошедшего времени в условно-временных придаточных предложениях может выражать будущее совершенное действие, например: vġgā-ri dī tu virōd yat, tu nāw! 'когда вечером придет твой брат, ты заплачешь!'

Форма перфекта употребляется при выражении результата действия, имевшего место в прошлом, а также при передаче информации с чужих слов или при логическом заключении о действии, например: vūšġ na vūšġ yī rētġš vūšġ, wī-nā-ēn dū rus vāšġ-at yī rāzġn vic 'было ли не было, был один царь, у него было два сына и одна дочь'; lūvd-um gimūn tġyġ-ēn wāš 'я подумал: должно быть, они ушли'.

8.21. Что касается формы плюсквамперфекта, то, как уже отмечалось, в шугнанском, рушанско-хуфском и сарникольском диалектах она с синхронной точки зрения является простой, поскольку она образуется путем сочетания перфектной основы, осложненной элементом ш.х. -at, р.с. -it, с подвижным показателем лица и числа.

В бартангском и орошорском диалектах форма плюсквамперфекта образуется аналитически, т.е. путем сочетания перфектной основы смыслового глагола с вспомогательным глаголом *vaw-: vud* 'быть' в форме прошедшего времени.

Приводим спряжение глагола ш. *lūv-: lūvd* и б. *luv-: luvd* 'говорить' в этой форме.

• П л ю с к в а м п е р ф е к т

Шугнанский вариант

Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. <i>wúz-um lūvʃat</i>	<i>māš-əm lūvʃat</i>
2 л. <i>tú-(a)t lūvʃat</i>	<i>tamā-(ə)t lūvʃat</i>
3 л. <i>yú-(i) lūvʃat</i>	<i>wāš-ən lūvʃat</i>

Бартангский вариант

Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. <i>áz-um luvʃ vud</i>	<i>māš-an luvʃ vud</i>
2 л. <i>tū-t luvʃ vud</i>	<i>tamāš-af luvʃ vud</i>
3 л. <i>yā-(i) luvʃ vud</i>	<i>wāš-an luvʃ vud</i>

Форма плюсквамперфекта используется для выражения действия, имевшего место давно или ранее какого-то другого действия. В условном предложении эта форма употребляется для выражения ирреального действия. Примеры: ш. *yú(-yi) rarwōs tūyʃat*, б. *yā(-yi) rarwōs tūyʃ vud* 'он уехал в прошлом году'; ш. *wām-ard fōraḥ sa vūšʃat*, *yā yaʃʃat* 'если бы она захотела, она бы пришла'.

8.22. Как уже отмечалось, в рушанско-хуфском и бартангском диалектах переходные глаголы во всех прошедших временах имеют и другой тип спряжения, наиболее характерный для них. Местоименное подлежащее при этом типе спряжения может употребляться в косвенной падежной форме, причем в рушанском и хуфском в отличие от бартангского в этом случае глагол, как правило, не спрягается и показатель лица и числа отсутствует, а в бартангском в этом случае показатель лица и числа присутствует, причем в 3-м лице мн. числа употребляется показатель переходного глагола -af (а не -an). Приводим спряжение глагола р.с. б. *luv-: luvd* 'говорить' в форме прошедшего времени.

Спряжение переходного глагола в прошедшем времени

Рушанско-хуфский вариант

Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. <i>mu luvd</i>	<i>māš luvd</i>
2 л. <i>tā luvd</i>	<i>tamā luvd</i>
3 л. <i>way luvd</i>	<i>uf luvd</i>

	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л.	mūn-um luvd	māš-an luvd
2 л.	tā-(a)t luvd	tamāš-af luvd
3 л.	wī-yi luvd	úf-af luvd

8.23. В сарыкольском помимо отмеченных выше глагольных форм представлены еще две сложные глагольные формы: прошедшее предположительное время и преждепрошедший перфект. Обе эти формы образуются сочетанием перфектной основы смыслового глагола с вспомогательным глаголом *vēw-*: *vid* 'быть' либо в форме настоящего-будущего времени (для первой формы), либо в форме перфекта (для второй формы), например: *уи халг мөүҗ вид* 'этот человек, должно быть, умер'; *мāš-an керек-ан wi а-хынг-ан саҗс vedҗ* 'доски для моста мы еще раньше утащили'. Эти формы являются сравнительно поздними образованиями.

8.24. Наиболее четким и последовательным для современной глагольной системы в целом является противоположение форм во временном аспекте. О категории наклонения можно говорить лишь постольку, поскольку существует различие в употреблении частиц отрицания при глагольных формах (в положительных формах в этих случаях различие внешне ничем не поддерживается). Так, частица *na* (ав. *nāit*, др.-перс. *naiy*) указывает на изъявительный характер действия или состояния, а частица ш.рх.б.ор. *mā*, с. *mo* (ав., др.-перс. *mā*) употребляется при выражении таких оттенков неизъявительности, как: повеление (прямое или косвенное), желание, долженствование, необходимость, предосторожность и т.п. Например, ш. *na lūd* означает '(он) не говорит' или 'он не скажет', а ш. *mā lūd* может означать 'пусть он не говорит', 'чтобы он не сказал', 'как бы он не сказал' и т.д.

Сарыкольский в отличие от других диалектов сохраняет такую унаследованную от прошлого черту, как подвижность во фразе глагольной частицы отрицания, например: *nā-yik sedҗ vēw, ta dil* 'если ты не доволен, то как хочешь'; *мо мы барго саҗт, хид!* 'как бы она не украда да не съела моего ягненка!'.
8.25. Категории вида в том смысле, как она понимается, например, в русском языке, в диалектах нет. Такие видовые оттенки, как длительность, многократность, передаются факультативными частицами, а результативность, законченность действия - формой перфекта.

8.26. Новообразованием является описательная форма страдательного залога или так называемая пассивная форма. Она образуется сочетанием перфектной основы, осложненной суффиксом *-ak*, с вспомогательным глаголом ш. *sāw-*: *sut* 'становиться, делаться, отправляться' в личной форме, например: ш. *уи qulf wiḫōjak na-sā* 'замок не открывается'; *māš-and-ta šadēn mizjak sāwēn* 'у нас будут построены дома'.

Неличные формы глагола

И н ф и н и т и в

8.27. Инфинитив в памирских языках одновременно является и именем действия. Шугнанский инфинитив образуется от основы наст. времени путем прибавления одного из следующих суффиксов: *-t/d*, *-t/dōw* (с. *-t/dēw*, *-t/daw*), *-iz*, *реже - dōw* (с. *-dōw*, *-aw*), с. *-и*. Большинство шугнанских глаголов имеет три

варианта инфинитива, например: čint // čintōw // činiz 'копать, копание', nivišt // nivištōw // nivišiz 'писать, писание'.

С исторической точки зрения инфинитив на -t/d у большинства глаголов продолжает древнеиранское имя действия на *-ti// *tai (ср. ав. stātē 'стоять'), например: nivišt 'писать' < *ni-pišti (ав. paēs-), vīst 'связывать' < *basti (ав. band-, tīd 'уходить' < *tak/xti (ав. tak-), vid 'быть' < *būti (ав. bav-, но ср. инф. buye), čint 'копать' < *kanti (ав. kan-), sit/d 'отправляться, идти, становиться' < *sūti (ав. š(y)av-, инф. šūiti).

Но шугнанский инфинитив на -t/d может продолжать не только исторические имя действия на *-ti, но и имя действия на *-tā (ср. ав. parētā инф. 'спрашивать' наряду с parētay 'опрос' от корня fras-, pars-) и *-tum (ср. др.-инд. kártum 'делать'), например: ш. yat 'приходить' < *yātā (ав. yat-), tārt 'убирать, расчищать' < *tartā или *trtā (и.-е. ter- 'тереть'), rēd 'оставаться' < *rītā (и.-е. lē(i)- 'оставаться'), lūvd 'говорить' < *l-raptum (и.-е. ler-, др.-инд. lar- 'говорить').

Некоторые шугнанские глаголы сохранили рефлексы всех трех вышеуказанных типов древнеиранского имени действия. Так, например, глагол ĩkafc-: ĩkufst 'расцветать, распускаться' (и.-е. (s)kēp-, (s)kēb(h)- в н.-перс. ĩkōftān 'расцветать') имеет следующие варианты краткого инфинитива (т.е. инфинитива на -t): ĩkift < *ĩkap/fti, ĩkafst < *ĩkap/ftā и ĩkufst < *ĩkap/ftum (т.е. вин ед. от основы на *-tu-).

Все шугнанские глаголы имеют и другую, так называемую полную, форму инфинитива на -t/dōw, например: nivištōw 'писать', vīstōw 'связывать', wizēd-tōw 'знать', tīdōw 'уходить', vidōw 'быть', sit/dōw 'отправляться, идти, становиться' и др. Исторически суффикс -t/dōw отражает форму вин. падежа ед. числа конечного элемента основы древнего инфинитива, т.е. *-tawam (ср. др.-инд. инф. на -tava в дат. падеже kártavai 'делать', dātavai 'давать'). Шугнанскому суффиксу инфинитива -t/dōw в сарыкольском соответствуют два говорных суффикса: -t/daw и -t/dēw, например: navištaw, navištēw 'писать', tidaw, tidēw 'уходить' и др. Исторически эти суффиксы отражают формы отложительно-го и дательного-местного падежей конечного элемента основы древнего инфинитива на *-tawā-, т.е. -t/daw < *-tawāt, а -t/dēw < *-tawāi (дат.) или *-tawai (местн.). Кроме языков шугнано-руманской группы аналогичного типа инфинитив остаточно сохраняется в ваханском языке, ср., ĩdōw(n) 'убивать', rēd/dōw(n) 'давать'.

8.28. Большинство шугнанских глаголов имеют также инфинитив на -iz, например: nivišiz 'писать', čaniz 'копать', šāndiz 'смеяться', ĩčūiz 'читать, учиться'. Этот инфинитив может сочетаться в вспомогательном глаголом kin-: čūd 'делать', образуя ту или иную глагольную форму, например: tu-ta rōst lūvi-yō, šāndiz kini? 'ты правду говоришь или смеешься?'; tu-yat tām nivišiz čūd 'ты ведь тогда еще записал'. Основа вспомогательного глагола может выпадать, и таким образом инфинитив сочетается только с личным окончанием, например: māš dūziz kinām // māš dūziz-ām 'мн дойм'; wuz ĩčūiz kinum // wuz ĩčūiz-um 'я читаю'.

Исторически суффикс -iz может быть восстановлен в *-īšī-. В других памирских языках ему соответствуют: язг. -aǰ < *-ākā-, ишк. wū/uk < *-aka-, вах. -ak < *aākā-, -uk- < *-aka-. Этот суффикс отмечен также и в других иранских языках, ср., например; ягн. vuak 'быть', пашай karTk 'делать', ормури

par-gbnyek 'покрывать', дари rawāj 'хождение' и др. Анализ этого имени действия с точки зрения умлаута говорит о том, что это образование является сравнительно поздним.

Во всех диалектах, кроме шугнанского, глаголы с исходом основы настоящего времени на -г или -п (· < *-gn-) имеют инфинитив с суффиксом -gōw, например: рх. čī-gōw 'делать', xī-gōw 'кушать' и др. Исторически этот суффикс по аналогии с суффиксом -tōw можно было бы восстановить в *-kāwa(m), ср. м. liš-ko(w) 'видеть'.

В шугнанском и рушанском сохраняется исторический инфинитив на *-ai (флексия дат.ед.), ср. ш. čī, р. čī 'делать' < *kraī (ср. ав. инф. от корня baw- - buye 'быть').

8.29. В сарыкольском зафиксировано также имя действия на -ын < *-ana-, ср. с. warv-ын 'кипение'. В авестийском языке этому суффиксу соответствует (ə)na-, например, ав. xvarəna 'еда, питье', uas-na 'моление'. Ср. также др.-инд. -ana- в aśana- 'еда', rāsana- 'варка, приготовление пищи'. Очень широко этот суффикс инфинитива представлен в веханском, ср. tuk-n 'идти', rñu-n 'пасты (скот)'. Этот же элемент *-ana- содержится в сложном суффиксе инфинитива на *-tana- или *-tanai, ср. вах. pi-tn 'пить', (y)i-tn 'есть'. Суффикс *-tana(i)- является одним из самых распространенных суффиксов инфинитива в персидском, таджикском и других иранских языках, ср. н.-перс. kārdān 'делать' < *kar-tanai (др.-перс. čartanaiy 'делать').

Причастие

В шугнанском имеются несколько причастий настоящего времени и два причастия прошедшего времени.

8.30. Из причастий наст. времени два образуются от основы наст. времени. Это причастие на -iĵ и баджувская форма на -In (м.р.), -ān (ж.р.), например: niṽiṽ-iĵ 'пишущий, писатель', wāy-In (м.р.), wāy-ān (ж.р.) 'плаксивый'. Два других причастия образуются от формы инфинитива на -t/a (или краткой формы инфинитива). Это причастия настоящее-будущего времени со значением намерения на -mēĵ (р. -miĵ), -minēĵ и остаточное сохраняющееся значение наст. времени на -čōz, например: tīd-mēĵ // tīd-minēĵ, с.tīd-mayĵ, р.tay-miĵ 'собирающийся отправиться', wižēn(t)-čōz, с.wazond-(i)čuz 'знающий, знаток'. Последний тип причастия очень широко представлен в сарыкольском языке.

Исторически эти суффиксальные элементы могут иметь следующие соответствия. Суффикс -iĵ < *-ika- (ср. ав. rač-ika- 'пекущий, варящий'), суффикс -In (м.р.) < *-anya- (ср. ав. zaraṇya- 'золотой'), -ān (ж.р.) < *-ānā- (ср.др.*zaraṇa- 'золотой', Bartholomae, 1904, стр. 1683). Что касается элементов -mēĵ (с. -mayĵ) и -min-ēĵ, то они представляют собой рефлексы древнеиранских причастий наст. времени *mai-ka- и *mīna- + суф. 'думающий, намеревающийся' от корня *mai-, *main- // *mīn- 'думать, намереваться' (и.-е. mei-no- 'мнение', нем. meinen 'думать'). Суффиксальный элемент ш. -čōz, с. -(i)čuz является рефлексом древнеиранского причастия настоящего времени *kāza- 'могущий, способный к...' от корня *kāz-, *kāš- 'мочь, быть в состоянии, быть способным (ср. и.-е. kak-, *kak-, *kağ(h)- 'мочь, быть способным', др.-инд. śāka- 'могущий, способный на что-либо', ав. sačaiti 'знает толк в ..., вах. -kāz-g, ишк.-kāz, ос. aqaz- 'помощь'). Таким образом, ш. tīd-mēĵ // tīd-min-ēĵ могло бы быть восстановлено в *takti-+maik+ka-

*takti-+-mīna+суф. 'думающий, намеревающийся отправиться', а ш. wizēn(t)-
čōz < *awa-zanti-+-kāza- со значением 'способный к знанию, знающий, знаток'.

8.31. Из причастий прош. времени наиболее древним является причастие на
-t/d, продолжающее историческое пассивное причастие прош. времени на *-tā-,
*-tuā-, *-tī-. В современном языке оно отмечено только с частицей отрицания
no-, например: no-nivīšt 'не написанное', no-čīd 'не сделанное', no-figārt
'не созревший' и т.д. Пример во фразе: māy zimc yai no-čīd 'наше поле еще не
сжато'.

Наиболее распространенным причастием прош. времени является причастие,
образующееся от перфектной основы прибавлением суффикса -in (рх.б.ор. -In,
с. -enĭ). Это причастие нейтрально в залоговом отношении. Примеры: nivīšč-in
'написанный, написавший, запись', anĭuvĭ-in 'захваченный, захвативший',
rēxč-in 'сваренный, сварившийся', tĭyĭ-in м.р., tĭc-in ж.р. 'ушедший' и др.
Исторически суффикс -in отражает др.-ир. *-anuā- (см. выше).

8.32. От перфектной основы прибавлением суффикса -ak образуется еще одно
причастие прошедшего времени, которое в настоящее время не является столь
продуктивным. Оно используется в основном при образовании формы страдатель-
ного залога, например: yu qulf wixīdĭak na vūd 'замок не открывается' (букв.
'замок не становится открытым'); wi awōz ĭudĭak sut 'послышался его голос'
(букв. 'его голос услышанным стал'). От некоторых глаголов эта форма как бы
субстантивировалась, ср., напр.: ĭaqč-ak 'сжатый, сдвинутый', ziyūxč-ak 'за-
сохшие (ветви), сушняк', rīdāfc-ak 'заразный' (букв. прилипший), vūnc-(ak)
'смех'.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОРФОЛОГИИ ПАМИРСКИХ ЯЗЫКОВ

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОРФОЛОГИИ ПАМИРСКИХ ЯЗЫКОВ

Имя

1.0. Общие замечания. Сравнивая древнеиранскую именную систему с современной памирской, мы можем сказать, что древнеиранская флективная именная система в памирских языках перестроилась в аналитическую. В большинстве памирских языков утраченной оказалась категория рода. Следы ее сохраняются лишь в языках шугнано-рушанской группы. В мунджанском языке, хотя и существует категория рода, но она является вторичной. Числовая оппозиция (единственное число - множественное число) хотя и имеется в памирских языках, но она не продолжает древнеиранскую числовую оппозицию. Имя в ед. числе совпадает с основой. А во мн. числе на смену древнеиранской флексии пришли аналитические показатели мн. числа, развившиеся из древнеиранских именных основ с собирательным значением. Древнеиранская шестипадежная флексия полностью утрачена. Падежные отношения в памирских языках выражаются различными аффиксальными служебными элементами, в большей или меньшей степени утратившими именное значение.

Среди именных частей речи больше всего следов флективности сохранили местоимения, особенно личные и указательные. Во всех памирских языках у этих местоимений различаются две падежные формы: прямая и косвенная. А в ишкашимском и ваханском языках сохранились три падежные формы.

Но исторический анализ имени памирских языков с учетом умлаута показал, что аналитизм именной системы памирских языков является чисто внешним. Древнеиранская именная флексия оставила свой след в корневом гласном имен. Благодаря этой вокалической инфлексии могут быть восстановлены именные основы муж./ср. и жен. родов, а также числовые и почти все падежные формы. Особенно полно сохранилась в памирских языках система личных и указательных местоимений. В числительных па-

мирских языков также нашли отражение многие древнеиранские флективные формы и ряд основ, сохранившихся из всех современных иранских языков только в памирских. Словом, древнеиранская внешняя флексия преобразовалась в современную вокалическую инфлексию, которая на синхронном уровне может быть выявлена только благодаря историческому анализу.

Имя существительное

И. I. Основы. С синхронной точки зрения основы имен существительных можно разделить на неосложненные основы и основы, включающие в себя тот или иной аффиксальный элемент. К неосложненным основам можно отнести: ш. *pus*, язг. *pos*, м. *pur*, вах. *petr*, ишк. *zav* 'сын'. Из словообразующих суффиксов наиболее распространенными являются различно вокализованные элементы *-k*, *-g*, *-y*, их палатализованные варианты *-k'/č'*, *-g'/j'* и развившиеся из них поздние суффиксы *-c*, *-z* (последние — кроме мунджанского), в мунджанском также — различно вокализованный элемент *-y*, например: ш. *čur-ík*, ишк. *múl-úk* 'мужчина', язг. *par-ák* 'ребро', м. *zár-ika* 'старуха', м. *wér-ey*, ишк. *wúr-úk* 'ягненок', ш. *zin-čč*, язг. *z(ə)n-ec*, ишк. *úzn-úk*, м. *íziyo*, *azyo* 'турсук, козий мех для плавания, бурдук'.

Невокализованные варианты этих суффиксов относятся к более раннему синхронному срезу и в настоящее время уже не осмыслиются говорящими как суффиксы, например: ш. *púr-g*, язг. *pur-g*, м. *pur-y*, ишк. *púr-k*, вах. *pur-k* 'мышь'; ш. *pá-z*, язг. *pe-j*, м. *fás-k-*, ишк. *ní-c* 'нос'; язг. *keb-j-*, м. *kafč-*, ишк. *koč-č'*, вах. *kar-č'* 'ложка'.

Во всех памирских языках встречаются основы, содержащие несколько суффиксальных наращений, например: ш. *si-z-ak* 'заколка', язг. *žə/in-j-ag*, ишк. *užin-j-ok* 'женщина', м. *zəp-g-iyə* 'мальчик', 'юноша', вах. *vi-c-ok* 'булавка'. Историческими соответствиями для отмеченных выше суффиксальных элементов являются: *-k* < **-ka-* (ср. ав. *huš-ka-* 'сухой', ад-ка // аҭ-ка- 'верхняя одежда'), *-g* < **-ga-* (ср. др.-инд. *śtāga-* 'рог', *vamśaga-* 'бык'), *-y* < **-ya-* (ср. др.-инд. *dīrghá-*, ав. *darəg/yā-* 'длинный'), *-k'/č'* < **-ka-*; **-č'i-*, *-c/z* < **-č'/-j'i-* (ср. ав. *vū-č'i-* 'иголка'), *-y* < **-iyā-* (ср. др.-инд. *pārvatīya-* 'горный').

Неосложненные с синхронной точки зрения имена исторически по своему составу могут быть разделены на: 1) неосложненные именные основы, продолжавшие ту или иную историческую основу, например, ш. *nibəs*, язг. *paβes*, м. *paβes*, ишк. *pəvəβ*, вах. *pəβs(n)* 'внук' — < **parāt-(ə)a/i-* (ав. *parāt-*); 2) основы с суффиксальным наращением, которое в настоящее время уже не осмыслиется как таковое, например, ш. *púr-k*, язг. *pur-g*, м. *pur-y*, ишк. *púr-k*, вах. *pur-k* 'мышь' — < **pūrə/i-+k/g+yə-* (ср. и.-э. *pōu-*, *pō(u)-go-* 'маленькое животное'); 3) именные основы с несмысливающимся в настоящее время префиксальным наращением,

например, ш. a-bIn, язг. a-ban 'жена многоженца' < *ha(m)-pa^hni/I- (ав. pa^hni- 'госпожа'), ишк. am-bo^h то же < *ha(m)ba^h; 4) именны основы, представляющие собой исторически редуцированную основу, например, ш. yi-^hir, м. žə-^hu/brg/^hy, ишк. žo-^har вах. žə-^har 'зоб (нарост на шее)' - < *g/yr-g/ya^h/I- (ср. и.-е. gel- в др.-инд. gūlma- 'нарост', греч. редуцированная основа γαγγλίον 'нарост'); 5) именны основы, представляющие собой исторически сложное слово, например, ш. far-yēm-с 'телка двух-трех лет, первородка', язг. fer-yem-č 'двухгодовалая коза, первородка', м. f(ə)ra-^hom-əy 'козленок (букв. 'новорожденный'), 'коза двух лет, первородка', вах. ruyūm 'первотелая корова' - < *farwā- // *frawā- (и.-е. prō-^ho- в др.-перс. pa^hiva-, ав. pa^hurva- 'первый') плюс *g/yā^h/I- (и.-е. g^ha-, g^hem- 'появляться на свет, рождаться', алб. pre-gjim 'праздник по случаю первородства', ав. ni-^hāma- '(ново)рожденный') плюс вторичный словообразующий суффикс (кроме ваханского).

Анализ производных именных основ с учетом умлаута показал, что в большинстве случаев деривативный аффиксальный (чаще - суффиксальный) элемент является вторичным по происхождению. Неосложненная же часть именных основ в большинстве случаев представляет собой рефлекс той или иной исторической основы. Конечный безударный элемент древнеиранских суффиксов именных основ, отпав в процессе развития языка, оказал фонетическое влияние на качество корневого гласного основы. В результате корневой гласный современной основы оказался своего рода показателем того типа исторической основы, к которой восходит современная основа. Фонетические закономерности, наблюдающиеся при этом, вкратце можно было бы сформулировать следующим образом: 1) историческая позиция а/и-умлаута (или нейтральная позиция) оказывала консервирующее влияние на развитие древнеиранских гласных переднего и заднего рядов, а также дифтонгов; незначительное изменение качества гласного в некоторых языках шло по линии передвижения к смешанному ряду; но на развитие др.-ир. *ā, *a эта позиция оказывала сильное влияние, отодвигая их в задний ряд и постепенно сужая до верхнего подъема; 2) историческая позиция ā-умлаута оказывала консервирующее влияние на развитие др.-ир. *ā, *a, но постепенно расширяла гласные переднего и заднего рядов до нижнего подъема и продвигала их к смешанному ряду; 3) историческая позиция i-умлаута продвигала в передний ряд все гласные непереднего образования, а др.-ир. *ā, *a - к тому же и сужала; 4) влияние исторической позиции на развитие др.-ир. *ī, а также тех др.-ир. *ā, *a, которые отвечают инд.-ир. *ī, *ī̄, *ī̄̄, аналогично ее влиянию на др.-ир. *ā.

Исходя из этого, мы можем констатировать, что в памирских языках нашли отражение следующие типы древнеиранских именных основ:

I) основы на *ā- (или *-ā- + согласный) ж.р., например: ш. yas 'девушка, девочка' < *g/yātā-+-čī-, т.е. 'рожденная' (ср. и.-е.

g^uem- 'появляться на свет, рождаться'); язг. -janj в weх-a-janj 'муж и жена' < *g/jānā-+kā- (и.-е. g^uēnā-, ав. genā-); ишк. vaγd, вах. vāγd 'нечистая сила, злой дух' < *bak(ā)tā- (ав. baxta-); ш. язг. vaz 'роза' < *būzā- (ав. būzā-); м. raf- в rafika, язг. raf-с 'веник, метла' < *rūfā- + суф. (и.-е. reu-, rū- в ш. rūb- мести, ишк. ref 'метла'); ишк., вах. rašt 'рассвет' < *rūštā- (и.-е. leuk/k-, ав. гарк- 'светить, светать'); ш. маў 'овца', санг. maš-k 'мешок из овечьей шкуры' < *maiša- (ав. maēša-); м. уауо, ишк. уāt-ik 'мост' < *hait(w)ā- (ав. haētu-, ш. yīd); язг. zənaγ 'снег' < *snaig/γa- (ав. snaēža-, ш. žinišj);

2) основы на *-а- (или *-а- + согласный) м./ср.р., например: ш. v(i)gōd, м. v(ə)roγ, ишк. v(ь)ru, вах. v(ə)gāt 'брат' - < *brātā-; язг. miš 'горох, фасоль' < *maša- (др.-инд. maṣa-, ш. maš); ш. pōd 'нога', язг. pūd 'след', ишк. pu(d), вах. pūd 'нога' - < *pād/da- (ав. pād-, pāda-; ср. язг. ped 'нога'); язг. ōom, м. ləm, ишк. dymb, вах. dymb 'хвост' - < *d/ōuma- (ав. duma-);

3) основы на *-ī-, *-yā- (или *-ī-, *-yā- + согласный), например: ш. wād, м. wel-a 'арык, канал' - < *wād/dī- (ав. vaidī-, ср. язг. wād, вах. wād/d); ш. nā-z, язг. ne-š, ишк. ni-с 'нос' - < *nāhī- + суф. (др.-инд. nāṣya-, nāṣikā-, ав. nāh-, nāḥhan-); ш. wixin, м. yīn-a, ишк. wen, вах. wixen 'кровь' - < *waxuni-(ш.), *wahuni-(м., ишк.), *wa(k)šuni- (вах.) (ав. vohuni-, ср. язг. x°an 'кровь'); р. rūd, язг. red, м. ruγ-əγ, ишк. rēč-ьk 'кишка, -й' - < *rātī-, ишк. *rōtī- (и.-е. reuto-, rut-, ср.-перс. rōt).

Как можно видеть, в древнеиранском существовало варьирование основ с одним и тем же значением. Это нашло отражение в памирских языках, точнее - в корневых гласных именных основах.

1.2. Р о д. Из всех памирских языков грамматический род (мужской и женский) представлен только в шугнано-рушанской группе языков и в мунджанском языке. Как показало исследование, в этих языках следует различать первичную родовую оппозицию, отражающую древнеиранскую, и вторичную родовую оппозицию, развившуюся позже.

Следы исторической родовой оппозиции (м./ср. род - ж.р.) сохраняются во всех памирских языках. Это находит выражение, во-первых, в противопоставлении немногочисленных родовых пар, а, во-вторых, в чередовании корневого гласного одной и той же именной основы. В той мере, в какой могут быть определены прототипы именных основ памирских языков, в этой же мере могут быть определены и родовые прототипы (см. "Основы").

Таким образом, в историческом прошлом все памирские языки различали два грамматических рода: мужской/средний и женский. Древнеиранские именные основы среднего рода явились тем классом основ, за счет которого пополнялся в дальнейшем как класс основ муж. рода, так и класс основ жен. рода.

1.3. Ч и с л о. Числовая система является общей для всех памирских языков и сильно отличается от древнеиранской. Как известно, в древнеиранском было три числа: ед., дв. и мн. Число выражалось флективными показателями. В памирских языках различаются два числа: ед. и мн. Имя в ед. числе совпадает с основой. Форма мн. числа образуется прибавлением к именной основе одного из многочисленных показателей аналитического типа. Но благодаря умлауту в памирских языках можно обнаружить следы исторического мн. и дв. чисел (см. дальше).

В основе большинства современных суффиксов мн. числа лежат следующие четыре древнеиранских элемента: 1) *ham-, *ha- в значении 'воедино, совместно, все вместе' (и.-э. *sem-, sm-, др.-инд. sam-, ав. ham-*); 2) *ab/fi-, *ab/fa- в значении 'общий, в союзе с, весь' (и.-э. *ebhi, obhi, ēri-*, др.-инд. *abhi, āpi, āpi-*, ав. *aibi, aiwi, avi, aipi*; рус. об- в общий'); 3) *hara- 'весь, все, все' (и.-э. *solo-, sol(e)uo-*, др.-инд. *sarva-*, ав. *haurva-*, др.-перс. *haruva-*, н.-перс. *har* 'каждый'); 4) *ar/lā-, *ar/lī- (и.-э. *al-* в др.-в.-н. *all* 'весь, все', гот. *ala-mans*). Все простые суффиксы мн. числа памирских языков соответствуют одному из этих элементов. Сложные суффиксы мн. числа образовались в результате различных комбинаций простых суффиксов. Характерной особенностью памирских языков является образование целых цепочек из суффиксов мн. числа.

Наибольшее распространение в памирских языках получили суффиксы мн. числа, продолжающие древнеиранский элемент *ha- с различными наращениями (*-t-, *-d-, *-v-, *-n-, *-l-, *-r-, *-y-, *-k-, *-s-, *-kv- и др.; в авестийском засвидетельствованы образования: *hāsha-* 'подобный', *hada, haṣṣrā* 'вместе с', *ha-kəret* 'один раз'). Так, например, др.-ир. *ha-nā/ī- дало следующие рефлексы суффиксов мн. числа в памирских языках: ш. -ēn, -ūn, -in- (ср. *uax-z-in-ēn* 'сестры'), язг. -en, -an, -on, м. -an, -on (редко), ишк. -ən, -on, -un (последние два редко), вах. -ūn, -īn, -ōn (все редко). Др.-ир. *ha-vā- нашла отражение в язгулямском суффиксе мн. числа -av-, а др.-ир. *ha-tā/ī- и *ha-dā/ī- — в ш. -d- (ср. *sal-ūn-d-ak-ēn* 'лестничные ступеньки'), в ш.-р. -ō в *wāō* 'они', р.б. -ad в -adas, ишк. -d (ср. *men-d* 'яблоня', *aw-ōn-d-on* 'они'), вах. -t в сложном суффиксе мн. числа -īš-t (здесь же будут относиться суффиксы мн. числа с дентальным согласным других иранских языков: ос. -ad, -t- в сложном суффиксе -āl-tā, ягн. -it (ср. *iš-t-it* 'они'), тадж. -ot (ср. *boṭ-ot* 'садн'), н.-перс. -āt (в *es(s)āt* 'осетин(н)'), курд. -ed и др.). Др.-ир. элементы *ha-k/gā-, *ha-č/ǰī- нашли отражение в таких суффиксах мн. числа, как: ш. -ak- (ср. *sal-ūn-d-ak-ēn* 'лестничные ступеньки'), ш. -ēč/ǰ (ср. *min-ēč* 'овцы'), язг. -āg/ǰ (редко), -ež-g, м. -ok/g/y- в сложном суффиксе -ok/g/y-i, ишк. -ok- в сложном суффиксе -ok-ən (редко). Рефлексы этого древнеиранского элемента собирательной множественности мы находим также и в других иранских языках: тадж. (диал.) *nor-in-g* 'гранатовые заросли', *navišta- ǰ-ot* 'записи', *pal-on-č* 'жены многоженца', ягн.

pin-on-č то же и др. Следует, однако, сказать, что невокализованный вариант суффикса -k/g, -č/ǰ, как показатель собирательной множественности, может восходить также к древнеиранскому элементу *-ka (ср. и.-е. kom-, km- 'вместе с, с').

Др.-ир. *na-yi- (и.-е. *ǵn-ī-, др.-инд. samī-) в значении собирательной множественности нашло, по-видимому, отражение в таких суффиксах мн. числа, как: ш. -у- в сложных суффиксах, м. -i (в том числе — в составе сложных суффиксов -ok-i, -an-i), ишк. (санг.) -ау.

Из непамирских языков рефлекс этого суффикса отмечен в новоперсидском (ср. rudġani 'кишки') и в белуджском.

Как можно видеть из приведенных выше примеров, довольно часто показатель мн. числа представляет собой целую цепочку суффиксов мн. числа, являющихся рефлексами либо различных вариантов одного и того же древнеиранского элемента (с различными наращениями), либо рефлексами разных древнеиранских элементов собирательной множественности.

Интересно отметить, что один из вариантов этого показателя собирательной множественности в виде др.-ир. *nana- 'весь' нашел отражение в реликтовых суффиксальных элементах собирательной множественности тадж. -um, н.-перс. -om, пуш. -a/em в таких словах как: тадж. mard-um, н.-перс. mard-om 'народ, люди' при ma/ārd 'человек' (ср. ср.-перс. маних. mrdwm 'народ', MacKenzie, 1971, с. 54); н.-перс. sārīš-om 'клейстер, желатин' при sārīš 'клей'; пуш. gor-a/em 'стадо коров, волов' при gor- в gor-vān 'волопас, пастух' (др.-инд. gaura- 'вол'). Как префиксальный элемент он нашел отражение в ларском na- в na-kes 'народ, люди' (Молчанова, 1982). А язгулямский сохранил рефлекс этого элемента только в виде послелога, выражающего совместность -ama. Самостоятельное же употребление этого элемента широко представлено в ряде иранских языков, ср. н.-перс. hāmā 'весь, все', 'тоже, также', сар. am 'также', om 'совокупность, масса чего-либо', em čaug(aw) 'соединять, объединять'. Как суффиксальный же показатель множественности он отмечен в таком иранском языке, как вершикский, ср. šaṭ-u-m 'яички (у животных)' при šaṭo то же в ед. числе (Зарубин, 1927).

Заканчивая изложение относительно рефлексов др.-ир. *na- + суф. элемент в значении собирательной множественности, хотелось бы отметить следующее. По-видимому, не следует смешивать приведенные выше памирские рефлексы др.-ир. *na-nā/ī- со среднеперсидским элементом -ān в таких сочетаниях, как magurat-ān magurat 'магов маг'. В данном случае употребление слова с элементом -ān выражающего не только мн. число, но и определенное падежное отношение в таком сопряженном виде, по-видимому, свидетельствует о том, что элемент -ān является рефлексом древнеиранской именной флексии мн. числа род. падежа *-ānām. Но не исключено, что и в этом случае мы имеем дело с рефлексом древнеиранского показателя собирательной множественности *hānā-, тем более что элемент ср.-перс. -ān в равной мере употребляется для выражения

множественности и в несопряженном виде, ср. *pitārān* 'отцы'. Первичным для этого элемента было, по-видимому, значение множественности, совокупности, а не принадлежности. Нефлективное происхождение суффиксов типа $\tilde{a}/\tilde{e}/\tilde{i}$ подтверждается, как нам представляется, и тем, что они широко употребляются и в неиранских языках, ср. верхнские суффиксы мн. числа *-eng, -ong, -ung, -ing, -ang // -hang, -anġ*, например: *awiš-in-daru* 'жены' (для *-daru* ср. ишк. *-dar- viho-dar-ġn* 'сестры' = верх. *yas-taru* 'сестры'), *ŷen-anc* 'царицы' и др.

Вторым древнеиранским элементом, рефлекс которого также достаточно широко представлен в памирских языках для выражения множественности, был, как уже отмечено, элемент $*ab/fi-$, $*ab/fā-$. Наибольшее распространение рефлекс этого элемента получили в языках шугнано-рушанской группы, в мунджанском и ваханском, меньше - в язгулямском и ишканишском. Так, др.-ир. $*ab/fi$ нашло отражение в следующих суффиксах мн. числа: ш. $-ēv$ (ср. *pōd-ēv* 'в ногах'), шахд. $-ēf$, р. $-īv$, б. $-īf$, ор. $-īf$, $-īv$, язг. $-e/iv$ (редко), вах. $-ev, -if$ (последний обычно в топонимах). Древнеиранский вариант этого элемента $*ab/fā-$ нашел отражение в: р.б. $-f$ (в *wuf*), ор. $-f$ (в *waf*), ишк. $-bv, -ov$ (в указательных местоимениях), м. $-af$. Из непамирских языков рефлекс этого элемента представлен в сложном парфянском суффиксе $-if-t$ (ср. *bag-if-t* 'боги'), а также в курдских словах *merbv/f* (прям. форма), *me/erbv/f* (косв. форма) 'люди, народ' (ед. ч. *mer* 'человек, мужчина'), *mer-ov-ti* 'человечность', *h'ġn-av* (косв. $-ev$) 'внутренности грудной клетки'. Из неиранских языков аналогичный показатель множественности представлен в верхнском, ср. *šid-iw* 'котлы' при *šidin* то же в ед. ч. (ишк. *šādan* 'котел').

В одних памирских языках этот элемент является показателем мн. числа прямой падежной формы, в других - косвенной. А в ишканишском языке рефлекс др.-ир. $*aba-$ представлен как в прямой форме (ср. *aw-ōn-d-ov // aw-ōn-d-on* 'они'), так и в косвенной (ср. *wān-bv* 'их, тех'), причем в прямой форме он чередуется с суффиксом мн. числа $-on < *hāna$. Думается, что это является очень убедительным подтверждением того, что все эти суффиксы мн. числа представляют собой рефлекс древнеиранского элемента нефлективного происхождения. Ведь до сих пор, начиная с конца прошлого столетия, все исследователи связывали происхождение этих суффиксов с древнеиранской именной флексией, т.е., например, ишк. $-on < *ānām$ флексия род. мн., а ишк. $-bv, -ov < *ābyah$ флексия дат. мн. ж.р. При этом, естественно, не учитывались фонетические закономерности, связанные с умлаутом. В то время, как, например, такие современные суффиксы мн. числа, как $-af, -ov$, никак не могут быть выведены фонетически из $*ābyah$.

Наконец, в памирских языках имеется ряд суффиксов мн. числа, представляющих собой сочетание "гласный + r/l" (плюс иногда еще один суффикс мн. числа). Выше мы уже говорили о том, что в основе подобных

суффиксов лежит древнеиранская основа *harā/ī-, // *halā/ī- 'весь, все, всё' (и.-е. solo-, др.-инд. sárva-, ав. haurva- 'весь все'). Но есть и другие возможности объяснения этих суффиксов, а именно из *harā/ī-, *halā/ī- в значении 'воедино, вместе о' (и.-е. sem-, sm-, sm-l- 'воедино, вместе с'). Поскольку в древнеиранском эти индоевропейские основы в звуковом отношении совпали, то трудно говорить о том, какой индоевропейский корень лежит в др.-ир. основе *harā/ī-, *halā/ī- в значении 'весь, все, вместе с'. Фонетически и семантически памирский суффикс мн. числа "гласный + r/l" может быть связан также с и.-е. al-, представленном в гот. alls 'весь, всё'.

Итак, др.-ир. элемент *harā/ī- // *halā/ī- или *ar/lā/ī- нашел отражение в следующих суффиксах мн. числа памирских языков: ш. -ār (ср. virōd-ār 'братья'), также в сложных суффиксах ш. -ār-ž, -ēr-ž, -ōr-ž/č, язг. -ar (ср. vrad-ār 'братья'), также в сложных суффиксах язг. -erk'/g/ž (редко), язг. -ol-, -al (редко), ишк. -ar- (ср. ixo-d-ar-īn 'сестры'), вах. -ōr-č (ср. lew-ōr-č 'речной нанос'), -ūr-g (в yed-ūr-g 'стадо яков'), также вах. -āl в wend-āl 'опорки', -ōl в čang-ōl 'когти'. Наибольшее распространение рефлекс этого древнеиранского элемента получили в языках шугнац-руманской группы. В остальных памирских языках отмечены единичные случаи употребления подобных суффиксов. Но вне пределов памирских языков рефлекс этого древнеиранского элемента, выражающие множественность, широко представлены, например, в диалектах Ирана (ср. масарми zan-ala 'женщины', gurg-ala 'волки'). Встречаются они и в диалектах таджикского языка (ср. куляб. i-go в значении in-ho 'они', Джалалов, 1956, с. 16). В составе сложного суффикса рефлекс этого элемента представлен также в ос. -āl-tā (ср. mad-āl-tā 'матери').

В шугнанском имеется еще один суффикс мн. числа -xēl, соответствующий с. -xēyl. Как и рассмотренные выше суффиксы, он представляет собой рефлекс древнеиранского элемента со значением собирательной множественности *xaila- (и.-е. kai-lo- 'весь, все').

Но в памирских языках, как уже выше было отмечено, сохраняются следы древнеиранских форм мн. и дв. чисел. Они выявляются благодаря анализу именных основ с точки зрения умлаута. О них см. дальше в связи с рассмотрением падежа.

1.4. П а д е ж. Если в древнеиранском была представлена многопадежная система имени, то в памирских языках от этой системы остались только отдельные следы. В основном же падежные отношения в памирских языках выражаются различного рода служебными элементами. В зависимости от степени грамматикализации этих служебных элементов они делятся на: 1) служебные элементы, полностью утратившие связь с именным значением и превратившиеся в аффиксы; и 2) служебные элементы, в большей или меньшей степени сохраняющие связь с именным значением (предлоги, послелоги). Служебные элементы, имеющие одно и то же происхождение, в одних языках выступают как аффиксы, в других - как

предлоги или послелоги, т.е. в данном случае налицо процесс их развития, процесс их превращения в чисто грамматические показатели.

Если установление происхождения тех служебных элементов, которые в настоящее время в памирских языках еще сохраняют связь с полнозначным словом, не вызывает особых затруднений, то установление происхождения аффиксальных служебных элементов сопряжено с немалыми трудностями. Но поскольку именно этого рода служебные элементы лежат в основе выражения падежных отношений в памирских языках, они заслуживают особого внимания.

В памирских языках нашли отражение следующие древнеиранские элементы со служебным значением, рефлекс которых играют важную роль в памирских языках:

1) древнеиранские элементы, рефлекс которых в памирских языках употребляются для выражения прямого дополнения, а также косвенного со значением исходности: а) др.-ир. *nak/čā-, *nag/γā- 'из, от' (др.-инд. vácā, ав. hačā 'из, от') или др.-ир. *azā-, *asā- (и.-е. eghs/z, *ekv- 'из, от', рус. из): ш. av, язг. ē/z(ə), м. z/āe, ишк. сь, вах. сә, также в составе местоимения I л. мн.ч. v(ə)ro-c-ən 'у нас, наш' Из непамирских языков можно указать на тадж. az, которое в диалектах употребляется при выражении прямого дополнения; б) др.-ир. *an-, *a- (из инд.-ир. *n 'из, от' в одной из падежных форм, и.-е. an, n/n- 'из, от'): язг. na-, ишк. -i (показатель прямого дополнения); вах. -əy// -ī (показатель прямого дополнения), возможно также мундшанский элемент -i; из непамирских языков сюда будет относиться тадж. (диал.) au 'из, от', могущий указывать на прямое дополнение (ср. au mən didast 'он увидел меня'); в) др.-ир. *ap/ba- 'из, от' (и.-е. apo-, др.-инд. āpa, ав. apa): м. və- показатель прямого дополнения;

2) древнеиранские элементы, рефлекс которых употребляются при указании на адресат и некоторые другие значения: а) др.-ир. *rādā/ī- 'ради, для' (др.-перс. radiy): ш. -ra(d), -ard, -rd, язг. -ra(g) (реже - при прямом дополнении), вах. -re-k, -er-k; б) др.-ир. *aba/i- 'к, для' (и.-е. ebi, ав. aibi, aiwi): ишк. -bo, ш., язг. ba-; в) др.-ир. *an, *a, *ana, *na 'к, для' (и.-е. an, anō, no, ав. ana): м. na/ə и, возможно, м. -an, -in (показатели инструментальности);

3) древнеиранские элементы, рефлекс которых употребляются при указании на принадлежность, посессивность и некоторые локативно-временные значения: а) др.-ир. *an, *a (инд.-ир. *n), *antar- в одном из падежей 'у, при' (и.-е. en, n, n(e)i, entero 'у, при, внутри'): ш. -an, -and, -nd, -(a)ndīr, -(a)ndi; язг. -i (ср. dōd-i bi 'дыма запах') и, возможно, -ən; м. -ān(м.р.), -in (ж.р.) показатели косвенной падежной формы ед. числа; ишк. -no, вах. -ən, -i // -əy показатели принадлежностного определения (ср. ишк. did-no(y) buy 'запах дыма'); б) др.-ир. *nati или *mayi 'совместно, вместе' (и.-е. me-, me-ta- 'вместе с'): язг. -me показатель принадлежности (ср. tú-me у тебя).

Таковы основные древнеиранские элементы со служебным значением и их аффиксальные рефлексы, использующиеся в памирских языках для выражения различных падежных отношений.

Но в памирских языках сохраняются также следы древнеиранских флективных форм имени. Анализ имен с учетом умлаута показывает, что в памирских языках нашли отражение почти все древнеиранские падежные формы всех трех чисел и трех родов от различных именных основ. Примеры:

	Др.-ир.		Пам.
		Ед. число	
Им.	*brātā	-	б.р. virad-, язг. v(ə)rad- 'брат'
	*hwāhā	-	ш.-р. uax 'сестра'
Род.	*kauš- или *kaus- (с последующей тематизацией)	-	ишк. кьžүк, м. кь/чу 'бик', х. кбс- в кбс-хоба
	*brauš- (с последую- щей тематизацией)	-	ш. virūy 'бровь'
	*ahuraha	-	ишк. re- в rešuzd 'солнце'
Отл.	*arədat	-	р. -wəð, язг. -wəð 'в году'
Дат.	*brātrai/*brātai	-	язг. v(ə)rad 'брат'
	*(k)šwāh(a)rai	-	язг. X°er 'подруга'
	*nām(n)ai	-	ишк. nim, язг. nəm 'имя'
Дат.- местн.	*māhai	-	ишк. -mi- в ləmik 'луна'
Твор.	*(k)šwāh(a)rā	-	язг. X°ar 'сестра'
	*zamad/tā	-	ш. zimað, язг. zəməð 'земля'
	*nārā(t)	-	ишк. nar(k) 'самец'
	*zəšvā(t)	-	ишк. zas 'сын'
Местн.	*zaini	-	язг. zin 'зима, зимой'
	*azani	-	язг. azən 'в полдень'
	*arədi	-	ш. -wəð в a-wəð 'в этом году'
	*zamai	-	ш. zim-с 'поле'
Зват.	*brātai (?)	-	язг. vle обращение к брату
	*d/ðahā	-	ш. -ða в a-ða 'эй, парень!'
	*l/rəðd/tai м.р.	-	ш. -rəð(d), -lə, язг. le обра- щение к соплеменнику
	*l/rəðd/ti ж.р.		
		Дв. число	
Им.- вин.	*rəðd/ðā м.р.	-	язг. rad-, р. rād-, м. pal-'ноги'
	*rəðd/ða м./ж.р.	-	ш. rəð 'ноги'
	*rəðd/ðai ж./ср.р.	-	язг. reð, б. rəð 'нога, ноги'
	*šəšmā м./ж.р.	-	язг. šəm, р. šəm 'глаз(а)'
	*šəšmai ж./ср.р.	-	ш. šəm, вах. šəšm 'глаз(а)'
	*dwārā м.р.	-	м. ləwar, ишк. var 'двери'

*dwāri	ср.р.	- ш. divi 'двери'
*dwara	м.р.	- ш. divu, язг. d(ə)vūr 'двери'
*sarā	м./ж.р.	- ишк. -sar в хъfsar 'себя'
*zanwi	ср.р.	- м. zin-g, язг. zen 'колени'
*(k)šušicp.р.		- ш. šuš, м. šiš // šuš, ишк. ššš 'легкие'
*(k)šuxa	м./ж.р.	- язг. šox 'легкие'

Мн. число

Им.	*put(s)rāh	- язг. pac-, ш. pac- в pac-ēn 'сн-новья'
	*brātrāh // brātāh	- язг. v(ə)rad-, б.р. virad- 'братья'
	*srd/đi ср.р.	- язг. -sid в cədašid 'три года назад'
	*ĵani ср.р. или	
	*ĵanīš ж.р.	- м. ĵin-ki 'жены'
	*rūti ср.р.	- р. rūt, язг. red, м. ruu 'кишки'
	*rōti ср.р.	- ишк. re- в reš'k 'кишки'
Зват.	*rōtiš	- ш. -rōd в a-rōd-ar обращение к соплеменникам
	*l/rōtāh	- ш. -lā в a-lā то же

Имя прилагательное

2.0.0 с н о в м. Р о д. Как известно, в древнеиранских языках прилагательные имели различные основы: основы на *-а муж./ср. рода, основы на *-ā жен. рода, основы на *-уā муж. и жен. родов и др. Памирские прилагательные не имеют каких-либо внешних показателей, ср., например, ш. zīrd, язг. zard, м. zit, ишк. zord, вах. zart 'желтый'; ш. bašānd, язг. хəb, м. ʔašəu, ишк. fri, вах. baf 'хороший'. Особенностью мунджанских прилагательных является деление их на прилагательные муж. рода и прилагательные жен. рода. Суффиксальные элементы муж. и жен. рода у них те же, что и у имен существительных, например: zit м.р. 'желтый', zita то же ж.р.; ʔašəu м.р. 'хороший', ʔaška то же ж.р. Это родовое противопоставление в мунджанском - явление сравнительно позднее.

Родовое различие у части прилагательных имеется и в языках шугнано-рушанской группы. Но это различие иного характера. Оно отражает древнеиранскую родовую оппозицию. Показателем принадлежности к тому или иному типу древнеиранской родовой основы в прилагательных шугнано-рушанской языковой группы служит корневой гласный современной основы, явившийся результатом своего рода вокалической инфлексии. Зная

фонетические закономерности шугнанского языка, связанные с умлаутом, можно восстановить историческую родовую основу любого имени прилагательного, например: ш. *kut* м.р. 'короткий', *kat* ж.р. < **kṛtā-* (ср. ав. *karēt-* 'резать'); *rūšt* м.р. 'красный' < **rūštya-*, *rōšt* ж.р. < **rōštyā-* (и.-е. *reudh-*, *rudh-so-* 'красный', ав. *raoīdita-*, х.-сакс. *rrusta-*); *xīy* м.р. 'сладкий' < **xwṛg/ya-*, *xāy* ж.р. < **xwṛg/yā-* (ср. ав. *xvarezišta-* 'наисладчайший').

В остальных памирских языках таких родовых пар единицы (ср. вах. *lar* ж.р., *lur* м.р. 'большой', язг. *waṅ* ж.р., *wūṅ* м.р. 'черный'). Но в принципе родовая основа любого прилагательного может быть восстановлена благодаря умлауту, например: язг. *xūy* 'сладкий' < **xwṛg/ya-* м.р., ишк. *xaž-* в *xaž-ūk* то же < **xwṛg/žā-* ж.р., вах. *xuž-g* то же < **xwṛg/ža-* м.р. (ср. ав. *xvarezišta-* 'наисладчайший'); язг. *zard*, вах. *zart* 'желтый' < **zartā-* ж.р., ш. *zīrd*, м. *zit* то же < **zartyā-* или **zṛtyā-* м./ж.р., ишк. *zord* то же < **zarta-* м.р. (и.-е. *ghel-*, ав. *zari-*, *zairita-*).

2.1. Ч и с л о П а д е ж. Во всех памирских языках прилагательные нейтральны в отношении числа и падежа, например: ш. *fištīr vi-rōd*, *fištīr v(i)rōdārēn*, язг. *səgag v(ə)red*, *səgag v(ə)radar*, м. *kāmdyr vroy*, *kāmdyr vroyi*, ишк. *č̣ṣṭ v(ḅ)ru*, *č̣ṣṭ v(ḅ)rudarbn*, вах. *zəqḷay vr̥št*, *zəqḷay vr̥štīšt* 'младший брат, младшие братья'.

Имя прилагательное-определение во всех памирских языках препозитивно. В язгулямском и частично в некоторых говорах ваханского языка имя прилагательное, выступающее в функции препозитивного определения, обычно принимает суффиксальный элемент *-i*, например: язг. *rūšt-i piyala* 'красная пиала', вах. *rāst-i xup* 'нижний дом'. Этот суффиксальный элемент, по-видимому, представляет собой рефлекс какого-то исторического суффикса прилагательного. Во всяком случае он не может быть рефлексом какого-либо древнеиранского флективного элемента.

2.2. С т е п е н и с р а в н е н и я. Во всех памирских языках представлены рефлексы древнеиранского суффикса сравнительной степени **-tarā/ī-*, напр.: ш. *dar-di* (б.ор. *-dōr*, с. *-der*), язг. *dar-dūr*, м. *lere-dyr*, ишк. *dir-tar*, вах. *ḅīr-ter* 'дальше'.

В некоторых памирских языках сохраняются следы исторической сравнительной степени, которая, как известно, образовывалась от корня с помощью суффикса **-yāh*, например: язг. *xī-* в *xī-dūr* 'лучше' < **kēuyah* (и.-е. *vue-*, *su-*, **kau-*, др.-инд. *su-*, ав. *hu-* 'хороший'), ш. *fiš-* 'меньший, младший' < **fišyah* (ср. и.-е. *peis-*, *pis-* 'мельчить').

Числительное

3.0. В памирских языках нашли отражение все древнеиранские количественные числительные первого десятка, причем не только их основы, но и многие флективные формы. Они следующие:

Ед. число

Им.- вин.	*aiwah ИЛИ *aiwa-	- язг. wû(g), м. уу, ишк. wûk/g 'один'
Дат.- местн.	*aiwāi м.р.	- ш. с.вах. уīw 'один'

Дв. число

Им.- вин.	*d/duwa м.р. *d/duwai // *d/duwī ср./ж.р.	- р.б. daw, с. da, язг. d/dow 'два' - ш. du, di-, с. dōw, м. lu, язг. dōw 'два'
	*aštā м.р.	- ш.-р. wašt, вах. at 'восемь'
	*aštī ж./ср.р.	- язг. ešt-, ш.-р. wišt- (в wišt-čē/šrn) 'восемь'
	*wīsatā ж.р.	- язг. wast 'двадцать'
	*wīsatī ж.р.	- вах. wīst, м. wīst 'двадцать'
Род.	*dwayah м./ср./ж.р.	- вах. buy 'два'

Мн. число

Им.	*ǃ/hrāyah м.р. t(s)rāyah м.р. *t(s)rāyi ср.р. *čat/ǃwārah м.р.	- с. arou, ишк. rūy, вах. truy 'три' - язг. cūy 'три' - язг. ci- 'три' - ш. savōr, м. č̣fur, ишк. c̣fur, вах. c̣ṿar 'четыре'
	*(k)t/ǃ/hwārah м.р.	- р. pur- в pur-nabasa 'прапрапра- внук'
	*čah/ǃwāri ср.р.	- язг. čer, м. č̣fir 'четыре'
	*rank/čāh м./ж.р.	- язг. ranǃ-, вах. rānz 'пять'
	*(k/x)šwašah м./ж.р.	- ш. хōǃ, язг. ǃu(w), ишк. ǃūl 'шесть'
	*xwašī ср.р.	- с. xel 'шесть'
	*(k)šwašī ср.р.	- ш.-р. ǃi- 'шесть' (в ǃi-č̣ern)
	*nawāh м./ж.р.	- р.б.м. naw, вах. nāw 'девять'
	*d/šasāh м./ж.р.	- вах. šas 'десять'
Род.	*ǃ/hrāyām м./ж.р. *čah/ǃwārām м./ж.р. *ukšām м./ж.р.	- ш.-р. aǃāy, м. hiray 'три' - язг. čar- 'четыре' - м. oxš- 'шесть'
Твор.	*rank/čāiš м./ср.р. *nawāiš м./ср.р. *d/šasāiš м./ср.р.	- ш.-р. rǃnz, язг. renǃ 'пять' - с. new 'девять' - ш. šis, с. šes 'десять'

3.1. Порядковые числительные первого десятка во всех памирских языках вторичные. Для их образования используется суффикс, представляющий собой рефлекс др.-ир. *ama- (ср. др.-инд. aṣṭama-, ав. aṣṭama- 'восьмой'). Но почти во всех памирских языках сохраняются следы древнеиранских порядковых числительных (а также прилагательных, использовавшихся в качестве них). Они следующие:

Др.-ир.	Пам.
*p/farwā-	- язг. far- в farγemč 'первогодняя ко- рова'
*parwuyā-	- язг. perw- в perw-a-saḥn 'первого года'
*dwit(i)ya- или *dwaya- (в компози- тах)	- вах. bet 'еще' Ш.-р., язг. bi-, м. -de-; Ш.-р. vō, X. vōy, ишк. dāv 'снова'
*h/ṣri(ti)ya- или *h/ṣr̥(tī)ya-	- м. hirγ- 'третий'
*t(s)ritya- или *t(s)rita-	- язг. sed- в sedes 'третьего года'
*t(s)ritā-	- р. sad- в sados 'третьего года'
*kt(s)ūrya-, *k(t)ūrya-	- м. čšir, čur- 'четвертый'
*k(w)turya-	- ш. widir, р. γ/wdir 'послепосле- завтра'
*k(w)hurya-	- ишк. ьr- в ьr-sol-devó 'позапрош- лый год'
*kwturtya-	- ш. kuró 'четырёхугольник'
*k(w)ṣ/hwāra- (в компо- зитах)	- р. pur- в pur-nabasa, 'прапрапра- внук'
*ka(w)ašta-	- вах. šad 'шестой'
*hapti- (в компо- зитах)	- язг. (h)evd- 'седьмой'
*hašti- -"	- язг. (h)əšt- 'восьмой'

В мунджанском языке в отличие от других памирских языков имеются особые собирательные числительные. Большинство из них являются вторичными. Но суффиксы, образующие эти собирательные числительные, представляют собой рефлексы древнеиранских собирательных числительных, а именно: др.-ир. *-(a)ya- (ср. др.-инд. dvaṣa- 'двое'), др.-ир. *-na- (ср. др.-инд. dvi-na 'двое') и -ka- (ср. др.-инд. ē-ka- 'один, в одиночку'). Из этих числительных только lu/ṣy- 'двое' и hiray- 'трое' можно считать первообразными, т.е. lu/ṣy < *dwaya- или *duya-, а hiray- < *ṣ/hraγā-. Остальные числительные представляют собой вторичные образования, имеющие, как правило, по два и более различных суффиксов собирательных числительных и плюс

еще именной суффикс мн. числа -i (yukini, luyni, hirayni, č(ʰ)fu/irni, ronʃni, oxānayni, ovdnayni, oḱnāyni, nawnayni).

В некоторых памирских языках в композитах сохранились такие архаичные числительные как: язг. *sem-* в *sem-arn* 'длиной в один локоть' (и.-е. *sem-* 'один'), язг. *ham-* в *am-digar* 'один другого' (и.-е. *sem-*, *sm-* 'один', ав. *ha-* в *haḱḱ-zātāi* 'единоутробному').

Местоимение

4.0. Л и ч н ы е м е с т о и м е н и я. Во всех памирских языках в качестве местоимений 1-го и 2-го лица (местоимениями 3-го лица являются указательные, в язгулямском-с меньшей степенью указательности) выступают рефлекс древнеиранских флективных форм им. и род. падежей. В сарыкольском, мунджанском и ваханском, кроме того, возможно нашли отражение древнеиранские формы 2-го лица дат. падежа (для сарыкольского в ед. числе, а для мунджанского и ваханского - во мн. числе), а в ишкашимском и ваханском - древнеиранские формы 1-го и 2-го лица ед. числа отложительного или винительного падежа. Особенностью всех памирских языков является образование формы 2-го лица мн. числа от местоименного элемента 2-го лица ед. числа.

Как известно, исторические основы косвенных падежей местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа имели элемент *-hm-. Образованные от этих основ древнеиранские падежные формы родительного и, возможно, дательного падежей нашли отражение во всех памирских языках, кроме ваханского. Ваханские местоимения 1-го и 2-го лица мн. числа представляют собой рефлекс древнеиранских форм род. падежа, образованные не от основ с местоименным элементом *-hm-, а от основ с местоименным элементом *-sm- (или *(t)sm-), отразившимся в ваханском в виде *v*. Еще один вариант этого древнеиранского местоименного элемента, характеризовавшего основы косвенных падежей местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа, мы находим в косвенных падежах древнеиранских местоимений 2-го лица мн. числа, где этот элемент имел вид *-kšm- или *-xšm-, что нашло отражение в авестийском *xšm-* в формах *xšmākem* (наряду с *uyšmākem*), *xšmat* (наряду с *uyšmat*) и т.д. Таким образом, ваханские местоимения 1-го и 2-го лица мн. числа с начальным *v-* (а не с *m-*, как в других памирских языках) не являются продолжением каких-то индоиранских местоименных форм, как мы полагали раньше (Пахалина, 1976, с. 79-85), а представляют собой собственно иранские образования.

Различные варианты имеет в памирских языках и местоименный элемент, являющийся рефлексом формы род. падежа мн. числа, ср., например, ишк. *m̄x*, *m̄č-βv*, *m̄š*, ш.-р. *m̄š*, вах. *sak*, т.е. форм 1-го лица мн. числа. В данном случае, по-видимому, следует предположить варьирование этого элемента и в древнеиранском, т.е. *-k-, *-x- (инд.-ир.

*kh) и *-kǎ-.

Итак, в памирских языках нашли отражение следующие древнеиранские формы личных местоимений:

	Др.-ир.	Пам.
		Ед. число
1-е л. им.	*azam	- Ш.вах. (вост.) wuz, вах. (зап.) wəz, м. zə
	*azǎ(m)	- Х.ор.с. waz, р.б. ǎz, язг. az. ишк. az(i)
род.	*mana	- Ш.-р. mu(n), с. мы(n), язг. mo/ûn, м. мьn, ишк. мь(n)
	*manā	- вах. ma-
вин.	*mām+-k/gǎ- или	- ишк. mak, вах. maž
отл.	*māt + - k/gǎ- (?)	
2-е л. им.	*tuwam	- Ш.-р. tū, язг. tow, м. tu/ь, ишк. ть, вах. tū
род.	*tawa	- Ш. tu, с. ты, язг. tu, вах. tow
	*tawā	- р.б.ор. tā, х. taw, с. ta, м. ta, вах. taw, ta-
вин.	*t/ǎwām+-ka- или	
отл.	*t/ǎwāt +/ -ka- (?)	- ишк. fak
дат.	*taβuā (?)	- с. tēw

Мн. число

1-е л. род.	*ahmākam	- ишк. мьс̄- (в мьс̄-ьv)
	*ahmāxam	- язг. м. моx, ишк. мьx
	*ahmā(k)ǎā(m)	- Ш.-р. māǎ, с. маǎ, ишк. мьǎ
	*asmākā(m)	- вах. sak
2-е л. род.	*tahmāxam	- язг. təмоx, ишк. тьмьx
	*tahmā(k)ǎā(m)	- Ш.-р. tamǎǎ
	*tasmākā(m)	- вах. sa-

Кроме этих форм, во всех памирских языках (за исключением шугна-но-руманской группы) имеются особые посессивные местоимения. Большинство из них - вторичные. Эти местоимения следующие: 1) ед. ч. 1 л. язг. ni^т 'мой, моя, мои' (из язг. *mú/oni), вах. ǎe/н (из вах. *maǎe/н); 2 л. язг., ишк. вах. ti 'твой, твоя, твои' < *t(w)aya- (ср. н.-е. mo-i-o- 'мой'; 2) мн. ч. 1 л. вах. e(ə)po 'наш(а), наши' < *asmāka- (ав. ahmāka-), м. amox (из *aǎ/ǎ-mox); 2 л. м. amof 'ваш(а), ваши' (из м. *aǎ/ǎ-mof). Более подробно о происхождении этих форм см. в очерках.

4.1. Э н к л и т и ч е с к и е м е с т в и м е н и я. Эти местоимения представлены только в мунджанском языке. Это сближает его с

западноиранскими языками. Исторические мунджанские энклитические местоимения 1-го и 2-го лица един. числа -əm и -ət связаны с древнеиранскими энклитическими местоимениями 1 л. *mai (ав. mē, mōi) и 2 л. *tai (ав. tē, tōi). Местоимение 3-го лица ед. числа -əš связано с др.-ир. *šai (ав. hē, šē). Соответствующие им формы мн. числа образования прибавлением к местоимению ед. числа суффикса мн. числа -on, т.е. 1 л. -əmon, 3 л. -əšon и т.д.

Мунджанское энклитическое местоимение 2 л. лица мн. числа -əf-on образовано от местоименного элемента ед. числа. В этом состоит особенность мунджанских энклитических местоимений в сравнении с этими местоимениями западноиранских языков. Учитывая общую тенденцию памирских языков образовывать местоимение 2-го лица мн. числа от местоименной основы 2-го лица ед. числа, можно предположить, что элемент -əf является рефлексом древнеиранского энклитического местоимения ед. числа вин. падежа *t/šwā (ав. šwa). На возможность соответствия м. -f- др.-ир. *t/šw- указывает м. š(b)fur 'четыре' < *šat/vwārah (ав. šašwārō).

4.2. Указательные местоимения. В памирских языках нашли отражение почти все древнеиранские флективные формы указательных местоимений от трех основ: *awā-, *aitā-, *imā-.

Др.-ир

Пам.

1. От основ *awā-

Ед. число

Им.-вин.	*awam м.р.	- ш. yu, с. yu, язг. u, вах. uow
	*awat ср.р.	- ишк. uʔ/i
Вин.	*awām ж.р.	- ш.р.б.ор. uš, х. yaw, ишк. aw(i) вах. yaw(-), ya
Род.	*awahya м.р.	- ш.ор.с. wi, б. wī, м. we, язг. wi-
	*awahyāh ж.р.	- м. -wa, ишк. wa
Дат.	*awahmāi ср.р.	- бадж. wim, с. wem, язг. im
Местн.	*awahmi ср.р.	
Отл.	*awahmāt ср.р.	- ш.ор. wam
	*awahmat ср.р.	- рх.б. (w)um
Твор.	*awanā м.р.	- ишк., м. wan
	*awāina или	- м. win
	*awāna ср.р.	
	*awayā ж.р.	- м., рх., язг. way
	*awa м.р.	- м. -w

Мн. число

Им.-вин.	*awāh ж.р. *awā ср.р.	- ишк. aw-, вах. yaw (адъект.)
Род.	*awāhām ж.р. *awaihām м.р.	- ш.-р. wā- (в wād), ор. wa- (в waf), м. wa- (в way, waf), ишк. wa - ш. wē- (в wēv), с. we- (в wef), язг. wi- (в wif)
Твор.	*awāih м.р.	- м. -w
Местн.	*awāhu ж.р.	- р.б. (w)u- (в wuf), с. wo- (в wod)

2. От основн *aitā-

Ед. число

Им.	*aitah м.р.	- ш.-р. yid, язг. d- в du(k), вах. yet
Им.-вин.	*aitat ср.р.	
Вин.	*aitam м.р.	- ишк. (y)id
Им.	*aitā ж.р.	- с. yad, ишк. ad(i)
Вин.	*aitām ж.р.	
Род.	*aitahya м.р. *aitahyāh ж.р.	- ш.ор.с. di, б. dī, м. ye язг. di- - ишк. da, м. -ya
Дат.	*aitahmāi ср.р.	- бадж.б. dim, с. dem, язг. dim
Местн.	*aitahmi ср.р.	
Отл.	*aitahmāt ср.р. *aitahmāt ср.р.	- ш.ор. dam - рх. dum
Твор.	*aitanā м.р. *aitāna ср.р. *aitayā ж.р. *aita м.р.	- м. yan, ишк. dan - м. yin - м. yau, рх., язг. day - м. -y

Мн. число

Им.	*aitāh ж.р.	- ишк. ad- в adōndon
Вин.	*aitans м.р.	- вах. yet (адъект.)
Род.	*aitāhām ж.р. *aitaihām м.р.	- ш.-р. dā- (в dāō), ор. dā- (в dāf), м. ya (в yau, yaf), ишк. da - ш. dē- (в dēv), с. de- (в def), б. di- (в dif)
Твор.	*aitāih м.р.	- м. -y
Местн.	*aitāhu ж.р.	- с. do- (в doō), р. du- (в duf)

3. От основн *imā-

Ед. число

Им.	*imah м.р.	
Им.-вин.	*imat ср.р.	- р.б.ор. yim, вах. yem(-)

Вин.	*imam м.р.	- ишк. (y)im
Им.	*imā ж.р.	- Ш.Х.С. уам, ишк. ам(i)
Вин.	*imām ж.р.	- Ш.ор.с. mi, б. mī, м. me
Род.	*imahuа м.р. *imahuāh ж.р.	- м. -ма, ишк. ма
Дат.	*imahmāi ср.р.	- бадж.б. mim, с. mem
Местн.	*imahmi ср.р.	
Отл.	*imahmāt ср.р. *imahmat ср.р.	- ш.ор. мам - рх. mum
Твор.	*imanā м.р.	- м., ишк. man
	*imēna ср.р.	- м. min
	*imayā ж.р.	- м., рх. may
	*ima м.р.	- м. -m

Мн. число

Им.	*imāh ж.р.	- ишк. ам- в amōndon
Вин.	*imans м.р.	- вах. уеш (адъект.)
Род.	*imāhām ж.р.	- ш.-р. mā- (в māb), ор. ma- (в maf), м. ma- (в may, maf), ишк. ma
	*imaisām м.р.	- ш. mē- (в mēv), б. mi- (в mif), с. me- (в mef)
Твор.	*imāiī м.р.	- м. -m
Местн.	*imāhu ж.р.	- с. mo- (в mod), р. mu- (в muf)

В язгулямском кроме того представлены рефлексы древнеиранских флективных форм от основ *ā-, *-ī: им. ед. м./ср./ж.р. *ayam > язг. āy, *iyam > язг. у- в yu(k); им. мн. *iyai(?) < язг. у- в yu(k)?

4.3. В о п р о с и т е л ь н ы е м е с т о и м е н и я. Во всех языках нашли отражение древнеиранские формы им., вин., род., а в шугнанском и мунджанском, возможно, еще и твор. падежей всех трех родов от одной из основ: *kā- или *-kai-, *ī- или *-ī-. Эти местоимения следующие:

	Др.-ир.	Пам.
Им.	*k/čid/t- ср.р. (ав. čit)	- м. k(ь)d-i 'кто', м. š(ь)t-i, язг. š(ə)t-ā, ишк. st-a 'что'
	*kaуah м.р.	- с. čou, ишк. kūy, вах. kūy, м. keу 'кто'
	*kaуā ж.р.	- ш. čāy 'кто'
Род.	*kaуа м.р.	- язг., вах. ki
	*čihya м.р.	- ш. čī, язг. čī(g')

Кроме того, в памирских языках нашли отражение некоторые вопросительные местоименные прилагательные, ор., например, др.-ир. *katāma-

/i- отразившееся в: ш. čidūm, рх. ор. čidōm, б.с. čidum, язг. kade/im, м. kīuēn, ишк. kōdēm, вах. kūm 'какой, который'. Об остальных вопросительных производных местоимениях см. в очерках по языкам.

4.4. Возвратно-определятельное местоимение. Во всех памирских языках представлены две формы, а в ишкашимском и мунджанском три формы этого местоимения. Прямая форма (а в ваханском — объектно-прямая) во всех языках, кроме шугнанского, отражает древнеиранскую основу *xwatā/ī- или *xwatu- : язг. xūd, ишк. xā(da)k, м. xīu- (в xīuay(i)n) 'сам(а)'. Для вах. xat 'сам(а)' следует предположить вариант *(k)šwatā-. Шугнанская прямая форма этого местоимения xūbāṽ 'сам(а)' продолжает, по-видимому, др.-ир. *xwa-rawā- (ср. и.-е. poti- 'сам', ав. xwāē-pati- 'он сам').

В основе косвенной формы лежит древнеиранский элемент *xwa-, *xwa-, причем ш. ху либо < *xuwam, т.е. вин. ед. м.р., либо < *xūwa, т.е. твор. ед., а язг. хі < *xwahu-а, т.е. род. ед. м.р. или *xwau- (мест. прилагательное). Рефлексами последней формы являются, возможно, и посессивные формы м. хеу, ишк. хі/е и вах. xē/и. В мунджанском и в ишкашимском косвенная форма, употребляющая субстантивно в функции прямого дополнения, является сложной по своему составу: м. хь-sar, ишк. хь(f)-sar. Первый элемент может быть восстановлен в *xwa- или *xwai 'свой, своя', а второй -sar является рефлексом др.-ир. *sarā им.-вин. дв. ж.р. от *sar-, ср. ав. sar- 'тело'. В авестийском засвидетельствовано аналогичное сочетание, но только в качестве второго компонента выступает слово tanu- 'тело', ср. ав. ... haša hawayas tanvo... 'от собственной персоны, от себя'.

Глагол

5.0. Общие замечания. Глагольная система в памирских языках по сравнению с древнеиранской претерпела значительные изменения, что связано с общим для всех иранских языков развитием от флективности к аналитизму. Древнеиранский глагол, как известно, имел три так называемые временные системы: презенс, аорист и перфект. Глагольные формы каждой из них образовывались от специальной для данной системы основы. От каждой из этих основ при помощи особых суффиксов образовывались основы трех наклонений: индикатива, конъюнктива и опатива. От основ наклонений при помощи личных окончаний образовывались личные глагольные формы. В личных окончаниях выражались время, наклонение и залог.

От основ презенса образовывались настоящее время и прошедшее (имперфект). От основ аориста образовывалось лишь одно прошедшее время — аорист. От основ перфекта образовывались два времени: перфект и плюсквамперфект.

От этой древнеиранской глагольной системы в современных памирских языках сохранилась лишь основа презенса, претерпевшая фонетические

изменения. Но изменилась также и грамматическая нагрузка современной основы настоящего времени. Если древнеиранская основа презенса имела определенную модально-видовую характеристику, но была в какой-то степени нейтральной во временном аспекте, поскольку от нее могла образовываться не только форма настоящего времени, но и форма имперфекта с помощью особых личных окончаний, то для современной основы настоящего времени характерна прежде всего ее соотнесенность с настоящим моментом, но зато она нейтральна в модально-видовом аспекте.

Но следует сказать, что модальный аспект древнеиранской основы презенса исчез не бесследно. Следы его сохранились в корневом гласном современной основы наст. времени. Исторический анализ современных основ наст. времени с учетом умлаута дает возможность выявить рефлексы различных типов исторических основ презенса, причем всех трех наклонений. Таким образом, материальный след исторической модальной характеристики сохранился в современных основах наст. времени, а функциональный в полном объеме — нет.

Существовавшие в древнеиранском два ряда личных окончаний утратились. В процессе развития языка выработался один ряд личных окончаний, представляющих собой контаминацию древнеиранских окончаний различных наклонений и залогов. Рефлексы этих окончаний в памирских языках употребляются при образовании формы настоящего-будущего времени. Во всех памирских языках имеются также особые окончания для формы повелительного наклонения (2-в лицо ед. и мн. число), которая образуется от основы наст. времени.

Древнеиранские временные системы аориста и перфекта полностью оказались утраченными. Система прошедших времен в памирских языках является новообразованием. В ее основу легло древнеиранское причастие прош. времени. Современная основа прош. времени представляет собой рефлекс этого причастия прош. времени. Принято считать, что в основу парадигмы прошедших времен в новоиранских языках легло древнеиранское причастие прош. времени на *-tā-. Анализ основ прош. времени памирских языков показал, что в образовании этих основ принимало участие не только древнеиранское причастие на *-tā-, но и древнеиранские причастия прош. времени на: 1) *-tī- // *-tyā- и *-taya- // *-tiya- (ср. др.-перс. *martiya-* 'умерший'); 2) *-ā-tā-, *-ī-tā-, *-ā-tī- или *-ā-tyā- (ср. др.-инд. *pacata-* 'сваренный', *gauritā-* 'переплетенный', ав. *uṣata-* 'пришедший', *friṣita-* 'любимый'); 3) *-nā-, *-nī- (ср. и.-е. *dō-na-* наряду с *dō-ta-* 'данный', др.-инд. *dū-na-* 'сгоревший', ав. *fri-na-* наряду с *fri-ta-* 'любимый'); 4) *-wā-, *-wī- (ср. и.-е. *mṛ-uo-* наряду с *mṛ-to-* 'умерший', *uidheco-* 'отделенный', др.-инд. *pak-va-* 'сваренный'); 5) *-k/gā-, *-k/čī-, *-yā/ī- и *-š/sa/i- (ср. и.-е. *kou-ko-* 'выгнутый', ав. *huška-* 'высохший, сухой', ав. *aša-* 'смолотый', *šaša-* 'умерший'). Рефлексы всех этих древнеиранских причастий прош. времени представлены неравномерно в памирских языках, т.е. одним языкам свойствен один тип причастий, а другие типы

представлены в меньшей степени, в других памирских языках наоборот.

К восстанавливаемым нами причастиям прош. времени на *-wā-, *-wī- близки древнеиранские активные причастия перфекта на *-wah м.р., *-wā- ж.р., ср. др.-инд. vidvās, ав. vid/dvā 'понявший' в отличие от др.-инд. vitta- 'узнанный, понятый'. Не исключено, что древнеиранские причастия на *-t- противопоставлялись причастиям на *-w- как пассивные активным. В процессе развития языка эти причастия контаминировались, в результате чего в современных памирских языках основа прош. времени в ряде случаев оказалась нейтральной в залоговом отношении (ср. ш. būd- < *kr̥ta- и ču- < *kr̥wa- 'сделанный' и 'сделавший'). Вообще следует сказать, что путей, способствовавших этой контаминации, возможно, было несколько. Здесь могла иметь место и материальная близость отдельных морфологических элементов, образовывавших активные и пассивные причастия прош. времени. Основой для контаминации могла послужить материальная близость основ прошедшего времени с активным и пассивным значением и в более позднюю эпоху, т.е. уже после отпадения гласного элемента безударного слога (ср. ш. būd- < *kr̥ta- 'сделанный' и ču- < *kr̥wa- 'сделавший'; язг. k/kég- < *kr̥k/gi- 'сделанный' и ki- в kiyag < *kr̥wī- 'сделавший'). Возможен был также переход от пассивного значения к активному через возвратное значение (Боголюбов, 1982). Кстати говоря, в авестийском засвидетельствованы случаи совмещения пассивного и возвратного значений, ср., например, stāta- 'установленный, установившийся', ŷuāta-, bāta- 'обрадованный и обрадовавшийся'. Наконец, нельзя полностью исключать и изначальную залоговую нейтральность какой-то части древнеиранских глаголов (Барроу, 1976, с. 159; Семерёны, 1980, с. 337). Более подробно все это рассматривается в очерке "Шугнанский язык". Следует также сказать, что современная основа прош. времени в памирских языках, являющаяся рефлексом древнеиранского причастия прош. времени, нейтральна не только в залоговом отношении, но и в модально-видовом. Для выражения этих характеристик памирские языки в процессе своего развития выработали свои средства (присоединение префиксальных или суффиксальных частиц, образование сложных глагольных форм и др.).

Как известно, древнеиранское причастие прош. времени имело род, число, падеж. Из всех памирских языков только языки шугнано-рушанской группы и в несколько меньшей степени мунджанский язык сохранили родовую и числовую оппозицию в части глаголов. Но род и число (а иногда и падеж) любой современной основы прош. времени всех памирских языков без труда может быть восстановлен благодаря умлаутному анализу. Показателем исторического рода и числа в современных основах прош. времени является корневой гласный основы. Глагольно-именной характер современной основы прош. времени проявляется и в особом типе спряжения глагола в прошедших временах. Лицо и число в этих глагольных формах выражается особыми подвижными показателями лица и числа.

Исторически производной от основы прош. времени является краткая причастная форма, которая в настоящее время не воспринимается носителями языков как причастие, и служит своего рода основой для образования формы перфекта, а также в большинстве памирских языков — и формы плюсквамперфекта.

От указанных выше трех глагольных основ образуются все глагольные формы: от основы наст. времени путем присоединения личных окончаний образуется форма настоящего-будущего времени и форма повелительного наклонения, от основы прош. времени при участии подвижных показателей лица и числа образуется форма прош. времени, от основы перфекта также путем сочетания с показателями лица и числа — форма перфекта и сложные глагольные формы (плюсквамперфект, а в некоторых языках также преждепрошедший перфект). В ваханском, ишкашимском и сарыкольском языках имеется, кроме того, глагольная форма прошедшего предположительного времени, которая образуется сочетанием основы перфекта смыслового глагола с вспомогательным глаголом в форме настояще-будущего времени.

Во всех памирских языках, кроме того, сохраняется ряд застывших глагольных форм (о них см. дальше).

Основы

5.17. Основа настоящего времени с синхронной точки зрения не имеет каких-либо специальных показателей. С исторической точки зрения основы наст. времени могут быть разделены на следующие три группы: 1) основы наст. времени, представляющие собой рефлекс исторических основ индикатива; 2) основы наст. времени, представляющие собой рефлекс исторических основ конъюнктива и 3) основы наст. времени — рефлекс исторических основ оптатива. Примеры:

1) рефлекс основ индикатива: ш. $\dot{x}\ddot{o}f\dot{s}$ - < *(k) \dot{s} warpa-, вах. гы- \dot{x} ыр- < *p/fra-(k) \dot{s} wapa- 'спать' (ав. хвар-); м. wof-, вах. нf- 'ткать' < *wafa- (др.-инд. vabh-, ав. ub-); язг. neveš- 'писать' < *ni-piša- (ав. paēs-); ишк. vond-, м. vond- 'связывать' < *banda- (ав. band-);

2) рефлекс основ конъюнктива: ш. wāf-, язг. waf- 'ткать' < *wafā-; вах. vand-, язг. vand- 'связывать' < *bandā-; ишк. kan- м. kan-, ш. śān- 'копать' < *kanā- (ав. kan-); язг. pa \dot{j} / \dot{z} -, ишк. вах. рас- 'печь, варить' < *paśā- (ав. pak-);

3) рефлекс основ оптатива: ш. ni \dot{v} īš-, ишк. n \dot{v} iš-, вах. neviš- 'писать' < *ni-paišai-, *ni-pišai- (ав. paēs-); язг. piš- < *p \dot{r} s(s)-ai-, ш. pē \dot{x} s- < *p \dot{r} (k) \dot{s} sai- 'спрашивать' (ав. peregē-); ш. pi \dot{z} - 'печь, варить' < *paśai- (ав. pak-).

Как можно видеть, один и тот же древнеиранский корень реализовывался в различных типах глагольных основ презенса, что и нашло отражение в памирских основах наст. времени (точнее — в корневом гласном

основы). Причем в очень редких случаях сохраняются рефлексы одного и того же типа исторической основы презенса от одного и того же корня во всех памирских языках. Как правило, тут наблюдаются перекрестные изоглоссы.

5.2. Основа прошедшего времени в памирских языках, как уже выше было отмечено, образовалась на базе древнеиранского причастия прош. времени. У большинства глаголов она по сравнению с основой наст. времени имеет дополнительный согласный -t (обычно после глухого согласного) или -d (обычно после гласного или звонкого согласного). Ряд глаголов в основе прош. времени имеет другой корневой гласный, что, в случае вторичности основы, указывает на то, что данная основа прош. времени образована от другого варианта основы наст. времени, который в настоящее время не функционирует в языке.

Являясь исторически причастием прош. времени, основа прош. времени ряда глаголов в некоторых памирских языках, как уже выше было отмечено, сохраняет родовую и числовую оппозицию. Это имеет место в языках шугнано-рушанской группы (кроме сарыкольского) и в мунджанском языке. Для тех же языков, где не сохранилось родовое и числовое различие в основах прош. времени, исторический род и число этих основ может быть восстановлен благодаря умлаутному анализу.

Большинство основ прош. времени в памирских языках являются вторичными по происхождению, поскольку они продолжают образования не от корня, как это имело место в древнеиранском причастии прош. времени, а от основы наст. времени. Но во всех памирских языках сохраняются также и первичные основы прош. времени.

Выше уже говорилось о том, что сравнительно-исторический анализ памирских основ прош. времени показал, что древнеиранское причастие прош. времени образовывалось не только с помощью суффикса *-tā-, как это до сих пор считалось, но и с помощью других вариантов этого суффикса, в частности, *-tyā- // *-tī-, а также с помощью распространенных вариантов этого суффикса *-taya-, *-tiya-, *-atā-, *-atī- или *-atyā-, *-itā-. Кроме того, в образовании древнеиранских причастий прош. времени, как показал анализ материала памирских языков, принимали участие и другие суффиксы, такие, например, как *nā/ī-, *-wā/ī-, *-kā/ī-, *-cī- (и, возможно, *-g/yā/ī-), *-šā/ī-.

Рефлексы древнеиранского причастия прош. времени с суффиксом *nā/ī-, как и с *-tā/ī-, *-ta/iya-, представлены в основном в ваханском языке. Рефлексы древнеиранского причастия прош. времени с суффиксами *-wā/ī-, *-kā/ī-, *-cī- наряду с *-tā/ī- представлены, главным образом, в языках шугнано-рушанской группы и в мунджанском, в шугнанском - также суффикс *-šā-. В язгулямском и ишкашимском в основном представлены рефлексы древнеиранского причастия прош. времени с суффиксом *-tā/ī-, реже - о *-wā/ī-. В ишкашимском, кроме того, достаточно широко распространены основы прош. времени, являющиеся рефлексами древнеиранских причастий на *-atā/ī-, *-itā- (если эти ишкашимские основы

не считать вторичными). В мунджанском языке, как уже было сказано, очень распространены рефлексы древнеиранского причастия прош. времени с суффиксами *-kã/ĩ-, *-g/yã/ĩ- наряду с *tã/ĩ- и реже - с *-wã/ĩ-. Приводим примеры памирских основ прош. времени, представляющие собой рефлексы различного типа древнеиранских причастий прош. времени:

1) рефлексы древнеиранского причастия прош. времени на *-tã- : ш. ĩxvd- < *kšwarta-, язг. p(ə)-xovd- < *upa-xwarta-, вах. ro-xort- < *pra-kšwarta- 'спать' (ав. xvar-); ш. šuxt-, язг. kuxt-, ишк. kūt- 'смотреть' < *kašta- (и.-е. k^hek-, ав. kas-); язг. kont-, ишк. kúnd-, вах. kot- 'копать' < *ka(n)ta- (ав. kan-); язг. waft- < *waftã-, вах. oft- < *uf/ptã- 'ткать' (др.-инд. vabh-, ав. ub-); ш. vud- м.р., vad- ж.р., язг. vad-, ишк. ybd- 'быть' < *bütã- м./ж. р. (ав. bav-); ш. ybd-, м. убу- < *ustã-, ишк. wud- < *wasta- 'нести' (ав. vad-);

2) рефлексы древнеиранского причастия прош. времени на *-tyã- // *-tĩ- или *-ta/iyã- : ш. wift- < *waftĩ-, ишк. ift- < *uftĩ- 'ткать', (др.-инд. vabh-, ав. ub-); ш. šint-, м. ked- 'копать' < *ka(n)tĩ- (ав. kan-); р. vid-, вах. vit-, м. viy- 'быть' < *bütĩ- (ав. bav-); ш. wi-+-zēnt-, м. vze(n)d-, ишк. p̄-zind- 'знать' < *zantĩ- (ав. zan-; но ср. язг. vəzant- < *zantã-); язг. ōed-, м. ləy- 'давать' < *d/ōatĩ- (ав. dā-; но ср. ш. ōbd-, ишк. dud- < *d/ōata-); язг. west- 'уводить в жены' < *wastĩ- (ав. vad-; но ср. ш. ybd-, м. yoy-, ишк. wud- < *ustã-, *wastã-); вах. kərt(əy)- // kərtĩ- 'делать' < *kṛtaya- // *kṛtiya-;

3) рефлексы древнеиранского причастия прош. времени на *-atã-, *-itã-, *-atĩ- : вах. pəcət- 'варить, печь' < *pačatĩ- (др.-инд. paçata- 'сваренный'); ишк. xondyd- 'смеяться' < *xandata- (ср. вах. kand-, ш. šint-, с. šond- то же); вах. mət- (наряду с oft-) 'ткать' < *wafatĩ- (др.-инд. vabh-); ишк. šidbd- (наряду с šid-, м. xəiy-) 'плакать' < *kšitĩ-, *kšitita/i- (ср. и.-е. gēi- 'кричать');

4) рефлексы древнеиранского причастия прош. времени на *-wã/ĩ- : язг. ruх^o-, ишк. p̄xh- (наряду с p̄xt-) 'печь, варить' < *rakwa- (др.-инд. rakva- 'сваренный'); ш. šu-, р. šu/o-, ишк. kúl- < *kṛwa-, язг. ki- (в kiyag), м. kər-, р. šiw- (в šiwс-) 'делать' < *kṛwĩ- (ав. kar-); м. mər-, р. mīw- (в mīwz-) 'умирать' < *mṛwĩ-, ишк. m̄l- < *mṛwa- (ср. и.-е. mṛ-цo- 'умерший'); вах. za 'дети' (букв. 'рожденные') < *zāwāh им. мн. от *zāwa- (ав. zap- 'рождать', fra-zantay- 'ребенок'). Рефлексы древнеиранского причастия прош. времени на *-wã/ĩ- имеются и в других иранских языках, ср., например, оо. -ffyss- в пу-ffyss-äg 'написавший' < *p̄šwa- (ав. paēs-), -māl в a-māl-äg 'умерший' < *mṛwĩ-, курд. (курдманджи) ar 'мука' (букв. 'смолоное') < *arwã- (и.-е. al- 'молоть', сорани ard 'мука');

5) рефлексы древнеиранского причастия прош. времени на *-nã/ĩ- : вах. dəŋp- 'дойти' < *d/ōŋg/yna- (и.-е. dheugh-, 'дойти', др.-инд.

dógdhi 'доит'), pir-vaŷn- 'просеивать' < *pari-vig/ŷnā- (ав. vaēk-);

6) рефлексы древнеиранского причастия прош. времени на *-kā/ī-, *-čī-, *-g/ŷā/ī-, *-šā/ī-: р.б. čūg- м.р., čōg- ж.р., х. čūg- (в čūgǰ-) < *kr̥-k/ga-, ш. čūŷ- (в čūŷǰ-) < *kr̥-ša-, язг. keg- < *kr̥-k/gī- 'делать' (ав. kar-, основа прош. вр. kereta-, а также ав. kaša- < *kr̥ša-); р. мūg- м.р., mōg- ж.р., х. mūg- (в mūgǰ-) < *mr̥k/ga-, х. mig- (в migǰ- ж.р.), язг. meg- и mig- (в migag) < *mr̥k/gī, ш. mīŷ- (в mīŷǰ- ж.р.) < *mr̥šī- (ав. mar-, основа прош. вр. mereta- и maša- < *mr̥ša-); язг. yūg- < *ark/ga-, ye/ig- (в ye/-igag) < *ark/gī- 'МОЛОТЬ' (и.-е. al- 'МОЛОТЬ', ав. aša- 'СМОЛОТОВ' < *aršā-); м. lišk- 'ВИДЕТЬ' < *diškī- (ср. вах. diš-: dišt- 'ЗНАТЬ'); м. kušk- 'КОЛОТЬ, РЕЗАТЬ (животное)' < *kuškī- (ав. kaoš-); м. xišk- 'ТАЩИТЬ, ТЯНУТЬ' < *xr̥škī-; (ав. karš-); м. g(i)yašk- 'ПЕРЕХОДИТЬ' < *wi-tr̥š-ka- (и.-е. ter-); м. p.(ə)šoy- 'ВАРИТЬ, ПЕЧЬ' < *pa(k)šaka- или *pa(k)šata- (ав. pak-); ВОЗМОЖНО, К ЭТОМУ ЖЕ ТИПУ Ш. mīxš 'МОЧА' < *miz-čī- (ав. mež-); вах. wəsk, м. wšk 'ВЫСОХШИЙ' < *was/ška-(?).

5.3. Помимо основ наст. и прош. времени во всех памирских языках на базе исторического причастия прош. времени (в современных языках - основа прош. времени) с помощью различно вокализованного суффикса -k/g/ŷ- (или его палатализованного варианта, а в мунджанском также -y-) образовалось современное краткое причастие прош. времени, которое в настоящее время уже не воспринимается носителями языков как таковое, а служит своего рода основой для образования формы перфекта, а в большинстве памирских языков - еще и формы плюсквам-перфекта. В качестве примера этой перфектной основы можно привести вах. vəndət-k, ишк. vūst-ūk, м. vost-ey язг. vəst-a(g), ш. vūš-č 'связавший, связанный'. У ряда глаголов при этом возможно изменение корневого гласного. Это свидетельствует о том, что перфективная основа образована от другого варианта основы прош. времени.

У части глагольных основ в языках шугнано-рушанской группы и в мунджанском сохраняется родовая оппозиция, ср., например, ш. nūš-č м.р., nīš-č ж.р.; м. n(i)yostey м.р., n(i)yaštəya ж.р. - 'сөвший, сөвшая'.

Заслуживает внимания наблюдение специалистов по некоторым памирским языкам (язгулямский, ишкашимский, мунджанский) относительно того, что эта причастная форма от переходных глаголов, нейтральна в залоговом отношении. Это, в свою очередь, свидетельствует о залоговой нейтральности и основы прош. времени, от которой образуется перфектная причастная форма. А это может служить лишним аргументом в пользу того, что и древнеиранское причастие прош. времени, рефлексом которого является современная основа прош. времени, также могло быть нейтральным в залоговом отношении. Между прочим, современная вариативность в спряжении переходных глаголов в большинстве памирских языков также может

служить доказательством залоговой недифференцированности исторического причастия прош. времени, на базе которого образовалась современная основа прош. времени, а затем и основа перфекта.

Выражение лица и числа

5.4. Во всех памирских языках лицо и число в глагольных формах выражается по-разному. В глагольных формах, образованных от основы настоящего времени (форма настояще-будущего времени, форма повелительного наклонения), лицо и число выражается личными окончаниями. В глагольных формах, образованных от основы прош. времени (форма прош. времени, перфект, плюсквамперфект, в некоторых языках еще и - преждепрошедший перфект), лицо и число выражается особыми показателями лица и числа энклитического типа, которые во всех памирских языках, кроме мунджанского, являются подвижными (в мунджанском они подвижны только в форме преждепрошедшего времени).

С исторической точки зрения все личные окончания закономерно продолжают известные древнеиранские личные окончания, первичные или вторичные, активного или медиального залога, причем как от тематических основ, так и атематических. В памирских языках нашли отражение следующие древнеиранские личные окончания:

	Др.-ир		Пам.
		Ед. число	
I л.	*-āmi (первичное, акт.)	-	вах. -əm, ишк. -ьm, м. -ə/ьm, ш. -um
	*-āni (конъюнктив, акт.)	-	язг. -in
	*-ānai (конъюнктив, мед.)	-	
2 л.	*-ahi (первичное, акт.)	-	вах. (зап.), ишк., ш. -i, м. -əy
	*-ahai (первичное, мед.)	-	
	*-aha (вторичное, мед.)	-	язг. -əy
	*-āh (вторичное, акт.)	-	вах., сар., ор. ноль звука
3 л.	*-ti (первичное, акт.)	}	вах., м., язг., ш. -t/d
	*-tai (первичное, мед.)		
	*-ta (вторичное, мед.)		
	*-āti (первичное, акт.)	-	ишк., м. -i
	*-āta (первичное, мед.)	-	ишк. -u
	*āt (вторичное, акт.)	-	м. ноль звука

Мн. число

I л.	*-āmni (ср. хорезм. -āmni, х.-сакс. -āmane, согд. -'umn)	-	вах. -ən, язг. -ən
------	--	---	--------------------

	*-āmnā		- ишк. -on, м. -am, ш.р. -ām, б.ор. -an
2 л.	*-ītā (вторичное, акт.)		- вах., язг. -it, ш. -ēt, р.б. -at
	*-ad/twai (ав.-aduye)		- вах. -ev
	*-ad/twām (вторичное, мед.)		- ишк. -ъv, м., р. б. -af
3 л.	*-anti (первичное, акт.)		- вах. -en, ш. -ēn
	*-antai (первичное, мед.)		
	*-antā (вторичное, мед.)		- ишк. -on, м. -at, язг. -an, р.б. -an

Личные окончания формы повелительного наклонения несколько отличаются. В ед. числе во всех памирских языках нашло отражение древнеиранское окончание императива активного залога *-а, давшее ноль звука. В мунджанском, кроме того, нашло отражение древнеиранское окончание императива медиального залога *-hwa, давшее -о. Во мн. числе окончания формы повелительного наклонения во всех памирских языках, кроме мунджанского, совпадают с личными окончаниями формы настояще-будущего времени. В мунджанском они имеют вид -it, -in, что можно было бы восстановить в *-a/itni (ср. древнеиранское окончание 2 л. мн.ч. *-ta + суффиксальный элемент -na, т.е. аналогично окончанию I л. мн.ч. *-m(a)na/i-).

5.5. Как уже было сказано, лицо и число в глагольных формах, образованных от основы прош. времени, выражается подвижными показателями энклитического типа (в мунджанском они подвижны только при форме преждепрошедшего времени). Эти показатели лица и числа с исторической точки зрения представляют собой два ряда омонимичных элементов различных по своему происхождению. В случае их употребления при переходном глаголе, они представляют собой рефлекс древнеиранского глагола *ah-, *h- 'быть' в соответствующей личной форме ед.ч. одного из наклонений (т.е. по типу ср.-перс. raft ham '(я) ушедший есмь'). В случае же их употребления при переходном глаголе, они могут быть истолкованы как рефлекс сочетаний того же глагола *ah-, *h- 'быть' в форме 3 л. ед. ч. одного из наклонений с соответствующим энклитическим местоимением (т.е. по типу др.-перс. maiy kartam astiy 'мною (//мое) сделанное есть', где astiy - 3 л. ед.ч. индикатива, акт. залога от *ah- 'быть'; или ср.-перс. i-m kart 'есть мною(//мое) сделанное', где i- < *ahyāt, т.е. 3 л. ед.ч. оптатива, акт. залога от *ah-; ср. также модель язг. viyortam-x 'найденное мною(//мое) есть' и vutaim '(я) ставший есмь').

Если попытаться восстановить на древнеиранскую почву эти два ряда современных показателей лица и числа, то они могли бы иметь следующий вид:

I. Древнеиранские личные формы глагола *ah-, *h-
 'быть' и их рефлексы - показатели лица
 и числа, употребляющиеся при непереходном
 глаголе

	Др.-ир.	Пам.
		Ед. число
I л.	*ahmi (инд.)	- вах. -əm, ишк. -ьm, м. -am, язг. -əm, ш. -um
2 л.	*ahi (инд.)	- м. -ay
	*hatāh (кон.)	- вах. -ət, ишк. -ьt, язг., ш. -at
3 л.	*hat (кон.) или	
	*hyāt (опт.)	- ноль звука
	*ahyāt (опт.)	- вах., ишк., ш. -i, язг. -ay
	*ahat (кон.)	- м. -a

К этому следует добавить краткие формы связки 3-го лица ед. числа, употребляемые при именном сказуемом: язг. -u/ū < *ahat (конъюнктив) и вах. -it < *asti (индикатив). В остальных лицах краткая форма связки совпадает с показателями лица и числа.

Мн. число

I л.	*ahmā (инд.) или	
	*hamā (кон.)	- ш.р. -ām м. -am
	*hamnā (кон.) или	
	*anhmā (инд. от корня	
	*anh-)	- б.ор.с., язг. -an, ишк. -on
	*hamni (кон.)	- вах. -ən
2 л.	*hyāta или	
	*hita (опт.)	- ш. -ēt
	*had/twam (кон.)	- р.б. -af, м. -af, ишк. -ьv
	*had/twai (кон.)	- язг. -əf, вах. -əv
3 л.	*hanti (инд.)	- ш. -ēn
	*hanta (кон.)	- ишк. -on
	*hantām (имп.)	- р.б. -an, м. -at

Что касается ваханского показателя 3-го лица мн. числа -əv и с. -af, то очень предположительно их можно было бы связать либо с императивной формой *hantu // *hantwa, либо видеть в них элемент, заимствованный из спряжения переходных глаголов.

П. Древнеиранские сочетания глагола *ah-, *h- 'быть' в форме 3 л. ед.ч. одного из наклонений с энклитическим местоимением и их рефлексы - показатели лица и числа, употребляющиеся при переходном глаголе

Др.-ир.

Пам.

Ед. число

1 л.	*ahyāt + mai	- язг. -əm, м. -ə/vm, ишк. -ьm, вах. -əm
	*ahat + mai	- ш.-р. -um, с. -am
2 л.	*ahyāt + tai	- м. -ət, вах. -ət, ишк. -ьt
	*ahat + tai	- ш.-р., язг. -at
3 л.	*ahyāt + hi	- ш.р., ишк., вах. -i, язг. -ay
	*ahat + hi	- м. -a
	*hat + hi	- ноль звука

Мн. число

1 л.	*ahat + ahmā	- ш.р. -ām, м. -am
	*ahat + nāh	- б.с., язг. -an, ишк. -on
	*ahyāt + nāh	- вах. -əh
2 л.	*ahyāt + tai	- ш. -ēt
	*ahyāt + vāh	- ишк. -ьv, вах. -əv, язг. -əf
	*ahat + vāh	- р.б.с., м. -af
3 л.	*ahyāt + anāis̄	- ш. -ēn
	*ahat + anāis̄	- р.б. -an, ишк. -on
	*ahyāt + ab/fis̄ ^I	- вах. -əv, язг. -əf
	*ahat + afis̄	- с. -af
	*ahat + tais̄	- м. -at

В некотором пояснении нуждаются следующие восстанавливаемые формы. В пугнанском показателе 2-го лица мн. числа нами восстанавливается энклитическая местоименная форма 2-го лица ед. числа. Нужно сказать, что памирским языкам вообще свойственно образование формы 2-го лица мн. числа от местоименной основы 2-го лица ед. числа, ср. ишк. ть 'тн' < *tuwam и тьмьх 'вы' < *tu/a-hmāk/xam (по аналогии с *ahmākam 1 л. мн.ч.). В образовании энклитических форм 3-го лица мн. числа участвуют в основном исторические формы твор. падежа указательных местоименных основ *a-, *ana- и *ta- (ср. основу *awa- в др.-перс. awaišām kartam astiy 'их сделанное есть'; ср. также ягн. uxšta-šint-x 'приведенное ими (//их) есть').

^I О соответствии др.-ир. *f инд.-ир. *bh см.: Пахалина, 1983.

5.6. Как уже отмечалось, древнеиранская глагольная система претерпела значительные изменения в ходе своего развития. От древнеиранского состояния памирские языки унаследовали лишь способ образования глагольной формы настоящего времени (точнее - настояще-будущего времени) и в какой-то степени формы повелительного наклонения. Обе эти формы образуются путем сочетания основы наст. времени с личными окончаниями, присущими этим формам. Форма повелительного наклонения имеет только одно грамматическое лицо - второе - и два числа - единственное и множественное. Форма настояще-будущего времени имеет все три лица и два числа (ед. и мн.).

5.7. Но во всех памирских языках сохраняются отдельные застывшие глагольные формы от некоторых древнеиранских глагольных основ. Сюда относится, прежде всего, форма 3-го лица ед. числа со значением 'есть, имеется': ш.-р., язг. *yast*, м., ишк. *ast*, вах. *təy*. в язгулямском, кроме того, сохраняется модальный вариант этого глагола, т.е. *yest* 'пусть (так) будет!'. Сравнительно-исторический анализ этих форм с учетом умлаута позволяет восстановить следующие праформы для них: ш.-р., язг. *yast* < **hastām*, т.е. 3 л. ед.ч. императива мед. залога от перфектной основы глагола **ah-* 'быть' (ср. фонетически ш.-р. *yax* 'сестра' < **hwaḫā* им. ед.ч. от основы **hwaḫar-*, ав. *xvaṇhar-*), ишк., м. *ast* < **astām*, т.е. императив мед. залога от основы **ah-* 'быть'; вах. *təy* < **stəyāt*, т.е. оптатив акт. залога от корневой основы **stā-* 'становиться'; язг. *yest* < **hasti*, т.е. индикатив акт. залога от перфектной основы глагола **ah-* 'быть'. Но вместе с тем нельзя не сказать, что современные формы этого глагола с начальным *y* можно было бы интерпретировать и иначе, а именно: 1/ *yast* < **hiastāt*, т.е. конъюнктив акт. залога от редуцированной основы **hi-stā-* 'стоять, становиться'; 2/ язг. *yest* < **hiyāt*, т.е. оптатив акт. залога от основы **hi-st-* с тем же значением (ав. *stā-*). В этом случае язг. *yest* 'пусть /так/ будет!' сохраняет семантическую преемственность.

Застывшими во всех памирских языках являются также соответствующие отрицательные формы этого глагола: ш.-р. *nist*, язг. *nast*, вах. *nəst*, м. *čəḥ* 'не есть, не имеется'. Ш.-р. *nist* закономерно восстанавливается в **na asti*, а язг. и вах. *nast* - в **na astām*. Что касается м. *čəḥ*, то оно имеет усложненную частицу отрицания и другой вариант основы **ah-* 'быть', т.е. **aḥ-* (и.-е. *es-*, **ek/k-*). Таким образом, м. *čəḥ* может быть восстановлено либо в **naḥa* (ср. и.-е. *ne-k^he* 'не', др.-инд. *naḥa* 'и не') + *aḥti*, т.е. индикатив акт. залога от основы **aḥ-*, либо < **naḥa* + *aḥyāt*, т.е. оптатив акт. залога от той же основы **aḥ-* 'быть'.

Застывшей формой, возможно, является и ш. *mə-k* 'не делай!', которую можно было бы восстановить в **mā kra*, а также ш. *bəst* 'стой!',

которую можно было бы восстановить либо в *ura-histhwa (имп.мед.залог), либо в *ura-histdi (имп., акт. залог), ав. stā- 'стоять'.

Большой интерес представляют собой застывшие глагольные формы, превратившиеся в памирских языках в частицы, соответствующие русской частице бы. Они следующие: ишк. -ьs, вах. -əṣ̣(k), -ṣ̣ə(k), с. -ik, язг. -хо (по-видимому, из -ох). Все они представляют собой рефлексy глагольной формы 3 л. ед. ч. опатива или конъюнктива от различных вариантов глагольной основы со значением 'БЫТЬ', т.е. *ah/x-, *as-, *aks-, *ak- (и.-е. es-, *eks-, *ek(h)- 'БЫТЬ'): ишк. -ьs < *asyāt (опт.) или < *avat (кон.), вах. -əṣ̣(k) < *akṣyāt (опт.), с. -ik < *akyāt, язг. -хо < *axat (кон.). Подтверждением именно такого происхождения этих частиц служит не только русская частица бы (из др.-рус. аориста 2 и 3 л. ед. ч. от 'БЫТЬ', Фасмер, 1964, с. 257), но и курдская частица wê 'бы', которую можно восстановить в *būyāt, т.е. опатив 3 л. ед. ч. от основы bū- 'БЫТЬ' (ав. bav-). Доказательством же того, что наряду с вариантом *ah- 'БЫТЬ' были и другие варианты этой основы, в частности, *ak- может служить ос. äqqād 'будет!' (т.е. 'хватит!'). Ср. также частицу м. va 'бы' и тадж. k-ōv-ki! 'если бы!'

Застывшими глагольными формами являются также частицы ишк. -bi и вах. -pə// -ep, употребляющиеся при глагольной форме настояще-будущего времени и указывающие на возможность или обязательность совершения действия. Они представляют собой рефлексy исторической глагольной формы 3 л. ед. ч. опатива или конъюнктива от основы *bū-, *baw- 'БЫТЬ', т.е. ишк. -bi < *būyāt (опт.) или < *būyat (кон.), а вах. -pə < *b/pūyāt (опт.) или < *b/pūyat (кон.).

Застывшим глагольным сочетанием является и р. bēgān(d), б. bēgā 'может быть', где первая часть bē- является отражением образования от глагола *bū-, *baw- 'БЫТЬ', а вторая часть -gānd может быть восстановлена в *gandāt, т.е. в форму 3 л. ед. ч. конъюнктива от глагола *gand-, и.-е. g^uhedh- 'желать, просить'.

Подобных застывших форм в памирских языках немало. Они несомненно должны быть предметом специального исследования.

5.8. Как выше было сказано, форма настояще-будущего времени образуется сочетанием основы наст. времени с личными окончаниями. Эта форма выражает всякое непротекшее действие. (См. парадигму спряжения глагола со значением 'ткать' в этой форме во всех памирских языках:

Н а с т о я щ е - б у д у щ е е в р е м я

	Ед.ч.	Мн.ч.
I л. ш.	wāfūm	wāfām
язг.	wafum	wafəm
м.	wofəm	wofam

	ИШК.	ifʏm	ifon
	ВАХ.	ɯfɛm	ɯfɛn
2 л. ш.		wāfi	wāfēt
	ЯЗГ.	wafay	wafit
	М.	wofɛy	wofaf
	ИШК.	ifi	ifʏv
	ВАХ.	ɯf(i)	ɯfɛv //ɯfit
3 л. ш.		wāft	wāfēn
	ЯЗГ.	waft	wafan
	М.	woft	wofat
	ИШК.	ifu	ifon
	ВАХ.	ɯft	ɯfɛn

5.9. Форма повелительного наклонения, как уже было отмечено, также образуется от основы наст. времени. В ед. числе форма повелительного наклонения совпадает с основой наст. времени. В мунджанском существует два варианта формы повелительного наклонения в ед. числе: в виде чистой основы и с окончанием -o (о его происхождении см. раздел "Личные окончания"). Во мн. числе окончания формы повелительного наклонения совпадают с окончаниями формы настоящего-будущего времени. Приводим парадигму спряжения того же глагола в этой форме:

П о в е л и т е л ь н о е н а к л о н е н и е

	Ед.ч.	Мн.ч.
2 л. ш.	wāf	wāfēt
	ЯЗГ.	wafit
	М.	wof(o)
	ИШК.	ifʏv
	ВАХ.	ɯf // ɯfif

5.10. В основу парадигм спряжения глагольных форм, образовавшихся от основы прош. времени, легла историческая описательная конструкция с причастием прош. времени, которое при непереходном глаголе имело активное значение, а при переходном - пассивное (возможно также и активное; подробнее об этом см. в очерках по отдельным языкам). Соответственно с этим эта историческая описательная конструкция имела два варианта. При непереходном глаголе причастие прош. времени сочеталось с презентной формой глагола *ah- 'быть', а при переходном - с формой 3 л. ед.ч. глагола *ah- 'быть' в сочетании с энклитическим местоимением. Материальная близость презентных форм глагола-существительного и сочетаний формы 3 л. ед.ч. глагола *ah- с энклитическим местоимением, давших почти одинаковые рефлексy в памирских языках, послужила основой для их смешения, что, в свою очередь, явилось причиной многочисленных, подчас не всегда корректных, толкова-

ний современных глагольных форм, образованных от основы прошедшего времени.

Рефлексы исторических презентных форм глагола-существительного и исторических сочетаний формы 3 л. ед.ч. глагола *ah- 'быть' с энклитическим местоимением, будучи нефлективными по своему происхождению, превратились в современных памирских языках в два ряда омонимичных подвижных показателей лица и числа энклитического типа. Их место во фразе не закреплено, но чаще все же они тяготеют к первой синтагме. В мунджанском языке они подвижны только при форме плюсквамперфекта, а в остальных глагольных формах, образованных от основы прошедшего времени, они по сути дела превратились в личные окончания.

5.II. От основы прош. времени, являющейся исторически причастием прош. времени, путем сочетания ее с показателями лица и числа образуется во всех памирских языках форма прош. времени. В большинстве памирских языков сохраняется внешнее различие в спряжении переходных и непереходных глаголов. Спряжение в этой форме переходных глаголов в некоторых памирских языках (рушанский, язгулямский, ваханский) имеет два варианта: с историческим энклитическим местоимением и без него. В последнем случае роль исторического энклитического местоимения выполняет тоническое личное местоимением в косвенной форме, например: р. mi wēft, язг. mīn waft, вах. maž ǝft(əy) 'я соткал(а)' (исторически - 'мною соткано' или 'мое сотканное'). В бартангском, мунджанском и ваханском при спряжении переходного глагола употребляются как тоническое личное местоимение в косвенной форме, так и энклитическое местоимение. Разница в спряжении формы прош. времени в этих языках состоит в том, что в бартангском и ваханском показатель лица и числа подвижен во фразе, а в мунджанском закреплен за глаголом, например: б. mup-um wēft, вах. maž-əm ǝft(əy), м. mə/ɛn weftə/ɛm 'я соткал(а)' (исторически - 'мною, мое сотканное').

В шугнанском и ишкашимском языках вообще не сохранилось внешних следов в различии спряжения переходных и непереходных глаголов. Имеющиеся в них показатели лица и числа одинаковы для тех и других глаголов. Но сравнительно-исторический анализ этих показателей лица и числа проливает свет на то, что и в этих языках существовало различие в спряжении переходных и непереходных глаголов.

Если бы мы попытались восстановить на историческую почву (примерно конец древнеиранского языкового периода) модель спряжения непереходного глагола в прош. времени, то она имела бы следующий вид: I л. ед. ч. *azam gātah м.р. (*gātam ср.р., *gātā ж.р.) ahmi 'я есмь ушедший'. Причастие прош. времени в этой конструкции выступало в падежной форме и имело род и число. Следы родовой и числовой оппозиции сохранились, как известно, частично в языках шугнано-рушанской группы и в меньшей степени в мунджанском. Рефлексы этой исторической модели имеют следующий вид в памирских языках. Приводим парадигму спря-

жения непереходного глагола со значением 'быть, становиться' в форме прошедшего времени.

П р о ш е д ш е е в р е м я
(непереходный глагол)

	Ед.ч.	Мн.ч.
I л. Ш.	wúz-um vud (M.P.)	māā-ām vud
ЯЗГ.	áz-əm vad	móx-an vad
М.	zə viy-am	mox viy-am
ИШК.	áz-əm vbd	m̄x-on vbd
ВАХ.	wúz-əm vit(əy)	sák-ən vit(əy)
2 л. Ш.	tú-(a)t vud	tamá-(ə)t vud
ЯЗГ.	tów-at vad	temóx-ef vad
М.	tu viy-ay	mof viy-af
ИШК.	t̄-(ь)t vbd	t̄m̄x-əv vbd
ВАХ.	tú-(ə)t vit(əy)	sáyīš(t)-əv vit(əy)
3 л. Ш.	yu vud (M.P.)	wāđ-ēn vad
	yā vad (Ж.P.)	-"-
ЯЗГ.	āy-(ay) vad	íf-an vad
М.	wa viy-a	way viy-a
ИШК.	awí vbd	awónd(on)-on vbd
ВАХ.	yaw vit(əy)	yá(w)īš(t)-əv vit(əy)

Спряжение переходных глаголов в форме прош. времени имеет, как уже было отмечено выше, несколько вариантов: 1) основа прош. времени плюс подвижной показатель лица и числа, являющийся рефлексом исторического сочетания формы 3 л. ед.ч. гл. *ah- 'быть' с энклитическим местоимением (все памирские языки); историческая модель: I л. ед.ч. *wafta- + форма 3 л. ед.ч. наст. вр. гл. *ah- 'быть' в одном из наклонений и плюс *mai 'сотканное есть мною (или мое)' (ср. др.-перс. maiy kartam astiy 'мною (или мое) сделанное есть'; ср.-перс. i-m kart 'есть мною (или мое) сделанное', ягн. viyortam-x 'найденное мною (или мое) есть'); 2) местоименное подлежащее в косвенной форме плюс основа прош. времени (рушанский, язгулямский, ваханский); историческая модель этого варианта может быть восстановлена в следующем виде: I л. ед.ч. *mana wafta- (при этом причастие в одной из флективных форм) + *hat (конъюнктив) или *hyāt (оптатив) глагола *ah- 'быть', давший нулевой рефлекс, 'мною (или мое) сотканное есть'; 3) местоименное подлежащее в косвенной форме плюс показатель лица и числа, являющийся исторически сочетанием формы 3 л. ед.ч. гл. *ah- 'быть' с энклитическим местоимением, плюс основа прош. времени (бартангский, ваханский, частично язгулямский) и с перестановкой последних двух составных частей

(мунджанский); историческая модель: I л. ед.ч. *mana + форма 3 л. ед.ч. наст.вр. гл. *ah- 'быть' в одном из наклонений + mai+ wafta- ; 4) местоименное подлежащее в прямой форме плюс показатель лица и числа, являющийся рефлексом исторического сочетания формы 3 л. ед.ч. гл. *ah- 'быть' с энклитическим местоимением, плюс основа прош. времени (шутнано-рушанская группа, ваханский, ишкашимский); эта модель вторична, она явилась результатом контаминации типов спряжения непереходного и переходного глаголов.

Приведем парадигмы спряжения переходного глагола со значением 'ткать' в форме прош. времени во всех памирских языках:

Прошедшее время
(переходный глагол)

I. Историческая (вероятностная) модель: сочетание формы 3 л. ед.ч. наст. вр. глагола *ah- 'быть' с энклитическим местоимением плюс причастие прош. времени

	Ед.ч.	Мн.ч.
I л. ш.	-um wift	-ām wift
язг.	-em waft	-an waft
м.	weft-ь/em	weft-am
ишк.	-ʔm ift	-on ift
вах.	-em oft(ey)	-en oft(ey)
2 л. ш.	-at wift	-ēt wift
язг.	-at waft	-ef waft
м.	weft-ь/et	weft-af
ишк.	-bt ift	-bv ift
вах.	-ēt oft(ey)	-ev oft(ey)
3 л. ш.	-i wift	-ēn wift
язг.	(-ay) waft	-ef waft
м.	weft-a	weft-at
ишк.	(-i) ift	-on ift
вах.	(-i) oft(ey)	-ev oft(ay)

II. Историческая (вероятностная) модель: местоименное подлежащее в косвенной форме плюс причастие прош. времени плюс форма 3 л. ед.ч. конъюнктива или оптатива от глагола *ah- 'быть'

	Ед.ч.	Мн.ч.
I л. р.	mu wift	mās wift

	ЯЗГ.	mún waft	mox waft
	ВАХ.	maž̄ oft(əy)	sak oft(əy)
2 л.	р.	tā wēft	tamā wēft
	ЯЗГ.	tu waft	təmox waft
	ВАХ.	taw oft(əy)	sav oft(əy)
3 л.	р.	way wēft (м.р.)	uf wēft
		(w)um wēft (ж.р.)	-"-
	ЯЗГ.	way waft (м.р.)	if waft
		im waft (ж.р.)	-"-
	ВАХ.	yaw oft(əy)	yav oft(əy)

III. Историческая (вероятностная) модель: местоименное подлежащее в косвенной форме плюс сочетание формы 3 л. ед. ч. глагола *ah-'быть' с местоименной энклитикой плюс причастие прош. времени

	Ед.ч.	Мн.ч.
I л. б.	mún-um wēft	mās̄-an wēft
ВАХ.	maž̄-əm oft(əy)	sák-ən oft(əy)
М.	mь/ən weft-ь/əm	mox weft-am
2 л. б.	tā-(a)t wēft	tamās̄-af wēft
ВАХ.	tāw-ət oft(əy)	sāv-əv oft(əy)
М.	tu weft-ь/ət	mof weft-af
3 л. б.	wí-yi wēft (м.р.)	úf-af wēft
	úm-i wēft (ж.р.)	-"-
ВАХ.	yáv(-i) oft(əy)	yáv-əv oft(əy)
М.	wan wefta (м.р.)	waf weft-at
	way wefta (ж.р.)	-"-

IV. Вероятностная модель (вторичная): местоименное подлежащее в прямой падежной форме плюс показатель лица и числа плюс причастие прош. времени

	Ед.ч.	Мн.ч.
I л. ш.	wúz-um wíft	mās̄-əm wíft
ИШК.	áz-ьm ift	mьx-on ift
ВАХ.	wúz-əm oft(əy)	sák-ən oft(əy)
2 л. ш.	tú-(a)t wíft	tamá-(ē)t wíft
ИШК.	tь-t ift	tьmьx-ьv ift
ВАХ.	tú-(ə)t oft(əy)	sáyíš̄(t)-əv oft(əy)

3 л. ш. yí-yi wíft (м.р.)	wáð-ēn wíft
yǎ́-yi wíft (ж.р.)	-"
ишк. awí(-i) ift	awónd(əx)-on ift
вах. yáw(-i) oft(ey)	yáwíš(t)-əv oft(ey)

Форма прош. времени служит для выражения прошедшего действия независимо от его длительности и кратности. Различные видовые оттенки передаются с помощью различных аффиксальных элементов.

5.12. От основы прош. времени присоединением суффикса "(гласный) + k/g/y" (< *-ak/ga) или его палатального варианта -č/j // -c/z (< *-ačī-), а в мунджанском - -y-, образуется перфектное причастие, которое в настоящее время не воспринимается носителями языков как таковое, а служит лишь своего рода основой для образования формы перфекта. Очень существенной является отмечаемая исследователями залоговая нейтральность перфектного причастия (Здельман, 1966; Пахалина, 1959). Форма перфекта образуется сочетанием перфектной основы с показателями лица и числа.

Для тех языков, где имеется различие в спряжении переходных и непереходных глаголов, спряжение переходных глаголов в этой форме имеет те же четыре типа, что и спряжение переходных глаголов в форме прош. времени. Приведем в качестве образца одну модель парадигмы спряжения глагола со значением 'ткать' в этой глагольной форме:

П е р ф е к т

Историческая (вероятностная) модель: сочетание формы 3 л. ед.ч. глагола *ah- 'быть' с местоименной энклитикой плюс перфектное причастие (вторичное)

	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. ш.	'um wífč	'əm wífč
язг.	'əm wafta(g)	'an wafta(g)
м.	weftey-ь/əm (м.р.) weftey-ə/ьm (ж.р.)	weftey-am (м.р.) weftey-am (ж.р.)
ишк.	'ьm iftuk	'on iftuk
вах.	'əm ɲfətк	'ən ɲfətк
2 л. ш.	'at wífč	'ət wífč
язг.	'at wafta(g)	'əf wafta(g)
м.	weftey-ь/ət (м.р.) weftey-ь/ət (ж.р.)	weftey-af (м.р.) weftey-af (ж.р.)
ишк.	'ьt iftuk	'əv iftuk
вах.	'ət ɲfətк	'əv ɲfətк

3 л. ш.	‘i wifč	‘ēn wifč
язг.	(‘ay) wafta(g)	‘ēf wafta(g)
м.	weftey (м.р.)	weftey-at (м.р.)
	weftey-a (ж.р.)	weftey-at (ж.р.)
ишк.	(‘i) iftuk	‘on iftuk
вах.	(‘i) ifetk	‘ev ifetk

Форма перфекта обычно употребляется при выражении результата действия, имевшего место в прошлом, при передаче с чужих слов (в сказках, рассказах) и при логическом заключении о действии.

5.13. Во всех памирских языках имеется форма плюсквамперфекта. Она образуется сочетанием перфектного причастия (вторичное) смыслового глагола с вспомогательным глаголом в форме прош. времени. Вспомогательный глагол различается по языкам. В бартангском, язгулямском, ишкашимском и мунджанском используется вспомогательный глагол, продолжающий древнеиранский *baw-: bütā/ī- ‘быть’ (ав. bav-, прич. прош. вр. būta-). В шугнанском, рушанском и сарыкольском используется вспомогательный глагол, продолжающий древнеиранский *ah-, *h-: hatā/ī- ‘быть’ (ав. ah-). Наконец, в ваханском используется вспомогательный глагол, продолжающий др.-ир. *taw-: tūtā/ī-//tūwā/ī- ‘быть состоянии, мочь’ (ав. tav-). В шугнанском, рушанском и сарыкольском рефлекс древнеиранского причастия прош. времени от глагола *ah-, *h-, т.е. ш. -at, р.с. -it; в настоящее время настолько сросся с перфектной основой, что эта форма превратилась из аналитической в синтетическую. В остальных языках форма плюсквамперфекта является аналитической. Правда, в ваханском рефлекс древнеиранского причастия прош. времени от глагола *taw-, т.е. tw // tū, тоже имеет тенденцию к слиянию с перфектной основой. Это выражается в том, что конечный согласный суффикса перфектной основы -k/g при присоединении вспомогательного глагола (точнее - основы прош. времени вспомогательного глагола, так как показатель лица и числа в данном случае отделяется) у большинства глаголов выпадает.

Поскольку спрягаемый вспомогательный глагол в этой форме является непереходным, то спряжение его во всех памирских языках имеет один вариант. Приводим в качестве образца спряжение глагола со значением ‘ткать’ в этой форме:

П л ю с к в а м п е р ф е к т

	Ед.ч.	Мн.ч.
I л. ш.	-um wifčat	-ām wifčat
р.	-um wēfčit	-am wēfčit
б.	-um wēfč vud	-an wēfč vud
язг.	-əm wafta(g) vad	-an wafta(g) vad

	М.	weftey-am viya	weftey-am viya
	ИШК.	-ьм iftuk vьd	-on iftuk vьd
	ВАХ.	-эм ыfet(k) тьw (//tū)	-en ыfet(k) тьw (//tu)
2 л.	Ш.	-at wifcat	-эт wifcat
	Р.	-at wēfcit	-af wēfcit
	Ó.	-at wēfc vud	-af wēfc vud
	ЯЗГ.	-at wafta(g) vad	-ef wafta(g) vad
	М.	weftey-ay viya	weftey-af viya
	ИШК.	-ьт iftuk vьd	-ьv iftuk vьd
	ВАХ.	-эт ыfet(k) тьw (//tū-	-ев ыfet(k) тьw (//tū)
3 л.	Ш.	-i wifcat	-эн wifcat
	Р.	-i wēfcit	-an wēfcit
	Ó.	-i wēfc vud	-an wēfc vud
	ЯЗГ.	(-ay) wafta(g) vad	-an wafta(g) vad
	М.	weftey viya	weftey-at viya
	ИШК.	(-i) iftuk vьd	-on iftuk vьd
	ВАХ.	(-i) ыfet(k) тьw (//tū)	-ев ыfet(k) тьw (//tū-

Эта глагольная форма выражает действие, совершившееся ранее какого-либо другого действия, или давнопрошедшее действие. В условном предложении эта глагольная форма выражает ирреальность условия (кроме мунджанского, где для этой цели используется форма перфекта).

5.14. Сравнительно поздними по образованию являются такие сложные глагольные формы как преждепрошедший перфект (сарыкольский, язгуламский, ваханский, ишкашимский) и прошедшее предположительное время (сарыкольский, ваханский, ишкашимский). Форма преждепрошедшего перфекта образуется сочетанием перфектной основы смыслового глагола с вспомогательным глаголом в форме перфекта. Приводим парадигму спряжения того же глагола в этой форме:

Преждепрошедший перфект

	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л. с.	-am wifc vedj	-an wifc vedj
ЯЗГ.	-эм wafta(g) veda	-an wafta(g) veda
ИШК.	-ьм iftuk vьdúk	-on iftuk vьdúk
ВАХ.	-эм ыfetk тьwetk (// tūtk)	-en ыfetk тьwetk (// tūtk)
2 л. с.	-at wifc vedj	-af wifc vedj
ЯЗГ.	-at wafta(g) veda	-ef wafta(g) veda
ИШК.	-ьт iftuk vьdúk	-ьv iftuk vьdúk

вах. -et wʃetk tʃwɛtk (// tʃtk)	-ev wʃetk tʃwɛtk (// tʃtk)
3 л. с. (-i) wifč vedʃ язг. (-ay) wafta(g) veda ишк. (i) iftuk vɛdʃk вах. (-i) wʃetk tʃwɛtk (// tʃtk)	-af wifč vedʃ -an wafta(g) veda -on iftuk vɛdʃk -ev wʃetk tʃwɛtk (// tʃtk)

Форма прошедшего предположительного времени образуется сочетанием перфектной основы смыслового глагола с вспомогательным глаголом в форме настояще-будущего времени. Парадигма спряжения глагола в этой форме:

П р о ш е д ш е е п р е д п о л о ж и т е л ь н о е
в р е м я

	Ед.ч.	Мн.ч.
I л. с.	wifč vɛwam	wifč vɛwan
ишк.	iftik vʃnɛm	iftuk vʃnon
вах.	wʃetk ɛm(ə)wɛm	wʃetk ɛm(ə)wɛn
2 л. с.	wifč vɛw	wifč vɛwit
ишк.	iftuk vʃni	iftuk vʃnɛv
вах.	wʃetk ɛmɛ	wʃetk ɛm(ə)wɛv
3 л. с.	wifč vid	wifč vɛwin
ишк.	iftuk vʃni	iftuk vʃnon
вах.	wʃetk ɛmɛ(y)t	wʃetk ɛm(ə)wɛn

В этой глагольной форме в ваханском используется другой вспомогательный глагол, а именно ɛmɛ- <*amaɛ- (ср. и.-е. em- 'брать' в рус. иметь).

Неличные формы глагола

5.15. И н ъ и н и т и в. Инфинитив в памирских языках, как и в других современных иранских языках, представляет собой одновременно и отглагольное имя действия. Инфинитив образуется от основы наст. времени прибавлением особого суффикса. В памирских языках эти суффиксы различные, и в каждом из языков их несколько.

Следует сказать, что в большинстве случаев инфинитивы являются вторичными по происхождению. Но в языках сохраняются также и рефлекс-ы древнеиранских инфинитивов, например: ш. čī 'делать' <*kɾai дат. ед. от *kɾ- (ав. kar-), ш. xi 'кушать' <*xwɾai дат. ед. от *xwɾ-

(ав. xvar-), ш. vi- в vidōw 'быть' < *būyai дат. ед. от *bū-(ав. bav-, инф. buye), язг. x°ar- в x°ar-ag 'жаляющий кушать' < *xwarā твор. ед. от *xwar- (ав. xvar-), м. ǝ- в ǝo 'идти' < *ǝuyai дат. ед. от *ǝū- (ав. š(y)av-), ш. kiḫ 'перепаживать, перепаживание' (в сочетании с ššābōw) < *kḫšai дат. ед. от kḫš- (ав. karš-ḏ. Как можно видеть, этого типа инфинитивы в памирских языках не имеют суффиксального элемента. Но в языках сохраняются рефлексы первичных инфинитивов и с различными суффиксами. Прежде чем привести примеры, рассмотрим эти суффиксы.

Все суффиксы, образующие инфинитив в памирских языках, по своей структуре могут быть разделены на простые и сложные. К простым суффиксам относятся: ш., м., -t/d (ср. ш. wift, м. weft 'ткать', ш. vid 'быть', ш. yat 'приходить', ш. lūvd 'говорить'), ш. -iḷ (ср. wāfiḷ 'ткать', lūviḷ 'говорить'), язг. -aḷ (ср. wafaḷ 'ткать', lafaḷ 'говорить'), м. -o(w) (ср. kero 'делать', xuro 'кушать'), ишк. -u/ūk (ср. ifuk 'ткать', vñuk 'быть'), вах. -ak, вост. вах. -uk (ср. wʔak. wʔuk 'ткать'), -n (ср. wfn 'ткать'), -g (ср. wing 'видеть', kung 'копать').

Из всех этих суффиксов только суффикс -t/d известен нам из засвидетельствованных древнеиранских языков. В древнеиранских языках, как известно, широко было представлено имя действия на *-tī м./ж.р., ср. ав. šūiti инфинитив от š(y)av- 'идти, ехать'. Следующие шугнанские инфинитивы могут быть возведены именно к этому типу древнеиранских инфинитивов: vīst 'связывать' < *basti (ав. band-), tīd 'уходить' < *takti (ав. tak-), wift 'ткать' < *wafiti (др.-инд. vabh-, ав. ub-), sit 'идти, становиться' < *sūti (ав. š(y)av-, инф. šūiti). Сюда же будут относиться и также мунджанские инфинитивы как weft-'ткать' < *wafiti.

Но в авестийском засвидетельствован не только инфинитив на -tī, но и инфинитив на -tā ж.р. (ср. parštā 'спрашивать'), а в древнеиндийском на -tu м.р. (ср. kārtum вин. ед. от kar- 'делать'). Рефлексы этих типов инфинитива также представлены в шугнанском, ср. yat 'приходить' < *yatā от *yā- (ав. yā-), lūvd 'говорить' < *l/raptu (др.-инд. lap- 'говорить').

Наиболее распространенными суффиксами инфинитива в памирских языках являются суффиксы, содержащие заднеязычные смычные -k, -g и аффрикаты -č, -z. Эти суффиксы могут быть восстановлены в: вах. -ak, язг. -aḷ < *-ākā ж.р., вах. -uk, ишк. -u/ūk < *-aka м.р., вах. -g < *-kā м./ж.р., ш. -iḷ < *-āčī, *-īčī ж.р., р. -g (в čīg 'делать', mīg 'умирать') < *-kāi, т.е. суффикс инфинитива в дательном падеже ед. числа от инфинитива на *-ka. В известных нам древнеиранских языках инфинитив этого типа как будто бы не засвидетельствован. Но подобного рода инфинитивы были представлены в среднеиранских языках (ср. согд. wʔwš'k 'слышать') и также широко они представлены в ряде современных иранских языков, например: ягн. wvak 'быть', nu-yuntak 'одевать;

орм. par-gūnyek 'покрывать' (ср. вах. ve-ḡinak, язг. nə-γ^oenda] 'покрывать'), пашай karik 'делать', дари rawā] 'хождение' и др. По-видимому, следует сделать вывод о том, что на древнеиранской почве существовал инфинитив на *-(ā)kā, *-ācī.

В ваханском очень продуктивным является инфинитив на -n чередующийся с инфинитивом на -ak, ср. ыfak // ыfn 'ткать'. Суффикс инфинитива -n аналогично суффиксу инфинитива ш. -t/d может быть восстановлен в *-(a)ni м./ж.р. или *-(a)ñ ж.р., *-(a)ni м.р. В отличие от предыдущего этот суффикс имеет соответствие в древнеиндийском и в авестийском, например: др.-инд. kṛnā 'делать', rācana 'варить, варка', āsana 'кушать, кушанье', ав. xvarəna 'кушание', uasna 'моление'. Этот суффикс представлен также в инфинитиве языка кашмири (ср. praḡwn 'ждать', rakhñn 'сверкать'). Из современных иранских языков, в которых представлен этот суффикс, можно указать на ягнобский (ср. ruṣna // ruṣak 'варить, печь'), осетинский (ср. fuvzun 'писать'), курдский (ср. kryn 'делать'), очень редко саркольский (ср. warvyn 'кипеть, кипение') и язгулямский (ср. x^oayn 'молотба, молотить').

Наконец, только в мунджанском имеется инфинитив на -o(w), ср. ker-o(w) 'делать', xur-o(w) 'кушать', wuzno-yo(w) 'мыть(ся)'. Этот суффикс можно восстановить в *-āwa. На древнеиранской почве этот суффикс инфинитива не засвидетельствован, но близкий к этому суффикс зафиксирован в согдийском, ср. суффикс отглагольного имени на -āu (Gershevitch, 1961).

Кроме этих простых суффиксов инфинитива в памирских языках имеются сложные суффиксы (кроме язгулямского и ишкашимского). Они представляют собой либо сочетание суффикса *-t/d- с одним из перечисленных выше суффиксов, либо сочетание суффикса *-k/g- с суффиксом *-wa или *-ak. Примеры: ш. -t/dōw (ср. wiftōw 'ткать', čidōw 'делать'), < *-tāwa (ср. др.-инд. ṭ-tave дат. ед. от ṭ-tava 'ткать'), с. -taw (ср. wiftaw 'ткать') < *-tāwā, -tēw (ср. wiftēw 'ткать') < *-tāwi, вах. -dōw(n) (ср. šidōw(n) 'убивать', red/dōw(n) 'давать') < *-tāwa-(na)-; вах. -t(ə)n, -tan (ср. žitan 'рождать', pit(ə)n 'пить', yit(ə)n 'кушать') < *-tāni, *-tānā; вах. -tak (ср. pitak 'пить', yitak 'кушать'), х. -dak (ср. tiydak 'уходить') < *-tākā; редко вах. -tōr (ср. šitōr 'убивать') < *-tāra (ср. др.-инд. só-tari местн. ед. от só-tara 'вынимание', пуш. -dəl в obdəl 'ткать') < *-tāri, дари -tār в rawēštār 'писание' < *-tārā; м. -k/ko(w) (ср. liškō(w) 'знать') < *-kāwa; р. -gōw (ср. čīgōw 'делать') < *-kāwa, р. -gak (ср. mīgak 'умирать') < *-kāka-.

В известных нам древнеиранских языках из этих суффиксов представлен лишь суффикс *-tanai, ср. др.-перс. čartanaī 'делать'. В современных иранских языках рефлекс этого суффикса имеется в персидском (ср. kārdān 'делать'), семнанском (ср. kārdin 'делать') и некоторых др.

В древнеиранских языках инфинитив, как отглагольное имя, очень часто выступал во флективной форме, ср. ав. *kantē* < **kantayāi* дат. ед. от **kantā* 'копать', *štātē* < *(*k*)*štātayāi* дат. ед. от *(*k*)*štātā* 'стоять', *hēm-parštōiš* < **ham-parštaiš* род. ед. от **ham-paršti* 'просить совета' и др. Поэтому все приведенные выше суффиксы инфинитива с конечным гласным -i могут быть истолкованы и как элементы какой-либо i-умлаутной флективной формы инфинитива, т.е., например, сарматский суффикс -tēw может быть восстановлен не только в *-tāwi (основа или местн. ед.), но и в *-tāwāi дат. ед. от *-tāwa, в *-tāwāiš род. ед. от *-tāwi и т.д. (ср. др.-инд. -tave дат. ед. в *kartave* 'делать'). Все суффиксы инфинитива с конечным гласным -a/u могут быть истолкованы и как элементы какой-либо a/u-умлаутной флективной формы инфинитива, например: ш. -tōw не только < *-tāwa, но и *-tāwam вин. ед. от *-tāwa, *-tāwum вин. ед. от *-tāwu и т.д. Все суффиксы с конечным гласным -ā также могут быть восстановлены либо в основу инфинитива, либо во флективную форму, например, с. -taw либо < *-tāwā, либо *-tāwāt отл. ед. от *-tāwa и т.д.

Инфинитивы с простыми суффиксами также могут быть истолкованы как рефлекс флективной формы, например: ш. *wift*, м. *weft* 'ткать' < **wāftāi* дат. ед. от **wafta* или **wāftaiš* род. ед. от **wafti* и т.д.; ш. *yāt* идти < **yātāt* отл. ед. от **yātā*, ш. *lūvd* говорить < **l/raptum* вин. ед. от **l/raptu* (ср. др.-инд. *kārtum* вин. ед. от *kartu* 'делать') и т.д.

Но в некоторых случаях современная инфинитивная форма может быть истолкована однозначно, т.е. только как рефлекс исторической флективной формы, например, р. *čīg* 'делать' < **kṛkāi* дат. ед. от **kṛka*, ш. *mīg* 'умирать' < **mṛkāi* дат. ед. от **mṛka*, ш. *či* 'делать' < **kṛai* дат. ед. от **kṛ-* (ав. *kar-*), ш. *xi* 'кушать' < **xwṛai* дат. ед. от **xwṛ-* (ав. *xvar-*), язг. *x°ar-* в *x°ar-ag* 'желающий кушать' < **xwarā* твор. ед. от **xwar-* (ав. *xvar-*).

Таким образом, в памирских языках нашли отражение следующие исторические суффиксы инфинитива: *-ti, *-tā, *-tu, *-tāwā, *-tāwī, *-tānā, *-tānī, *-tākā, *-tārā, *-tārī, *-(ā)kā, *-ā/īši, *-kāwā, *-kāwī, *-kākā, *-(ā)nā, *-(ā)nī, *-(ā)wā. В языках несомненно могут быть обнаружены и другие, уже застывшие, инфинитивные формы. Кроме того, как уже было отмечено выше, в памирских языках сохраняются рефлекс древнеиранских инфинитивов, представлявших собой флективную форму (ср. ав. *buve* 'быть', *yūnai* 'убивать').

Почти во всех памирских языках инфинитив может быть составной частью некоторых видов причастий (см. Причастие).

5.16. П р и ч а с т и е. Из причастий наст. времени в памирских языках нашли отражение следующие древнеиранские причастия: I) причастие на *-a- (ср. ав. *bara-* 'несущий') или на *-ant (ср. ав. *rišant-* 'раздавливающий') в язг. *ṽu* 'горячая палочка' < **ṽawa-* или **ṽawant-* (ср. и.-э. *dāu-* 'гореть', ш. *ṽaw-* 'гореть'), язг. *yū* 'хотящий, любя-

ший' < *yawa- или *yawant- (ср. и.-е. gāu- 'радоваться' в тох. В kāw- 'хотеть, желать'); 2) причастие на *-ikā-, *-ākā-, *-ācī- (ср. ав. paśika- 'пекущий, варящий'), например, ш. piṣ-īḥ, р. paṣ-ūc/ḥ м.р., б. paṣ-ōc м.р., р.б. paṣ-ēs ж.р., язг. paṣ-ek 'пекущий, пекарь, варящий, повар'; язг. biraṣ-eḥ и baḥ-eḥ 'роженица, беременная'; 3) причастие на *-ānā-, *-ānī-, ср. ш. wāy-īn м.р., wāy-ān ж.р., р. paṣ-on, м.р., paṣ-ān ж.р., язг. wāy-on, вах. paṣ-on-с 'плакса, плаксивый'.

Кроме этих причастий, образующихся от основы наст. времени, в памирских языках имеются причастия наст. времени, служащие для выражения намерения (ш.-р., язг.), способности что-либо сделать (ш., ишк., вах.) и причастие, выражающее желание (язг.). Эти причастия состоят из инфинитива смыслового глагола и элемента, представляющего собой рефлекс древнеиранского причастия наст. времени на *-ā- или *-ī-.

В причастиях для выражения намерения этим элементом является:

1) ш. -mēḥ в niṣišt-mēḥ, с. -mēuḥ в niṣišt-mēuḥ 'собирающийся писать', где второй элемент может быть восстановлен в *-maika-, *-maicī-, возможно сюда же язг. -mau в k^oēxt(ə)-mau 'скот, предназначенный для убоа', где -mau < *mauā- (и.-е. mei- 'думать, полагать, намереваться'); 2) ш. -min- в tīd-min-ēḥ, р. -man- в tau-man-īḥ 'собирающийся, намеревающийся ехать', где -min- < *meini-, а -man- < *mainā- (и.-е. mei-но- 'думать, полагать, намереваться', нем. meinen); 3) б. -ōḥ м.р. в niṣišt-ōḥ и -ēz ж.р. в niṣišt-ēz 'собирающийся, намеревающийся писать', где -ōḥ < *aka-, а -ēz < *ācī- 'собирающийся, намеревающийся' (и.-е. ok- 'думать' в гот. ahjan 'намереваться'; ср. также ос. -ag в fyssin-ag 'намеревающийся писать'). Возможно, сюда же будут относиться и элементы ш. -ēḥ в tīd-min-ēḥ и р. -īḥ в tau-man-īḥ 'собирающийся ехать, уходить', восходящие в *-ācī-. Если это так, то тогда в этих причастиях помимо инфинитива представлены еще два разных исторических причастия наст. времени со значением 'намеревающийся, собирающийся'. Но не исключено также, что эти элементы, т.е. ш. -īḥ и р. -ēḥ, являются просто современными суффиксами причастия наст. времени, ср. ш. -īḥ в piṣ-īḥ и р. -ūc/ḥ м.р., -ēs ж.р. в paṣ-ūc/ḥ м.р. и в paṣ-ēs ж.р. 'повар'.

В причастиях, служащих для выражения способности что-либо сделать, этим элементом является: вах. -kñz(g) в peca(k)-kñz(g), ишк. -kыз в paśu(k)-kыз, с. -cuz в rex(t)i-cuz 'могущий(-ая) варить, печь, повар', ш. -cōz в wizēn-cōz 'способный к знанию, знающий, знаток'. Вторым элементом в этих причастиях может быть восстановлен в *kāza- (в вах. плюс *-ka-), что представляет собой причастие наст. времени от корня *kāz-, *kāṣ- 'мочь, быть в состоянии' (ср. и.-е. kāk-, *kak-, *kağ(h)- 'мочь, быть способным на что-либо', др.-инд. śāka- 'могущий, способный на что-либо', ав. sačaiti 'знает толк в...'; ср. ос. aqaz //ağaz 'помощь, польза' (ср., однако, Абаев, 1958, с. 54).

В причастиях, служащих для выражения желания, склонности к чему-, либо, вторым элементом является суффикс *-ag. Это причастие отмечено только в язгулямском языке, ср. x^oar-ag 'желающий покушать', где x^oar- инфинитив, восстанавливаемый в виде *xwarā твор. ед. от *xwar- 'кушать' (ав. xvar-), а -ag < *āk/gā- 'желающий, нуждающийся в' (ср. и.-е ā(i)gh- 'хотеть, нуждаться', ав. āzi-ā, н.-перс. āz 'желание, страсть').

В современных памирских языках второй элемент этих причастий уже не осмысливается как причастие наст. времени, он воспринимается как словообразующий суффиксальный элемент. На древнеиранской почве подобного рода причастия, насколько нам известно, не засвидетельствованы. Появление их относится, по-видимому, к более позднему периоду.

В язгулямском языке и в шугнано-рушанской группе языков имеется особая форма для деепричастия наст. времени, ср. язг. zəban-arm, ш. ziban-urm 'подпрыгивая', язг. way-arm 'плача', а в ваханском - деепричастия прош. времени, ср. nawazdōj/g 'не умывшись'.

Из причастий прош. времени в языках представлены: 1) остаточные сохраняющиеся рефлексы древнеиранского причастия прош. времени, в ряде случаев уже лексикализовавшиеся, например: ш. pixt 'размельченные или смолотые туювные ягоды, мука из них', язг. paxt 'раздавленный, сломанный' < *pištā- (и.-е. reis- в др.-инд. pištā- 'молотый', ав. pišant- 'раздавливающий'); язг. pət- в pətk, ишк., вах. pit- в pitk 'сгнивший' < *pūtyā-+-kā (ав. pav-; ср. ш. pōw наряду с pud- 'сгнивший'); ш. no-nivišt 'ненаписанное'; ш. ziyuxč- в ziyuxčak 'высохшие (ветви), сушняк' (из *us-huška-, ав. huška-); ш. žaqč- в žaqčak 'сжатый, сдавленный' (из ир. *gakā-, инд.-ир. *guka-, и.-е. gen- 'сжимать, сдавливать'); из непамирских языков ср. дари par-muč (// paž-morda) 'увядший', где -muč < *mrka- или *mrčī- 'умерший' (ав. mar-); 2) рефлексы вторичного причастия на *-(ā)kā-, -(ā)čī-, служившие в современных памирских языках в основном для образования формы перфекта (отмечены также случаи лексикализации), например, ш. mičč 'моча' < *mišta-ka- или *miš-ka- (ав. mačz-), язг. pax^o-a(g) 'сваренный' < *paxwā-ākā (ав. pak-, прич. прош. вр. др.-инд. pakvā-), ишк. ivduk 'пряжа' (исторически - 'спряденное') < *ub/ftya-+aka-, (ав. ub- в ubdaēna- 'сотканный'); вах. getk 'запертый, закрытый' < *gūtya-+-ka- (ср. вах. gəw- 'закрывать, покрывать'), м. stet-əy м.р. 'подметенный' < *us-tūtya-+-aka- (и.-е. ter- в рус. тереть, ишк. star- ш. zidār- 'подметать'); 3) причастия третьего поколения, образующиеся от предыдущего перфектного причастия суффиксами: ш. -in, р. ó.-In, с. -enj, язг. -in, ишк. -i, вах. -In, -н/əng < *-anyā-, для вах. -ыng < *-ana-+-ka- (ср. ав. zaranyō- в н.-перс. zar-in 'золотой'), например: ш. nivišč-in, с. navišč-enj, язг. nəvəštəg-in ишк. nbvištuk-i, вах. nəvišetk-in, nəvišetk-н/əng 'написанный, запись'.

В мунджанском в отличие от других памирских языков причастие прош. времени третьего поколения образуется с помощью суффикса -а(у) м.р. (ср. *stetəya(γ)* 'подметенный'), -ауа ж.р. (ср. *stetəyaуа* 'подметенная') < **-ākā-*, для жең. рода плюс еще один суффикс **-ākā-*. Этот суффикс причастия прош. времени остаточно сохраняется и в шугнанском, ср. *žaqč-ak* 'сжатый, сдавленный', *ziyuχč-ak* 'высохшие (ветви), сушняк'. Причастия третьего поколения очень широко употребляются в памирских языках. При переходном глаголе они имеют пассивное значение, а при непереходном - активное.

В шугнано-рушанской группе языков и в мунджанском языке сохраняется родовая, - а в шугнано-рушанской языковой группе еще и числовая, - оппозиция в причастии от некоторых глаголов, продолжающего древнеиранское причастие прош. времени, а также, следовательно, и во вторичных причастиях, образованных от него, например: ш. *nüst-* м.р., *nōst-* ж.р., м. *n(i)yost-* м.р., *n(i)yast-* ж.р. - рефлекс древнеиранского причастия прош. времени **ni-šastā-* от **had-* 'сидеть' (ав. *had-*), ш. *nōst-* мн. ч. < **ni-šastāh*; ш. *nūvč* м.р., *nōvč*, *nīsc* ж.р., *nōvč* мн.ч., м. *n(i)yostəу* м.р., *n(i)yástəуа* ж.р. - рефлекс вторичного исторического причастия от того же глагола; ш. *nūvčin* м.р., *nīscin* // *nōvčin* ж.р., *nōvčin* мн.ч., м. *n(i)yostəуа* м.р., *n(i)yastəуауа* ж.р. - причастия прош. времени третьего поколения от того же глагола.

Х

Х

Х

Заканчивая изложение, можно сказать следующее. Сравнительно-исторический анализ морфологии памирских языков показал, что именная и глагольная система всех рассмотренных языков обнаруживает много общего не только с синхронной, но и с диахронной точки зрения. Имена существительные во всех памирских языках в большей или меньшей степени в том или ином виде сохранили следы различных исторических основ, а также следы всех трех исторических родов, двух чисел и почти всех падежей. Наиболее полно сохранилась система указательных местоимений, в несколько меньшей степени - личных.

В глагольной системе сохранились следы почти всех типов исторических основ настоящего времени всех наклонений. В отличие от других

иранских языков в памирских языках наиболее полно сохранились рефлекс различных типов древнеиранского пассивного причастия прошедшего времени, которое, как известно, превратилось в основу прошедшего времени. С другой стороны, материал памирских языков позволил выявить и восстановить ряд таких древнеиранских причастий прошедшего времени, которые или вообще не зафиксированы, или остаточно сохраняются в засвидетельствованных древнеиранских языках. Основы прошедшего времени памирских языков, являясь рефлексам древнеиранских пассивных причастий прошедшего времени, сохранили следы исторического рода и числа.

Общими для всех памирских языков являются способы выражения лица и числа: в глагольных формах, образованных от основы наст. времени, — с помощью личных окончаний, а в глагольных формах, образованных от основы прош. времени, — особыми подвижными показателями лица и числа энклитического типа. Почти все личные окончания представляют собой закономерное отражение древнеиранских личных окончаний — первичных или вторичных, активного или медиального залогов. Что касается подвижных показателей лица и числа, то, как показал их сравнительно-исторический анализ, они представляют собой два ряда омонимичных показателей, имеющих разное происхождение. При непереходном глаголе показатели лица и числа представляют собой рефлекс древнеиранского глагола *ah-, *h- 'быть' в соответствующем лице и числе презенса того или иного склонения. При переходном глаголе показатели лица и числа являются рефлексом исторического сочетания формы 3-го лица ед. числа настоящего времени глагола *ah-, *h- 'быть' в том или ином склонении с соответствующим энклитическим местоимением.

Система личных глагольных форм в целом является новообразованием. Все глагольные формы образуются от двух основ: настоящего времени и прошедшего времени. Исторически производной от основы прошедшего времени является перфектная основа, служащая для образования формы перфекта и некоторых сложных глагольных форм.

Много общего в памирских языках в образовании и функционировании не только личных, но и неличных глагольных форм. В них нашли отражение различные виды древнеиранских инфинитивов. Что касается причастий, то наибольшее развитие в языках получили причастия прошедшего времени (вторичные). В некоторых из памирских языков сохранились также следы исторического причастия настоящего времени. Общими для всех памирских языков являются сложные по своему составу причастия настоящего времени, служащие для выражения намерения, желания и т.п. (также вторичные).

Таковы в общих чертах основные линии морфологического развития памирских языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1. М.-Л., 1958; Т.2. 1973; Т.3. Л., 1979.
- Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка (приложение к Осетинско-русскому словарю). Орджоникидзе, 1962.
- Абаев В.И. О перекрестных изоглоссах. - В кн.: Этимология. М., 1974.
- Барроу Т. Санскрит. М., 1976.
- Бахтибеков Т. Грамматика шугнанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол.наук. М., 1974.
- Боголюбов М.Н. Прошедшее время с морфемой 'z в согдийском языке// Вестн. ЛГУ. История, язык, лит-ра. 1960. № 14, вып. 3.
- Боголюбов М.Н. Местоимения в хорезмийском языке//Краткие сообщения Института народов Азии. М., 1963. Вып. 67: Иранская филология.
- Боголюбов М.Н. Категория безличности и переходность пассивных форм// УШ Всесоюз. науч.конф. "Актуальные проблемы иранской филологии": (Тез.докл.). Душанбе, 1982.
- Вопросы памирской филологии. Вып. 3. Душанбе, 1985.
- Воробьев-Десятовский В.С. Развитие местоимений в индоарийских языках. М.-Л., 1959.
- Гамкрелидзе Т.В. О соотношении смычных и фрикативных в фонологической системе//Конф. по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1972.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т.1,2. Тбилиси, 1984.
- Герценберг Л.Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1972.
- Герценберг Л.Г., Рахимов И. О происхождении показателя атрибутивности в язгулямском языке//Изв. АН Тадж. ССР, Отд.обществ.наук. 1974. Т.4, № 78.
- Грюнберг А.Л. Языки восточного Гиндукуша. Мунджанский язык: Тексты, словарь, грамматический очерк, Л., 1972.
- Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М. Языки восточного Гиндукуша. Ваханский язык. М., 1976.
- Джалалов О.Дж. Множественное число в современном таджикском языке: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 1956.
- Джамshedов П. Вопросы типологии видо-временных систем глагола (на материале таджикского, английского, русского и шугнанского языков): Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 1985.
- Додыхудоев Р.Х. К вопросу об одном суффиксе множественности в некоторых живых восточноиранских языках//Тез. докл. науч. конф., посвященной 98-й годовщине со дня рождения В.И.Ленина. Душанбе, 1968.
- Додыхудоев Р.Х. Памирские языки (к проблеме конвергенции)//Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания (тез.докл.). М., 1970.

- Лодыхудоев Р.Х. Лингвистический анализ микропонимии Памира (на материале шугнано-язгулямской группы). Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 1980.
- Лодыхудоева Л.Р. История основ шугнанского глагола. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
- Зарубин И.И. К характеристике мунджанского языка// "Иран". Л., 1927. Т. I.
- Зарубин И.И. Верхнекское наречие канджутского языка// "Записки коллегии востоковедов", 1927. Т. 2, вып. 2.
- Карамхудоев Н. Бартагский язык. Душанбе, 1973.
- Карамшоев Д. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе, 1963.
- Карамшоев Д. Категория рода в памирских языках. Душанбе, 1978.
- Курбанов Х. Рашорвский язык. Душанбе, 1976.
- Лашкарбеков Б. Ваханский глагол в историческом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.-Д., 1983.
- Лебедев К.А. Внутренняя флексия в современном языке пушту (чередование гласных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук М., 1950.
- Матусевич М.И. Введение в общую фонетику. М., 1959.
- Мирзабдинова С. Шеваи Хуфи забони Рушони. Душанбе, 1983.
- Миршакарова З. Именное словообразование в шугнано-рушанской группе памирских языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1988.
- Молчанова Е.К. Ларский язык. - Основы иранского языкознания. М., 1982.
- Надиров Н.А. Рефлексы индоевропейских смыхных согласных в курдском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
- Оранский И.М. Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.
- Основы иранского языкознания. Восточноиранские языки. М., 1987.
- Пахалина Т.Н. Ишканимский язык. М., 1959.
- Пахалина Т.Н. Сарыкольский язык. М., 1966.
- Пахалина Т.Н. Памирские языки. М., 1969.
- Пахалина Т.Н. Ваханский язык. М., 1975.
- Пахалина Т.Н. Сравнительный обзор памирских языков// "Памир". М., 1975. (Страны и народы Востока: Т. I6).
- Пахалина Т.Н. Об индоарийских элементах в системе личных местоимений восточноиранских языков// Иранское языкознание М., 1976.
- Пахалина Т.Н. О роли умлаута в истории иранских языков// XIУ Intern. Linguistenkongr.: Abstr. Sektionsvorträge und Rundtischgespräche. Berlin, 1987.
- Пирейко Л.А. К истории пассивных форм в иранских языках// Иранское языкознание. М., 1976.
- Рахимов И. Синтаксис простого предложения язгулямского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1986.
- Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- Соколова В.С. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967.
- Соколова В.С. Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской группы. Л., 1973.

- Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. М., 1988.
- Стеблин-Каменский И.М. Историческая классификация ваханских глаголов //Иранское языкознание: Ежегодник, 1980. М., 1981.
- Файзов М. Язык рушанцев Советского Памира. Душанбе, 1966.
- Фрейман А.А. О показателе множественности -t, -išt, -ēv, -iv в северной (скифской) группе иранских языков//Изв. Отд. рус. языка и словесности Российской АН. 1924. Т. 29.
- Эдельман Д.И. Язгулямский язык. М., 1966.
- Эдельман Д.И. К истории язгулямских местоимений//Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания: (Тезисы). М., 1970.
- Эдельман Д.И. К истории язгулямских и шугнано-рушанских указательных местоимений//Иранское языкознание. М., 1976.
- Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.
- Buddruss G. Wakhi Sprichwörter aus Hunza//Studia Grammatica Iranica Festschrift für H.Humbach. München, 1986.
- Gao Erqiang. A Brief Description of Tajik Language//"Zhongguo Yuwen Beijing, 1963 (на кит. яз.).
- Gao Erqiang. The Sketch of Tajik Language//"Minority's Publishing House". Beijing, 1985 (на кит. яз.).
- Gao Erqiang. An Analysis of the Fundamental Sentence Patterns in Tajiki//"Minzu Yuwen". Beijing, 1986 (кит. яз.).
- Gao Erqiang. An Analysis of the Pvedicative Verbs in Tajiki//"The Bulletin of Xinjiang Univevsity". Uzunchi, 1986 (на кит. яз.).
- Gao Erqiang. The Function of Dative Case of Noun in Tajiki//"Minzu Yuwen". Beijing, 1987 (на кит. яз.).
- Gao Erqiang. The Characteristics of the Voices about the Tajik Verb// "Minzu Yuwen". Beijing, 1989 (на кит. яз.).
- Cardona G. The Indo-Iranian construction mana (mama). kṛtam//Language. 1970. Vol. 46.
- Gauthiot R. De la réduction de la flexion nominale en iranien//MSL. 1916. T. 20, fasc. 2.
- Grundriss der iranischen Philologie. Strassburg. I. Abt. 1895-1901; 2. Abt. 1898-1901.
- Humbach H. Two problems of Avesta morphology//MSS. 1977. Vol. 27.
- Kellens J. Le Verbe Avestique. Wiesbaden, 1984.
- Kieffer Ch.M. Einführung in die Wakhi-Sprache. Glossar//Grosser Pamir. Graz, 1978.
- Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1953-1976.
- Morgenstierne G. Indo-Iraninan frontier languages. Oslo, 1938. T. 2.
- Morgenstierne G. Etymological vocabulary of the Shughni Group. Wiesbaden, 1974.
- Nyberg H.S. Amanual of Pahlavi. Part 2: Clossary. Wiesbaden, 1974.

- Pakhalina T.N. On the history of the forms of the demonstrative pronouns in the Pamir languages//Acta Iranica. Ser. 2. 1982. Vol. 8: Monumentum G.Morgenstierne, N 2.
- Pakhalina T.N. Iranian Etymologies//Cahiers Ferdinand de Saussure. 1987. N 4I.
- Payne J.R. The decay of ergativity in Pamir languages//Lingue. 1980. Vol. 5I.
- Pokorny J. Indogermanisches etymogisches Wörterbuch. Bern; Wien, 1959.
- Tedesco P. "a-Stämme in Iranischen"//ZII. 1923. Bd. 2, N. 2.
- Tedesco P. Ostiranische Nominalflexion//ZII. 1926. Bd. 4, N.I.

Принятые сокращения

I. Название языков

ав.	- авестийский
алб.	- албанский
ар.	- арийский
арм.	- армянский
бадж.	- баджувский
б.	- бартангский
бел.	- белуджский
бретон.	- бретонский
вандж.	- ванджский
вах.	- ваханский
гот.	- готский
д.	- дигорский
лард.	- лардский
др.инд.	- древнеиндийский
др.ир.	- древнеиранский
др.перс.	- древнеперсидский
индоар.	- индоарийский
и.е.	- индоевропейский
ирон.	- иронский
ир.	- иранский
инд.ир.	- индоиранский
ишк.	- ишкашимский
й.	- йидга
курд.	- курдский
курм.	- курманджи
лат.	- латинский
лит.	- литовский
лтш.	- латышский
м.	- мунджанский
н.перс.	- новоперсидский
орм.	- ормури
ор.	- орошорский

ср.перс.	- среднеперсидский
тадж.	- таджикский
тал.	- тальшский
хрэм.	- хорезмийский
х.-сакс.	- хотаносакский
х.	- хуфский
ш.	- шугнанский
ш.р.	- шугнано-рушанская
шхд.	- шахдаринский
ягн.	- ягнобский
язг.	- язгулямский

II. Грамматические

акт.	- активный (залог)
вр.	- время
гл/аг/.	- глагол
дат.	- дательный
дв.	- двойственное
зал.	- залог
зват.	- звательный
им.	- именительный
импер.	- императив
инд.	- индикатив
инф.	- инфинитив
кон.	- конъюнктив
косв.	- косвенный
л.	- лицо
мед.	- медиальный (залог)
местн.	- местный
объект.	- объектный
опт.	- оптатив
осн.	- основа

ос.	- осетинский	отл.	- отложительный
пам.	- памирские (языки)	перф.	- перфект
парф.	- парфянский	прич.	- причастие
пуш.	- пушту	прям.	- прямой
р.	- рушанский	р.	- род
сакс.	- сакский	род.	- родительный
санг.	- сангличский	ср.р.	- средний (род)
с.	- сарыкольский	твор.	- творительный
согд.	- согдийский	ч.	- число

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Историческая морфология языков.....	15
Ваханский язык.....	15
Имя существительное.....	15
Имя прилагательное.....	25
Числительное.....	28
Местоимение.....	29
Глагол.....	34
Ишкашимский язык.....	52
Имя существительное.....	52
Имя прилагательное.....	61
Числительное.....	62
Местоимение.....	63
Глагол.....	74
Мунджанский язык.....	91
Имя существительное.....	91
Имя прилагательное.....	100
Числительное.....	102
Местоимение.....	103
Глагол.....	111
Язгулямский язык.....	125
Имя существительное.....	125
Имя прилагательное.....	139
Числительное.....	142
Местоимение.....	145
Глагол.....	150
Шугнанский язык.....	163
Имя существительное.....	163
Имя прилагательное.....	180
Числительное.....	183
Местоимение.....	184
Глагол.....	191
Сравнительно-исторический анализ морфологии памирских языков.....	212
Имя существительное.....	212
Имя прилагательное.....	222
Числительное.....	223
Местоимение.....	226
Глагол.....	231
Литература.....	260
Принятые сокращения.....	263